Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2020

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2020
© Составление: Редколлегия журнала
“Российская археология”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2020

Год научной археологии в России: К 100-летию российской академической археологии: итоги года
От редакции 7

Дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование восточноевропейского дуба (1074–1306 гг.)
Карпухин А.А., Хасанов Б.Ф., Кренке Н.А., Певзнер М.М., Соловьева Л.Н. 9

Закономерности пространственного расположения археологических объектов на территории Томской области
Зольников И.Д., Никулина А.В., Павленок К.К., Выборнов А.В., Постнов А.В., Бычков Д.А., Глушкова Н.В. 22

Ближний и Дальний Восток: общее и особенное двух центров происхождения гончарства
Цетлин Ю.Б., Петрова Н.Ю. 32

Пойма Камы: реконструкция среды обитания древних и средневековых сообществ Среднего Предуралья
Зарецкая Н.Е., Лычагина Е.Л., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С., Чернов А.В. 44

Изменчивость свойств культурного слоя поселения эпохи бронзы Ксизово-1 в лесостепном Подонье
Потапова А.В., Пинской В.Н., Гак Е.И., Каширская Н.Н., Борисов А.В. 60

Хора Боспора в III–II вв. до н.э.
Масленников А.А. 76

Женские погребения Юго-Восточной Прибалтики I–VIII вв.
Хомякова О.А. 90

“Кладоискательство” как фактор разрушения археологических памятников Нового времени (пример Республики Башкортостан)
Тузбеков А.И. 107

Публикации

Серный ключ – памятник абашевской “экспедиции” в горно-лесную зону Среднего Урала
Борзунов В.А., Стефанов В.И., Бельтикова Г.В., Кузьминых С.В. 117

Античная винодельня из раскопок городища Тамань 16
Зиливинская Э.Д., Мальцева Н.С., Петров П.А., Соколов П.М. 132

Калманиеми 1 – погребальный комплекс эпохи викингов в Северном Приладожье
Бельский С.В., Шмелев К.В. 141

Ножи, рукояти, ножны из Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа)
Завьялов В.И. 157

Воскресенская церковь деревяницкого монастыря 1335 г.
Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жервэ А.В. 165

Критика и библиография

Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю / Сост. П.Д. Малыгин; отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2018. 192 с.
Курукин И.В. 181

Хроника

Юбилей российской академической археологии
Вдовиченко М.В. 183

XXI Уральское археологическое совещание. Самара. 8–12 октября 2018 г.
Выборнов А.А., Зубов С.Э., Кочкина А.Ф., Кузьминых С.В., Мышкин В.Н., Сташенков Д.А., Турецкий М.А. 186

Распад империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе
Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. 188

Международная конференция “Attila’s Europe? Structural transformation and strategies of success in the European Hun period” (Будапешт, 2019)
Коробов Д.С., Кульчар В. 192

Владимир Данилович Баран (9.09.1927–5.11.2019)
Гавритухин И.О., Обломский А.М., Родинкова В.Е. 194

CONTENTS

Number 1, 2020

The centenary anniversary of Russian academic archaeology: results of the year
From the Editor 7

Dendrochronological and radiocarbon dating of Eastern European oak (1074–1306)
Karpukhin A.A., Khasanov B.F., Krenke N.A., Pevzner M.M., Solovyeva L.N. 9

Regularities in the spatial location of archaeological objects in Tomsk Region
Zolnikov I.D., Nikulina A.V., Pavlenok K.K., Vybornov A.V., Postnov A.V., Bychkov D.A., Glushkova N.V. 22

The Middle and Far East: general and special of the two centres of pottery emergence
Tsetlin Yu.B., Petrova N.Yu. 32

The Kama flood plain: reconstruction of the natural habitat of ancient and medieval communities in the Middle Cis-Urals
Zaretskaya N.E., Lychagina E.L., Lapteva E.G., Trofimova S.S., Chernov A.V. 44

Variability of the cultural layer properties of the Bronze Age settlement Ksizovo-1 in the forest-steppe Don region
Potapova A.V., Pinskoy V.N., Gak E.I., Kashirskaya N.N., Borisov A.V. 60

The chora of Bosporus in the 3rd–2nd centuries BC
Maslennikov A.A. 76

Female burials of the South-East Baltics of the 1st–8th centuries
Khomyakova O.A. 90

"Treasure-hunting" as a factor of destruction of Modern Age archaeological sites (the case of the Republic of Bashkortostan)
Tuzbekov A.I. 107

Publications

Serny klyuch as a site of Abashevo "expedition" to the mountain forest zone of the Middle Urals
Borzunov V.A., Stefanov V.I., Beltikova G.V., Kuzminykh S.V. 117

Antique winery from the excavations of the fortified settlement Taman 16
Zilivinskaya E.D., Maltseva N.S., Petrov P.A., Sokolov P.M. 132

Kalmaniemi 1 – a burial complex of the viking age in the northern ladoga littoral
Belsky S.V., Shmelev K.V. 141

Knives, grips, sheaths from Pereyaslavl Ryazansky (based on materials of the Zhitny excavation site)
Zavyalov V.I. 157

The Resurrection church of the Derevyanitsky monastery of 1335
Antipov I.V., Bulkin V.A., Zherve A.V. 165

Review of Books

Western European authors of the 15th–17th centuries on Russia: materials for a bibliographic dictionary / Comp. by P.D. Malygin; ed. by P.G. Gaydukov. Moscow: IA RAS, 2018. 192 p.
Kurukin I.V. 181

Chronicle

Anniversary of Russian academic archaeology
Vdovichenko M.V. 183

The XXI Ural Archaeological Meeting. Samara. October 8–12, 2018
Vybornov A.A., Zubov S.E., Kochkina A.F., Kuzminykh S.V., Myshkin V.N., Stashenkov D.A., Turetsky M.A. 186

The collapse of empires and the fate of European archaeology: Reflections over the Goslar Conference
Detlova E.V., Kovalev M.V., Kuzminykh S.V., Nagler A.O. 188

The International conference "Attila's Europe? Structural transformation and strategies of success in the European Hun period" (Budapest, 2019)
Korobov D.S., Kulchar V. 192

Vladimir Danilovich Baran
Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M., Rodinkova V.E. 194

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1.5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, **кегль 14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском (**можно еще и на английском) **языке** (не менее 0.5 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице – **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электроннного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикующиеся в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева[1,*], М.А. Очир-Горяева[2, 3,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия
[3]Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия

[*]E-mail: amvlad11@yandex.ru
[**]E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в,..., включая первое упоминание. Например:

монография: *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: *Коваль В.Ю.* “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: *Решетова И.К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего дате года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iaran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 7–8

ГОД НАУЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ: К 100-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Вслед за 2019 годом ушло столетие научной археологии в России. Оно ознаменовалось настоящим парадом открытий, конференций ретроспективно-историографического характера и рука об руку с ними демонстраций успехов на самом переднем крае прогресса методик. В прошлом остались работа над изданиями и музейными экспозициями, встречи и дискуссии многих сотен коллег. Пришло время подвести итоги работ, сказать несколько слов в заключение этого праздника науки, поблагодарить организаторов за трудную работу, а участников – за активность. Помочь сделать следующий шаг в будущее[1].

Научная академическая археология – дитя века рационализма. Но она родилась в глубинах культурной истории, спуск куда уведет нас по крайней мере в эпоху первых цивилизаций, а возможно, и в более древние времена. Любопытство и суеверие доисторических людей, антикваризм античности, присущая Средневековью тяга к реликвиям, гуманизм Ренессанса послужили питательной средой для зарождения научного знания. Рождение науки о древностях можно отсчитывать с эпохи Геродота или Марциала, с находки трудов Витрувия или с выхода “Roma soterranea”, с начала раскопок Помпеи или исследований Иоахима Винкельмана, с введения в науку системы трех веков или разработки типологического метода. Вариантов бесчисленно много просто потому, что рождение любой науки – длительный эволюционный процесс, с массой заметных и скрытых от поверхностного взгляда поворотных точек, ступеней, остановок, возвращений вспять.

Научная археология развивалась в XVIII и XIX вв., к середине прошлого столетия достигнув зрелости и признания другими науками. При этом остальные, уже архаичные модели интереса и обращения с древностями, не исчезли, они продолжили существование и развиваются сегодня, принимая все новые формы.

В попытках обосноваться в кругу строгих наук археология опиралась на методы истории, представляясь ее частью. А это предполагало возможность открыть в развитии человечества как социального организма закономерности, подобные законам физики или химии. Увы, в эпоху постмодерна тщетность этих попыток если и не считается очевидной, то по крайней мере постулируется многими научными школами, полагающими, что история – знание прошлого, которое не может претендовать на роль модели настоящего и будущего (хотя и способна предупредить о возможных последствиях).

Что только не называется сегодня словом “археология” – и поделом! Она это вполне заслужила. Археология сегодня может похвастаться целым спектром определений, описывающих ее положение в социальной системе (политическая, коммерческая, популярная), ее актуальность и многие другие качества. Более всего повезло в этом смысле методике, свойственному археологам подходу к обработке информации. Сам термин теперь подразумевает тщательность, скрупулезность, системность и предельную рациональность, логичность дедукции. Появились понятие “археологический подход”, такие термины, как “археологический обмер”, и десятки других, к собственно археологии отношения не имеющие.

Научная академическая археология отличается от любых иных конструкций, в которые может входить это понятие, тем, что при всех сложностях ее гносеологии – это область строгого и в методическом отношении очень сложного, многогранного источниковедения. В этом она сохраняет верность своей исходно рационалистической позиции. Конкретные, зачастую мелкие и не выглядящие существенными факты, бесконечная описательность при передаче наблюдений, упорная разработка механизмов их интерпретации – вот опора, на которой она утверждена и развивается.

Главным инструментом построения научной археологии, инструментом формирования нового корпуса фактов (источников) и связанных с ним дискуссий была не лопата (как часто

[1] В номере публикуется подробная хроника событий, связанных со 100-летием Института археологии, подготовленная М.В. Вдовиченко.

думают), а печатный станок, т.е. научная литература, в которой публиковались добытые материалы, их атрибуции, наблюдения над памятниками и вещами, а также следующие из этих наблюдений построения и выводы.

Первые в мире журналы, специально посвященные древностям, восходят к XVIII в. В России в это время появлялись статьи о древностях в общих историко-литературных альманахах, а специальные периодические издания, тесно связанные с ранними археологическими обществами, появляются только в середине XIX в. (с 1847 г. – Записки Императорского Русского археологического общества). Эпоха основания фундаментальных серий по археологии – конец 1850-х – 1860-е годы. С 1865 г. Московское археологическое общество начинает выпускать свои труды (“Древности”), с 1866 г. – Известия Императорской Археологической комиссии – “Материалы по археологии России”, постепенно умножаются записки и известия региональных обществ и государственных институтов – от “Известий русского археологического института в Константинополе” до “Старой Москвы”. Некоторые из них продолжали выходить и в тяжелые годы Гражданской войны. С появлением РАИМК, в 1921 г., выходит первый выпуск ее “Известий”, с трансформацией в ГАИМК появляются “Сообщения”, и, хотя все они существуют недолго, основа для передачи научной традиции сохраняется.

Новая линейка стабильных археологических изданий, существующих до наших дней, закладывается в 1930-х годах. С 1936 г. выходит непериодический альманах “Советская археология”, от которого в 1957 г. отпочкуется периодическое издание, журнал-квартальник с тем же названием (нынешняя “Российская археология”). Еще до войны будут запущены “Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях”, сначала Института истории материальной культуры, а с 1960 г. – Института археологии Академии наук.

На протяжении столетия развития научной археологии в России археологические журналы Академии наук служили основной площадкой для оперативной публикации вновь получаемых полевых фактов, базовых обобщений, горячих дискуссий, информационных обзоров – всего того, на чем стоит фундаментальная наука. Надеемся, что журналы и впредь будут обеспечивать возможность прогресса в археологии.

Редколлегия, редсовет и редакция “Российской археологии”

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 9–21

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ И РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ДУБА (1074–1306 гг.)

© 2020 г. А.А. Карпухин[1,*], Б.Ф. Хасанов[2,], Н.А. Кренке[1,***], М.М. Певзнер[3,****], Л.Н. Соловьева[1,*****]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва, Россия
[3]Геологический институт РАН, Москва, Россия

[*]E-mail: Karpukhin.A@rambler.ru
[**]E-mail: bulatfk@gmail.com
[***]E-mail: nkrenke@mail.ru
[****]E-mail: m_pevzner@mail.ru
[*****]E-mail: lidia77-77@mail.ru

Поступила в редакцию 14.04.2018 г.

В статье рассматриваются результаты дендрохронологического и радиоуглеродного датирования годичных колец дубовых могильных досок и элементов гробов средневекового кладбища г. Вязьма Смоленской обл. Сопоставляются результаты дендрохронологических, калиброванных и моделированных методом сопоставления флуктуаций (*wiggle-matching*) радиоуглеродных датировок. Итог работы – создание первой для археологических памятников европейской части России абсолютно датированной древесно-кольцевой хронологии по дубу общей протяженностью в 233 года (1074–1306). В составе географической сети абсолютно датированных дендрохронологических шкал по дубу, созданных для Европы, древесно-кольцевая хронология Вязьмы является ее самой восточной точкой. Цель статьи – предоставить научному сообществу древесно-кольцевую хронологию по дубу, которая может быть использована в исследованиях по дендроархеологии, дендроклиматологии и дендроэкологии. Полученная хронология демонстрирует устойчивую взаимосвязь с древесно-кольцевыми хронологиями дуба, происходящего из аллювиальных отложений р. Западная Двина и р. Вилия близ г. Смаргонь (Северо-Западная Белоруссия).

Ключевые слова: дендрохронология, древесно-кольцевые хронологии, радиоуглеродное датирование, флуктуации (*wiggle-matching*), деревянные доски надгробий.

DOI: 10.31857/S086960630008250-4

В 2017 г. на Соборном холме г. Вязьма (“Малый город” письменных источников XVII в.) Смоленской обл. проводились археологические раскопки на месте строительства церковного дома. Двумя раскопами вскрыта площадь около 180 м^2. При этом установлено, что в центральной части холма изначально находилось кладбище, к которому примыкала жилая застройка. Всего зафиксировано 39 погребений. Постепенно кладбище росло, оттесняя застройку. Могилы на краю холма врезались в культурный слой мощностью до 0.8 м. Планировка кладбища указывает на то, что могилы были четко обозначены на поверхности, случаи наложения одного погребения на другое не отмечены. Вероятно, территория кладбища подверглась сильному пожару, после чего место надолго превратилось в пустырь. Датирующие находки и серия радиоуглеродных дат органики из культурного слоя, в который были впущены погребения, указывают на то, что его накопление происходило в XIII в. (Кренке и др., 2019).

Все погребения совершены по сходному обряду с использованием дубовых дощатых гробов, скрепленных деревянными поперечными планками. Гробы аналогичной конструкции известны по материалам раскопок кладбищ XII–XIII вв. в Киеве и Минске (Сагайдак, 1991. С. 96–100; Тарасенко, 1957. С. 228–232). Уникальность кладбища Вязьмы заключалась в том, что места погребений были отмечены на дневной поверхности дубовыми гладко выструганными досками-надгробиями без каких-либо надписей (рис. 1).

Поскольку не все доски оказались хорошей сохранности (у некоторых погребений они и

Рис. 1. Вид с юго-запада на раскоп 4 Соборного холма г. Вязьма (2017 г). В центре – кладбище конца XIII–начала XIV в. с намогильными досками. На врезке – дубовые доски-надгробия погребений 23 и 24.

Fig. 1. View of excavation site 4 on the Cathedral Hill of Vyazma (2017) from the south-west. In the centre, there is a cemetery of the late 13th–early 14th century with tomb boards. The inset – oak tomb boards 23 and 24

вовсе не сохранились) для дендрохронологического датирования с торцевых частей могильных досок и крышек гробов было отобрано только 14 поперечных спилов. Определение видовой принадлежности древесины, проведенное в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН путем анализа анатомических признаков ее строения под бинокулярным микроскопом по трем срезам в поперечном, радиальном и тангенциальном направлениях, показало, что все образцы представлены древесиной дуба.

Среди материалов средневековых археологических памятников Восточной Европы, ранее изучавшихся в лаборатории ИА РАН, доля лиственных пород обычно составляла 2–2.5%. До 3% образцов лиственных древесных пород встречалось лишь в памятниках западных регионов, причем здесь среди них преобладал как раз дуб (Черных, 1996. С. 33, 34). Исследования древесины из раскопов Великого Новгорода и Пскова, проведенные в других лабораториях, также демонстрируют невысокие (2 и 5% соответственно) показатели использования древесины лиственных пород, среди которых, как правило, доминирует дуб (Тарабардина, 2009. С. 79; Кулакова, 2009. С. 73). В то же время работы с материалами Новгорода последних лет не подтверждают сделанных ранее наблюдений о встречаемости дуба лишь в ранних слоях X в. Постепенно происходит пополнение коллекции за счет материалов XII–XIV вв., которое, однако, не слишком меняет процентное соотношение использованных древесных пород. В Старой Руссе было зафиксировано использование дуба в строительных горизонтах XI–первой половины XV в. на уровне порядка 7-8% от всей коллекции (Тарабардина, 2011. С. 192). Материалы Коломны и Ярославля демонстрируют несколько более высокую долю дубовой древесины, однако и здесь она не превышает 9% (Черных, Карпухин, 2004. С. 97; Карпухин и др., 2011. С. 92). Отдельные факты применения дуба в строительстве зафиксированы

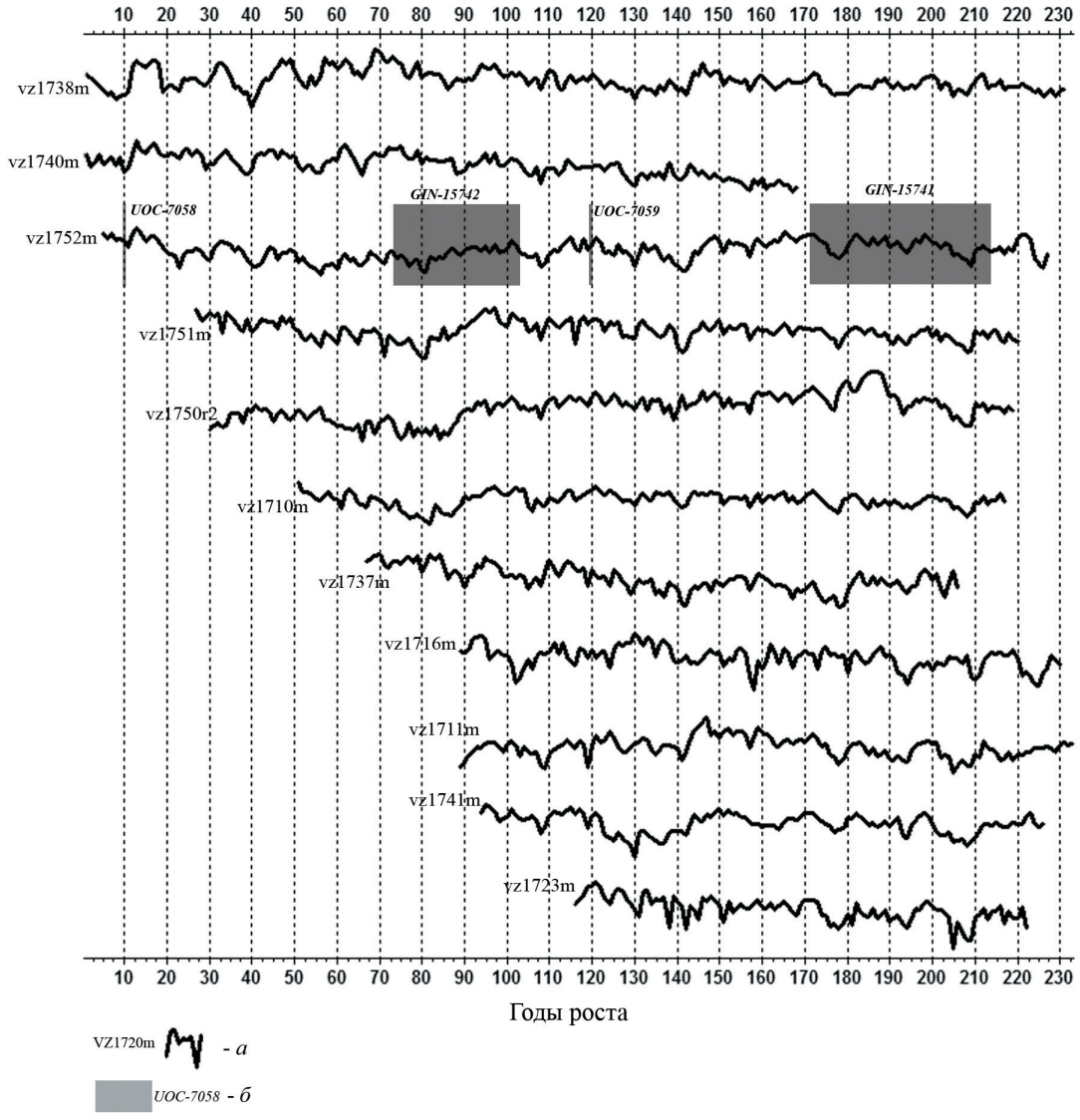

Рис. 2. Относительная древесно-кольцевая хронология образцов дуба погребальных конструкций из Вязьмы с указанием участков отбора проб для радиоуглеродного анализа (шифры образцов и радиоуглеродных дат согласно табл. 1, 2). Условные обозначения: *а* – шифр и график (логарифмическая шкала) погодичного прироста образца древесины; *б* – место отбора пробы для радиоуглеродного анализа с лабораторным кодом полученной даты.

Fig. 2. Relative tree-ring chronology of oak samples of the Vyazma funeral structures indicating locations of sampling for radiocarbon analysis (samples and radiocarbon dates are designated according to Tables 1, 2)

при археологических исследованиях Рюрикова городища (Носов и др., 2017. С. 10, 11). При раскопках в Тайницком саду Московского Кремля выявлено девять построек XV–XVI вв., представлявших собой “впускные”, заглубленные в грунт части конструкций, сооруженные полностью из дуба (Карпухин, Соловьева, 2017. С. 10, 11). Однако в процентном отношении в составе всей собранной дендроколлекции из раскопок в Москве доля дубовой древесины также сравнительно невелика.

Именно редкой встречаемостью дуба в конструкциях археологических памятников средневековой Руси объясняется отсутствие абсолютно датированных дендрохронологических шкал, или же древесно-кольцевых хронологий, по дубу, которые могли бы быть использованы в качестве дендроэталонов для абсолютного дендрохронологического датирования новых образцов дуба.

На общем фоне небольшая серия образцов дуба из Вязьмы выделяется довольно существенным биологическим возрастом древесных

Таблица 1. Образцы древесины дуба, включенные в древесно-кольцевую хронологию

Table 1. Oak wood samples included in the tree-ring chronology

№ п/п	Лабораторный шифр	Погребение №	Деталь	Возраст (лет)	Порядковые № годичных колец в общей относительной хронологии
1	vz1738m	24	Доска-надгробие	231	1-231
2	vz1740m	26	—“—	168	1-168
3	vz1752m	39	—“—	223	5-227
4	vz1751m	36	—“—	194	27-220
5	vz1750r2	35	—“—	190	30-219
6	vz1710m	1	—“—	167	51-217
7	vz1737m	23	Могильная доска	140	67-206
8	vz1716m	11	Крышка гроба	145	73-214
9	vz1711m	3	Доска-надгробие	142	89-233
10	vz1741m	23	Крышка гроба	133	94-226
11	vz1723m	15	Доска-надгробие	107	116-222

стволов – от 107 до 274 лет. Только 1 из 14 образцов имел возраст 70 лет. Измерения ширины годичных колец проводились в лаборатории ИА РАН с помощью бинокулярного микроскопа на полуавтоматической измерительной станции LINTAB^{TM}5 с точностью до 0.01 мм по двум радиусам. Затем для каждого образца при помощи графического модуля программного пакета TSAPWin Scientific Version 0.59 (Rinn, 1996) радиальные измерения синхронизированы между собой и создан усредненный древесно-кольцевой ряд. Полученные средние ряды погодичного прироста использованы для составления относительной древесно-кольцевой хронологии. Перекрестное относительное датирование усредненных рядов проведено при помощи программы COFECHA (Holmes, 1983) с последующей проверкой итогов в пакете TSAPWin Scientific. В результате получена относительная древесно-кольцевая хронология по дубу общей протяженностью в 233 года, включающая в себя усредненные ряды измерений погодичного прироста 11 образцов. С целью определения абсолютного возраста составленной последовательности годичных колец был осуществлен отбор проб для радиоуглеродного датирования (рис. 2; табл. 1).

Из торцевого спила могильной доски погребения 39 путем его распила и шлифовки удалось получить тонкий (5–7 мм) поперечный срез. Затем под бинокулярным микроскопом по годичным кольцам при помощи скальпеля проводился скол древесины в ее продольном направлении. Планировавшийся отбор образцов по одному древесному кольцу с регулярным 10-летним шагом не удалось осуществить в полном объеме из-за наличия блоков очень тонких годичных колец, особенно во внешней части древесного ствола. В результате получено несколько проб, содержащих древесину единичных наиболее широких годичных колец с известными, хотя и не одинаковыми, временными интервалами между ними. Кроме того, после пробоотбора в нашем распоряжении оказались отдельные блоки годичных колец, количество и местоположение которых в древесно-кольцевой последовательности было четко определенным.

Небольшая масса проб, полученных по единичным годичным кольцам, потребовала проведения дорогостоящего AMS-датирования, в связи с чем только два образца, относящиеся к годичным кольцам № 10 и 120 общей древесно-кольцевой хронологии, были переданы в AMS лабораторию Университета Оттавы (Канада). Датирование еще двух блоков, содержащих массивы древесины 73-103 и 172-214 годичных колец (табл. 2), осуществлялось методом сцинтилляционной b-спектрометрии в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН.

Дальнейшая работа с электронной версией относительной древесно-кольцевой хронологии из Вязьмы проводилась в лаборатории исторической экологии Института проблем экологии и эволюции РАН, одним из направления деятельности которой является изучение субфоссильной древесины дуба из аллювиальных отложений речных долин. Относительная

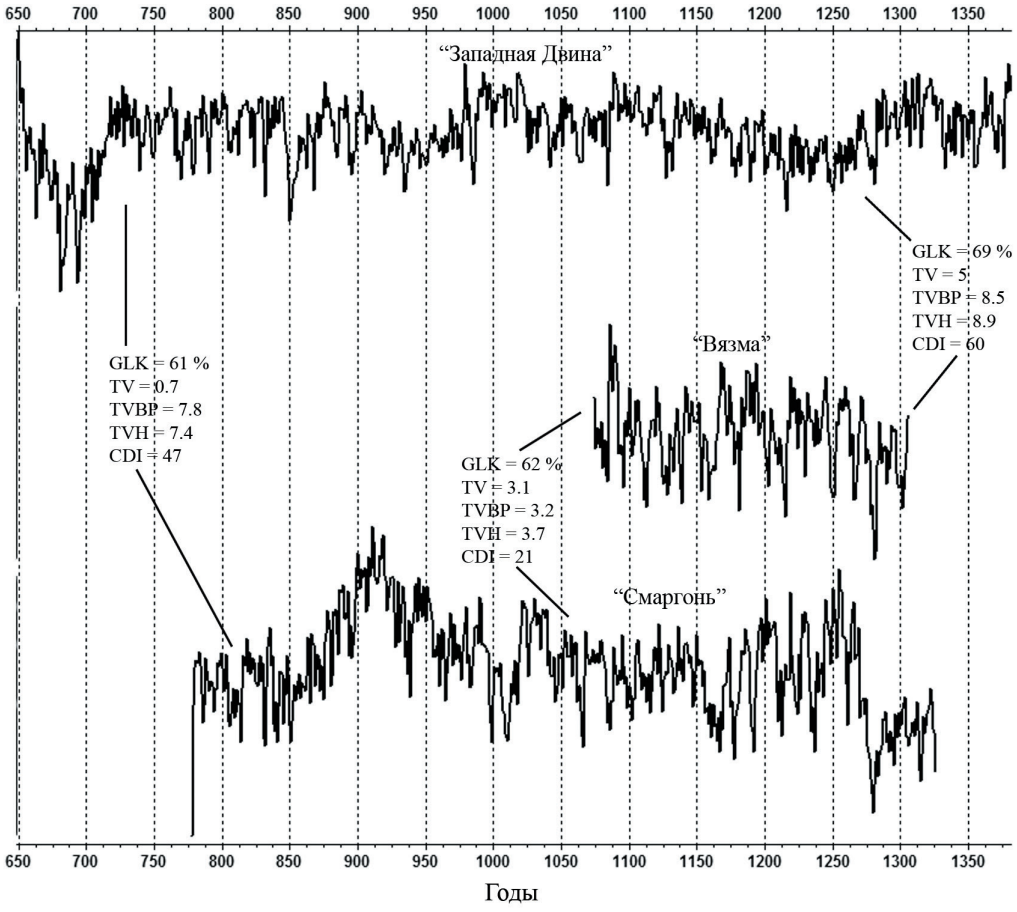

Рис. 3. Результаты абсолютного перекрестного датирования усредненных древесно-кольцевых хронологий по дубу Вязьмы и Западной Двины по древесно-кольцевой хронологии (blr001) ископаемой древесины дуба из Смаргони (логарифмическая шкала). GLK – сумма равных наклонных интервалов (Eckstein, Bauch, 1969); TV – t-критерий Стьюдента; TVBP – t-критерий Бейли–Пильчера (Baillie, Pilcher, 1973); TVH – t-критерий после удаления тренда (Hollstein, 1980); CDI – индекс перекрестного датирования.

Fig. 3. The results of absolute cross-dating of averaged Vyazma and the Western Dvina oak tree-ring chronologies against the tree-ring chronology (blr001) of fossil oak wood from Smargon (logarithmic scale). GLK – the sum of equal inclined intervals (Eckstein, Bauch, 1969); TV – Student's t-test; TVBP – Baillie–Pilcher t-test (Baillie, Pilcher, 1973); TVH – t-test after trend removal (Hollstein, 1980); CDI – cross dating index

датировка вяземских материалов оказалась возможной по "плавающей" древесно-кольцевой хронологии протяженностью в 734 года, включающей в себя измерения годичных колец 51 образца древесины дуба, происходящего из речных отложений р. Западная Двина и ее притока – р. Велеса (примерно 160 км к северо-западу от Вязьмы). При этом наиболее позднее годичное кольцо вяземской хронологии оказалось на 76 лет старше последнего кольца хронологии "Западная Двина". Абсолютное датирование этого блока из двух древесно-кольцевых хронологий непосредственно дендрохронологическим методом оказалось возможным только после появления в открытом доступе (International Tree-Ring Data Bank) данных по измерениям образцов абсолютно датированной древесно-кольцевой хронологии (blr001 – https://www.ncdc.noaa.gov/paleo-search/study/22159) ископаемой древесины дуба р. Вилия близ г. Смаргонь в Северо-Западной Белоруссии, охватывающей интервал 778–1326 гг. (Vitas et al., 2014. Tree chronology № 16).

В результате проведенного перекрестного датирования (рис. 3) относительная древесно-кольцевая хронология погребальных конструкций из Вязьмы получила свои абсолютные календарные привязки – ее крайними точками стали 1074 и 1306 гг.

Таким образом, в нашем распоряжении оказалась абсолютно датированная методом

Таблица 2. Радиоуглеродные даты дубовой могильной доски погребения 39 из Вязьмы

Table 2. Radiocarbon dates of an oak tomb board of burial 39 from Vyazma

Лабораторный код	Конвенционная радиоуглеродная дата (BP)	Порядковый № годичных колец по общей относительной хронологии	Количество годичных колец в образце для радиоуглеродного анализа	Временной интервал до следующего образца, определенный по годичным кольцам (лет)
UOC-7058	945±25	10	1	78±15
GIN-15742	915±30	73-103	31	32±15
UOC-7059	865±25	120	1	73±21
GIN-15741	745±30	172-214	43	–

UOC – AMS лаборатория Университета Оттавы.

GIN – Лаборатория Геологического института РАН.

дендрохронологии древесно-кольцевая последовательность, обеспеченная, кроме того, и серией из четырех радиоуглеродных дат (табл. 2). В связи с этим представилась любопытная в методическом плане возможность как сопоставить результаты этих датировок, так и провести сравнения результатов моделирования радиоуглеродных дат двумя различными способами сопоставления флуктуаций (*wiggle-matching*).

Обычная калибровка полученных радиоуглеродных дат, выполненная с использованием атмосферной калибровочной кривой IntCal13 (Reimer et al., 2013) в программе OxCal v.4.3.2, показала, что три наиболее ранние даты приходятся на участки “плато” калибровочной кривой (рис. 4; табл. 3, 4). При этом отдельные ее пики обуславливают как разбивку некоторых калиброванных дат на несколько хронологических интервалов (для дат UOC-7058 и GIN-15742), так и значительную протяженность интервала (для даты UOK-7059) даже при вероятности в 1σ. Тем не менее результаты калибровки не противоречат относительной хронологической последовательности,

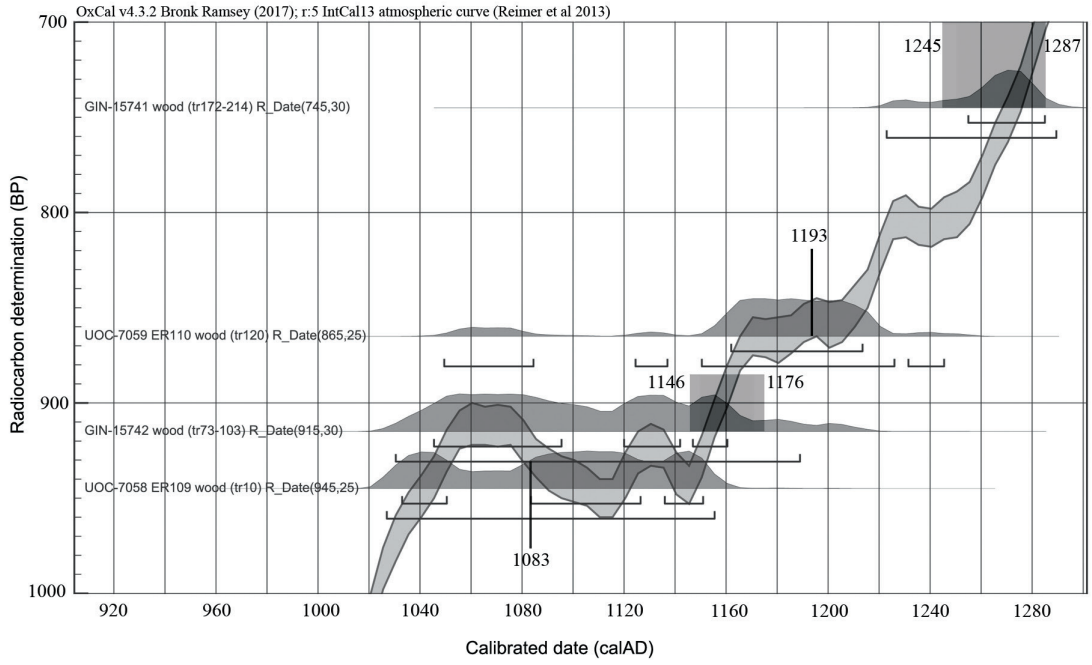

Рис. 4. Соотношение дендрохронологических и калиброванных радиоуглеродных датировок.

Fig. 4. The ratio of dendrochronological and calibrated radiocarbon dating

Таблица 3. Соотношение дендрохронологических и радиоуглеродных (доверительный интервал 68.2%) датировок

Table 3. The ratio of dendrochronological and radiocarbon (confidence interval of 68.2%) dates

Лабораторный код	Количество годичных колец в образце	Конвенционная радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная радиоуглеродная дата (cal AD)		Моделированные радиоуглеродные даты (cal AD)				Дендрохронологическая дата
					D_последовательность		V_последовательность		
			Дата	Вероятность, %	Дата	Вероятность, %	Дата	Вероятность, %	
UOC-7058	1	945±25	1083–1126 1033–1050 1136–1151	39.3 15.5 13.4	1073–1098	91.8	1032–1129	98.3	1083
GIN-15742	31	915±30	1045–1095 1120–1142 1147–1160	40.7 17.1 10.4	1151–1176	81.8	1118–1196	85.5	1146–1176
UOC-7059	1	865±25	1162–1213	68.2	1183–1208	121.3	1159–1217	120.7	1193
GIN-15741	43	745±30	1255–1285	68.2	1256–1281	103.9	1224–1285	95.7	1245–1287
	Моделированная дата последнего (№ 233) годичного кольца древесно-кольцевой хронологии				1296–1321	N=4 Acomb=97.3% (An=35.4%)	1270–1323	Amodel=96.3% Aoverall=98.5%	1306

Таблица 4. Соотношение дендрохронологических и радиоуглеродных (доверительный интервал 95.4%) датировок

Table 4. The ratio of dendrochronological and radiocarbon (confidence interval of 95.4%) dates

Лабораторный код	Количество годичных колец в образце	Конвенционная радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная радиоуглеродная дата (cal AD)		Моделированные радиоуглеродные даты (cal AD)				Дендрохронологическая дата
					D_последовательность		V_последовательность		
			Дата	Вероятность, %	Дата	Вероятность, %	Дата	Вероятность, %	
UOC-7058	1	945±25	1027–1155	95.4	1047–1102	91.8	1032–1129	98.3	1083
GIN-15742	31	915±30	1030–1189	95.4	1125–1180	81.8	1118–1196	85.5	1146–1176
UOC-7059	1	865±25	1150–1226 1049–1084 1124–1137	82.4 9.4 1.7	1157–1212	121.3	1159–1217	120.7	1193
GIN-15741	43	745±30	1223–1289	95.4	1230–1285	103.9	1224–1285	95.7	1245–1287
	Моделированная дата последнего (№ 233) годичного кольца древесно-кольцевой хронологии				1270–1325	N=4 Acomb=97.3% (An=35.4%)	1270–1323	Amodel=96.3% Aoverall=98.5%	1306

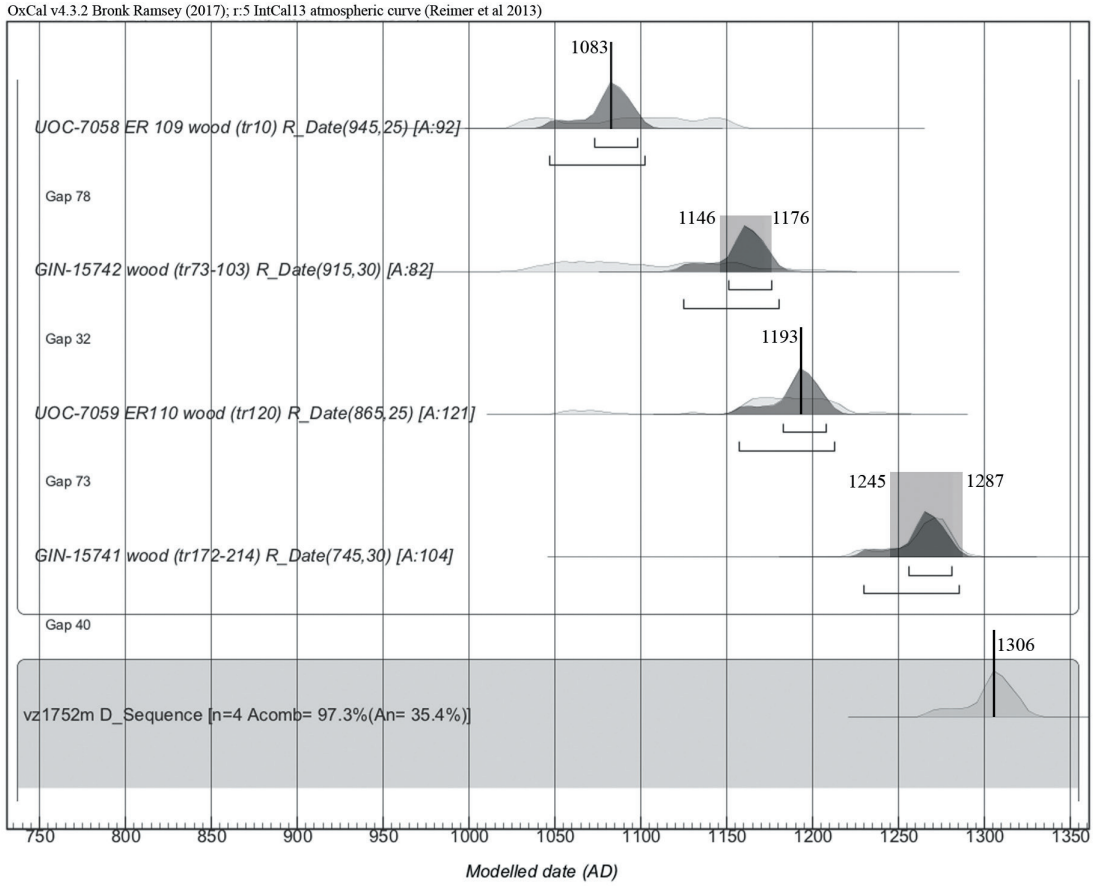

Рис. 5. Соотношение дендрохронологических и моделированных (D_Sequence) радиоуглеродных датировок.
Fig. 5. The ratio of dendrochronological and simulated (D_Sequence) radiocarbon dating

полученной по порядковым номерам годичных колец, и все дендрохронологические даты укладываются в интервалы калиброванных дат.

При попытке моделирования дат методом сопоставления флуктуаций (*wiggle-matching*) мы столкнулись с проблемой разнородности проб, по которым были получены радиоуглеродные даты. Поскольку две пробы, датированные методом сцинтилляционной b-спектрометрии, содержали в себе одна 31, другая 43 годичных кольца, возникла трудность с выбором наиболее корректной модели описания хронологических разрывов между элементами последовательности (датами).

При моделировании радиоуглеродных датировок, полученных по древесным кольцам, как правило, используется способ, реализованный в программе OxCal v.4.3.2 как функция “D_последовательность” (D_Sequence). Эта функция позволяет задать четкий хронологический интервал между пробами, известный по количеству годичных колец, и является одним из частных случаев метода сопоставления флуктуаций (Bronk Ramsey et al., 2001). На практике отбор проб для радиоуглеродного анализа осуществляется или последовательными блоками по 5, 10, 20 годичных колец (см., например: Lange et al., 2001; Slusarenko et al., 2001; Vasiliev et al., 2001; Kuzmin et al., 2004; Meadows, Zunde, 2014; Panyushkina et al., 2016), или по одному годичному кольцу (Tyers et al., 2009).

При построении модели с использованием функции “D_последовательность” (D_Sequence) по блокам из нескольких годичных колец предполагается, что смоделированная радиоуглеродная дата относится к середине (центральному годичному кольцу) каждого такого блока. Однако вполне вероятно, что каждое отдельное древесное кольцо блока может внести разное количество углерода, зависящее

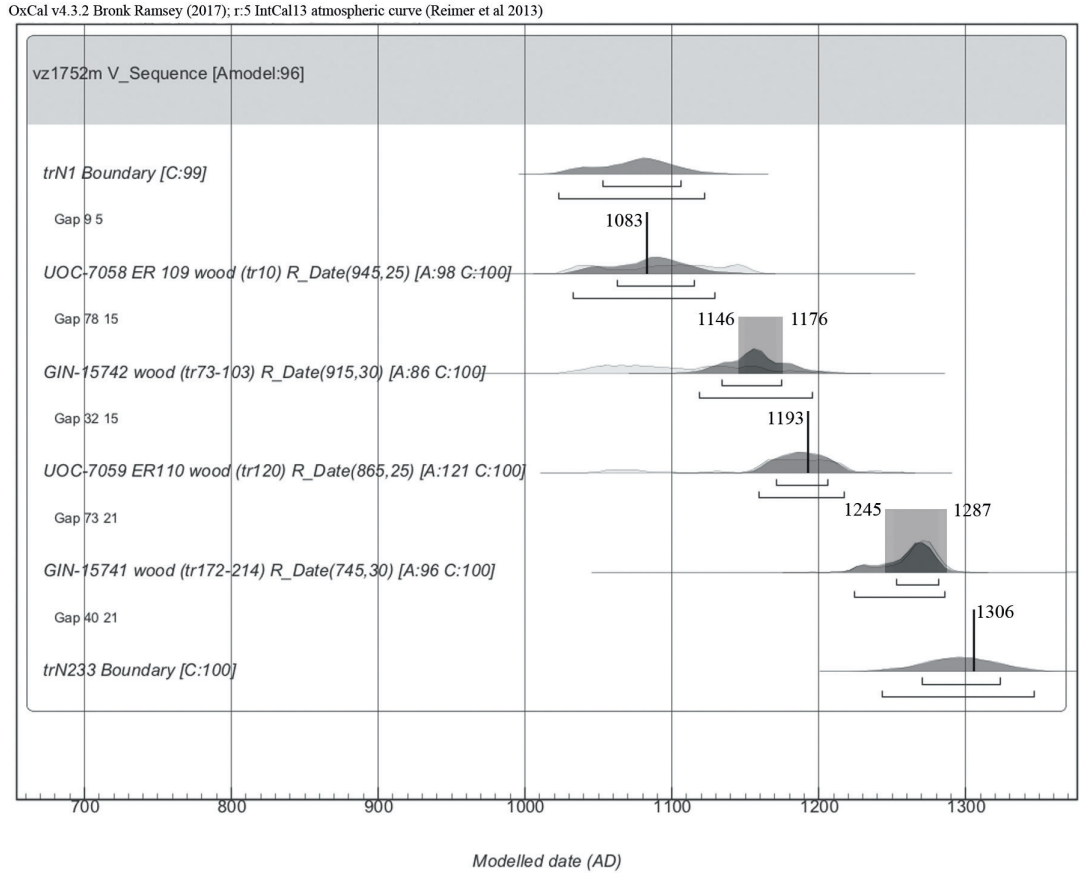

Рис. 6. Соотношение дендрохронологических и моделированных (V_Sequence) радиоуглеродных датировок.
Fig. 6. The ratio of dendrochronological and simulated (V_Sequence) radiocarbon dating

от массы (толщины кольца), поэтому смоделированная дата может оказаться не совсем эквивалентной центру блока. В нашем случае ситуация несколько осложнялась как разнородностью радиоуглеродных проб, поскольку две из них были отобраны с единичных годичных колец, а две представляли собой 31- и 43-летние блоки колец, так и неравномерностью хронологических интервалов между ними. Тем не менее результаты моделирования самих радиоуглеродных дат по составленной последовательности и моделирование даты последнего (наиболее позднего) годичного кольца дубовой древесно-кольцевой хронологии Вязьмы, вероятно, следует признать удачными (рис. 5; табл. 3, 4). Параметры согласованности составленной модели (N = 4, Acomb = 97.3% (An = 35.4%)) не выявляют проблем с моделью в целом или индивидуальными измерениями (Bronk Ramsey, 2009. P. 356, 357).

Смоделированная при помощи функции “D_последовательность” (D_Sequence) радиоуглеродная дата наиболее позднего годичного кольца древесно-кольцевой последовательности, датированного дендрохронологически 1306 годом, представлена хронологическим интервалом 1296–1321 гг. (68.2%) или 1270–1325 гг. (95.4%).

Другой способ моделирования радиоуглеродных дат методом сопоставления флуктуаций осуществляется в программе OxCal v.4.3.2 при помощи функции “V_последовательность” (V_Sequence). По своей сути этот способ – расширенный вариант предыдущего. В отличие от D_Sequence он позволяет описать временные интервалы между радиоуглеродными датами не с точностью до года, а в качестве хронологических диапазонов. В тех случаях, когда радиоуглеродные даты получены по многолетним блокам годичных колец, при моделировании учитывается не временной интервал между центральными кольцами блоков, а весь хронологический диапазон блока, описываемый как центральное годичное кольцо плюс/

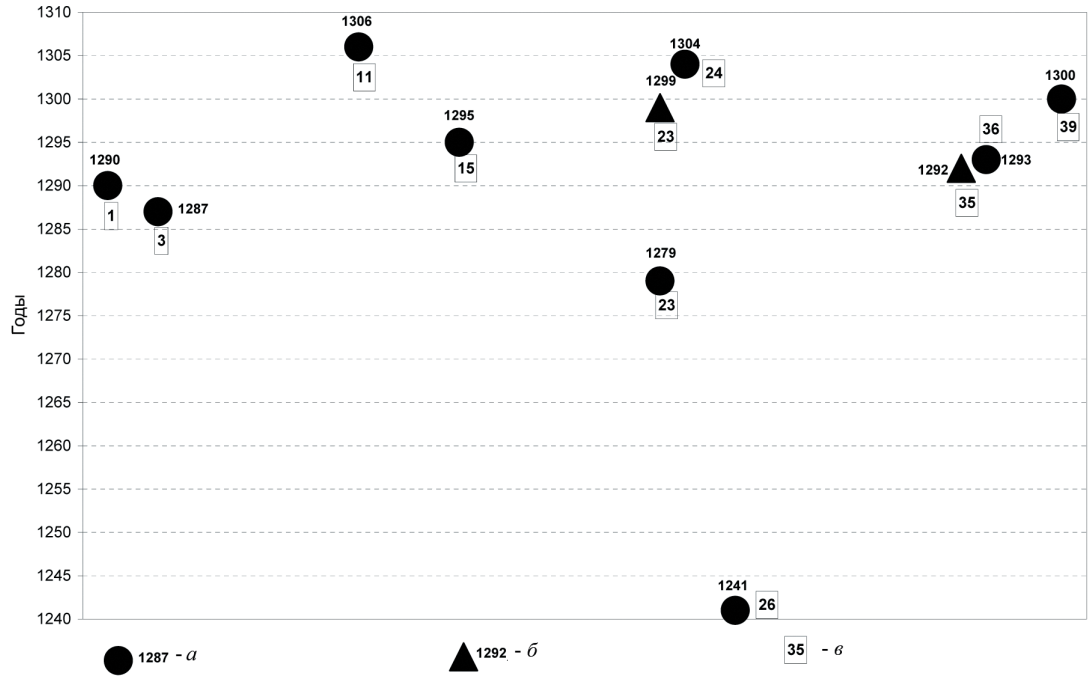

Рис. 7. Хронологическое распределение дендродат последних сохранившихся годичных колец досок-надгробий и крышек гробов. Условные обозначения: *а* – дата последнего годичного кольца доски-надгробия; *б* – дата последнего годичного кольца крышки гроба; *в* – номер погребения.

Fig. 7. Chronological distribution of dendrodates of the last surviving tree rings of boards from tombs and coffin lids

минус количество лет, определяемых исходя из количества годичных колец в каждом блоке. Вероятно, в нашем случае такой способ более корректен. При этом полученные результаты (рис. 6; табл. 3, 4) демонстрируют более протяженный интервал для моделированной радиоуглеродной даты последнего годичного кольца древесно-кольцевой хронологии, чем в случае использования функции D_Sequence: 1270–1323 гг. (68.2%) или 1243–1346 гг. (95.4%) при приемлемых параметрах согласованности модели (Amodel = 96.3%, Aoverall = 98.5%) (Bronk Ramsey, 2009. P. 356, 357).

Таким образом, результаты калибровки и моделирования радиоуглеродных дат не противоречат абсолютным датам, полученным для древесно-кольцевой хронологии дубовых погребальных конструкций Вязьмы путем ее перекрестного дендрохронологического датирования по древесно-кольцевым хронологиям субфоссильного дуба из аллювиальных отложений р. Западная Двина и р. Вилия близ г. Смаргонь. При этом наиболее узкие хронологические интервалы радиоуглеродных дат (25 лет) удалось получить при моделировании методом сопоставления флуктуаций (*wiggle-matching*) с использованием функции D_Sequence.

Возвращаясь к собственно археологическому контексту полученных датировок, хотелось бы особо подчеркнуть, что точное определение времени осуществления захоронений на исследованном кладбище Вязьмы путем прямой экстраполяции полученных дендрохронологических дат последних сохранившихся годичных колец элементов погребальных конструкций вряд ли можно считать в полной мере корректным. Очевидно, что при изготовлении надгробных досок и крышек гробов, даже если оно осуществлялось без предварительной выдержки древесины, проводилась ее столярная обработка, уничтожившая некоторое трудноопределимое количество внешних годичных колец. С другой стороны, анализ хронологического распределения полученных датировок (рис. 7) демонстрирует, что подавляющее большинство дат укладывается в относительно небольшой временной интервал – порядка 30 лет.

Довольно любопытен результат, полученный для погребения 23. Даты последних годичных колец доски-надгробия и крышки гроба демонстрируют хронологический разрыв

в 20 лет, при этом дата могильной доски оказывается более ранней, чем крышки. Однако расположение вплотную к нему погребения 24 и небольшое смещение досок-надгробий обоих погребений относительно продольных осей гробов может свидетельствовать о перемещении доски в древности при рытье более поздней из могил. Возможно, при совершении второго захоронения доски этих погребений могли быть перепутаны местами.

Итак, главный итог данной работы – создание первой для археологических памятников европейской части России абсолютно датированной древесно-кольцевой хронологии по дубу, включающей в себя измерения годичных колец 11 образцов суммарной протяженностью в 233 года (1074–1306 гг.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карпухин А.А., Соловьева Л.Н., Энговатова А.В. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2011. С. 92–114.

Карпухин А.А., Соловьева Л.Н. Некоторые результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из раскопа 1 в Тайницком саду Московского Кремля // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2017. С. 10–16.

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Кудрявцев Б.В., Платоновский Р.Б., Раева В.А. Соборный холм Вязьмы в свете новых раскопок 2017 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: ТНИИР-центр, 2019. С. 388–405.

Кулакова М.И. Некоторые итоги дендрохронологического изучения археологической древесины из раскопок Пскова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (37). С. 71–76.

Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Труды ИИМК РАН; т. XLIX). 288 с.

Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. Київ: Наук. думка, 1991. 168 с.

Тарасенко В.Р. Древний Минск // Труды Института истории Академии наук БССР. Т. 1: Материалы по археологии БССР. Минск: Изд-во АН БССР, 1957. С. 182–257.

Тарабардина О.А. Дендрохронология средневекового Новгорода // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (37). С. 79–84.

Тарабардина О.А. Новгород и Старая Русса: дендрохронология средневековых городов Северо-Западной Руси // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 191–192.

Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М.: NOX, 1996. 216 с.

Черных Н.Б., Карпухин А.А. О хронологии оборонительных сооружений Коломны // КСИА. 2004. Вып. 216. С. 97–103.

Baillie M.G.L., Pilcher J.R. A simple cross-dating program for tree-ring research // Tree-Ring Bulletin. V. 33. Tucson: Univ. of Arizona, 1973. P. 7–14.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. V. 51. P. 337–360.

Bronk Ramsey C., Plicht J.V., Weninger B. 'Wiggle Matching' Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 2001. V. 43. P. 381–389.

Eckstein D., Bauch J. Beitrag zur Rationalisierung eines dendrochronologischen Verfahrens und zur Analyse seiner Aussagesicherheit // Forstwissenschaftliches. 1969. Bd. 88. H. 4. S. 230–250.

Hollstein E. Mitteleuropäische Eichenchronologie. Mainz: Philipp von Zabern, 1980. 273 S.

Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-Ring Bulletin. V. 43. Tucson: Univ. of Arizona, 1983. P. 69–78.

Kuzmin Y.V., Slusarenko I.Y., Hajdas I., Bonani G., Christen J.A. The Comparison of ^{14}C Wiggle-Matching Results for the 'Floating' Tree-Ring Chronology of the Ulandryk-4 Burial Ground (Altai Mountains, Siberia) // Radiocarbon. 2004. V. 46. P. 943–948.

Lange T., Barbetti M., Donahue D.J. Radiocarbon measurements of tree rings from 14 ka Huon pine // Radiocarbon. 2001. V. 43. P. 449–452.

Meadows J., Zunde M. A lake fortress, a floating chronology, and an atmospheric anomaly: the surprising results of a radiocarbon wiggle-match from Āraiši, Latvia // Geochronometria. 2014. V. 41. P. 223–233.

Panyushkina I.P., Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J.-M., Toleubayev A.T. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron Age Saka Cemetery in Shilikty Valley, Kazakhstan // Radiocarbon. 2016. V. 58. P. 157–167.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., Plicht J. IntCal13 and Marine 13 Radiocarbon Age

Calibration curves 0-50000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. V. 55. P. 1869–1887.

Rinn F. TSAP, V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 264 p.

Slusarenko I.Y., Christen J.A., Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Burr G.S. ^{14}C wiggle-matching of the "floating" tree-ring chronology from the Altai Mountains, southern Siberia: the Ulandryk-4 case study // Radiocarbon. 2001. V. 43. P. 425–431.

Tyers C., Sidell J., Plicht J.V., Marshal P., Cook G., Bronk Ramsey C., Bayliss A. Wiggle-Matching Using Known-Age Pine from Jermyn Street, London // Radiocarbon. 2009. V. 51. P. 385–396.

Vasiliev S.S., Bokovenko N.A., Chugunov K.A., Dergachev V.A., Sementsov A.A., Slusarenko I.Y., Zaitseva G.I. Tree-rings, "Wiggle Matching" and statistics in the chronological studies of Scythian Age sites in Azia // Geochronometria. 2001. V. 20. P. 61–68.

Vitas A., Mažeika J., Petrošius R., Pukienė R. Radiocarbon and dendrochronological dating of sub-fossil oaks from Smarhoń riverine sediments // Geochronometria. 2014. V. 41. P. 121–128.

DENDROCHRONOLOGICAL AND RADIOCARBON DATING OF EASTERN EUROPEAN OAK (1074–1306)

Alexey A. Karpukhin[1,*], Bulat F. Khasanov[2,], Nikolay A. Krenke[1,***], Maria M. Pevzner[3,****], Lydia N. Solovyeva[1,*****]**

[1]Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
[2]A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS, Moscow, Russia
[3]Geological Institute RAS, Moscow, Russia

[*]E-mail: Karpukhin.A@rambler.ru
[**]E-mail: bulatfk@gmail.com
[***]E-mail: nkrenke@mail.ru
[****]E-mail: m_pevzner@mail.ru
[*****]E-mail: lidia77-77@mail.ru

The article discusses the results of dendrochronological and radiocarbon dating of tree rings of oak tomb boards and elements of the coffins of the Vyazma medieval cemetery in Smolensk Region. The study compares the results of dendrochronological, calibrated radiocarbon dating and simulated wiggle-match dating. As a result of this work, the first absolutely dated tree-ring chronology by oak for the archaeological sites of the European Russia was developed with a total span of 233 years (1074–1306). In the geographic network of absolutely dated dendrochronological oak scales developed for Europe, the Vyazma tree-ring chronology is its easternmost point. The purpose of the article is to provide the scientific community with a tree-ring oak chronology that can be used in dendroarchaeological, dendroclimatological and dendroecological studies. The developed chronology demonstrates a stable relationship with the tree-ring chronologies by oak originating from alluvial deposits of the rivers Western Dvina and Vilia near the town of Smargon (North-West Belarus).

Keywords: dendrochronology, tree-ring chronologies, radiocarbon dating, wiggle-matching, wooden tomb boards.

REFERENCES

Baillie M.G.L., Pilcher J.R., 1973. A simple cross-dating program for tree-ring research. *Tree-Ring Bulletin*, 33. Tucson: Univ. of Arizona, pp. 7–14.

Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, vol. 51, iss. 1, pp. 337–360.

Bronk Ramsey C., Plicht J.V., Weninger B., 2001. 'Wiggle Matching' Radiocarbon Dates. *Radiocarbon*, vol. 43, iss. 2A, pp. 381–389.

Chernykh N.B., 1996. Dendrokhronologiya i arkheologiya [Dendrochronology and archaeology]. Moscow: NOX. 216 p.

Chernykh N.B., Karpukhin A.A., 2004. On the chronology of the defense structures of Kolomna. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 216, pp. 97–103. (In Russ.)

Eckstein D., Bauch J., 1969. Beitrag zur Rationalisierung eines dendrochronologischen Verfahrens und zur Analyse seiner Aussagesicherheit. *Forstwissenschaftliches*, vol. 88, iss. 4, pp. 230–250.

Hollstein E., 1980. Mitteleuropäische Eichenchronologie. Mainz: Philipp von Zabern. 273 p.

Holmes R.L., 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *Tree-Ring Bulletin*, 43. Tucson: Univ. of Arizona, pp. 69–78.

Karpukhin A.A., Solov'yeva L.N., 2017. Some results of dendrochronological analysis of wood samples from excavation site 1 in the Taynitsky Garden of the Moscow Kremlin. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of the Laboratory of Scientific Methods]*, 4. Moscow: IA RAN, pp. 10–16. (In Russ.)

Karpukhin A.A., Solov'yeva L.N., Engovatova A.V., 2011. Dendrochronological dating of the 13th century structures from excavations in Yaroslavl. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of the Laboratory of Scientific Methods]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 92–114. (In Russ.)

Krenke N.A., Ershov I.N., Kudryavtsev B.V., Platonovskiy R.B., Rayeva V.A., 2019. Vyazma Cathedral Hill in the light of new excavations in 2017. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 12. Tver': TNIIR-tsentr, pp. 388–405. (In Russ.)

Kulakova M.I., 2009. Some results of the dendrochronological study of archaeological wood from the excavations of Pskov. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 1(37), pp. 71–76. (In Russ.)

Kuzmin Y.V., Slusarenko I.Y., Hajdas I., Bonani G., Christen J.A., 2004. The Comparison of ^{14}C Wiggle-Matching Results for the 'Floating' Tree-Ring Chronology of the Ulandryk-4 Burial Ground (Altai Mountains, Siberia). *Radiocarbon*, vol. 46, iss. 2, pp. 943–948.

Lange T., Barbetti M., Donahue D.J., 2001. Radiocarbon measurements of tree rings from 14 ka Huon pine. *Radiocarbon*, vol. 43, iss. 2A, pp. 449–452.

Meadows J., Zunde M., 2014. A lake fortress, a floating chronology, and an atmospheric anomaly: the surprising results of a radiocarbon wiggle-match from Āraiši, Latvia. *Geochronometria*, vol. 41, iss. 3, pp. 223–233.

Nosov E.N., Plokhov A.V., Khvoshchinskaya N.V., 2017. Ryurikovo gorodishche. Novyye etapy issledovaniy [Ryurikovo Gorodishche. New stages of research]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 288 p. (Trudy IIMK RAN, XLIX).

Panyushkina I.P., Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J.-M., Toleubayev A.T., 2016. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron Age Saka Cemetery in Shilikty Valley, Kazakhstan. *Radiocarbon*, vol. 58, iss. 1, pp. 157–167.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Ramsey C.B., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., Plicht J., 2013. IntCal13 and Marine 13 Radiocarbon Age Calibration curves 0-50000 Years cal BP. *Radiocarbon*, vol. 55, iss. 4, pp. 1869–1887.

Rinn F., 1996. TSAP, V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 264 p.

Sagaydak M.A., 1991. Davn'okiïvs'kiy Podil [Old Kyiv Podol (low part)]. Kiïv: Nauk. dumka. 168 p.

Slusarenko I.Y., Christen J.A., Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Burr G.S., 2001. ^{14}C wiggle-matching of the "floating" tree-ring chronology from the Altai Mountains, southern Siberia: the Ulandryk-4 case study. *Radiocarbon*, vol. 43, iss. 2A, pp. 425–431.

Tarabardina O.A., 2009. Dendrochronology of medieval Novgorod. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 1 (37), pp. 79–84. (In Russ.)

Tarabardina O.A., 2011. Novgorod and Staraya Russa: dendrochronology of the medieval cities of Northwest Russia. *Trudy III (XIX) Vseross. arkheol. s"yezda [Works of the III (XIX) All-Russian archaeological congress]*, II. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, pp. 191–192. (In Russ.)

Tarasenko V.R., 1957. Ancient Minsk. *Trudy Instituta istorii AN BSSR [Proceedings of the Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR], 1. Materialy po arkheologii BSSR [Materials on the archaeology of the BSSR].* Minsk: Izd. AN BSSR, pp. 182–257. (In Russ.)

Tyers C., Sidell J., Plicht J.V., Marshal P., Cook G., Bronk Ramsey C., Bayliss A., 2009. Wiggle-Matching Using Known-Age Pine from Jermyn Street, London. *Radiocarbon*, vol. 51, iss. 2, pp. 385–396.

Vasiliev S.S., Bokovenko N.A., Chugunov K.A., Dergachev V.A., Sementsov A.A., Slusarenko I.Y., Zaitseva G.I., 2001. Tree-rings, "Wiggle Matching" and statistics in the chronological studies of Scythian Age sites in Azia. *Geochronometria*, vol. 20, pp. 61–68.

Vitas A., Mažeika J., Petrošius R., Pukienė R., 2014. Radiocarbon and dendrochronological dating of sub-fossil oaks from Smarhoń riverine sediments. *Geochronometria*, vol. 41, iss. 2, pp. 121–128.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 22–31

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2020 г. И.Д. Зольников[1,2,3,*], А.В. Никулина[3,], К.К. Павленок[3,***], А.В. Выборнов[3,****], А.В. Постнов[3,*****], Д.А. Бычков[3,******], Н.В. Глушкова[1,2,*******]**

[1]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
[3]Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

[*]E-mail: zol@igm.nsc.ru
[**]E-mail: nikulina1302@gmail.com
[***]E-mail: pavlenok-k@yandex.ru
[****]E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru
[*****]E-mail: postnov@yandex.ru
[******]E-mail: bda.nsk@yandex.ru
[*******]E-mail: hope@igm.nsc.ru

Поступила в редакцию 18.04.2019 г.

В статье представлено обзорное исследование на основе регионального ГИС-проекта по археологическим объектам Томской области. В результате пространственного анализа памятников выявлено, что распространение археологических объектов сходно с локализацией современных населенных пунктов. Удельная площадь болот на окружающей памятник территории является фактором, влияющим на приуроченность археологических объектов. В целом памятники тяготеют к руслам рек; большинство памятников, локализованных на водораздельных пространствах, приурочено к бровкам эрозионных террас на краях речных долин, к которым прижаты русла рек. Характер пространственного расположения памятников не зависит от степени изученности территории; меняется только густота распределения объектов археологии, поэтому выявленные закономерности, по всей видимости, предопределены предпочтениями древнего населения, а не факторами доступности и изученности.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Томская область, ГИС, пространственный анализ.

DOI: 10.31857/S086960630008251-5

На современном уровне исследований пространственный анализ археологических данных проводится с использованием геоинформационных систем. При этом в целом для России археологические ГИС-проекты можно разделить по масштабу исследований на три уровня. Самый детальный уровень – локальный. Его можно определить как уровень планиграфии археологического объекта (памятника). Для локального уровня присуща детальная характеристика различных объектов внутри границ памятника (артефакты, обломки костей, культурные слои, контуры жилищ и др.) с их точной геопривязкой. Кроме наземной геодезической съемки для детального масштабного уровня все чаще применяется аэрофотосъемка с низких и предельно низких высот, которая позволяет получить не только ортофотоплан изучаемой территории, но и цифровую модель рельефа (ЦМР) высокого пространственного разрешения (с размером пикселя вплоть до нескольких см). ГИС-проекты в данном случае, как правило, многослойные, а пространственная привязка с учетом не только X, Y, но и Z позволяет строить 3D-модели памятников. Таким образом, локальные ГИС-проекты могут включать в себя большое количество геоданных, достаточно сложно организованных как в пространстве, так и в содержательно-атрибутивном аспекте.

На крупно-среднемасштабном уровне, который можно определить как “местный”, археологические ГИС-проекты, как правило, представляют собой карты фактического материала (результаты археологических работ: расчисток, шурфов, канав, раскопов и др.), совмещенные с другими геоданными среднего и высокого пространственного разрешения (космические снимки, ЦМР, геологические и другие

тематические карты – геоморфологические, геофизические, геоботанические и т.д.), которые позволяют оценить как специфику самого памятника, так и контекст его территориального окружения. Местные ГИС-проекты могут охватывать достаточно большие участки и включать в себя комплексы территориально сближенных памятников.

Региональные ГИС-проекты отражают мелкомасштабный уровень исследования и территориально соответствуют уровню одного или нескольких субъектов Российской Федерации; например, для Сибири реализован ГИС-проект по Красноярскому краю (Артемьев и др., 1998). Национальный ГИС-проект (Макаров и др., 2015) по принципам организации геоданных также соответствует региональному масштабу исследований и может формироваться на основе дополнительного включения информации из банков геоданных субъектов РФ. На уровне регионального ГИС-проекта археологические памятники обычно представлены точечными объектами с ограниченным набором признаков в семантической базе геоданных.

С точки зрения геоинформатики ГИС-проекты каждого из трех масштабных уровней не сводимы друг к другу, т.е. каждому уровню присуще свое понимание объекта, его составных элементов и признаков, а следовательно, и свои шаблоны организации геоданных, а также свои типовые способы обработки информации. На практике корпоративные банки геоданных крупных организаций нередко совмещают информацию разных масштабных уровней в единых ГИС-проектах. Более того, нередко на совещаниях слышится мнение о том, что региональные ГИС-проекты с оформлением объектов в виде точек нельзя считать полноценными базами геоданных. Мы не разделяем эту точку зрения и считаем, что наиболее оптимальна систематизация геоданных по принципу иерархического соподчинения ГИС-проектов разного масштабного уровня, поскольку на каждом уровне ГИС решаются свои тематические задачи. В качестве ассоциативной аналогии можно привести иерархический ряд: лес – деревья – листья. Для каждого уровня иерархии объектов существует свои признаки, свои классификации, свои подходы к систематизации и свои алгоритмы обработки данных.

В качестве примера археологического исследования, использующего геоданные, систематизированные в региональном ГИС-проекте в виде точечных объектов, можно привести изучение 36 422 памятников Северного Китая (Wagner et al., 2013) с возрастом от середины неолита (8000 лет до н.э.) до позднего бронзового века (500 лет до н.э.). Изменение пространственного распределения археологических памятников на территории в этом исследовании связано с палеоклиматическими изменениями (этапы увлажнения и иссушения территории, обусловленные динамикой муссонов) и с развитием мобильного скотоводства. Другим примером может служить региональный ГИС-проект стоянок палеолитического человека и местонахождений мегафауны, датированных радиоуглеродным методом, для Сибири и Дальнего Востока (Orlova et al., 1998). Пространственная локализация археологических и палеонтологических объектов времени последнего глобального оледенения (МИС-2) позволила исключить существование “сартанского” (около 24–11 тыс. лет назад) ледниково-подпрудного озера-моря в центральной части и на севере Западно-Сибирской равнины.

При наличии достаточного для сравнительного анализа числа археологических объектов и максимально полной базы данных, содержащих необходимую информацию по известным памятникам, ГИС-проект позволяет принимать решения по серии задач, связанных с региональной археологией. В частности, становится возможным обосновывать степень перспективности обнаружения археологических объектов, выявлять физико-географические закономерности их распространения, определять зависимость пространственного расположения и культурно-хронологической дифференциации объектов и др. Предлагаемая статья посвящена обзорному исследованию на основе регионального ГИС-проекта по археологическим памятникам Томской области.

Территория Томской области относительно активно исследуется археологами со второй половины XIX в.: первые археологические объекты были открыты в 1863 г. В.В. Радловым на берегу р. Чулым, В.М. Флоринским в 1885 г. в окрестностях Томска, а позже начались систематические полевые работы А.В. Адрианова, С.К. Кузнецова и др. Относительно хорошая археологическая изученность региона обусловлена продолжительной историей полевых исследований и наличием первоклассной научно-исследовательской и образовательной базы – Томский университет, педагогический университет, краеведческий

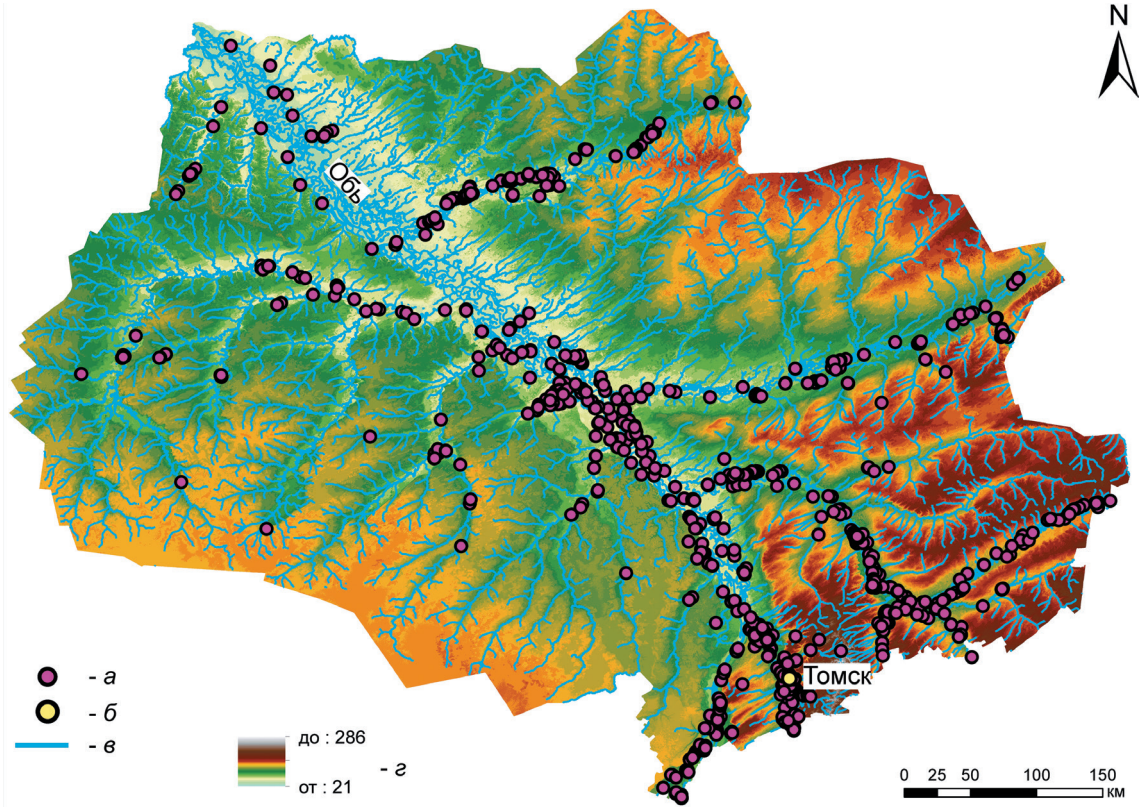

Рис. 1. Археологические объекты Томской области. Условные обозначения: *а* – археологические памятники; *б* – современные населенные пункты; *в* – реки; *г* – абсолютные высоты (м).

Fig. 1. Archaeological sites of Tomsk Region

музей и др. учреждения и организации (Боброва, 2001). В результате этих исследований региональная археология представлена периодами от верхнего палеолита до этнографической современности, с различной степенью насыщенности источниками по древнейшей, древней и средневековой истории местного населения.

Исследование, представленное в настоящей статье, в значительной мере основывается на опубликованном в конце XX в. двухтомном издании “Археологическая карта Томской области” (Чиндина и др., 1990; Ожередов, Яковлев, 1993). Авторами издания отмечено, что их целью была систематизация сведений об археологических объектах, которые получены разными исследователями со второй половины XIX в. по 1980-е годы (Чиндина и др., 1990. С. 5). Таким образом, ранее упорядоченные сведения стали основой базы данных, сформированной на первоначальном этапе настоящего исследования.

Материалы и методы. На сегодняшний день на территории Томской области известно 1399 археологических памятников, из которых 220 не стоят на государственной охране. В соответствии с собранной базой геоданных для данного исследования использовалась следующая информация: 1) название памятника; 2) географические координаты; 3) тип памятника (неукрепленные поселения и городища, курганные и грунтовые могильники, культовые места, западины); 4) археологическая эпоха (палеолит, неолит и энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, средние века, Новое время, этнографическая современность и без идентификации). В группу неукрепленных поселений выделены археологические объекты, определяемые в учетной и полевой документации, в литературе как селища, поселения, стоянки, местонахождения. В отличие от городищ, при их описании не выделяются фортификационные сооружения, а критерии дифференциации этих типов объектов не структурированы и ситуативны. Каждый культурный горизонт многослойных памятников заносился в базу как отдельный объект, поэтому конечное количество анализируемых объектов составило 1533.

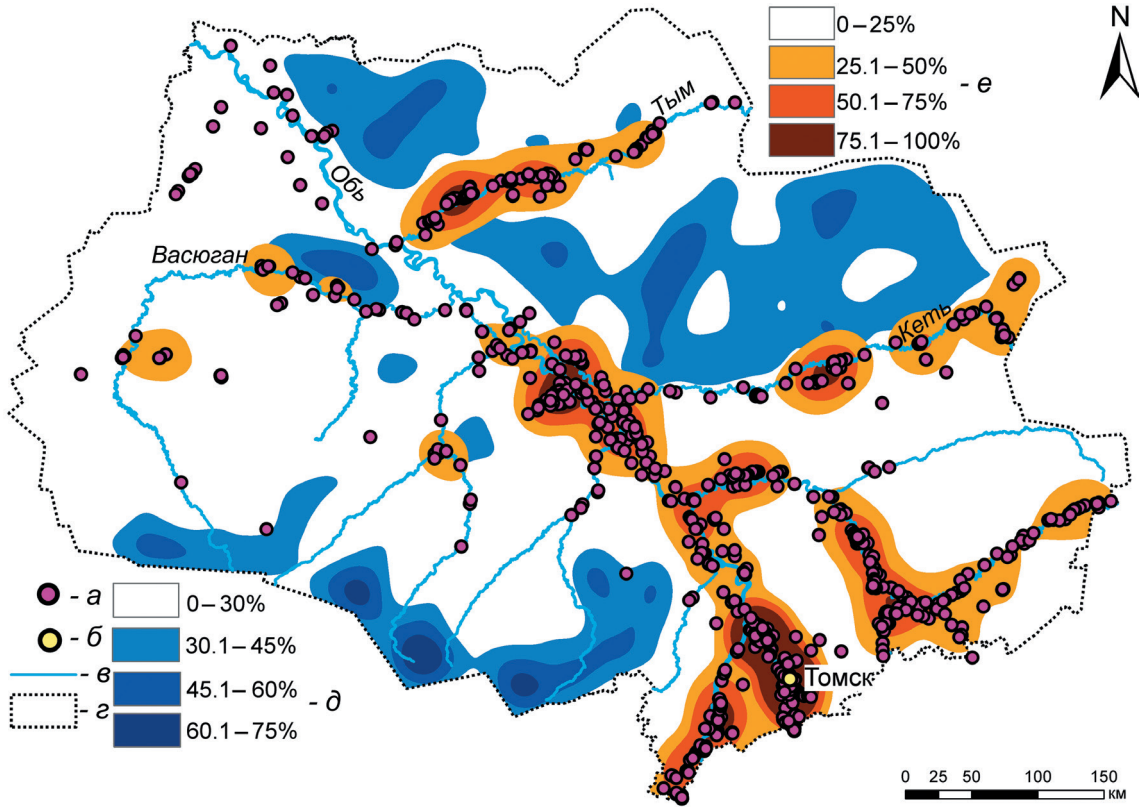

Рис. 2. Участки повышенной плотности археологических объектов (оттенки коричневого цвета) и болот (оттенки синего цвета). Условные обозначения: *а* – археологические памятники; *б* – современные населенные пункты; *в* – реки; *г* – административные границы Томской области; *д* – заболоченность территории (R скользящего окна = 35 км); *е* – процентное содержание памятников (100% = 142 памятника; R скользящего окна = 35 км).

Fig. 2. Areas of increased density of archaeological sites (shades of brown) and swamps (shades of blue)

Для характеристики пространственного распределения археологических памятников, современных населенных пунктов и природных барьеров (болота) выполнены следующие действия: 1) построены плотностные схемы распределения памятников и болот; 2) проведено моделирование потенциальных зон антропогенного влияния древнего и современного населения; 3) выделены автоморфные (расположены выше относительно тренда рельефа) и гидроморфные (находящиеся ниже тренда рельефа) участки района исследования; 4) рассчитаны расстояния между археологическими памятниками и реками.

Информация о локализации болот, лесов, рек и современных населенных пунктов получена с топографических карт масштаба 1:1 000 000. Для построения карт плотности археологических памятников и болот использован инструмент Kernel Density (плотность ядер) модуля Spatial Analyst (пространственный анализ) программы ArcGIS 10.2.2. Радиус скользящего окна при построении карт плотности составил 35 км. Размер окна выбран в соответствии с характером пространственного распределения археологических объектов и результатами, полученными при проведении расчетов по алгоритму, используемому для определения радиуса поиска.

Вокруг археологических памятников и современных населенных пунктов выделены зоны потенциального антропогенного влияния. В соответствии с теорией ресурсных зон (Vita-Finzi, Higgs, 1970; Jarman et al., 1982; Коробов, 2014) подобран максимальный радиус зоны (10 км) вокруг памятника. При оценке степени антропогенного влияния в настоящее время не учитывались факторы современного глобального и регионального антропогенного воздействия на природную среду.

Выделение гидроморфных и автоморфных участков относительно тренда рельефа проведено при помощи инструментов модуля Spatial Analyst программы ArcGIS 10.2.2. На этом этапе использована цифровая модель рельефа,

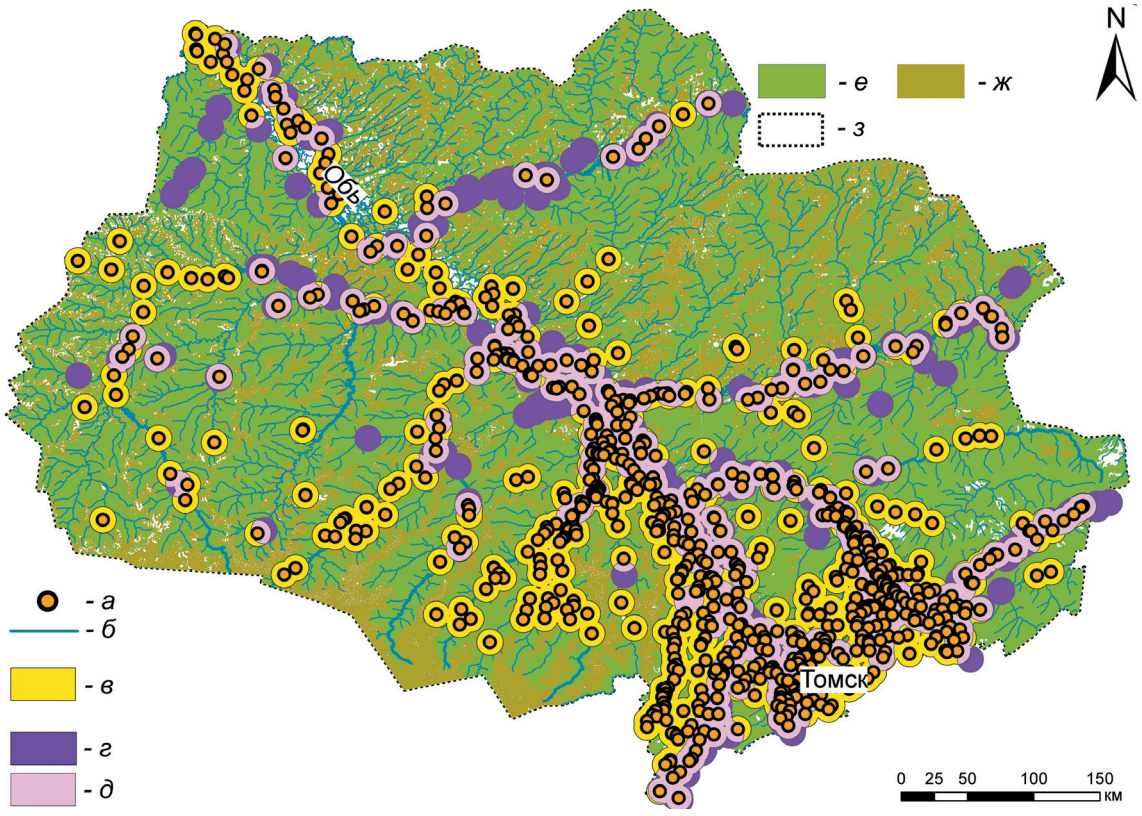

Рис. 3. Зоны антропологического влияния древнего и современного населения. Условные обозначения: *а* – населенные пункты; *б* – реки; *в* – зона антропогенного влияния современного населения (R = 10 км); *г* – зона антропогенного влияния древнего населения (R = 10 км); *д* – область перекрытия зон; *е* – леса; *ж* – болота; *з* – административные границы Томской области.

Fig. 3. Areas of anthropological impact of the ancient and modern population

находящаяся в свободном доступе (http://www.viewfinderpanoramas.org). Размер пикселя приведен к 70 × 70 м. Размер скользящего окна при построении тренда рельефа должен на порядок превышать размер форм рельефа, которые необходимо выделить. В среднем ширина

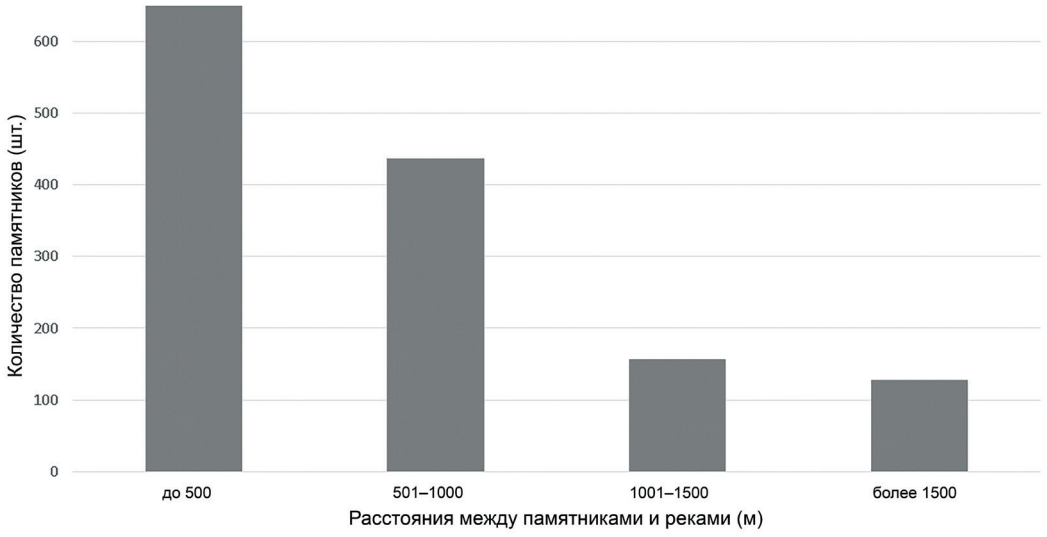

Рис. 4. Удаленность археологических объектов от современных русел рек.

Fig. 4. The remoteness of archaeological sites from modern riverbeds

Рис. 5. Частотное распределение археологических объектов относительно тренда рельефа.
Fig. 5. The frequency distribution of archaeological sites relative to the terrain trend

долин в районе исследования составляет 10 км, поэтому радиус скользящего окна при построении тренда рельефа составил 10 км.

Для оценки степени изученности Томской области составлена картограмма, где для каждого района определялось количество полевых сезонов, когда на территории района были открыты археологические памятники в ходе полевых археологических и иных исследований. Затем эти районы сгруппированы в четыре класса, различающиеся по степени археологической изученности.

Для составления базы данных и построения гистограмм удаленности памятников относительно рек использовалась программа Microsoft Excel. Статистическая обработка данных и построение частотных гистограмм по отклонению памятников относительно тренда рельефа проводились в программном пакете Statistica 10.0.

Результаты и обсуждение. Томская область расположена в пределах двух физико-географических зон: лесостепной и таежной. Абсолютные отметки высот от 21 до 286 м. Эта территория – часть бассейна р. Обь. Именно внутри долины магистральной реки и ее притоков первого порядка локализованы археологические памятники (рис. 1).

На междуречных пространствах и в долинах большинства притоков памятники отсутствуют, что связано с природно-ландшафтными закономерностями. На рис. 2 наряду с самими археологическими объектами показаны поля их повышенной плотности. На данной схеме выделяется несколько основных полей повышенной плотности памятников. Прежде всего это юго-восточная часть территории, где объекты локализованы по долинам рек Томь, Обь, Кеть и Чулым. На северо-западе памятники приурочены к долинам рек Тым и Васюган. При этом в верховьях рек второго порядка памятники, как правило, отсутствуют, как и в долинах притоков третьего и более порядков. На эту же схему вынесены участки повышенной плотности болот. Видно, что на этих участках отсутствуют археологические объекты. Болота занимают более трети территории

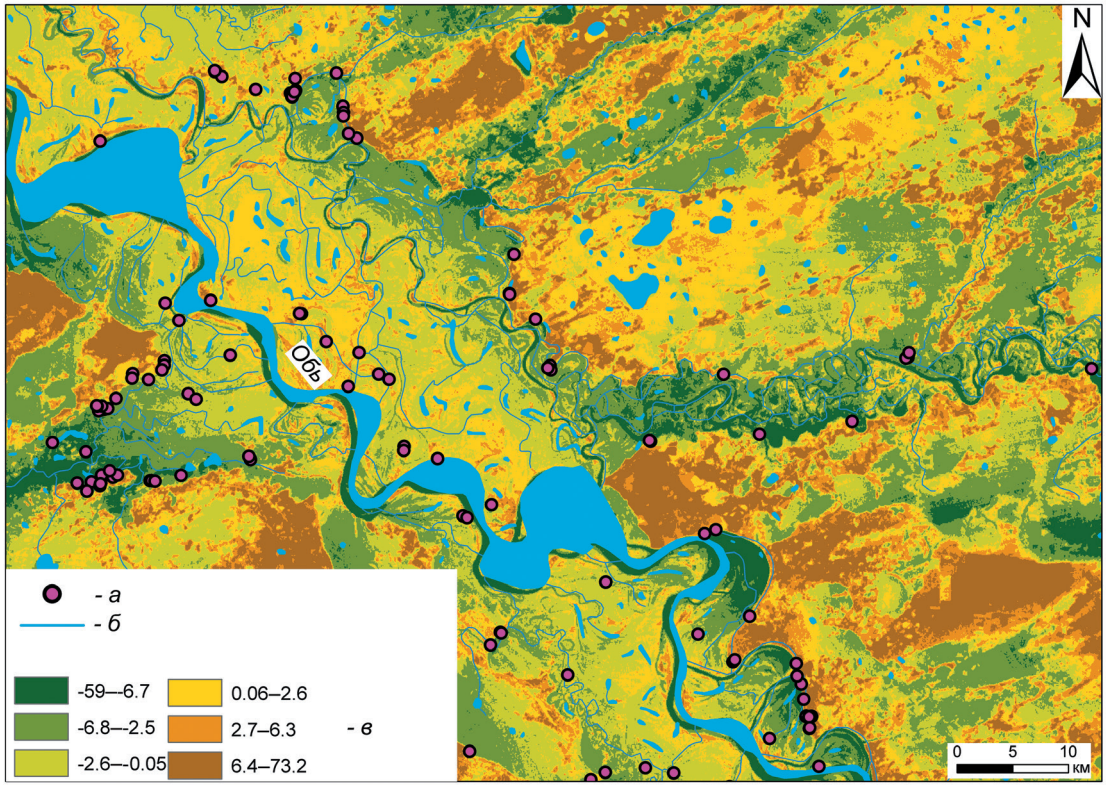

Рис. 6. Расположение археологических объектов относительно тренда рельефа. Условные обозначения: *а* – археологические памятники; *б* – реки; *в* – высоты относительно тренда рельефа (м).

Fig. 6. The location of archaeological sites relative to the terrain trend

и фактически представляют собой природные барьеры для расселения в голоцене.

Сравним распределение современных населенных пунктов с распространением археологических памятников. На рис. 3 показаны зоны антропогенного влияния древнего и современного населения. Радиус зон вокруг современных населенных пунктов такой же, как и вокруг памятников, и составляет 10 км. Это обусловлено тем, что среди населенных пунктов нет мощных промышленных центров и образ жизни современного населения в значительной степени предопределяется ландшафтными особенностями территории. Приуроченность поселений человека как в древности, так и в настоящее время к долинам основных речных артерий, возможно, объясняется тем, что долины крупных рек – наиболее ресурсоемкий ландшафт и единственный резерв открытых пространств, пригодных для массового заселения среди таежных и болотных территорий.

На рис. 3 видно, что современная система расселения подчиняется тем же пространственным закономерностям распределения, что и археологические памятники. Однако расселение современного населения создает более густое покрытие: от зон влияния свободно 70% территории и 56% водной поверхности рек по сравнению с зонами влияния древнего населения (80% территории и 60% водной поверхности рек находится за пределами этих зон влияния). Следует отметить, что показанная на данном рисунке карта фактического материала по археологическим памятникам с буферными зонами вокруг них не является моделью единой системы расселения, так как отражает результат расселения древнего населения в разные исторические эпохи от верхнего палеолита до Нового времени. Тем не менее сходство в пространственном расположении археологических памятников и существующих в настоящее время населенных пунктов позволяет предположить, что распространение древнего и современного населения в целом подчиняется одним и тем же закономерностям.

На рис. 4 показана частотная гистограмма для археологических памятников. Видно, что чем дальше от рек, тем меньше памятников; в основном памятники расположены на

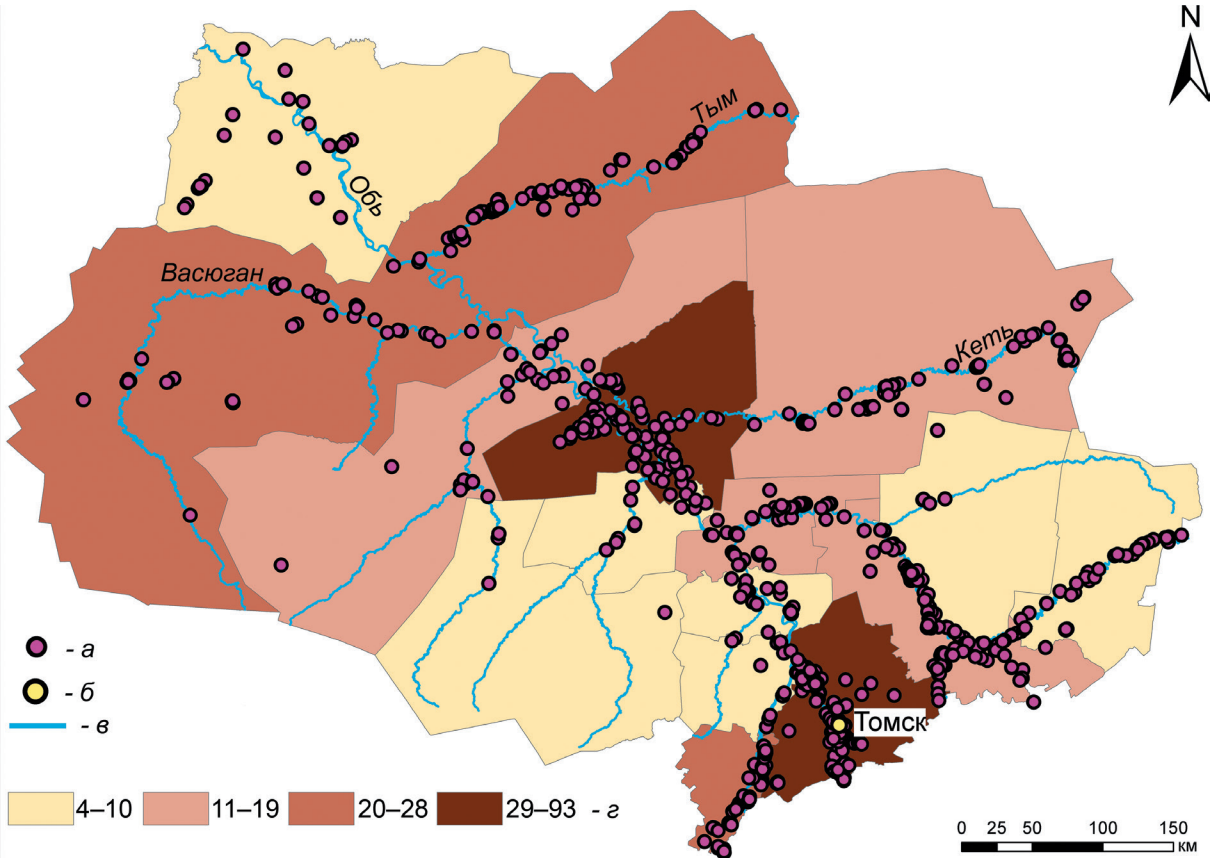

Рис. 7. Количество лет полевых исследований в муниципальных районах Томской области. Условные обозначения: *а* – археологические памятники; *б* – населенные пункты; *в* – реки; *г* – количество лет.

Fig. 7. The duration of in years field research conducted in different municipal districts of Tomsk Region

удалении до 500–1000 м относительно современных русел рек.

На рис. 5 показано распределение памятников по высоте относительно границы между долинами и водоразделами (тренд рельефа). Отрицательные значения соответствуют долинам, положительные – водоразделам. Этот показатель получен путем вычитания цифровой модели рельефа из тренда рельефа (генерализованный рельеф, полученный путем усреднения значений высот внутри скользящего окна радиусом 10 км). Обращает на себя внимание, что большинство памятников локализуется вокруг этой границы с некоторым преобладанием памятников в долинных участках.

На рис. 6 оттенками зеленого цвета показаны долинные участки, а оттенками коричневого цвета – водораздельные. Относительно памятников, локализованных в долинах, следует отметить, что они расположены преимущественно на площадках террас. Что касается памятников, локализованных на водоразделах, то большинство из них располагается на бровках эрозионных террас на краях долин; при этом русла рек прижаты к краям долин, поэтому расстояния до рек небольшие. Это хорошо согласуется с рис. 5, где большинство памятников группируется вблизи границы между долинами и водоразделами, а также с рис. 4, отражающим преимущественно близкое расположение памятников к рекам.

На рис. 7 показана схема, отражающая степень изученности территорий муниципальных районов Томской области (определяемая по количеству годов исследований), с наложенными на нее археологическими объектами. Видно, что наибольшая концентрация памятников отмечается для районов, где проводились многолетние полевые исследования. Однако сам характер распределения памятников не зависит от степени изученности; меняется только густота их размещения.

Итак, все известные по открытым источникам археологические объекты Томской области были включены в единый ГИС-проект и охарактеризованы по единой системе критериев,

что позволило выявить общие закономерности их распространения. Апробирован подход к систематизации первичных учетных данных об археологических объектах в рамках создания регионального ГИС-проекта. Определен научный потенциал этих сведений для выявления базовых закономерностей расположения памятников при оценке влияния лимитирующих факторов и интенсивности археологического исследования территории.

В результате проведенных исследований можно сделать ряд выводов.

1. Археологические памятники Томской области приурочены к долинам главных рек (тяготеют к их руслам). В целом их распределение похоже на пространственную локализацию современных населенных пунктов.

2. Для памятников лимитирующим фактором является удельная площадь болот на окружающей памятник территории.

3. Отклонение высот памятников от тренда рельефа коррелируется с высотой памятников от уреза воды рек. Максимумы концентрации памятников смещены в долинные участки.

4. Большинство памятников, локализованных на водоразделах, располагается на бровках эрозионных террас на краях долин, к которым прижаты русла рек.

5. Выявленные закономерности, по всей видимости, предопределены предпочтениями древнего населения, а не факторами доступности и изученности.

Свод и актуализация материалов археологических исследований, культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация моделей выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2018-0007 “Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири” (исп.: Д.А. Бычков, А.В. Выборнов, А.В. Постнов). ГИС-моделирование и статистическая обработка информации выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0009 “Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии” (исп. А.В. Никулина).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев Е.В., Дроздов Н.И., Зайцев Н.К., Шапарев Н.Я., Якубайлик О.Э., Шахматов А.В. Создание геоинформационной системы “Археологические памятники Красноярского края” // Вычислительные технологии. 1998. Т. 3, № 5. С. 5–10.

Боброва А.И. Археологические исследования Томской области, история // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 16–23.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н. Первые шаги по созданию национальной географо-информационной системы “Археологические памятники России” // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 4. С. 85–93.

Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины): дис. ... д-ра ист. наук. Т. 1. М.: ИА РАН, 2014. 610 с.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Т. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. 208 с.

Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 340 с.

Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Zolnikov I.D. Radiocarbon database and geographic information system (GIS) for Western Siberia // Radiocarbon. 1998. V. 40, № 1. P. 313–329.

Jarman M.R., Bailey G.N., Jarman H.N. Early European Agriculture. Its Foundations and Development. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 284 p.

Vita-Finzi C., Higgs E.S. Prehistoric Economy in the Mount Carmel Area of Palestine: Site Catchment Analysis // Proceedings of the Prehistoric Society. 1970. V. 36. P. 1–17.

Wagner M., Tarasov P., Hosner D., Fleck A., Ehrich R., Chen X., Leipe C. Mapping of the spatial and temporal distribution of archaeological sites of northern China during the Neolithic and Bronze Age // Quaternary International. 2013. V. 290–291. P. 344–357.

REGULARITIES IN THE SPATIAL LOCATION OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS IN TOMSK REGION

Ivan D. Zolnikov[1,2,3,*], Anastasiya V. Nikulina[3,], Konstantin K. Pavlenok[3,***], Anton V. Vybornov[3,****], Aleksandr V. Postnov[3,*****], Dmitry A. Bychkov[3,******], Nadezhda V. Glushkova[1,2, *******]**

[1]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography, the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

[*]E-mail: zol@igm.nsc.ru
[**]E-mail: nikulina1302@gmail.com
[***]E-mail: pavlenok-k@yandex.ru
[****]E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru
[*****]E-mail: postnov@yandex.ru
[******]E-mail: bda.nsk@yandex.ru
[*******]E-mail: hope@igm.nsc.ru

The article presents a survey research based on a regional GIS project aimed at studying archaeological sites of Tomsk Region. The spatial analysis of the sites revealed that the spreading of archaeological objects is similar to the location of modern settlements. The specific area of swamps in the territory surrounding the site is a factor affecting the localization of archaeological sites. In general, sites tend to be situated near riverbeds; most of the sites located on the watersheds are confined to the baulk of the erosion terraces on the edges of river valleys, which the riverbeds bank against. The nature of the spatial site location does not depend on the available information on the territory; it is only the density of distribution of archaeological objects that changes. Therefore, the revealed patterns are most likely predetermined by the preferences of the ancient population, and not by the factors of accessibility and certainty of knowledge.

Keywords: Western Siberia, Tomsk Region, GIS, spatial analysis.

REFERENCES

Artem'yev E.V., Drozdov N.I., Zaytsev N.K., Shaparev N.Ya., Yakubaylik O.E., Shakhmatov A.V., 1998. Development of the geographic information system "Archaeological sites of Krasnoyarsk Territory". *Vychislitel'nyye tekhnologii [Computational technologies]*, vol. 3, no. 5, pp. 5–10. (In Russ.)

Bobrova A.I., 2001. Archaeological research of Tomsk Region, the history. *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya: Materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti [Peoples and cultures of the Tomsk-Narym Ob region: Materials for the encyclopaedia of Tomsk Region].* Tomsk: Izd. Tomsk. univ., pp. 16–23. (In Russ.)

Chindina L.A., Yakovlev Ya.A., Ozheredov Yu.I., 1990. Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti [Archaeological map of Tomsk Region], 1. Tomsk: Izd. Tomsk. univ. 340 p.

Jarman M.R., Bailey G.N., Jarman H.N., 1982. Early European Agriculture. Its Foundations and Development. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 284 p.

Korobov D.S., 2014. Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny): diss. ... doktora istorich. nauk [The settlement system of the Alans of the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD (landscape archaeology of the Kislovodsk depression): Doctoral Thesis for the degree in History], 1. Moscow: IA RAN. 610 p. (Unpublished).

Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N., 2015. First steps to create a national geographic information system "Archaeological sites of Russia". *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, vol. 43, no. 4, pp. 85–93. (In Russ.)

Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Zolnikov I.D., 1998. Radiocarbon database and geographic information system (GIS) for Western Siberia. *Radiocarbon*, vol. 40, no. 1, pp. 313–329.

Ozheredov Yu.I., Yakovlev Ya.A., 1993. Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti [Archaeological map of Tomsk Region], 2. Tomsk: Izd. Tomsk. univ. 208 p.

Vita-Finzi C., Higgs E.S., 1970. Prehistoric Economy in the Mount Carmel Area of Palestine: Site Catchment Analysis. *Proceedings of the Prehistoric Society*, Vol. 36, pp. 1–17.

Wagner M., Tarasov P., Hosner D., Fleck A., Ehrich R., Chen X., Leipe C., 2013. Mapping of the spatial and temporal distribution of archaeological sites of northern China during the Neolithic and Bronze Age. *Quaternary International*, Vol. 290–291, pp. 344–357.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 32–43

БЛИЖНИЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ ДВУХ ЦЕНТРОВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОНЧАРСТВА

© 2020 г. Ю.Б. Цетлин[1,*], Н.Ю. Петрова[2,]**

[1]Институт археологии РАН, Москва, Россия
[2]Государственный исторический музей, Москва, Россия

[*]E-mail: yu.tsetlin@mail.ru)
[**]E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

Поступила в редакцию 12.02.2019 г.

Статья посвящена подробному изложению данных, полученных авторами в результате специального технико-технологического изучения древнейшей керамики Ближнего Востока (периода протохассуны и архаического этапа хассунской культуры) и Дальнего Востока России (осиповская, громатухинская, новопетровская и мариинская культуры). В общей сложности исследованы обломки примерно 823 сосудов. Были реконструированы древнейшие ближневосточные и дальневосточные гончарные традиции на всех этапах технологии гончарства, формы сосудов, их декорирование и сферы использования в быту. Проведен сравнительный анализ этих традиций и выделены общие и особенные черты происхождения гончарства в указанных регионах.

Ключевые слова: древнейшее гончарство, формирование и развитие гончарных традиций, Ближний Восток, Дальний Восток, технология, формы, декор.

DOI: 10.31857/S086960630008252-6

Понятие “Ближний Восток” включает в себя территории Западной Азии и Северной Африки. В статье рассматриваются материалы, происходящие только из современной Турции, Сирии, Ирана, Ирака, Ливана и Иордании, т.е. из региона Западной Азии, где располагался один из основных центров происхождения гончарства. При этом особое внимание будет уделено неолитической керамике Северной Месопотамии. Другой центр происхождения гончарства занимает обширные пространства Восточной Азии, включая территорию Китая, Японии и Дальнего Востока России. В данной статье основное внимание будет уделено древнейшей истории гончарства на территории российского Дальнего Востока.

Основные задачи работы – изучение предыстории и ранней истории гончарства в рамках обоих регионов и выявление как общих, так и специфических черт этого процесса. Детальность рассмотрения зависит от полноты имеющихся фактических данных, полученных как из литературных источников, так и в результате лабораторных исследований древней керамики, проведенных авторами статьи.

Источники и подходы к изучению древнейшей керамики

На территории Северной Месопотамии массовое распространение керамики происходит в период протохассуны (вторая пол. VII тыс. до н.э.), в дальнейшем переходящий в хассунскую культуру (конец VII–первая пол. VI тыс. до н.э.), представленную двумя последовательными периодами развития: архаической и стандартной хассуной. В статье приводятся результаты бинокулярного анализа керамики поселений телль Сотто и Ярым-тепе I (Северный Ирак), раскопки которых производились советской археологической экспедицией под руководством Р.М. Мунчаева, Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера (Бадер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Мерперт, 1982; Бадер, Ле Мьер, 2008). Первоначально исходное пластичное сырье и состав формовочных масс керамики телль Сотто исследовались А.А. Бобринским (1989). Позднее весь комплекс гончарных традиций по материалам обоих поселений изучался Н.Ю. Петровой (2012, 2016; Petrova, 2012). Для периода протохассуны были изучены обломки от 42 сосудов поселения телль Сотто и от 151 сосуда поселения Ярым-тепе I. С этого же поселения были изучены обломки

от 324 сосудов периода архаической хассуны. Таким образом, всего специальному анализу подвергнуты обломки от 518 разных сосудов[1].

На территории российского Дальнего Востока в Приамурье начало производства глиняной посуды связано с носителями осиповской (13–11 тыс. л.н.), громатухинской (сер. 13–10 тыс. л.н.) и новопетровской (11–10 тыс. л.н.) культур. Несколько позднее в регионе распространяется мариинская культура (10–9 тыс. л.н.) раннего неолита. Керамика осиповской культуры изучалась по памятникам Госян, Гася, Осиповка I и Казакевичево (изучены обломки от 122 сосудов), громатухинской культуры – по памятнику Громатуха I (обломки от 12 сосудов), новопетровской культуры – по памятнику Новопетровка II (обломки от 22 сосудов), мариинской культуры – по памятникам о-в Сучу раск. IX и XII, Казакевичево и Петропавловск-Острова (обломки от 149 сосудов). Всего изучены обломки от 305 разных сосудов. Все эти памятники исследовались главным образом во второй половине XX в. А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым[2].

Исследование керамики проводилось с позиций разработанного А.А. Бобринским (1978, 1999) историко-культурного подхода к изучению гончарства. Он предполагает системный анализ керамики с целью, во-первых, выделения конкретных технико-технологических и культурных традиций древних гончаров, во-вторых, использования этих данных в качестве источника информации по истории древнего населения (Цетлин, 2012). Программа изучения керамики включала 4 направления: 1 – орнаментацию посуды, 2 – естественную структуру форм сосудов, 3 – технику и технологию изготовления сосудов, 4 – сферу их использования в быту.

Полнота и надежность реконструкции культурных традиций гончаров и потребителей посуды зависит как от сохранности самого керамического материала, так и от наличия или отсутствия на поверхности и в изломах изделий особых технологических и иных следов, которые несут информацию об этих традициях. Трасологическое изучение керамики производилось с помощью микроскопа МБС и последующего сравнения ее с эталонными экспериментальными образцами, хранящимися в лаборатории “История керамики” Института археологии РАН и Отдела археологических памятников ГИМ. Степень ожелезненности глинистого сырья изучалась по вторично обожженным при 850°С образцам, которые сопоставлялись с эталонной шкалой (Цетлин, 2006). После отбраковки образцов, побывавших во вторичном огне, остальные были подвергнуты термическому анализу и испытанию на остаточную пластичность для определения температуры обжига сосудов.

Общий взгляд на древнейшее гончарство Западной Азии

Керамика в этом регионе появляется приблизительно на рубеже VIII–VII тыс. до н.э. Выделяются два центра ее вероятного формирования, где она фиксируется в конце VIII тыс. до н.э.: горы Загроса и побережье Леванта вместе со смежными территориями предгорий Тавра в Анатолии (Le Mière, 2017. P. 11). Однако зарождение гончарной технологии здесь началось задолго до появления обожженных сосудов из глины и прошло следующие этапы: 1 – использование глины в домостроительстве и ритуальной сфере; 2 – появление необожженных, главным образом “стационарных”, глиняных сосудов; 3 – появление первых обожженных глиняных сосудов и 4 – широкое распространение гончарной технологии в регионе. Хотя начальные навыки работы с глиной были приобретены человеком еще на первом этапе, в данной статье мы кратко обобщим только сведения, касающиеся второго–четвертого этапов становления и развития гончарства (подробнее см.: Петрова, 2019).

Необожженные глиняные сосуды впервые, вероятно, начали использоваться в конце IX – VIII тыс. до н.э. Наиболее ранние экземпляры зафиксированы на поселении Гандж Дарех (слои E и D) в горах Загроса в Западном Иране (Smith, 1990. P. 326; Mellaart, 1975. P. 78; Bernbeck, 2017. P. 101).

В VIII тыс. до н.э. такие сосуды распространяются также на памятниках Леванта – Иерихон, Бейда IV, Айн Гхазал, Бай, Баста, Гуэйр I, Мурейбит III, Абу Хурейра, Саби Абъяд II, Халула (Le Mière, Picon, 1998. P. 7–9; Miyake, 2016. P. 120, 121; Tsuneki, 2017. P. 2, 3); в Анатолии – Невали Чори, Чайоню, Акарчай-тепе

[1] Выражаем искреннюю благодарность Р.М. Мунчаеву, Ш.Н. Амирову, Г.Ю. Калгановой и Б.И. Перлову за предоставленную возможность специального изучения древнейшей керамики Ближнего Востока.

[2] Выражаем искреннюю благодарность А.П. Деревянко и В.Е. Медведеву за предоставленную возможность специального изучения древнейшей керамики Дальнего Востока России.

и Хаджилар (Esin, 1999. P. 17; Miyake, 2016. P. 120, 121; Özdoğan, 2009. P. 25; Tsuneki, 2017. P. 3).

К началу VII тыс. до н.э. относится необожженный сосуд, зафиксированный на телль Магзалия в Северном Ираке, то есть на территории, которая расположена между этими двумя центрами (Бадер, 1989. С. 62).

Информация о технологии изготовления необожженных сосудов очень скудна. Известно, что на поселениях Гандж Дарех D и Чайоню они делались из глины с растительной примесью. На поселениях левантийского побережья отмечена как "растительная" (fiber), так и грубая минеральная примесь (Tsuneki, 2017. P. 3). При конструировании, вероятно, использовался лоскутный налеп (Mellaart, 1975. P. 78; Smith, 1990. P. 326; Özdoğan, 2009. P. 25; Vandiver, 1987. P. 16).

Первые обожженные глиняные сосуды появляются на рубеже VIII–VII тыс. до н.э. На памятниках Загроса они зафиксированы на поселениях Гандж Дарех D, Гуран и Али Кош, в формовочной массе у них отмечена растительная примесь (Bernbeck, 2017. P. 101; Mellaart, 1975. P. 80–90). В несколько более поздней керамике поселения Джармо она определена как навоз (Matson, 1960. P. 68). Сосуд из Гандж Дарех B, по свидетельству П. Вандивер, сделан лоскутным налепом (Vandiver, 1987. P. 16, 18),

Первая обожженная керамика на территории Леванта происходит с таких памятников, как Рас-Шамра, телль эл-Керх II, Мурейбит IIIA, Саби Абъяд II (Le Mière, 2017. P. 11; Le Mière, Picon, 1998. P. 9–12; Odaka, 2017. P. 64; Nieuwenhuyse, 2017. P. 19). В Анатолии она зафиксирована в Чатал Гуюк, Чаеню, Мезраа Телейлат, Салат Ками Яни и Акарчай тепе (Miyake, 2016. P. 221; Miyake, 2017. P. 55; Özdoğan, 2009. P. 29). Авторы указывают, что при изготовлении этой керамики применялись как растительные, так и минеральные примеси, иногда в сочетании друг с другом. По керамике Акарчай-тепе зафиксирован лоскутный и жгутовой налепы (Cruells et al., 2017. P. 31).

Таким образом, технология изготовления сосудов из пластичных материалов начала развиваться на Ближнем Востоке еще в период, предшествовавший широкому распространению керамических сосудов. Во второй половине VII тыс. до н.э. керамика уже широко распространяется на всей территории Ближнего Востока. К этому времени относится формирование в Северной Месопотамии протохассунской керамической традиции на территории между двух (скорее всего, более ранних) очагов возникновения гончарного производства. Позднее на этой территории на основе протохассунской развивается хассунская культура. Дальнейшее изложение посвящено специальному исследованию гончарных традиций населения, оставившего эти культуры.

Керамика неолита Северной Месопотамии (период протохассуны и хассунская культуры)

Категории форм сосудов. Для периода протохассуны и хассунской культуры известны следующие категории форм сосудов: сосуды-хранилища, кувшины, чаши, горшки и тазы (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 94–97), имеющие различную или близкую естественную структуру:

– сосуды-хранилища: губа + шея + предплечье + тулово + основание тулова;

– кувшины: губа + шея (или без шеи) + плечо + тулово + основание тулова;

– чаши: губа + плечо + предплечье + тулово + основание тулова; губа + тулово + основание тулова;

– горшки: губа + плечо + предплечье (или только плечо) + тулово + основание тулова;

– тазы: губа + тулово + основание тулова.

Основание тулова во всех случаях не выделено из тела сосуда.

В период протохассуны сосуды-хранилища составляли примерно 10% всех сосудов, но постепенно, с началом хассунской культуры их количество снизилось до нескольких процентов. Количество кувшинов на всех этапах более или менее постоянно и составляло 10–20%. Количество чаш постепенно увеличивается от 30 до 50%, а горшков, напротив, уменьшается. Доля тазов остается стабильной в пределах 10–20%. С периода архаической хассуны распространяются крышки с ручками. В единичном количестве встречаются жаровни, прямоугольные сосуды и сосуды на подставках. Разные категории посуды использовались для различных целей: хранения, приготовления и потребления пищи.

Посуда разных категорий имела особенности по размерам диаметра венчика: сосуды – хранилища – 31–52, кувшины – 4–24, чаши – 6–32, горшки – 9–40 см, тазы – 27–52 (и более) см.

Период протохассуны. Исходное пластичное сырье. На поселении телль Сотто более грубые сосуды делались из слабозапесоченной, а более тонкие – из среднезапесоченной ожелезненной глины с естественной примесью известняка, на поселении Ярым-тепе I – преимущественно из среднеожелезненной среднезапесоченной глины с естественной примесью известняка.

Формовочная масса состояла из смеси глины и навоза мелкого или крупного рогатого скота в концентрации 20–40% и 40–70%, в зависимости от категории посуды. Более грубые и крупные сосуды делались с добавкой органической примеси в более высокой концентрации (Бобринский, 1989. С. 327–333; Петрова, 2016).

Конструирование сосудов разных категорий производилось жгутовым (60–70%) или лоскутным налепом. На поселении телль Сотто зафиксировано использование и лоскутов, и жгутов при изготовлении одного сосуда. Однослойный лоскутный налеп отмечен как для толстостенных (до 20% случаев), так и тонкостенных сосудов всех категорий (60–70%). В ряде случаев отмечено выбивание внешней поверхности сосудов плоской колотушкой. На внутренней поверхности ряда сосудов имеются различные статические отпечатки, вероятно, от формы-основы или прокладки (Петрова, 2016).

Обработка поверхности сосудов проводилась сначала пучком травы, а потом кожей. Достаточно часто на сосудах поселения телль Сотто встречается известковая (или гипсовая?) обмазка. На Ярым-тепе I она отмечена только на более грубых и крупных сосудах. Именно при изготовлении крупных сосудов дольше сохранялись архаичные технологические приемы.

Придание прочности и водонепроницаемости большим сосудам, по мнению Н.О. Бадера (Бадер, 1989. С. 140), осуществлялось путем обжига в углубленных в очагах, остальной посуды – в кухонных печах. А.А. Бобринский детально изучил условия обжига сосудов из телль Сотто и отметил, что существовали три варианта обжига: под слоем горячей золы при температуре не более 450–550°С; в окислительной среде с использованием кратковременного их выдерживания в зоне действия температур каления, т.е. выше 650–700°С; в окислительной среде с использованием полных выдержек изделий при температурах каления глины (Бобринский, 1989. С. 334; 2006. С. 417–419).

Декорирование сосудов. Сосуды украшались различными налепами (преимущественно сосуды-хранилища и горшки), красной краской, вероятно, на основе охры и ангобом из менее ожелезненной глины (чаши и реже – горшки).

Хассунская культура (архаический этап). Навыки отбора исходного пластичного сырья у носителей хассунской культуры становятся более стандартизированными. Предпочтение отдавалось средне- и высокоожелезненной среднезапесоченной глине с естественной примесью известняка.

Формовочная масса состояла из глины и навоза мелкого рогатого скота в концентрации от 5 до 20%. Примерно 30% изделий (в основном чаши) совсем не содержали примеси навоза.

Конструирование сосудов. Постепенно появляется двуслойный лоскутный налеп с последующим выбиванием стенок плоской колотушкой, вероятно, на форме-основе.

Обработка поверхности сосудов производилась сначала пучком травы, а потом кожей, или только кожей (до 70% сосудов). В ряде случаев при изготовлении кувшинов, чаш и горшков поверхность заглаживалась каким-то твердым гладким инструментом и, возможно, тканью (от 10 до 30% в разных категориях сосудов). Отмечены единичные случаи нанесения на внешнюю поверхность разных видов сосудов известковой обмазки.

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости. В этот период гончары начинают использовать небольшие гончарные горны диаметром от 70 до 125 см с вертикальным током горячих газов (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 75, 76; Цетлин, 2004. С. 412, 413). Это самые древние горны в Западной Азии и, вероятно, в мире.

Декорирование сосудов. Красная краска значительно преобладает на всех категориях изделий. Также встречается ангобирование поверхности неожелезненной глиной (до 23% изделий). Налепы присутствуют только на 30% кувшинов.

Выводы. Гончарные традиции у населения периода протохассуны и архаической хассуны, несмотря на большое сходство, имеют вполне определенные различия. Во-первых, в период архаической хассуны практически исчезает традиция применения слабозапесоченного глинистого сырья, отбор глин становится более стандартизованным – в основном это среднезапесоченные глины. Во-вторых, в традициях составления формовочной массы наблюдается четкая тенденция постепенного уменьшения

концентрации навоза. Сначала она проявляется при изготовлении более тонкостенных изделий, а потом распространяется и на более крупные и толстостенные сосуды. В-третьих, при конструировании сосудов в период протохассуны применялись жгуты и лоскуты, налепленные в один слой, а в период архаической хассуны получает распространение двуслойный лоскутный налеп. Судя по имеющимся данным, по крайней мере часть сосудов обеих культур изготавливались с использованием форм-основ. В декорировании, наряду с устойчивым использованием красной краски, происходит постепенное уменьшение доли налепного орнамента.

Полученные данные позволяют сделать вывод, во-первых, о преемственности между носителями культуры периода протохассуны и части населения хассунской культуры архаического этапа, во-вторых, о том, что в основе зафиксированных различий и изменений гончарных традиций лежат контакты местного населения с какими-то инокультурными группами.

Общий взгляд на древнейшее гончарство Восточной Азии

В общем процессе эволюции материальной культуры на Ближнем Востоке представлены *догончарные* производства (сосуды из гипса и извести с растительными или минеральными добавками) и *протогончарные* производства разных стадий: первой (необожженые сосуды с растительной примесью), второй (древнейшие обожженные сосуды с грубыми растительными или минеральными примесями), третьей и четвертой (периоды протохассуны и архаической хассуны) (Бобринский, 1993; 1997; 1999).

В настоящее время на этой территории выделяются три или четыре центра древнейшего гончарного производства. Это северный и южный Китай, Япония и российский Дальний Восток.

Памятники с древнейшей керамикой в северном Китае (Nanzhuangtou, Yujiagou, Donghulin) наиболее надежно датируются примерно 12000 л.н. (Kuzmin, 2006; Gibbs, Jordan, 2013), а в Южном Китае – 13700–13300 л.н. (Keally et al., 2004).

На памятниках Японского архипелага (Odai Yamomoto I, Kitihara, Fucui Cave, Taisho 3) древнейшая керамика фазы 1 относится к 13500–12700 л.н., а фазы 2 – к 12700–11400 л.н. (Keall et al., 2004; Gibbs, Jordan, 2013).

Как уже отмечалось, в бассейне среднего и нижнего Амура древнейшие памятники с керамикой относятся к осиповской, громатухинской и новопетровской культурам, которые бытовали в интервале 13–10 тыс. л.н. (Derevianko et al., 2017).

По современным данным, насколько можно быть уверенным в точности радиоуглеродных датировок, наиболее ранним был центр, расположенный в южном Китае, несколько позднее начал функционировать центр на территории Японии, еще позднее – на Дальнем Востоке России.

Для керамики южного Китая исследователи отмечают, что сосуды были толстостенные (1.5–3 см), круглодонные, с примесью дробленого кварца, кальцита, песка, иногда рисовой шелухи; конструировались выдавливанием и лоскутным налепом; орнамент – веревочный, рельефный, реже резной, обжиг слабый (Pearson, 2005. P. 822–824; Tracey, 2011. P. 3–6 и др.), в северном Китае керамика имеет преимущественно плоское дно, реже округлое, толщина стенок 1–2 см; примесь песка, кварца, раковины и слюды; орнамент ногтевой, резной веревочный и рельефный, лепились лоскутным налепом; обжиг велся при разной температуре до 600–700°С (Жущиховская, 2004. С. 21–24; Kuzmin, 2006; Tracey, 2011; Shelach-Lavi, Tu, 2017).

По свидетельству исследователей, на территории Японии посуда фазы 1 была плоскодонной, изготавливалась из различной по пластичности глины без искусственных примесей лоскутным налепом, в большинстве случаев не имела орнамента (редко точечный и резной декор); использовалась для приготовления пищи. Сосуды фазы 2 имели как плоское, так и заостренное дно; в формовочной массе иногда присутствует растительная примесь или она без добавок, лепка производилась лоскутным налепом, реже из лент по кольцу, обжиг низкотемпературный; поверхность сосудов украшалась разнообразным орнаментом, выделено 22 стиля, объединенных в 6 групп (Жущиховская, 2004. С. 18–21; Kaner, 2009; Kaner, Taniguchi, 2017. P. 327–332; Morisaki, Natsuki, 2017).

Приведенные здесь предварительные технико-технологические данные пока не позволяют обоснованно говорить о большей или меньшей близости гончарных традиций разных регионов Восточной Азии друг с другом.

Керамика начального периода неолита Дальнего Востока России (осиповская, громатухинская и новопетровская культуры). Напомним, что приводимые ниже результаты получены на основе изучения обломков от 122 сосудов осиповской культуры, 12 сосудов громатухинской культуры и 22 сосудов новопетровской культуры. Сначала рассмотрим морфологические (форму и орнамент), а затем – технологические гончарные традиции носителей этих культур.

Форма сосудов. Осиповские сосуды характеризуются одинаковой естественной структурой, состоящей из губы, предплечья, тулова и основания тулова. Толщина стенок в 80% случаев колеблется в интервале 9–11 мм. Для новопетровских сосудов зафиксировано два вида естественной структуры форм: одна тождественна осиповским сосудам, другая состоит из губы + щеки + предплечья + тулова + основания тулова. Толщина стенок колеблется в интервале 6–10 мм. Такая же толщина стенок у громатухинских сосудов, а структуру форм у них выяснить не удалось.

Исходное пластичное сырье. Любопытные наблюдения были сделаны над исходным пластичным сырьем, которое преимущественно использовали гончары разных культур. Те и другие делали сосуды из так называемых равнинного и горного илов, но равнинный ил у осиповцев использовался в 50, у громатухинцев – в 25, а у новопетровцев – в 6% случаев. Напротив, горный ил доминировал у новопетровских (88%) и громатухинских (67%) гончаров, а у осиповских он составлял около 30%. Важно отметить, что только у последних зафиксированы случаи создания формовочной массы из смеси равнинного и горного илов (14%). Изредка все гончары использовали в качестве пластичного сырья илистые глины (6–8%).

Формовочная масса. Здесь выделяются две принципиально различные культурные традиции: одна – использование природного пластичного сырья в сочетании с особыми органическими растворами, которые вводились для придания сырью состояния, пригодного для лепки; другая – применение исходного сырья, без каких-либо искусственных добавок. Для гончаров осиповской культуры первая традиция была преобладающей (60%), а вторая использовалась менее широко (40%). Громатухинские гончары чаще не использовали искусственных примесей (75 %), но изредка вводили в формовочную массу подсушенную растительную органику в очень большой концентрации (около 1:1-2). Новопетровские гончары во всех случаях добавляли в горное илистое сырье особые органические растворы.

Конструирование сосудов. Гончары всех трех культур изготавливали сосуды с помощью лоскутного налепа (96–100%) на специальной форме-основе с последующим выбиванием колотушкой, которая применялась осиповскими гончарами в 64% случаев, громатухинскими – в 83, а новопетровскими – во всех случаях. Кроме того, осиповские и громатухинские гончары использовали для конструирования специальные формы-емкости (соответственно 36 и 17%). В качестве прокладок между формой-моделью и формовочной массой применялась мягкая кожа.

Обработка поверхности. Из-за сильной нарушенности внешней и внутренней поверхностей у значительной части образцов керамики информация о приемах их обработки имеет довольно общий характер. Прежде всего важно отметить, что осиповские гончары преимущественно использовали динамические приемы обработки поверхности (заглаживание, 68%), а новопетровские и громатухинские гончары – приемы статического воздействия: выбивание колотушкой и прокатывание (73–80%). Осиповцы применяли бороздчатое заглаживание поверхности сосудов пучком травы (24%), специальным гребенчатым инструментом (36%) и очень редко прокатывали поверхность рельефным штампом (5%). Громатухинцы, напротив, часто прокатывали поверхность своих изделий лопаткой с намотанной на нее веревкой, а новопетровцы в основном пользовались гладкой колотушкой.

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости. Для этого гончары использовали три режима термической обработки. Наиболее широко была распространена традиция длительного обжига сосудов в восстановительной среде при температуре до 550–600°С. У громатухинцев она зафиксирована в 75% случаев, у новопетровцев – в 65, у осиповцев – в 54. Помимо этого, носители всех трех культур иногда использовали неполный обжиг сосудов в окислительной среде при высокой температуре (15–25%), а осиповские и новопетровские гончары достаточно часто применяли длительный низкотемпературный обжиг, который завершался короткой выдержкой сосудов в окислительной среде при высокой

температуре (31 и 12%). Такая высокотемпературная термическая обработка носила магический характер и была связана с ритуальным очищением сосудов перед их использованием (Бобринский, 1999. С. 101). Более редким способом магической обработки сосудов было обваривание в особом органическом растворе. Этот способ у осиповских гончаров отмечен на 33% изделий, а у новопетровских – на 29%.

Декорирование сосудов. Примерно в 70% случаев осиповским и громатухинским сосудам путем бороздчатого заглаживания или прокатывания внешней поверхности придавался рельефный облик, который отражает технологически-декорированное состояние поверхности (Цетлин, 2012. С. 186–189). Наиболее широко применялся гребенчатый орнамент (соответственно 13 и 27%). Изредка на осиповской керамике встречаются ямчатые отпечатки (8%) и налепной валик с насечками (9%). Последний получает широкое распространение на керамике новопетровской культуры (65%), иногда сочетаясь с ямчатыми вдавлениями (6%). Немного более поздняя новопетровская керамика уже имела специально нанесенный орнамент, что отражает собственно декорированное состояние поверхности изделий.

Использование сосудов. Выявились две сферы применения сосудов: одна “горячая” – для приготовления пищи на огне, другая “холодная” – для хранения припасов. У носителей осиповской и громатухинской культур эти две сферы были распространены практически одинаково, а у новопетровцев значительно преобладало использование сосудов для приготовления на огне горячей пищи (88%).

Таким образом, гончарные традиции у носителей всех трех культур обладали значительным сходством, а отмеченные различия были связаны, во-первых, с адаптивными процессами к локальным природным условиям (использование разных видов илов), во-вторых, с несколько более развитым гончарством новопетровцев (нанесение собственно орнамента на поверхность изделий) и, в-третьих, с определенными культурными особенностями, которые проявились в различиях состава формовочной массы, применении разных форм-моделей, приемов обработки поверхности сосудов, особенностях декора и т.п.

Керамика раннего неолита (мариинская культура). В результате изучения обломков от 149 сосудов были получены следующие данные о культурных традициях мариинских гончаров.

Форма сосудов. Естественная структура мариинских сосудов отличалась заметным разнообразием конструкций: 1) губа + тулово + основание тулова (20%), 2) губа + предплечье + тулово + основание тулова (63%), 3) губа + щека + предплечье + тулово + основание тулова (11%) и 4) губа + шея + предплечье + тулово + основание тулова (6%). Толщина стенок в 78% случаев равнялась 6–8 мм.

Исходное пластичное сырье. В качестве пластичного сырья гончары использовали только природную глину преимущественно слабой (57%) или средней (36%) ожелезненности и слабой (78%) или средней (19%) запесоченности.

Формовочная масса. Во всех случаях керамика имела одинаковый состав формовочной массы: глина + шамот + органический раствор. Шамот добавлялся в концентрации 1:4-5 (93% случаев).

Конструирование сосудов. Сосуды практически во всех случаях изготавливались лоскутным налепом на форме-основе с последующим выбиванием гладкой колотушкой.

Обработка поверхности. Поверхности сосудов в большинстве случаев заглаживались (77%). В остальных случаях для обработки внешней поверхности применялось выбивание гладкой колотушкой, а на внутренней иногда сохранялись следы от формы-основы. Заглаживание производилось либо гладким твердым орудием вроде каменной кальки (53%), либо каким-то мягким материалом, предположительно кожей (24%).

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости. Мариинские гончары практически в равной степени применяли два режима обжига сосудов: длительный низкотемпературный в восстановительной среде (50%) и такой же обжиг, завершавшийся короткой выдержкой изделий в окислительной среде при температуре выше 650°С (45%). Редко применялся неполный обжиг в окислительной среде при температуре каления глины. В 20% случаев зафиксирован прием обваривания сосудов.

Декорирование сосудов. На внешней поверхности сосудов в районе венчика и на его торце наносился орнамент, выполненный различными гребенчатыми штампами (97%). Наиболее часто у венчика наносились один или два ряда наклонного вправо или влево гребенчатого

орнамента. Разнообразные по ориентации гребенчатые отпечатки покрывали также торец венчика сосуда.

Использование сосудов. Судя по изученным материалам, посуда в основном использовалась для приготовления горячей пищи (66%) и реже для иных хозяйственных нужд, не связанных с огнем (34%).

Таким образом, следует отметить, что гончарные традиции носителей мариинской культуры были очень однородны. Это проявилось в широком использовании слабозапесоченной природной глины, в устойчивости рецепта формовочной массы, в сознательном декорировании сосудов гребенчатым орнаментом и т.п. Гончарные традиции носителей осиповской, громатухинской и новопетровской культур относятся к 1–3, а традиции носителей мариинской культуры к 4 стадии эволюции *протогончарного* производства (Медведев и др., 2016).

Особенное и общее в развитии двух центров происхождения древнейшего гончарства

Сначала остановимся на основных различиях Ближневосточного и Дальневосточного регионов. В силу природных условий на Ближнем Востоке древнейшее гончарство на всех этапах базировалось на использовании главным образом природных глин. Термическая обработка изделий осуществлялась путем высокотемпературного обжига различной длительности, даже с использованием на несколько более позднем этапе специальных гончарных горнов. С самых ранних этапов на часть сосудов наносился собственно орнамент, скульптурный и расписной.

Развитие древнейшего гончарства в Восточной Азии имело существенные отличия. В начальный период такие производства базировались на разных видах илистого сырья, и только позднее гончары перешли на использование природных глин. Сосуды подвергались главным образом длительному низкотемпературному обжигу в восстановительной среде в более примитивных обжигательных устройствах (вероятно, типа очагов). Поверхность сосудов на раннем этапе имела преимущественно технологически-декорированное состояние и только постепенно увеличивалась доля собственно декора, представленного графическим орнаментом.

Отмеченные различия древнейшего гончарства двух сравниваемых центров, вероятно, обусловлены двумя глобальными причинами. Это, во-первых, наличие на Ближнем Востоке длительного периода освоения свойств глины еще в догончарную эпоху, во-вторых, тот факт, что в Ближневосточном регионе гончарство формировалось уже в эпоху развитого производящего хозяйства. Оба этих фактора отсутствовали на территории Восточной Азии.

Что касается общих черт, то здесь следует отметить применение и на Ближнем Востоке, и в Восточной Азии для конструирования сосудов лоскутного налепа, а также использование при этом специальных форм-моделей.

Сходство этих традиций скорее всего имеет эпохальный характер и отражает общие закономерности развития приемов конструирования посуды. В целом для обоих регионов это был период постепенного формирования всего комплекса гончарных традиций, но на Ближнем Востоке этот процесс шел быстрее и интенсивнее, чем в Восточной Азии, поскольку относился к значительно более позднему времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. 368 с.

Бадер Н.О., Ле Мьер М. От докерамического к керамическому неолиту в Синджаре: начало протохассуны // Проблемы современной археологии. М.: Таус, 2008. С. 30–48.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Технологическая характеристика керамики из телль Сотто и Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 327–334.

Бобринский А.А. Происхождение гончарства // Українське гончарство. Кн. 1. Київ; Опішне: Молодь, 1993. С. 39–55.

Бобринский А.А. О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. 1. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1997. С. 90–96.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Ред. А.А. Бобринский. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии

Поволжья. Вып. 4. Самара: Самарский гос. соц.-пед.ун-т, 2006. С. 413–421.

Жущиховская И.С. Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии (проблемы систематизации, технологии, генезиса) // Актуальные проблемы Дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 109–150.

Медведев В.Е. Неолит Амурского бассейна // III Северный археологический конгресс (8–13 ноября 2010): доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 54–91.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В., Лопатина О.А. О протогончарстве на Дальнем Востоке России (Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2016. С. 126–129.

Мерперт Н.Я. К вопросу об архаическом этапе хассунской культуры (по материалам нижних горизонтов Ярымтепе I) // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 11–27.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981. 320 с.

Петрова Н.Ю. Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I // РА. 2012. № 2. С. 15–22.

Петрова Н.Ю. Технологическое изучение керамики поселения Ярымтепе I (периоды протохассуны и архаической Хассуны) // КСИА. 2016. № 242. С. 48–59.

Петрова Н.Ю. О становлении керамического производства в Передней Азии // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: сб. к 90-летию со дня рождения Р.М. Мунчаева. М.: ИА РАН, 2019. С. 413–422.

Цетлин Ю.Б. Гончарный горн на памятнике Телль Хазна I в Сирии // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культово-административный центр VI–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. С. 404–424.

Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 421–425.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Bernbeck R. Merging clay and fire: earliest evidence from the Zagros mountains // The Emergence of pottery in West Asia. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 97–118.

Cruells W., Faura J.M., Molist M. Akarçay Tepe and Tell Halula in the context of the earliest production of ceramics in West Asia // The Emergence of pottery in West Asia. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 27–42.

Derevianko A.P., Kuzmin Y.V., Burr G.S., Jull A.J.T., Kim J.C. AMS ^{14}C age of the earliest pottery from The Russian Far East: 1996–2002 results // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 2004. № 223–224. P. 735–739.

Esin U. The Neolithic in Turkey: a general review // Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New Discoveries. Istambul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari, 1999. P. 13–23.

Gibbs K., Jordan P. Bridging the boreal forest: Siberian archaeology and the emergence of pottery among prehistoric hunter-gatherers of Northern Eurasia // Sibirica. 2013. V. 12. P. 1–38.

Kaner S. Long-Term Innovation: The Appearance and Spread of Pottery in the Japanese Archipelago // Ceramics before farming / Eds P. Jordan, M. Zvelebil. London: UCL-press, 2009. P. 93–120.

Kaner S., Taniguchi Y. The Development of Pottery and Associated Technological Developments in Japan, Korea, and the Russian Far East // Handbook of East and Southeast Asian archaeology / Eds J. Habu, P.V. Lape, J.W. Olsen, A.M. Eastep. New York: Springer, 2017. P. 321–345.

Keally Ch.T., Taniguchi Y., Kuzmin Y.V., Shewkomud I.Y. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia // Radiocarbon. 2004. V. 46. P. 345–351.

Kuzmin Y.V. Chronology of the Earliest Pottery in East Asia: Progress and Pitfalls // Antiquity. 2006. V. 80. P. 362–371.

Kuzmin Y.V. The origins of pottery in East Asia and neighboring regions: An analysis based on radiocarbon data // Quaternary International. 2017. V. 441. P. 29–35.

Le Mière M. The earliest pottery of West Asia: questions concerning causes and consequences // The Emergence of pottery in West Asia / Eds: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 9–16.

Le Mière M., Picon M. Les débuts de la céramique au Proche-Orient // Palèorient. 1998. V. 24. № 2. P. 5–26.

Matson F.R. Specialized ceramic studies and radioactive-carbon techniques // Braidwood R.J., Howe B. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1960. P. 63–70.

Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London: Thames and Hudson Ltd., 1975. 300 p.

Miyake Y. Origins of pottery as technological innovation in Southwest Asia // Anatolian Metal VII: Anatolia

and Neighbours 10.000 years ago. Bochum, 2016 (Der Anschitt; Beiheft 31). P. 115–124.

Miyake Y. The earliest pottery of Salat Camii Yani // The Emergence of pottery in West Asia / Eds: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 55–59.

Morisaki K., Natsuki D. Human behavioral change and the distributional dynamics of early Japanese pottery // Quaternary International. 2017. V. XXX. P. 1–11.

Nieuwenhuyse O.P. The initial pottery Neolithic at tell Sabi Abyad, Northern Syria // The Emergence of pottery in West Asia / Eds: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 17–26.

Odaka T. The emergence of pottery in the Northern Levant: a recent view from Tell el-Kerkh // The Emergence of pottery in West Asia / Eds.: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 61–71.

Özdoğan M. Earliest use of pottery in Anatolia // Early farmers, late foragers, and ceramic traditions: on the beginning of pottery in the Near East and Europe. Newcastle upon Tyne: Cambridge scholars publishing Ltd., 2009. P. 22–43.

Pearson R. The social context of early pottery in the Lingnan region of south China // Antiquity. 2005. V. 79. 306. P. 819–828.

Petrova N.Yu. A technological study of Hassuna culture ceramics (Yarim Tepe I settlement) // Documenta Praehistorica. 2012. V. XXXIX. P. 75–81.

Shelach-Lavi G., Tu D. Food, pots and socio-economic transformation: The beginning and intensification of pottery production in North China // Archaeological Research in Asia. 2017. V. 12. P. 1–10.

Simpson St.J. Prehistoric Ceramics in Mesopotamia // Pottery in the making. World ceramics traditions. London: British museum press, 1997. P. 38–43.

Smith P.E.L. Architectural innovation and experimentation at Ganj Dareh, Iran // Word Archaeology. 1990. V. 21. 3. P. 323–335.

Tracey L.-D. Lu. Early Pottery in South China // Asian Perspectives. 2010. V. 49. №. 1. P. 1–42.

Tsuneki A. The significance of research on the emergence of pottery in West Asia // The Emergence of pottery in West Asia / Eds: A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel. Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 2–8.

Vandiver P. Sequential slab construction: a conservative Southwest Asiatic ceramic tradition, ca. 7000–3000 B.C. // Paleorient. 1987. V. 13. № 2. P. 9–35.

THE MIDDLE AND FAR EAST: GENERAL AND SPECIAL OF THE TWO CENTRES OF POTTERY EMERGENCE

Yuri B. Tsetlin[1,*], Natalya Yu. Petrova[2,]**

[1]Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
[2]The State Historical Museum, Moscow, Russia

[*]E-mail: yu.tsetlin@mail.ru)
[**]E-mail: petrovanatalya7@mail.ru

The article presents in details the data recently obtained by the authors as a result of specified technological study of ancient Middle Eastern pottery (Proto-Hassuna period and the Hassuna culture (the archaic stage)) and the earliest pottery of the Russian Far East (the Osipovka, Gromatukha, Novopetrovka and Mariinskoe cultures). In total, fragments of approximately 823 vessels were studied. The authors reconstructed earliest ancient traditions inherent in all stages of pottery technology, shapes of the vessels, their decoration and use in everyday life. Finally, the comparative analysis of the earliest Near Eastern and Far Eastern pottery traditions was conducted. The paper summarizes similarities and peculiarities of the pottery emergence in these two regions.

Keywords: chronology, periodization, the Neolithic, the Mesolithic, the North Caucasus, stone tools, trapeze, pressure.

REFERENCES

Bader N.O., 1989. Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest farmers of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 368 p.

Bader N.O., Le M'yer M., 2008. From pre-ceramic to ceramic Neolithic in Sinjar: the beginning of Proto-Hassuna. *Problemy sovremennoy arkheologii [Issues of modern archaeology]*. Moscow: Taus, pp. 30–48. (In Russ.)

Bernbeck R., 2017. Merging clay and fire: earliest evidence from the Zagros mountains. *The Emergence of pottery in West Asia*. Oxford: Oxbow Books, pp. 97–118.

Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A.A., 1989. Technological characteristics of the pottery from Tell Sotto and Kultepe. *Bader N.O. Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest farmers of Northern Mesopotamia]*. Moscow: Nauka, pp. 327–334. (In Russ.)

Bobrinskiy A.A., 1993. The origin of pottery. *Ukraïns'ke goncharstvo [Ukrainian pottery]*, 1. Kiïv; Opishne: Molod', pp. 39–55. (In Russ.)

Bobrinskiy A.A., 1997. On the structure and origin of pottery technology. *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii: Pamyati Vasiliya Dmitriyevicha Beletskogo [Monuments of antiquity. Concepts. Discoveries. Versions: In memory of Vasily Dmitrievich Beletsky]*, 1. St.Petersburg; Pskov: IIMK RAN, pp. 90–96. (In Russ.)

Bobrinskiy A.A., 1999. Pottery technology as an object of historical and cultural study. *Aktual'nyye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical issues of studying ancient pottery]*. A.A. Bobrinskiy, ed. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109. (In Russ.)

Bobrinskiy A.A., 2006. Technological data on the origin of pottery. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [The issues of the Volga region archaeology]*, 4. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskiy universitet, pp. 413–421. (In Russ.)

Cruells W., Faura J.M., Molist M., 2017. Akarçay Tepe and Tell Halula in the context of the earliest production of ceramics in West Asia. *The Emergence of pottery in West Asia*. Oxford: Oxbow Books, pp. 27–42.

Derevianko A.P., Kuzmin Y.V., Burr G.S., Jull A.J.T., Kim J.C., 2004. AMS ^{14}C age of the earliest pottery from The Russian Far East: 1996–2002 results. *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research*. № 223–224, pp. 735–739.

Esin U., 1999. The Neolithic in Turkey: a general review. *Neolithic in Turkey. The cradle of civilization. New Discoveries*. Istambul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari, pp. 13–23.

Gibbs K., Jordan P., 2013. Bridging the boreal forest: Siberian archaeology and the emergence of pottery among prehistoric hunter-gatherers of Northern Eurasia. *Sibirica*, vol. 12, iss. 1, pp. 1–38.

Kaner S., 2009. Long-Term Innovation: The Appearance and Spread of Pottery in the Japanese Archipelago. *Ceramics before farming*. P. Jordan, M. Zvelebil, eds. London: UCL-press, pp. 93–120.

Kaner S., Taniguchi Y., 2017. The Development of Pottery and Associated Technological Developments in Japan, Korea, and the Russian Far East. *Handbook of East and Southeast Asian archaeology*. J. Habu, P.V. Lape, J.W. Olsen, A.M. Eastep, eds. New York: Springer, pp. 321–345.

Keally Ch.T., Taniguchi Y., Kuzmin Y.V., Shewkomud I.Y., 2004. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia. *Radiocarbon*, vol. 46, iss. 1, pp. 345–351.

Kuzmin Y.V., 2006. Chronology of the Earliest Pottery in East Asia: Progress and Pitfalls. *Antiquity*, vol. 80, iss. 308, pp. 362–371.

Kuzmin Y.V., 2017. The origins of pottery in East Asia and neighboring regions: An analysis based on radiocarbon data. *Quaternary International*, 441, pp. 29–35.

Le Mière M., 2017. The earliest pottery of West Asia: questions concerning causes and consequences. *The Emergence of pottery in West Asia*. A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel, eds. Oxford: Oxbow Books, pp. 9–16.

Le Mière M., Picon M., 1998. Les débuts de la céramique au Proche-Orient. *Palèorient*, vol. 24, no. 2, pp. 5–26.

Matson F.R., 1960. Specialized ceramic studies and radioactive-carbon techniques. *Braidwood R.J., Howe B. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 63–70.

Medvedev V.E., 2010. The Neolithic of the Amur river region. *III Severnyy arkheologicheskiy kongress: doklady [The III Northern Archaeological Congress: Reports]*. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: IzdatNaukaServis, pp. 54–91. (In Russ.)

Medvedev V.E., Tsetlin Yu.B., Volkova E.V., Lopatina O.A., 2016. On proto-pottery in the Far East of Russia (the Amur River region). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Issues of archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXII. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 126–129. (In Russ.)

Mellaart J., 1975. *The Neolithic of the Near East*. London: Thames and Hudson Ltd. 300 p.

Merpert N.Ya., 1982. On the archaic stage of the Hassuna culture (based on materials from the lower horizons of Yarym Tepe I). *Arkheologiya Starogo i Novogo sveta [Archaeology of the Old and New Worlds]*. Moscow: Nauka, pp. 11–27. (In Russ.)

Miyake Y., 2016. Origins of pottery as technological innovation in Southwest Asia. *Anatolian Metal VII: Anatolia and Neighbours 10.000 years ago*. Bochum, pp. 115–124. (Der Anschitt, Beiheft 31).

Miyake Y., 2017. The earliest pottery of Salat Camii Yani. *The Emergence of pottery in West Asia*. A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel, eds. Oxford: Oxbow Books, pp. 55–59.

Morisaki K., Natsuki D., 2017. Human behavioral change and the distributional dynamics of early Japanese pottery. *Quaternary International*, XXX, pp. 1–11.

Munchayev R.M., Merpert N.Ya., 1981. Rannezemledel'cheskiye poseleniya Severnoy Mesopotamii [Early farming settlements of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 320 p.

Nieuwenhuyse O.P., 2017. The initial pottery Neolithic at tell Sabi Abyad, Northern Syria. *The Emergence of pottery in West Asia*. A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel, eds. Oxford: Oxbow Books, pp. 17–26.

Odaka T., 2017. The emergence of pottery in the Northern Levant: a recent view from Tell el-Kerkh. *The Emergence of pottery in West Asia*. A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel, eds. Oxford: Oxbow Books, pp. 61–71.

Özdoğan M., 2009. Earliest use of pottery in Anatolia. *Early farmers, late foragers, and ceramic traditions: on the beginning of pottery in the Near East and Europe*. Newcastle upon Tyne: Cambridge scholars publishing Ltd, pp. 22–43.

Pearson R., 2005. The social context of early pottery in the Lingnan region of south China. *Antiquity*, vol. 79, iss. 306, pp. 819–828.

Petrova N.Yu., 2012. A technological study of Hassuna culture ceramics (Yarim Tepe I settlement). *Documenta Praehistorica*, XXXIX, pp. 75–81.

Petrova N.Yu., 2012. Technological study of the pottery from the Hassuna settlement of Yarim Tepe I. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 2, pp. 15–22. (In Russ.)

Petrova N.Yu., 2016. Technological studies of ceramics from Yarimtepe I (Proto-Hassuna and archaic Hassuna periods). *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 242, pp. 48–59. (In Russ.)

Petrova N.Yu., 2019. On the formation of ceramic production in Asia Minor. *Gory Kavkaza i Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka: sbornik k 90-letiyu so dnya rozhdeniya R.M. Munchayeva [Mountains of the Caucasus and the Mesopotamian steppe at the dawn of the Bronze Age: Collected papers to the 90th birthday of R.M. Munchaev]*. Moscow: IA RAN, pp. 413–422. (In Russ.)

Shelach-Lavi G., Tu D., 2017. Food, pots and socio-economic transformation: The beginning and intensification of pottery production in North China. *Archaeological Research in Asia*, 12, pp. 1–10.

Simpson St.J., 1997. Prehistoric Ceramics in Mesopotamia. *Pottery in the making. World ceramics traditions*. London: British museum press, pp. 38–43.

Smith P.E.L., 1990. Architectural innovation and experimentation at Ganj Dareh, Iran. *Word Archaeology*, vol. 21, iss. 3, pp. 323–335.

Tracey L.-D. Lu., 2010. Early Pottery in South China. *Asian Perspectives*, vol. 49, no. 1, pp. 1–42.

Tsetlin Yu.B., 2004. Pottery kiln at the Tell Hazna I site in Syria. *Munchayev R.M., Merpert N.Ya., Amirov Sh.N. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr VI–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Khazna I. Cult and administrative centre of the 6th–3rd millennia BC in Northeastern Syria]*. Moscow: Paleograf, pp. 404–424. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., 2006. On determining the iron content of the feedstock for pottery ware production. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [The issues of Volga region archaeology]*, 4. Samara: Nauchno-tekhnicheskiy tsentr, pp. 421–425. (In Russ.)

Tsetlin Yu.B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient pottery. Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.

Tsuneki A., 2017. The significance of research on the emergence of pottery in West Asia. *The Emergence of pottery in West Asia*. A. Tsuneki, O. Nieuwenhuyse, S. Campbel, eds. Oxford: Oxbow Books, pp. 2–8.

Vandiver P., 1987. Sequential slab construction: a conservative Southwest Asiatic ceramic tradition, ca. 7000–3000 B.C. *Paleorient*, vol. 13, no. 2, pp. 9–35.

Zhushchikhovskaya I.S., 2002. Early pottery of the Far East and East Asia (issues of systematization, technology and origin). *Aktual'nyye problemy Dal'nevostochnoy arkheologii [Topical issues of the Far Eastern archaeology]*. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 109–150. (In Russ.)

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 44–59

ПОЙМА КАМЫ: РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ СООБЩЕСТВ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2020 г. Н.Е. Зарецкая[1,*], Е.Л. Лычагина[2,3,], Е.Г. Лаптева[4,***], С.С. Трофимова[4,****], А.В. Чернов[5,*****]**

[1]Институт географии РАН, Москва, Россия
[2]Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия
[3]Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия
[4]Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия
[5]Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

[*]E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru
[**]E-mail: LychaginaE@mail.ru
[***]E-mail: lapteva@ipae.uran.ru
[****]E-mail: svetlana.trofimova@ipae.uran.ru
[*****]E-mail: Alexey.chernov@inbox.ru

Поступила в редакцию 27.12.2018 г.

В статье представлены результаты комплексных исследований, проведенных с целью реконструкции среды обитания древнего человека в Чашкинском геоархеологическом районе (бассейн верхней Камы, Среднее Предуралье) на детальной хронологической и событийной канве голоцена. Было установлено, что активное освоение региона часто совпадало с маловодными периодами. В раннем голоцене в регионе развивались леса таежного типа. Существовавшие в то время мезолитические стоянки располагались на определенном расстоянии от русла реки. Основным занятием населения была охота. В среднем голоцене развивались смешанные леса подтаежного типа. Со среднеатлантическим климатическим оптимумом совпадает широкое распространение неолитических стоянок, которые располагались по краям террасы на берегу Камы или ее залива. Основными занятиями населения была охота и различные способы рыбной ловли. Около 4200 кал. л.н. фиксируется глобальное похолодание на границе среднего и позднего голоцена, характеризующееся засушливыми условиями. В это время берега Камы населяли представители гаринской энеолитической культуры. Стоянки располагались на низких поверхностях вблизи воды, что было обусловлено уменьшением водности реки. Рыболовство играло ведущую роль в хозяйственных занятиях населения. Во второй половине I тыс. н.э. в регионе появилось средневековое население, стоянки которого были приурочены к речкам и ручьям, впадающим в озеро. Основу хозяйственных занятий составляли земледелие и домашнее скотоводство, в то время как охота и рыболовство играли второстепенную роль.

Ключевые слова: Верхнее Прикамье, голоцен, мезолит, неолит, энеолит, средневековье, палеоэкология, комплексные исследования.

DOI: 10.31857/S086960630008253-7

Чашкинский геоархеологический район расположен в пригороде г. Березники и южной части Соликамского района Пермского края. Он получил свое название от Чашкинского озера – системы соединенных протоками палеорусел р. Камы, протягивающихся с севера на юг. На сегодняшний день здесь известно более 20 археологических памятников (рис. 1): 5 мезолитических, 11 неолитических, 2 эпохи энеолита и 4 средневековых (Лычагина, Сарапулов, 2018; Крыласова и др., 2014). С 2012 г. в Чашкинском геоархеологическом районе проводятся комплексные палеоэкологические и археологические исследования (Лычагина, Чернов и др., 2015; Лычагина, Зарецкая и др., 2016; Lychagina et al., 2013).

Высокая концентрация археологических памятников, их расположение в широкой долине р. Камы, а также плохая сохранность органогенных материалов в культурных слоях обусловили

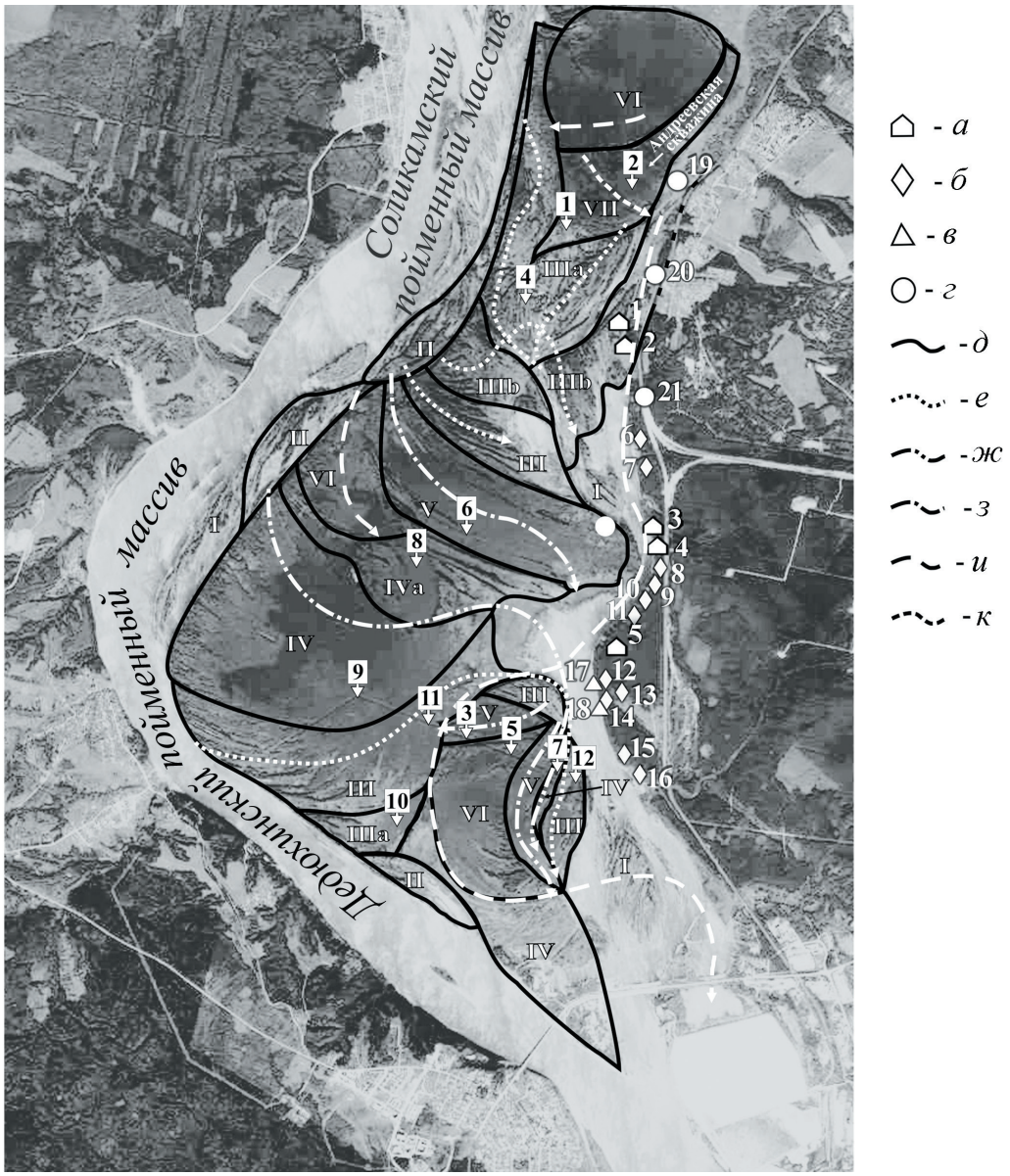

Рис. 1. Расположение археологических памятников в Чашкинском районе. Условные обозначения: *а–г* – археологические памятники (*а* – мезолит, *б* – неолит, *в* – энеолит, *г* – средневековье); *д* – границы пойменных генераций; *е–к* – палеорусла пойменных генераций (*е* – третьей, *ж* – четвертой, *з* – пятой, *и* – шестой, *к* – седьмой). Арабскими цифрами даны номера памятников, арабскими цифрами со стрелками вниз – номера скважин ручного бурения, римскими цифрами – номера пойменных генераций.

Fig. 1. Location of archaeological sites in Chashkinsky area

необходимость проведения палеорусловых исследований, сопряженных с радиоуглеродным датированием этапов развития долинного комплекса в Чашкинском районе. При этом решались две задачи: хронологическая привязка памятников к тому или иному этапу формирования речной долины и выявление особенностей расположения памятников относительно русла реки (Зарецкая, Чернов, 2014).

Для реконструкции локальных условий среды обитания человека в окрестностях Чашкинского озера в голоцене с помощью палеокарпологического метода были изучены естественные фоновые разрезы Дедюхинского пойменного массива (Лычагина, Чернов и др., 2015; Лычагина, Зарецкая и др., 2016).

Палинологические исследования были начаты с изучения отложений культурных слоев археологических памятников Чашкинское Озеро IV и Чашкинское Озеро II, по результатам которых были охарактеризованы растительные палеосообщества в неолите и энеолите (Лаптева,

Таблица 1. Описания кернов скважин с глубинами отбора радиоуглеродных образцов, полученными ^{14}C-датами и калиброванным возрастом

Table 1. Descriptions of the test well cores with the depths of sampling of radiocarbon samples, obtained 14C dates and calibrated age

№ скважины	Пойменная генерация	Координаты	Стратиграфия, глубина от поверхности (глубина отбора ^{14}C-образцов), см	Номер ГИН	^{14}C-дата	Калиброванный возраст, л.н. (1 s)
1	VII	59° 32.530′ 56° 41.310′	0–150 – суглинок бурый очень плотный 150–400 – переслаивание песка м/з сизого и суглинка легкого (прослои 1–15 см) 400–480 – суглинок оторфованный (480–460 – ^{14}C) 480–485 – суглинок сизый (забой)	15322	8000±110	8720–9010
2 (Андреевская)	VII	59° 32.862′ 56° 42.337′	0–130 – торф 130–305 – торф древесный 305–460 – суглинок оторфованный (450–460 – ^{14}C) 460–470 – песок 470–478 – суглинок сизый (забой)	15321	7490±90	8200–8380
3	VI	59°28.613′ 56°40.374′	0–170 – торф древесный 170–180 – переслаивание сапропеля коричневого и торфа 180–270 – торф (255–270 – ^{14}C) 270–360 – суглинок тяжелый, плотный 360–370 – песок т/з, влажный (забой)	15049	6150±40	7160–6990
4	VI	59° 31.932′ 56° 40.983′	0–150 – суглинок комковатый плотный тяжелый 150–200 – суглинок тяжелый сизый ластичный 200–230 – суглинок оторфованный с древесными остатками 230–300 – суглинок тяжелый сизый пластичный 300–325 - суглинок оторфованный с древесными остатками (325–310 см – ^{14}C) 325–350 – суглинок сизый пластичный тяжелый, снизу опесчаненный 350–352 – песок (забой)	15324	5700±40	6440–6530
5	VI	59°28.542′ 56°40.879′	0–180 – торф 180–240 – торф коричневый 240–340 – суглинок серый оторфованный (330–340 – ^{14}C) 340–360 – суглинок опесчаненный (забой)	15045	5220±100	5900–6120

Окончание таблицы 1.

6	V	59°30.402′ 56°39.640′	0–175 – торф древесный 175–195 – суглинок оторфованный 195–220 – торф (210–220 – ^{14}C) 220–280 – суглинок плотный, серый 280–290 – песок т/з, серый, влажный (забой)	15046	4750±60	5465–5580
7	IV	59°28.436′ 56°41.252′	0–10 – дернина 10–30 – торф разложившийся, древесный 30–140 – торф древесный 140–160 – суглинок оторфованный (150–150 – ^{14}C) 160–185 – суглинок 185–320 – песок м/з, серый (забой)	15044	4350±40	4860–4960
8	IV	59°30.207′ 56°39.304′	0–220 – торф, в средней части древесный 220–300 – суглинок сизый, оторфованный (290–300 –^{14}C) 300–305 – суглинок сизый (забой)	15047	3940±75	4285–4450
9	IV	59° 29.047′ 56° 38.615′	0–275 – торф (275–260 – ^{14}C) 275 – 325 - суглинок мягкий, сизый, тяжелый 325–330 – песок (забой)	15323	3500±50	3710–3830
10	IIIa	59° 28.152′ 56° 39.310′	0–200 – торф 200–214 – суглинок оторфованный (202–214 – ^{14}C) 214–400 – суглинок серый тяжелый 400–405 – песок (забой)	15317	3150±40	3345–3410
11	III	59°28.788′ 56°39.632′	0–152 – торф (на гл. 120 см тонкая прослойка суглинка) (140–150 – ^{14}C) 152–190 – суглинок тяжелый, плотный, серый 190–198 – песок (забой)	15048	2610±50	2710–2780
12	III	59°28.415′ 56°41.478′	0–160 – торф (150–160 – ^{14}C) 160–175 – суглинок сизый тяжелый 175–180 – песок м/з-т/з оглеенный (забой)	15043	2380±80	2335–2500

2014; Lychagina et al., 2013). Для реконструкции палеорастительности Чашкинского района в среднем и позднем голоцене были получены первые палинологические данные, сопряженные с результатами радиоуглеродного датирования торфяных отложений Дедюхинского острова (Лаптева и др., 2017).

Таким образом, авторы данного исследования ставили перед собой ряд частных задач, объединенных целью комплексной реконструкции среды обитания древнего человека в Среднем Предуралье на детальной хронологической и событийной канве голоцена. Данная работа подводит итоги семилетних исследований Чашкинского района.

Материалы и методы. Раскопки археологических памятников проводились с трехмерной фиксацией всех находок, кроме мелких чешуек. Весь грунт просеивался в ситах с ячейкой 0.5 см. Слои земли снимались условными горизонтами параллельно дневной поверхности. Мощность горизонтов варьировала от 0.05 до 0.2 м в зависимости от особенностей стратиграфии отдельного памятника.

После проведения раскопок все находки подвергались камеральной обработке. Поверхности изделий из камня очищались раствором соляной кислоты, после чего просматривались под стереоскопическим микроскопом Микромед МС-2-ZOOM вне зависимости от наличия/отсутствия следов вторичной обработки на предмете. Изучение фрагментов керамических сосудов было проведено методом комплексного применения бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования (Бобринский, 1978).

Для определения приуроченности археологических памятников к определенным ландшафтам внутри речной долины и хронологической привязки к их изменениям проводился палеорусловой анализ параллельно с радиоуглеродным датированием. Методика подобных исследований изначально была отработана применительно к стоянкам мезолита и неолита на р. Вычегда в среднем ее течении (Карманов и др., 2013) и затем успешно применена уже в Чашкинском районе (Лычагина, Чернов и др., 2015). Была составлена предварительная палеогеоморфологическая карта, для верификации которой в наиболее характерных местах каждой генерации – со дна палеорусел и ложбин – с помощью ручного бурения были отобраны радиоуглеродные образцы. Всего было опробовано 12 скважин (рис. 1; табл. 1); даты были получены по образцам торфа или оторфованного суглинка из подошвы органогенных горизонтов. Часть образцов (древесный уголь и нагар на керамике) была отобрана непосредственно с археологических памятников (Лычагина, Зарецкая, 2015). Образцы обрабатывались и датировались в разных лабораториях: в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (индекс ГИН) (методики описаны в Zaretskaya et al., 2012); в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды Национальной академии наук Украины (Киев) (индекс Ki); в изотопном центре РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) (индекс SPb); в радиоуглеродной лаборатории института Геологии и минералогии Сибирского отделения РАН (индекс СОАН). Все даты проходили процесс калибровки (перевода радиоуглеродного возраста в календарный) с помощью программы OxCal 3.10. с использованием опции sum probability distribution (Bronk Ramsey, 1995; 2000; Reimer et al., 2009).

Для реконструкции природных ландшафтов и растительных сообществ, отражающих условия, в которых существовали поселения древних людей, проведены исследования с использованием палеокарпологического метода. С помощью ручного бурения отбирались пробы растительного детрита из заполнений ложбин и палеорусел, маркирующие изменения в литологическом составе и соответственно изменения условий палеосреды. Обработка проб проводилась в лабораторных условиях на почвенных ситах с диаметром ячейки 0.25 мм в соответствии со стандартными методиками (Никитин, 1969). Объем просмотренных проб составлял в среднем 100 мл. В большинстве случаев остатки имеют хорошую сохранность. Идентификация растительных макроостатков основана на коллекции музея ИЭРиЖ УрО РАН.

Для получения непрерывной палинологической летописи голоцена был проведен спорово-пыльцевой анализ керна органогенных отложений мощностью 4.6 м из Андреевской скважины (59°32.862′ с.ш., 56°42.337′ в.д., скв. 2 в табл. 1). Лабораторная обработка 92 образцов и их аналитическое изучение проведены по общепринятой методике (Faegri, Iversen, 1974). Для реконструкции типов растительности на основе палинологических данных применен метод биомизации (Prentice et al., 1996). Данные, полученные из Андреевской

скважины, сравнивались с материалами, уже полученными для Чашкинского района (Лаптева и др., 2017).

Результаты. Проведенные комплексные исследования позволили получить новую информацию о расположении и функционировании археологических памятников региона и истории среды обитания древних сообществ.

Археологические данные. В ходе исследований было установлено, что все мезолитические памятники располагались либо на первой, либо на второй надпойменных террасах. В частности, стоянки Чашкинское Озеро V и Запоселье (рис. 1, № 1 и 4) находятся на ныне невысокой (2–5 м) песчаной первой надпойменной террасе. Стоянка Чашкинское Озеро X (рис. 1, № 3) также расположена на этой террасе, однако ее центральная часть приурочена к берегу безымянного ручья, впадающего в озеро. Схожее положение занимает Запосельское поселение (рис. 1, № 2), расположенное на правом берегу Посельского ручья. Наконец, стоянка Чашкинское Озеро XI (рис. 1, № 5) находится на второй надпойменной террасе высотой 11 м, в лесном массиве в 60 м от современного берега озера.

На стоянках Чашкинское Озеро V, X, XI были изучены остатки кратковременных сооружений, сделаны выводы о хозяйственных особенностях отдельных памятников, получены новые радиоуглеродные даты (Лычагина, Митрошин, 2016). Итоги трасологического анализа показали, что основным занятием населения в это время была охота, разделка добычи и подготовка охотничьего вооружения (Митрошин и др., 2017; Митрошин, Лычагина, 2018). Прямых свидетельств наличия рыболовства не обнаружено.

В отличие от стоянок мезолитического времени большинство неолитических и энеолитических памятников располагалось непосредственно на берегу р. Камы (рис. 1, № 6–18). Расположение памятников и находки орудий, прямо и косвенно связанных с рыболовством, свидетельствуют о том, что в период неолита-энеолита лов рыбы начинает играть все бóльшую роль в хозяйственном укладе населения Чашкинского района.

В ходе работ на многослойных поселениях (неолит-энеолит) Чашкинское Озеро IIIа и Чашкинское Озеро IX (рис. 1, № 11 и 12) были обнаружены небольшие скопления кальцинированных костей, принадлежащих лосю, бобру и северному оленю.

Технико-технологический анализ посуды из глины позволил выявить в формовочной массе сосудов органический раствор. Подобный раствор мог вариться из костей рыб. Типологический анализ орудий труда дал возможность выделить типы орудий, которые можно связать с конкретными видами хозяйственных занятий: наконечники стрел – с охотой, грузила и пешни – с рыболовством. Трасологический анализ каменного инвентаря показал, что охотничье-рыболовный комплекс являлся ведущим. Вторым по значению был комплекс, связанный с обработкой дерева (Лычагина и др., 2017).

Средневековые памятники находятся в верхней (северной) части Чашкинского района (рис. 1, № 19–21). Чашкинские I и II селища расположены на первой надпойменной террасе высотой 6–8 м, Запосельское селище – на правом берегу р. Посельской высотой 7 м. Запосельский могильник расположен на коренном берегу, на склоне пологого невысокого холма. Все памятники находятся на определенном расстоянии от современного берега озера.

Типологический анализ хозяйственных орудий со средневековых памятников Чашкинского района показал наличие комплексного хозяйства при ведущей роли земледелия и скотоводства. Это подтверждают данные палеозоологического и археоботанического анализов (Крыласова и др., 2014).

Результаты палеорусловых и радиоуглеродных исследований. Внутри долины р. Камы в Чашкинском районе идентифицированы два пойменных массива, примыкающих к первой террасе р. Камы, на которой расположено большинство стоянок: верхний (по течению) – Соликамский, и нижний – Дедюхинский (рис. 1). Строение разрезов всех скважин является типичным для заполнения палеорусел. В подошве разреза лежит песок (хорошо отмытый или суглинистый) или тяжелый суглинок, что соответствует стадии отмирания русла реки (песок мелкозернистый) или начальной стадии формирования старичного озера. На последующую евтрофикацию водоема указывают оторфованный суглинок или торф, перекрывающий слои песка или суглинка (табл. 1). В случае возобновления активной деятельности русла органогенные горизонты снова перекрывались песком или суглинком,

как, например, в скважинах 1, 4 и 11 (табл. 1), в остальном же палеоруслa заполнялись низинным торфом, иногда древесным, что указывает на переувлажненные экотопы пойменных массивов. Погребенные почвы нами не отмечены.

Сопряженное применение палеоруслового и радиоуглеродного методов позволило выделить внутри пойменных массивов 7 возрастных генераций (рис. 1). Наиболее древней является седьмая пойменная генерация – она практически нигде не сохранилась, за исключением одного фрагмента в верхней по течению части Соликамского массива. Ее возраст определяется полученными ^{14}C-датами: 8000±110 (ГИН-15322) и 7490±90 (ГИН-15321) ^{14}C л.н. (табл. 1, скв. 1 и 2 “Андреевская”). С развитием седьмой генерации мы связываем существование мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера. Для некоторых из них уже получены синхронные радиоуглеродные даты по углям: Чашкинское Озеро X (рис. 1, № 3, угли из ям) – 8100±80 (ГИН-15446) и 8000±200 (Ле-10792) и Запоселье (рис. 1, № 2) – 7300±50 (ГИН-13276) ^{14}C л.н. По-видимому, это был маловодный этап развития р. Камы.

Дальнейшие изменения русла Камы были вызваны увеличением ее водности и спрямлением излучин; об этом можно судить по оставшимся фрагментам шестой генерации. Русло стало переваливать к левому берегу значительно выше, сначала прижимаясь к уступу первой террасы, а ниже стоянки Чашкинское Озеро IIIа (рис. 1, № 12) образуя серию из двух смежных излучин. Конечное положение русла на этом этапе сохранилось ныне в виде верхней части Чашкинского озера. По образцам из палеорусел шестой генерации были получены ^{14}C-даты 6150±40 (ГИН-15049), 5700±40 (ГИН-15324) и 5220±100 (ГИН-15045) ^{14}C л.н. (табл. 1, скв. 3, 4 и 5). С развитием этой генерации мы связываем существование неолитических стоянок на поверхности первой террасы р. Камы, расположенных на высоком восточном берегу Чашкинского озера (№ 6–16), для которых получены большие серии дат из археологических образцов в диапазоне ~6300–5200 ^{14}C л.н. (Лычагина, Зарецкая, 2015).

На двух последующих этапах развития реки, оставивших свои следы в виде пятой и четвертой пойменных генераций, русло Камы вновь начало искривляться (рис. 1). Для пятой генерации получена дата 4750±60 (ГИН-15046; табл. 1, скв. 6), возраст четвертой лежит в диапазоне от 4350±40 (ГИН-15044) до 3500±50 (ГИН-15323) ^{14}C л.н. (табл. 1, скв. 7–9). Формирование пятой генерации происходило синхронно существованию постнеолитических стоянок на верхней Каме, относящихся к новоильинской культуре (стоянка Чашкинское Озеро I; рис. 1, № 9; 5140±90 (Ki-15619). По-видимому, на рубеже образования пятой и четвертой генераций в долине р. Камы произошло снижение руслоформирующей водности реки, сопровождавшееся снижением уровня ее половодий. По этой причине стоянки эпохи энеолита “переехали” вниз, ближе к воде, располагались на пойме (рис. 1, № 17 и 18) и фиксируются наличием остатков жилищ на ее современной поверхности. По двум образцам угля со стоянки Чашкинское Озеро IIIа были получены две идентичные даты 3820±40 (ГИН-15002 и 15003), что хронологически подтверждает наши построения.

Очередное спрямление серии излучин произошло в период формирования поймы третьей генерации (табл. 1, скв. 10-12), для которой получены даты 3150±40 (ГИН-15317), 2610±50 (ГИН-15048) и 2380±80 (ГИН-15043) ^{14}C л.н. В то время русло Камы стало двухрукавным с рядом поперечных проток (рис. 1), а в заселении берегов озера начался большой перерыв. К концу этапа произошло обмеление реки и образовались многочисленные острова. Левый рукав потерял связь с рекой и превратился в узкие непроточные в межень старицы. В это время в северной части района появилось средневековое население. Радиоуглеродные даты, полученные для селища и могильника Запоселье (рис. 1, № 1 и 2), располагаются в диапазоне ~1110–980 ^{14}C л.н. (Лычагина, Зарецкая, 2015). Тогда же река приобрела свои современные очертания, которые сохраняла вплоть до заполнения Камского водохранилища.

Результаты палеоэкологических исследований. Как выглядела растительность в разные периоды заселения человеком исследованного участка долины Камы, удалось установить, в основном, по палинологическим данным, с привлечением серии радиоуглеродных дат и карпологических данных (Лаптева и др., 2017). Наиболее полные данные были получены по Андреевской скважине (скважина 2 на рис. 1 и в табл. 1). Разрез представляет собой типичное заполнение палеорусла: в подошве и до глубины 4.7 м лежит суглинок сизый,

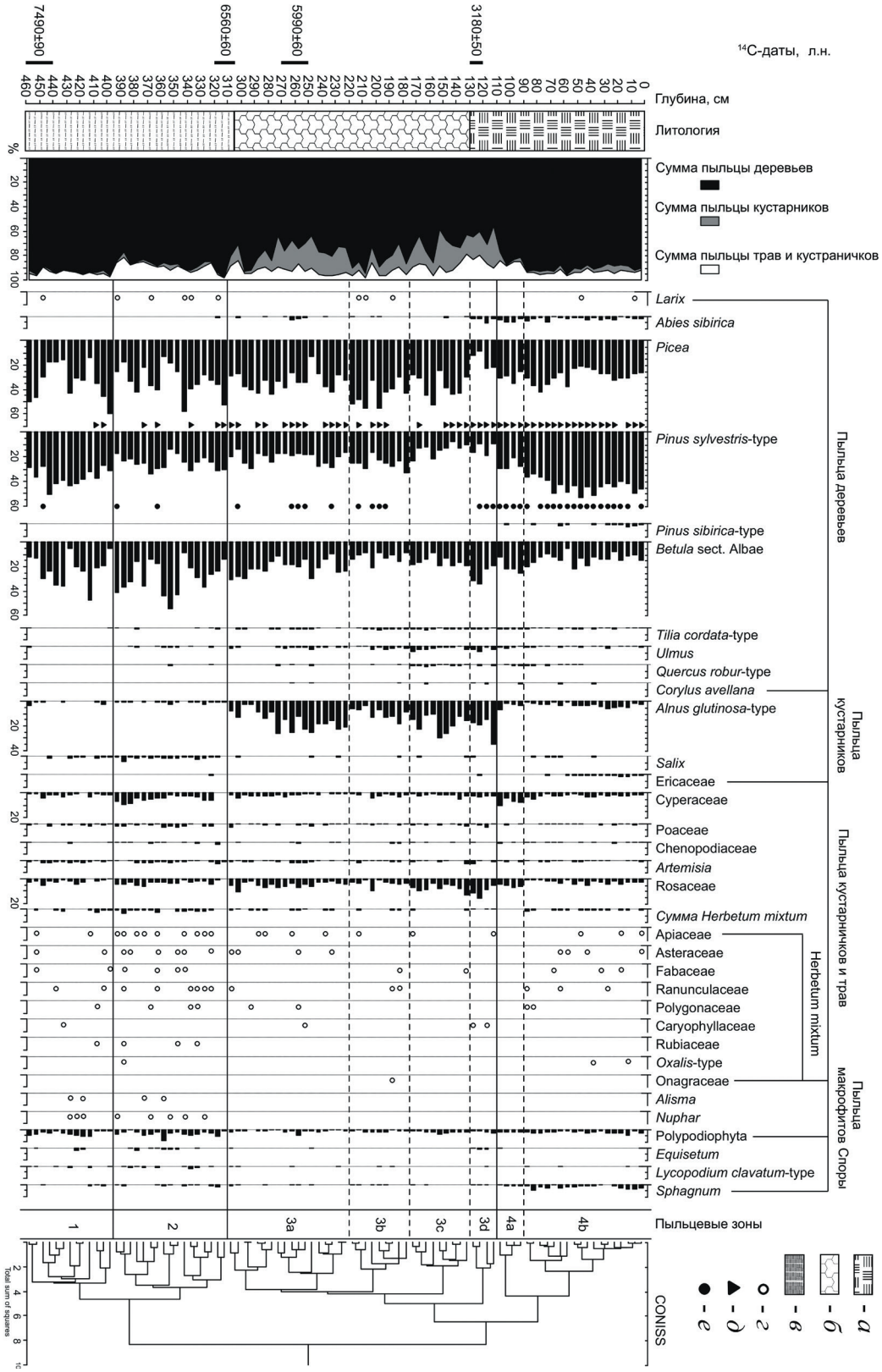

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма керна Андреевской скважины. Условные обозначения: *а* – торф, *б* – древесный торф, *в* – оторфованный суглинок, *г* – содержание пыльцы менее 1%, *д* – устьица ели (*Picea*-type), *е* – устьица сосны (*Pinus*-type). Доля пыльцы рассчитана от суммарного количества пыльцевых зерен древесных и травянистых растений, доля спор – от общей суммы пыльцы и спор.

Fig. 2. Spore-pollen diagram of the Andreevskaya core

накапливавшийся, по-видимому, в режиме медленно текучей воды на стадии ухода отсюда активного русла. Прослой песка в суглинке (4.7–4.6 м) говорит о том, что, возможно, во время половодий русло здесь могло активизироваться. Залегающие выше органогенные отложения свидетельствуют о полном отчленении палеорусла и формировании старицы, в которой озерное осадконакопление (оторфованный суглинок, 4.6–3.05 м) сменилось затем болотным (торф, 3.05–0 м).

По результатам палинологического изучения построена спорово-пыльцевая диаграмма, где по динамике ведущих палинотаксонов выделены четыре палинологические зоны (ПЗ), (рис. 2).

ПЗ-1 (глубина 460–400 см) объединяет СПС нижней толщи оторфованного суглинка, которые характеризуют растительность таежного типа: сосновые, березово-сосновые, еловые и березово-еловые формации, пыльца широколиственных пород (группа Quercetum mixtum) отсутствует. Для нижней части оторфованного суглинка (начало ПЗ-1) получена радиоуглеродная дата 7490±90 (ГИН-15321), соответствующая первой фазе атлантического периода (АТ-1) голоцена. По карпологическим данным, в это время на изученной территории существовал относительно разреженный лес из березы и ели, среди травянистых доминировали виды мелководий – камыш озерный, сусак, стрелолист. Единичная находка кубышки желтой, которая растет в стоячей или слабопроточной воде на глубине 80–200 см, предполагает существование водоема с открытой водой, что совпадает и с литологической интерпретацией осадков.

ПЗ-2 (глубина 400–305 см) включает СПС верхней части оторфованного суглинка, в которых уменьшается доля пыльцы сосны (*Pinus sylvestris*-type) и появляются единичные пыльцевые зерна липы (*Tilia cordata*-type), вяза (*Ulmus*) и дуба (*Quercus robur*-type). В группе трав увеличивается содержание пыльцы осок (Cyperaceae), что свидетельствует о заболачивании территории. Для верхнего горизонта оторфованного суглинка (конец ПЗ-2) получена радиоуглеродная дата 6560±60 (ГИН-15320), которая соответствует второй фазе атлантического периода (АТ-2). По карпологическим данным, в этот период увеличилась облесенность изученной территории. В подлеске леса из ели и березы росли виды-спутники широколиственных пород – калина, черемуха, шиповник. Среди трав доминировали виды переувлажненных местообитаний – осоки и лабазник. Появление в комплексе макроостатков сабельника указывает на начальные условия заболачивания.

ПЗ-3 (глубина 305–110 см) объединяет СПС из слоя древесного торфа и нижней части сфагнового торфа, в которых наблюдается увеличение доли пыльцевых зерен ольхи (*Alnus glutinosa*-type). Данная ПЗ характеризует активное распространение широколиственных пород в темнохвойных формациях, внедрение пихты в состав древостоя, зарастание поймы реки ольхой, процесс заболачивания и формирования древесного торфа. Для нижней части древесного торфа (подзона 3а) получена радиоуглеродная дата 5990±60 (ГИН-15319), которая датирует начало финальной фазы атлантического периода (АТ-3). По карпологическим данным, в этот период существовали елово-березовые леса, встречались сосна и рябина. Значительное участие принимала черная ольха. Водные виды не обнаружены, среди трав доминируют осоки и лабазник, присутствует вахта трехлистная.

Для нижней части сфагнового торфа получена дата 3180±50 (ГИН-15318), которая соотносится с финальной фазой суббореального периода (SB-3). Из древесных видов встречены остатки ели и березы, из травянистых – виды местообитаний с избыточным переувлажнением – осоки и жерушник.

ПЗ-4 (глубина 110–0 см) включает СПС из верхнего торфяного слоя и характеризуется постепенным увеличением доли пыльцы сосны на фоне уменьшения доли ели (*Picea*), березы (*Betula* sect. Albae) и ольхи, а также увеличением содержания спор сфагновых мхов (*Sphagnum*). Данная ПЗ отражает распространение сосны в древостое, в том числе появление сосны сибирской, и активное торфообразование. Для верхней части этого слоя радиоуглеродных дат не получено, но, вероятно, ПЗ-4 соответствует субатлантическому периоду (SA) голоцена.

В настоящее время на пойменных массивах распространены, в основном, заболоченные елово-березовые леса с участием сосен (*Pinus sylvestris* и *P. sibirica*), в травянистом ярусе доминируют виды переувлажненных биотопов: осоки и лабазник, белокрыльник болотный, лютики, хвощи, зеленые мхи.

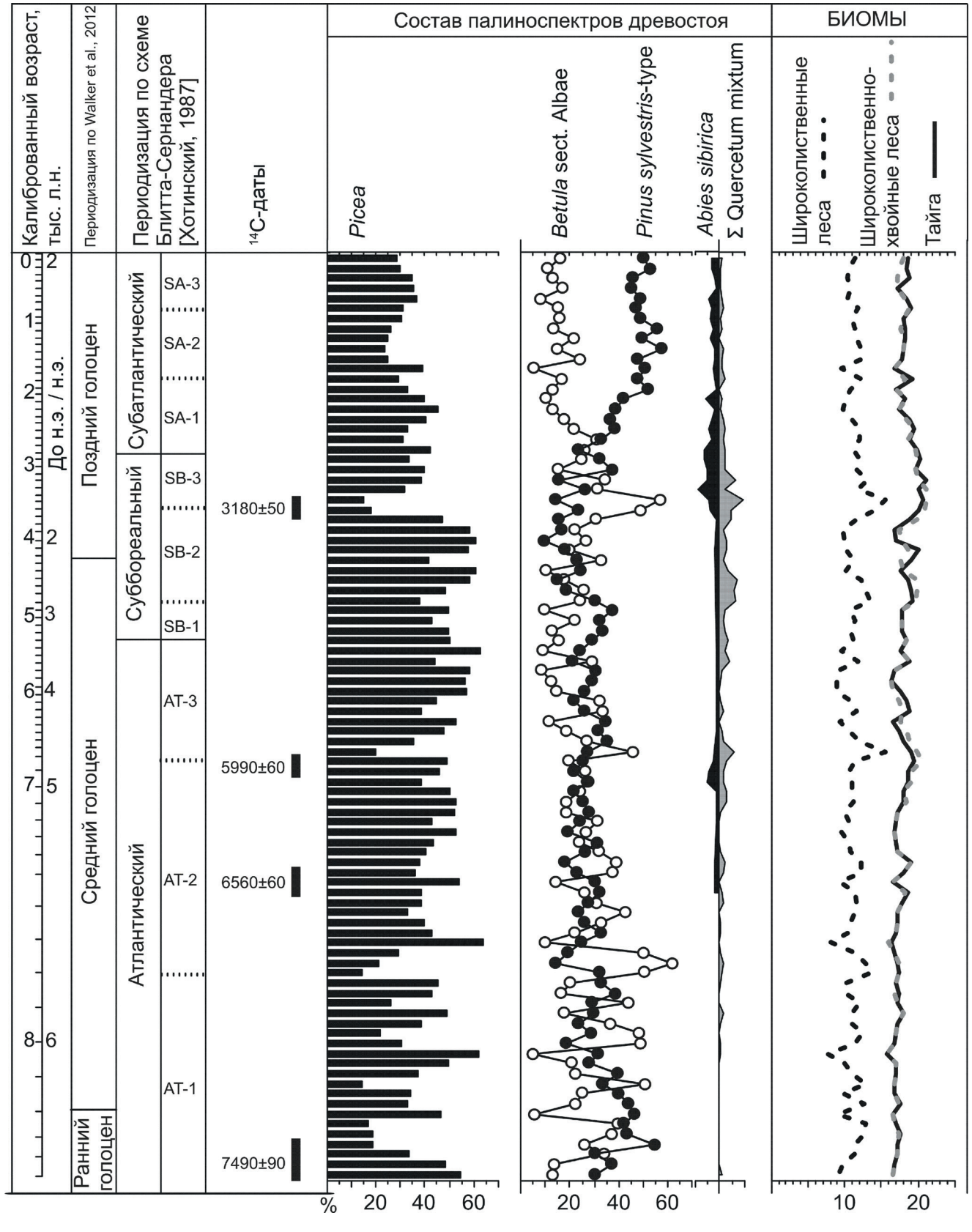

Рис. 3. Состав палиноспектров древостоя и реконструкция биомов по данным керна Андреевской скважины.
Fig. 3. The composition of the pollenspectra of forest stand and bioms, reconstruction, based on the data of the Andreevskaya core.

Таблица 2. Сводная реконструкция среды обитания древних сообществ Чашкинского геоархеологического района в голоцене

Table 2. Consolidated reconstruction of the ancient communities' habitat of Chashkinsky geoarchaeological area in the Holocene

Метод биомных реконструкций выявил высокие баллы только для лесных биомов во всех СПС изученного керна (рис. 3), причем сравнимые веса имеют биомы тайги и широколиственно-хвойных лесов умеренного пояса. Существенные изменения биомных кривых наблюдаются в интервалах 6900–6300, 4800–4400 и 4000–3300 кал. л.н., когда больший вес набирает биом широколиственно-хвойных лесов, причем в эти же интервалы отмечается увеличение веса биома широколиственных лесов.

Обсуждение: реконструкция палеоэкологических условий Чашкинского района. По результатам исследований Андреевской скважины, в совокупности с ранее полученными данными по естественным разрезам и археологическим памятникам (Лычагина и др., 2015; Лаптева и др., 2017) история природной среды Верхнего Прикамья в пределах Чашкинского района в разные этапы освоения человеком в голоцене выглядит следующим образом (табл. 2).

Поздний мезолит. В период с ~8500 до 8000 кал. л.н. в природном окружении мезолитических стоянок господствовала растительность таежного типа – смешанные леса из ели, сосны и березы, относительно разреженные. Сами стоянки располагались на определенном расстоянии от русла реки – на первой или второй террасе, на берегах мелких рек и ручьев, впадавших в Каму. Возможно, это было связано с переувлажненностью и заболоченностью поймы. Водоемы со стоячей или слабопроточной водой, в окрестностях которых могли селиться люди, зарастали по краям озерным камышом и мелководной растительностью, что говорит об их обмелении. На маловодный период в это время указывают и палеорусловые данные. Пойменные заросли формировали ольха и ивы. Основным занятием населения была охота.

Неолит. В интервале 8000–6900 кал. л.н. в Чашкинском районе установлено увеличение облесенности. В составе таежных и подтаежных лесов появились пихта и широколиственные породы – липа, вяз и их спутники – калина, черемуха, шиповник. Происходило постепенное заболачивание пониженных участков. Широколиственно-хвойные леса с вязом и липой сформировались в период от ~6900 до 6300 кал. л.н., что может быть связано с проявлением климатического оптимума голоцена, с которым совпадает и широкое распространение неолитических стоянок. Они, как правило, располагались на краю террасы. Основными занятиями населения была охота и различные способы рыбной ловли. По берегам водоемов в это время распространились черноольховниковые заросли. В интервале 6300–5900 кал. л.н. произошло кратковременное похолодание и выпадение широколиственных пород из состава древостоя.

Постнеолит. В период 5900–4800 кал. л.н. в окрестностях стоянок новоильинской пост-неолитической культуры были распространены вязово-липово-еловые леса: широколиственные породы восстановили утраченные позиции. Были распространены небольшие мелководные водоемы, зафиксированы следы пожара в конце атлантического периода (Лычагина и др., 2015).

Поздний энеолит. В интервале с 4800 до 3400 кал. л.н. в Чашкинском регионе преобладали липово-еловые леса с участием вяза, дуба, сосны и березы, пик распространения которых произошел в среднесуббореальном термическом максимуме в период ~4700–3400 кал. л.н. К этому времени относятся памятники гаринской энеолитической культуры. Они располагались в непосредственной близости от воды, что было, по-видимому, связано с уменьшением водности реки. Около 4200 кал. л.н. фиксируется минимальное содержание пыльцы широколиственных пород (рис. 2). Это может быть проявлением глобального кратковременного похолодания в интервале 4200–3800 кал. л.н. на границе среднего и позднего голоцена (Walker et al., 2012). Реакцией населения гаринской культуры на это климатическое событие могло быть строительство долговременных жилищ-полуземлянок с крытыми переходами из одного в другое. Скопления грузил, пешни для колки льда, а также орудия для обработки дерева прямо и косвенно свидетельствуют о развитии рыболовства, которое играло ведущую роль в хозяйственных занятиях населения в этот период (Лычагина, Сарапулов, 2018).

После похолодания происходит внедрение пихты в состав древостоя и ее распространение в составе лесов с ~3400 кал. л.н. (Лаптева и др., 2017). Роль широколиственных пород уменьшилась после позднесуббореального похолодания в интервале 3400–2600 кал. л.н.

Эпоха средневековья. Позднесуббореальное похолодание (начиная с ~2000 кал. л.н.) привело к уменьшению роли широколиственных

пород в составе древостоя и формированию подтаежных и таежных формаций, близких к современным. Ко второй половине I тыс. н.э. относится появление средневековых памятников в регионе (ломоватовская и родановская культуры). Все памятники расположены в северной части района – приурочены к речкам/ручьям, впадающим в озеро, а не к самому озеру. Основу хозяйственных занятий населения составляли земледелие и домашнее скотоводство, в то время как охота и рыболовство играли второстепенную роль.

В настоящее время в районе исследования распространены сосновые и березовые формации на месте темнохвойных лесов, изредка встречаются пихтово-еловые формации с участием сосны сибирской в древостое и липы в подлеске (Овеснов, 1997).

В заключение следует отметить, что активное освоение региона часто совпадало с маловодными периодами. В мезолите и в эпоху средневековья это во многом можно объяснить тем, что рыболовство не являлось ведущей формой хозяйственной деятельности и населению достаточно было иметь какой-то водный ресурс для жизни. Интенсивное заселение поймы происходило только в энеолите, когда люди строили долговременные жилища-полуземлянки рядом с водой. Возможно, уменьшение водности Камы привело к отсутствию сильных весенних паводков – река стала более предсказуемой, а значит. и более удобной для хозяйственной деятельности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-46-590037; исследования седиментационных палеоархивов проведены в соответствии с планами НИР ИГ РАН (тема № 0127-2019-0008); палеоэкологичекие исследования проведены в соответствии с планами НИР ИЭРиЖ УрО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Зарецкая Н.Е., Чернов А.В. Палеоруслоной и радиоуглеродный анализы Чашкинского геоархеологического микрорегиона // Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во Пермского гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2014. С. 492–496.

Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения средней Вычегды (европейский Северо-Восток России) // АЭАЕ. 2013. № 2 (54). С. 83–93.

Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во Пермского гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2014. 565 с.

Лаптева Е.Г. Палинологические исследования на археологических памятниках в районе Чашкинского озера // Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Изд-во Пермского гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2014. С. 502–512.

Лаптева Е.Г., Зарецкая Н.Е., Косинцев П.А., Лычагина Е.Л., Чернов А.В. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология. 2017. № 4. С. 267–276.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е. Итоги радиоуглеродного анализа археологических памятников Чашкинского геоархеологического района // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 1. С. 132–140.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е., Чернов А.В., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С., Зиновьев Е.В. Палеоэкологические исследования в районе Чашкинского озера (Среднее Предуралье) // Седьмые Берсовские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (2–4 декабря 2014 г.) / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 294–302.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н. Предварительные итоги исследований мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 3. С. 92–99.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н. Сравнительная характеристика каменного инвентаря неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья // АЭАЕ. 2017. Т. 45. № 4. С. 24–33.

Лычагина Е.Л., Сарапулов А.Н. Орудия рыболовного промысла на археологических памятниках Чашкинского микрорегиона // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4. С. 177–182.

Лычагина Е.Л., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы междунар. науч. конф. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 183–189.

Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л. Характеристика хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья в эпоху мезолита (по результатам

трасологического анализа) // XXI Уральское археологическое совещание: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во Самарского гос. соц.-пед. ун-та: Порто-Принт, 2018. С. 51–53.

Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н., Цыгвинцева Т.А. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 26–47.

Никитин В.П. Палеокарпологический метод. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1969. 82 с.

Овеснов С.А. Конспект флоры Пермской области. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1997. 252 с.

Bronk Ramsey C. Comment on "The Use of Bayesian Statistics for ^{14}C-dates of chronologically ordered samples: a critical analysis" // Radiocarbon. 2000. V. 42. P. 199–202.

Bronk Ramsey C. Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: the OxCal program // Radiocarbon. 1995. V. 37. P. 425–430.

Faegri K., Iversen J. Textbook of pollen analysis. New York: Hafner Ptess, 1974. 295 p.

Lychagina E., Zaretskaya N., Chernov A., Lapteva E. Interdisciplinary studies of the Cis-Ural Neolithic (Upper Kama basin, Lake Chashkinskoe): palaeoecological aspects // Documenta Praehistorica. 2013. V. XL. P. 209–218.

Prentice I.C., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European Pollen Data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. 1996. V. 12. P. 185–194.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., Plicht J. van der, Weyhenmeyer C.E. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0-50000 years cal BP // Radiocarbon. 2009. V. 51. P. 1111–1150.

Walker M.J.C., Berkelhammer M., Björck S., Cwynar L.C., Fisher D.A., Long I.J., Lowe J.J., Newnham R.M., Rasmussen S.O., Weiss H. Formal subdivision of the Holocene Series/Epoch: a Discussion Paper by a Working Group of INTIMATE (Integration of ice-core, marine and terrestrial records) and the Subcommission on Quaternary Stratigraphy (International Commission on Stratigraphy) // Journal of Quaternary Science. 2012. V. 27. № 7. P. 649–659.

Zaretskaya N.E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S.N., Zhilin M.G. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia // Radiocarbon. 2012. V. 54. P. 783–794.

THE KAMA FLOOD PLAIN: RECONSTRUCTION OF THE NATURAL HABITAT OF ANCIENT AND MEDIEVAL COMMUNITIES IN THE MIDDLE CIS-URALS

Nataliya E. Zaretskaya[1,*], Evgenia L. Lychagina[2,3,], Elena G. Lapteva[4,***], Svetlana S. Trofimova[4,****], Aleksey V. Chernov[5,*****]**

[1]Institute of Geography RAS, Moscow, Russia
[2]Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
[3]Perm State University, Perm, Russia
[4]Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia
[5]Moscow Lomonosov State University, Russia

[*]E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru
[**]E-mail: LychaginaE@mail.ru
[***]E-mail: lapteva@ipae.uran.ru
[****]E-mail: svetlana.trofimova@ipae.uran.ru
[*****]E-mail: Alexey.chernov@inbox.ru

The article presents the results of comprehensive studies aimed to reconstruct the palaeoenvironmental history of habitation in Chashkinsky geoarchaeological area (the Upper Kama basin, the Middle Cis-Urals) on the detailed chronological and event background of the Holocene. It was found that the active exploration of the area often coincided with low-water periods. In the early Holocene, taiga-type forests were developing in the region. The Mesolithic sites that existed at that time were located at a certain distance from the river bed. The main occupation of the population was hunting.

In the Middle Holocene, subtaiga-type mixed forests developed. The middle Atlantic climatic optimum coincides with the wide spread of Neolithic sites located along the edges of the terrace on the Kama bank or on its bay. The principle occupations of the population were hunting and various ways of fishing. About 4200 cal. BP, a global cooling is recorded on the border of the Middle and Late Holocene, characterized by arid conditions. At that time, the banks of the Kama were inhabited by representatives of the Garino Chalcolithic culture. The sites were located on low surfaces near the water, which was caused by a decrease in the flow of the river. Fishing dominated among the economic activities of the population. In the second half of the 1st millennium AD a medieval population appeared in the region, whose sites were confined to rivers and streams flowing into Lake Chashkinskoye. Economic activities included farming and husbandry, while hunting and fishing played a secondary role.

Keywords: the Upper Kama basin, the Holocene, the Mesolithic, the Neolithic, the Chalcolithic, the Middle Ages, paleoecology, interdisciplinary studies.

REFERENCES

Bobrinskiy A.A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bronk Ramsey C., 1995. Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: the OxCal program. *Radiocarbon*, vol. 37, iss. 2, pp. 425–430.

Bronk Ramsey C., 2000. Comment on "The Use of Bayesian Statistics for ^{14}C dates of chronologically ordered samples: a critical analysis". *Radiocarbon*, vol. 42, iss. 2, pp. 199–202.

Faegri K., Iversen J., 1974. Textbook of pollen analysis. New York: Hafner Ptess. 295 p.

Karmanov V.N., Chernov A.V., Zaretskaya N.E., Panin A.V., Volokitin A.V., 2013. An experience in the application of fluvial palaeogeomorphology in archaeology (the case study of the middle Vychegda region, North-East of European Russia). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2(54), pp. 83–93. (In Russ.)

Krylasova N.B., Lychagina E.L., Belavin A.M., Skornyakova S.V., 2014. Arkheologicheskiye pamyatniki Chashkinskogo ozera [Archaeological sites of Lake Chashkinskoye]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 565 p.

Lapteva E.G., 2014. Palynological research on archaeological sites in the area of Lake Chashkinskoye. Krylasova N.B., Lychagina E.L., Belavin A.M., Skornyakova S.V. *Arkheologicheskiye pamyatniki Chashkinskogo ozera [Archaeological sites of Lake Chashkinskoye]*. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, pp. 502–512. (In Russ.)

Lapteva E.G., Zaretskaya N.E., Kosintsev P.A., Lychagina E.L., Chernov A.V., 2017. First data on the Middle to Late Holocene Dynamics of Vegetation in the Upper Kama Region. *Ekologiya [Russian journal of ecology]*, Vol. 48, no. 4, pp. 326–334.

Lychagina E., Zaretskaya N., Chernov A., Lapteva E., 2013. Interdisciplinary studies of the Cis-Ural Neolithic (Upper Kama region, Lake Chashkinskoe): palaeoecological aspects. *Documenta Praehistorica*, XL, pp. 209–218.

Lychagina E.L., Chernov A.V., Zaretskaya N.E., Lapteva E.G., Trofimova S.S., 2015. Lake Chashkinskoye and the ancient man in the Holocene. *Neoliticheskiye kul'tury Vostochnoy Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Neolithic cultures of Eastern Europe: chronology, palaeoecology, and traditions: Proceedings of An international scientific conference]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 183–189. (In Russ.)

Lychagina E.L., Mitroshin E.N., 2016. Preliminary results of research on Mesolithic sites on the eastern shore of Lake Chashkinskoye. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra [Bulletin of Perm Research Centre]*, 3, pp. 92–99. (In Russ.)

Lychagina E.L., Mitroshin E.N., Poplevko G.N., 2017. Comparative characteristics of the lithic tools from Neolithic sites of the Upper and Middle Kama region. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, vol. 45, no. 4, pp. 24–33. (In Russ.)

Lychagina E.L., Sarapulov A.N., 2018. Fishing tools at the archaeological sites of Chashkinsky micro-region. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara journal of science]*, vol. 7, no. 4, pp. 177–182. (In Russ.)

Lychagina E.L., Zaretskaya N.E., 2015. Results of radiocarbon analysis of archaeological sites in Chashkinsky geoarchaeological area. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm University. History]*, 1, pp. 132–140. (In Russ.)

Lychagina E.L., Zaretskaya N.E., Chernov A.V., Lapteva E.G., Trofimova S.S., Zinov'yev E.V., 2016. Palaeoecological studies in the area of Lake Chashkinskoye (the Middle Cis-Urals). *Sed'myye Bersovskiye chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [The seventh E.M. Bers readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with*

international participants] (2014). V.D. Viktorova, ed. Ekaterinburg: Kvadrat, pp. 294–302. (In Russ.)

Mitroshin E.N., Lychagina E.L., 2018. Description of household occupations of the Upper Kama region during the Mesolithic (based on the results of traceological analysis). *XXI Ural'skoye arkheologicheskoye soveshchaniye: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [XXI Ural archaeological meeting: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participants]*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta: Porto-Print, pp. 51–53. (In Russ.)

Mitroshin E.N., Lychagina E.L., Poplevko G.N., Tsygvintseva T.A., 2017. A comprehensive analysis of the lithic tools of the Mesolithic site Chashkinskoye Lake XI. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 3, pp. 26–47. (In Russ.)

Nikitin V.P., 1969. Paleokarpologicheskiy metod [Palaeocarpological method]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 82 p.

Ovesnov S.A., 1997. Konspekt flory Permskoy oblasti [An outline of Perm region's flora]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. 252 p.

Prentice I.C., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R., 1996. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European Pollen Data at 0 and 6 ka. *Climate Dynamics*, 12, pp. 185–194.

Reimer P.J., Baillie M.G.L., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Burr G.S., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., McCormac F.G., Manning S.W., Reimer R.W., Richards D.A., Southon J.R., Talamo S., Turney C.S.M., Plicht J. van der, Weyhenmeyer C.E., 2009. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0-50000 years cal BP. *Radiocarbon*, vol. 51, iss. 4, pp. 1111–1150.

Walker M.J.C., Berkelhammer M., Björck S., Cwynar L.C., Fisher D.A., Long I.J., Lowe J.J., Newnham R.M., Rasmussen S.O., Weiss H., 2012. Formal subdivision of the Holocene Series/Epoch: a Discussion Paper by a Working Group of INTIMATE (Integration of ice-core, marine and terrestrial records) and the Subcommission on Quaternary Stratigraphy (International Commission on Stratigraphy). *Journal of Quaternary Science*, vol. 27, no. 7, pp. 649–659.

Zaretskaya N.E., Chernov A.V., 2014. Fluvial palaeomorphological and radiocarbon analyses of Chashkinsky geoarchaeological microregion. *Krylasova N.B., Lychagina E.L., Belavin A.M., Skornyakova S.V. Arkheologicheskiye pamyatniki Chashkinskogo ozera [Archaeological sites of Lake Chashkinskoye]*. Perm': Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta, pp. 492–496. (In Russ.)

Zaretskaya N.E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S.N., Zhilin M.G., 2012. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia. *Radiocarbon*, vol. 54. iss. 3–4, pp. 783–794.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 60–75

ИЗМЕНЧИВОСТЬ СВОЙСТВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КСИЗОВО-1 В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

© 2020 г. А.В. Потапова[1,*], В.Н. Пинской[1,], Е.И. Гак[2,***], Н.Н. Каширская[1,****], А.В. Борисов[1,*****]**

[1]Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино, Россия
[2]Государственный исторический музей, Москва, Россия

[*]E-mail: anastassiia4272@gmail.com
[**]E-mail: Pinskoy@inbox.ru
[***]E-mail: e.i.gak@mail.ru
[****]E-mail: nkashirskaya81@gmail.com
[*****]E-mail: a.v.borisovv@gmail.com

Поступила в редакцию 07.02.2019 г.

Проведено исследование модельного участка поселения Ксизово-1 среднедонской катакомбной культуры (XXIV–XXIII вв. до н.э.) в лесостепной зоне. Памятник с уникальной сохранностью культурного слоя расположен в верхнем течении Дона на высокой первой террасе р. Сновы в окрестностях с. Ксизово Задонского района Липецкой области. Задачей исследования была оценка варьирования химических и микробиологических характеристик культуросодержащих отложений в профиле и в плане по всей площади раскопа. В ходе раскопок проводился отбор почвенных образцов из каждого квадратного метра культурного слоя на четырех уровнях зачистки. В отобранных образцах проведено определение pH, магнитной восприимчивости, уреазной активности, а также раздельное определение органических и минеральных форм фосфатов. Выполнена статистическая обработка результатов. Сравнение полученных данных с распределением археологических объектов и находок на территории раскопа позволило установить особенности химических и биологических свойств культурного слоя, соответствующего основному периоду функционирования и финалу существования поселения. Установлено, что в период функционирования памятника имело место подкисление почвы, снижение биологической активности и резкое увеличение поступления в почву фосфора, в первую очередь за счет минеральных форм фосфатов – золы и костей. В период запустения поселения увеличивается доля органических фосфатов за счет активизации всех биологических процессов на месте расположения памятника. В пласте, подстилающем культурный слой, антропогенный след проявляется только в области очагов, где зафиксировано поступление в почву фосфатов как биологической, так и минеральной природы.

Ключевые слова: культурный слой, поселение, эпоха бронзы, среднедонская катакомбная культура, фосфор, магнитная восприимчивость, pH, уреазная активность.

DOI: 10.31857/S086960630008254-8

Как известно, культурный слой является результатом поступления в почву материалов антропогенной природы и изменения условий почвообразования (Сычева, 2006). Как правило, присутствие человека вызывает усиление эрозии почв в окрестностях поселений, тогда как на самих поселениях, учитывая обычное расположение их не на водоразделах, а в подчиненных элементах рельефа, происходит накопление почвенно-грунтового материала и рост слоя природно-антропогенных напластований. Мощность культуросодержащей толщи может достигать нескольких метров. С прекращением функционирования поселения ее рост обычно продолжается за счет тех же эрозионных процессов, хотя и выраженных в меньшей степени. При этом в почве на месте поселения будет присутствовать археологический материал, который переносится и откладывается вместе с почвой окружающих территорий, то есть запустение местности не означает остановки формирования культуросодержащего слоя, хотя, по сути, это совершенно иной процесс.

Рис. 1. Расположение поселения Ксизово-1.
Fig. 1. The location of the settlement Ksizovo-1

С другой стороны, археологический материал из нижней части культурного слоя может попадать в подстилающие слои. Мелкие бытовые остатки могут погружаться в почву при весеннем оттаивании (Иванов, 2003), втаптываться в нижние слои почвы, переноситься грызунами и другими животными. Распределение археологизированного вещества известного возраста и происхождения по почвенному профилю является следствием не только природных, но также антропогенных процессов, что требует независимой оценки их интенсивности. Слой почвы с археологическим материалом, который обычно называют культурным, всегда больше, чем слой, отложившийся за время существования поселения. Особенно это характерно для поселений эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи, где сформировавшийся *in situ* культурный слой не обособляется от почвенной массы и время его трансформации вследствие природных процессов составляет тысячи лет.

В этой связи встает вопрос о пространственной неоднородности свойств культурного слоя в пределах поселения. Наиболее полную информацию дает анализ образцов, отобранных сплошной площадью из каждого квадратного метра на одном уровне с последующим построением площадных диаграмм (Бронникова и др., 2008; Александровский и др., 2011; 2013). Такой подход в корреляции с археологическими данными был успешно реализован на поселении среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3, расположенном в центре лесостепного Подонья и датируемом XXVI–XXIV вв. до н.э. Благодаря комплексным исследованиям удалось выяснить принцип устройства поселения в рельефе, локализовать зоны более и менее интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности, а в ряде случаев даже уточнить характер этой деятельности (Гак и др., 2014).

Методика комплексного археолого-палеопочвенного анализа получила свое дальнейшее развитие при исследовании поселения Ксизово-1. Этот памятник характеризуется наилучшей сохранностью культуросодержащих напластований по сравнению с известными сейчас поселениями катакомбной общности

в лесостепном Подонье (Гак и др., 2017). Памятники Ксизово-1 и Рыкань-3 относятся к одной и той же культуре и располагаются в сходных топографических условиях. Отличие состоит в том, что поселение Ксизово-1 несколько моложе (XXIV–XXIII вв. до н.э.), а непотревоженный позднеантропогенной деятельностью слой его бытовых остатков имеет значительно бóльшую мощность. Проследив варьирование основных химических и микробиологических свойств этого слоя в плане и профиле на всей площади раскопа, представляется возможным выделить горизонт, характеристики которого в наибольшей мере соответствуют периоду активного функционирования поселения.

Район и объекты исследования. Поселение Ксизово-1 расположено у южной окраины с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. на краю надпойменной террасы левого берега р. Сновы вблизи места впадения ее в Дон (рис. 1). В геоморфологическом отношении территория представляет собой участок Окско-Донской низменности. Климат здесь умеренно-континентальный, с четко выраженными сезонами. Зима умеренно холодная, с устойчивым снежным покровом, лето теплое, продолжительное. В почвенном покрове преобладают выщелоченные и типичные черноземы, а также серые лесные почвы.

Поселение открыто в 1964 г., затем в разные годы исследовалось А.Д. Пряхиным (1964; 1966; 1982), Ю.Г. Екимовым, М.В. Ивашовым (1998; 1999). С 2014 г. на поселении проводятся раскопки, общая площадь которых к настоящему времени составила около 513 м^2. Остатки поселения перекрыты пачкой наносов толщиной 1.4–1.7 м, формирование которых происходило в условиях субламинарного осадконакопления в течение последних 200 лет. Накопление наносного балласта связано с влиянием мощных речных разливов, а также эрозией, развитие которой стало следствием интенсивной распашки второй надпойменной террасы, у подножия которой расположено поселение. Наносы подстилаются древней погребенной почвой толщиной 0.5–0.6 м. Возраст ее установлен по фрагментам амфоры римского времени (I–II вв. н.э.), обнаруженным в зоне контакта погребенной почвы с более светлой толщей напластований, содержащих бытовые материалы катакомбного поселения.

Модельный участок комплексных археолого-палеопочвенных исследований соответствует раскопу 2014 г., расположенному в интенсивно размываемой и при этом свободной от деревьев западной части памятника. После зачистки, фотофиксации и прорисовки поверхность расчерчивалась на квадраты 1 × 1 м. Почвенные образцы отбирались репрезентативно из пяти точек каждого квадратного метра в пределах одной плоскости по разметке раскопа (рис. 2, *1*). Для дальнейшего лабораторного анализа были использованы усредненные образцы. Отбор проводился на четырех уровнях зачистки с проникновением на 2-3 см в нижележащий пласт. Верхний уровень фиксировал появление материалов поселения, которые были представлены здесь лишь отдельными фрагментами керамики и костей животных. Пласт 1, залегавший под верхним уровнем зачистки, характеризовался редкой встречаемостью археологических находок (рис. 2, *2*). Заметно больше артефактов было обнаружено в пласте 2; в массовом количестве они фиксировались в пласте 3. Помимо разрозненных обломков этот пласт содержал скопления кухонно-бытового мусора, сконцентрированного в районе трех очагов (Гак и др., 2017). Последний, четвертый, уровень зачистки и отбора образцов соответствовал основанию пласта 3. В расположенном ниже пласте 4 археологический материал практически отсутствовал.

Методы исследования. В отобранных образцах культурного слоя определялось содержание органических и минеральных фосфатов по методу Сандерса и Вильямса (Saunders, Williams, 1955). Суть метода заключается в раздельном определении содержания фосфатов органической и минеральной природы. На первом этапе оценивалось содержание минерального фосфора путем его экстракции из почвы 0.2 н раствором H_2SO_4 с последующим колориметрическим определением концентрации. Для оценки содержания органических фосфатов почву прокаливали в течение 3 ч при 525°C; в результате прокаливания происходило превращение фосфорорганических соединений в растворимые минеральные формы. Затем соединения фосфора экстрагировались 0.2 н раствором H_2SO_4. По превышении значений содержания фосфатов после прокаливания определяли долю органического фосфора, перешедшего в вытяжку.

Магнитная восприимчивость почвенных образцов измерялась с помощью каппаметра КТ-5; грунт насыпался в пластиковый цилиндр

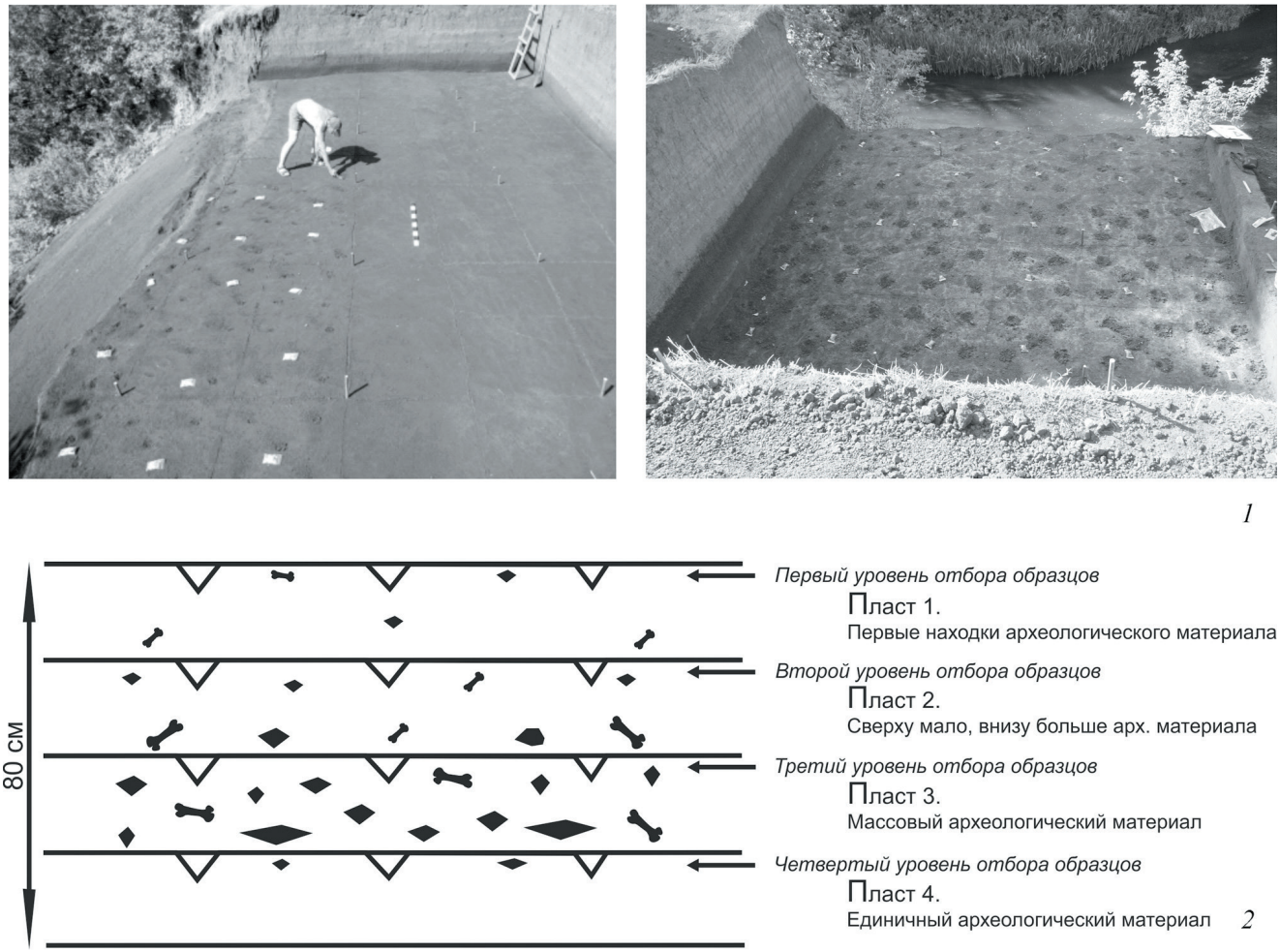

Рис. 2. Отбор образцов по разметке раскопа (*1*) и распределение археологических находок (*2*) в отдельных пластах культурного слоя поселения Ксизово-1.

Fig. 2. Sampling according to the layout of the excavation site (*1*) and the distribution of archaeological finds (*2*) in individual strata of the cultural layer of the settlement Ksizovo-1

диаметром 7 и высотой 4 см. Все значения магнитной восприимчивости здесь и далее по тексту приведены в единицах СИ. Магнитная восприимчивость почв является показателем, отражающим содержание ферромагнетиков. Известно, что магнитная восприимчивость почвенно-грунтового материала всегда возрастает при воздействии огня за счет неосинтеза магнетита при прокаливании (Oldfield, Crowther, 2007; Fassbinder, Stanjek, 1993). Высокие значения магнитной восприимчивости и содержания оксида магния являются надежными индикаторами продуктов горения древесины (Zhang et al., 1998; Maher, 2007).

Значения pH водной вытяжки почвенных образцов определялись потенциометрическим методом (Аринушкина, 1970).

Для оценки уреазной активности был использован модифицированный индофенольный метод (Kandeler, Gerber, 1988). Высокая активность фермента уреазы является индикатором поступления в почву мочевины и может использоваться для поиска мест содержания скота (Chernysheva et al., 2015; Каширская и др., 2017; Борисов, Коробов, 2013).

Результаты и обсуждение. Содержание валового фосфора является наиболее информативной характеристикой культурного слоя. Традиционно фосфатный метод используется археологами для установления границ археологических памятников, выявления их инфраструктурных признаков и реконструкции интенсивности использования территории (Holliday, Gardner, 2007; Макаров, 2003).

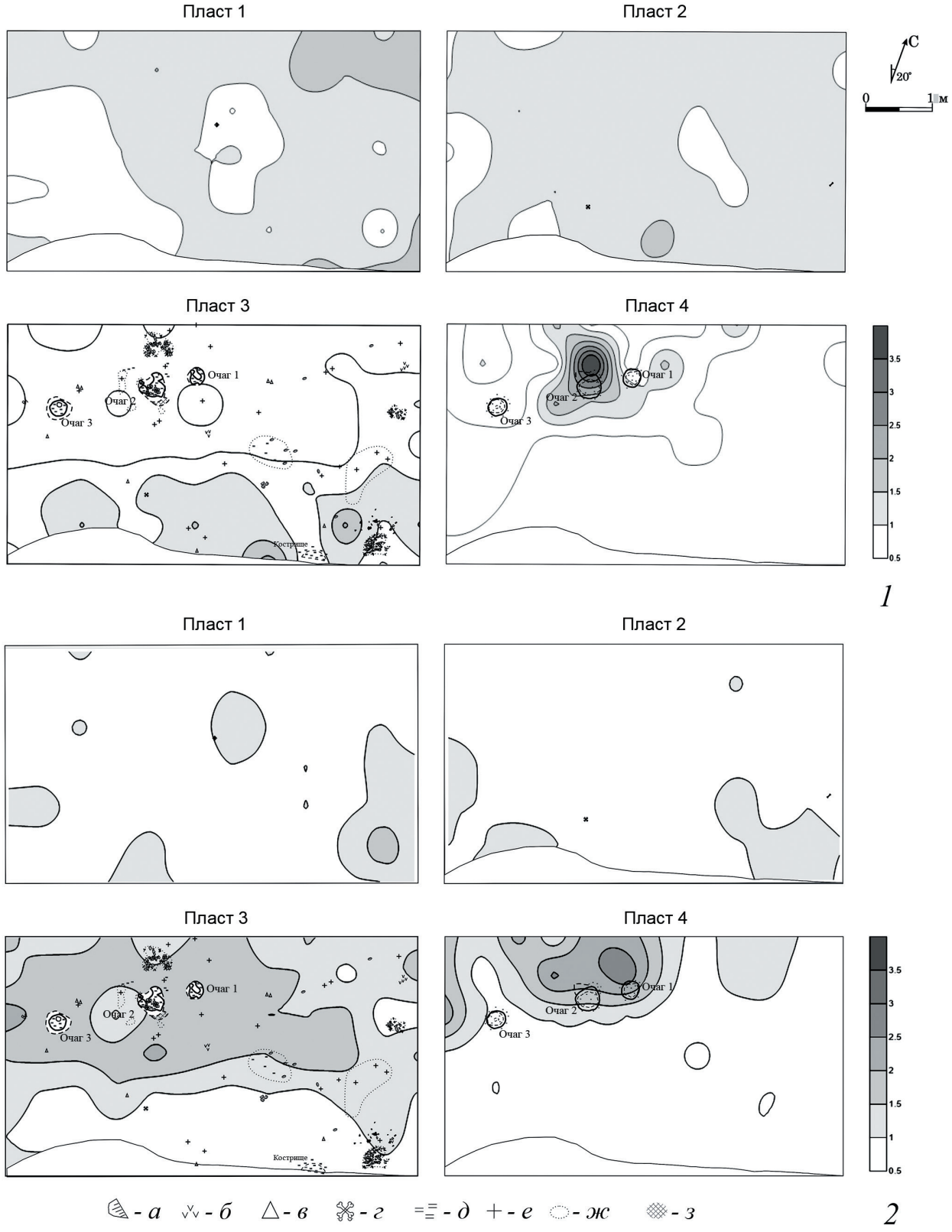

Рис. 3. Распределение органического (*1*) и минерального (*2*) фосфора по уровням отбора образцов, мг P_2O_5/г почвы. Условные обозначения здесь и на рис. 4–6: *а* – необработанный камень, *б* – угольки, *в* – кремневый отщеп, *г* – малое скопление костей, *д* – включения прокала, *е* – находки из камня, кости или глины, *ж* – большое скопление кухонных остатков, *з* – абразивная крошка.

Fig. 3. Distribution of organic (*1*) and mineral (*2*) phosphorus by sampling depths, mg of P_2O_5 per g of soil

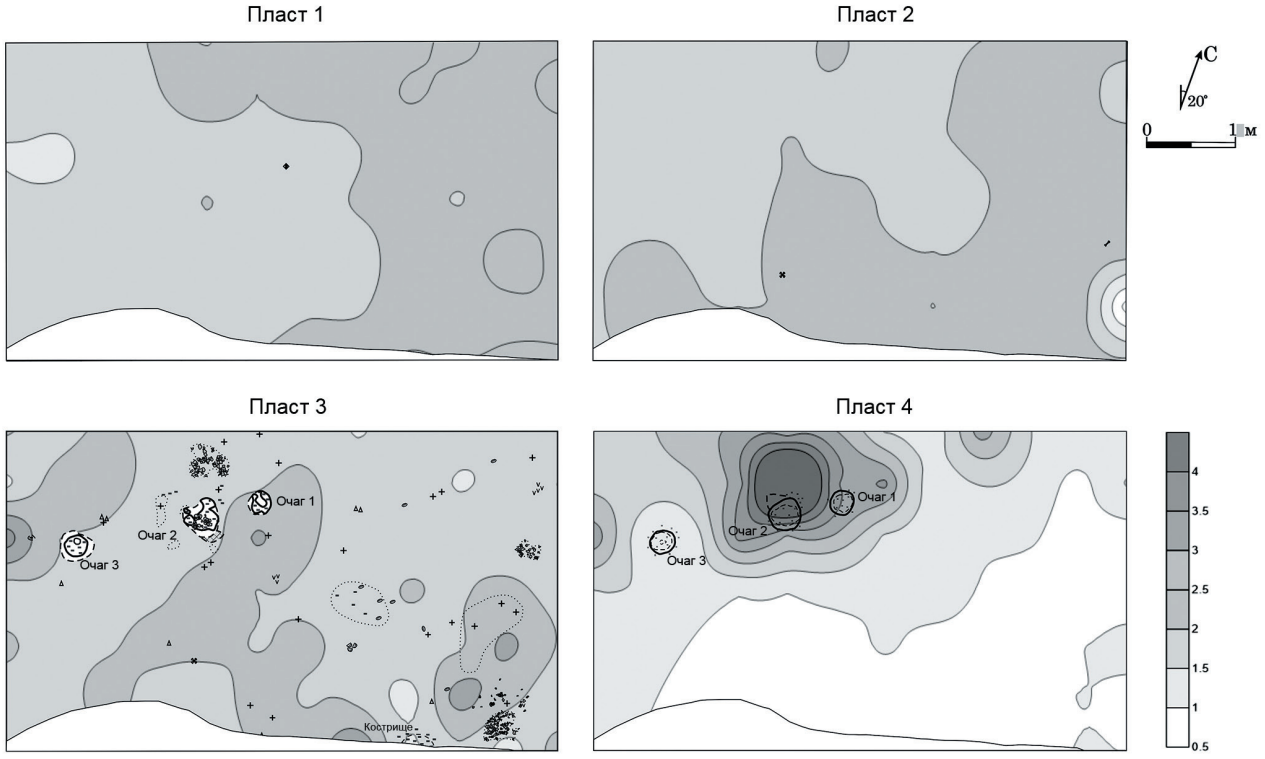

Рис. 4. Распределение валового фосфора по уровням отбора образцов, мг P_2O_5/г почвы.
Fig. 4. Distribution of gross phosphorus by sampling depths, mg of P_2O_5 per g of soil

Однако природа фосфора и способы его поступления в культурный слой остаются неизвестными. В связи с этим фосфаты в культурном слое могут иметь как "биологическую" природу, при накоплении остатков пищи и других органических субстратов, так и минеральную, при поступлении в культурный слой с костями и золой. Поэтому в данном исследовании мы определяли отдельно органический и минеральный фосфор.

На рис. 3, *1* представлены результаты определения органического фосфора по уровням зачистки и отбора образцов. Наиболее высокие значения органического фосфора имели место в почве первого и второго уровней. Третий и четвертый уровни в целом характеризовались более низкими величинами данного показателя. На четвертом уровне была выявлена фосфатная аномалия, которая фиксировалась по месту остатков очага с мощным прокалом и линзами абразивной крошки. Сверху очаг был забросан обломками крупного тарного сосуда, что, вероятно, связано с финалом существования поселка. Наличие аномалии может указывать на использование очага, в частности, для приготовления пищи, вследствие чего в почву обычно поступает большое количество продуктов белковой и жировой природы. На третьем уровне аномалия закономерно не просматривалась, поскольку глубина пробоотбора не достигала прокала очагов. В целом на соответствующих уровнях фиксации ареалы повышенных значений органического фосфора совпадают с ареалами концентрации кухонно-бытовых остатков. Любопытно, что в период активного функционирования поселения попадание в почву органического фосфора сократилось.

Совершенно иная закономерность выявлена при определении содержания минерального фосфора (рис. 3, *2*). Если в случае с органическим фосфором наибольшие значения были отмечены на первом и втором уровнях, то в случае с минеральным фосфором максимальные его величины фиксировались на третьем и отчасти на четвертом уровнях. В образцах двух верхних уровней высокие значения минеральных форм фосфора вообще не зафиксированы. На третьем уровне ареал повышенных значений перекрывал зону концентрации кухонно-бытовых остатков в северной части раскопа. Кроме того, высокие

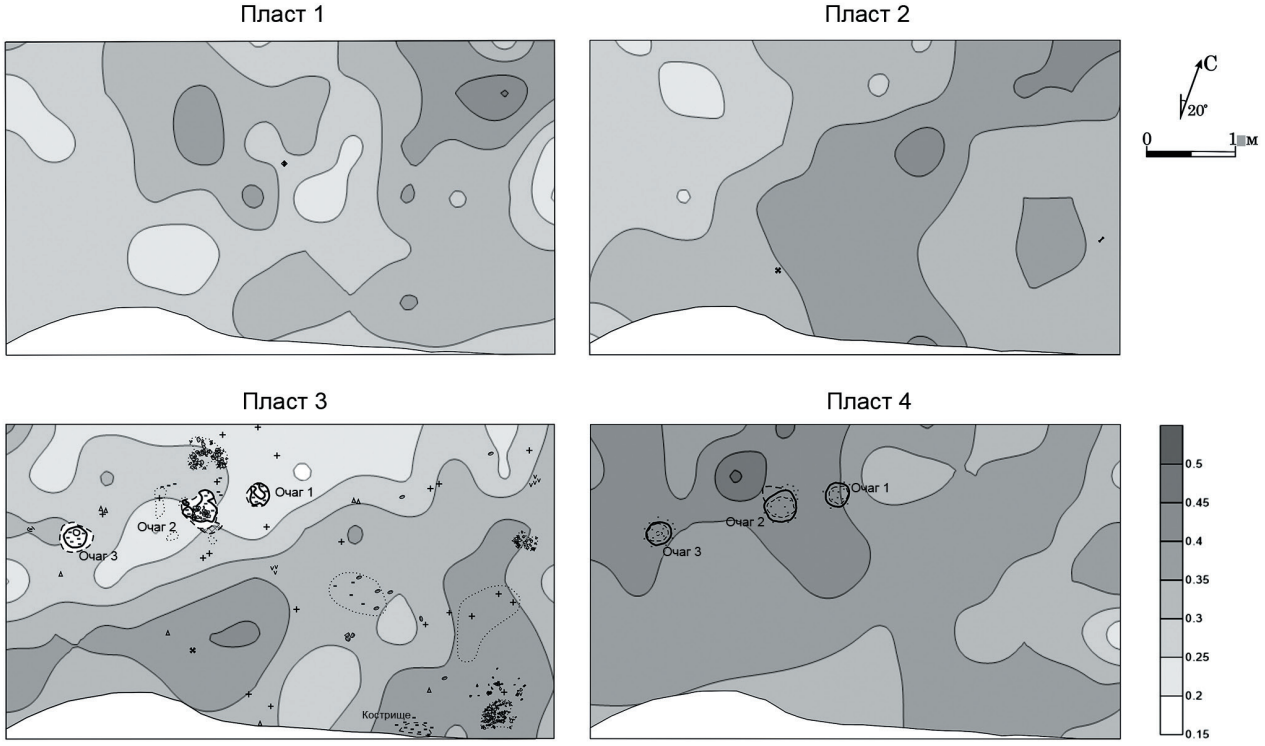

Рис. 5. Магнитная восприимчивость по уровням отбора образцов, n×10^{-5} единиц СИ.
Fig. 5. Magnetic susceptibility by sampling depths, n × 10^{-5} in SI units

значения минерального фосфора сохранялись в местах прокала очагов на четвертом уровне. Таким образом, почва поселения во время его существования обогащалась преимущественно минеральным фосфором.

Наиболее высокое содержание валового фосфора (рис. 4) было зафиксировано в образцах второго и третьего уровней зачистки. Напомним, что валовый фосфор складывается из значений минеральных и органических форм фосфатов. Основной вклад в увеличение содержания валового фосфора вносят его минеральные формы – в первую очередь это зола и костные остатки. Аномально высокие значения минерального и органического фосфора прослеживались только в районе очагов на северо-западе раскопа. Характерно, что подобные закономерности зафиксированы как на третьем, так и на четвертом уровнях. В целом содержание валового фосфора менее информативно, чем содержание минеральных и органических фосфатов. Поэтому раздельное определение органических и минеральных форм фосфора позволяет более детально определять особенности функционирования памятников.

Магнитная восприимчивость на всех уровнях варьировала от 0.2 до 0.44 n×10^{-5} единиц СИ. Наибольшие значения магнитной восприимчивости были выявлены на первом и четвертом уровнях, то есть в слое с минимальной насыщенностью археологическим материалом. На рис. 5 представлено варьирование значений магнитной восприимчивости по уровням зачистки и отбора образцов. Выявленная таким образом динамика значений этого показателя, на первый взгляд, довольно неожиданна. Предполагалось, что за счет большего поступления пирогенного материала и бытовых отходов магнитная восприимчивость в районе очагов будет заметно выше по сравнению с окружающими участками. Более высокие значения ожидались и на уровнях активного функционирования поселения. Фактически же лишь непосредственно у очагов и только на самом нижнем уровне отбора образцов магнитная восприимчивость показывает некоторое превышение. На третьем уровне значения этого показателя даже меньше,

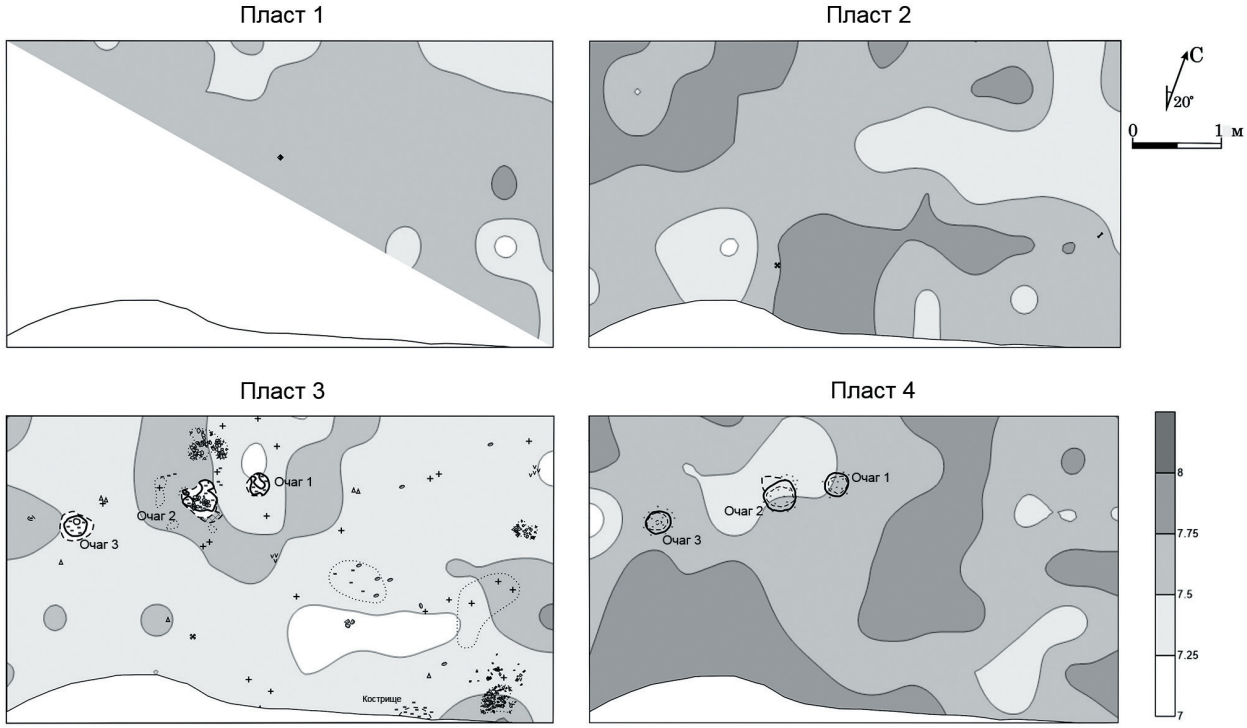

Рис. 6. Значения pH по уровням отбора образцов.
Fig. 6. pH values by sampling depths

чем на втором, что объясняется, с одной стороны, общим угнетением почвенной микрофлоры, в том числе бактерий железоредукторов, которые определяют величину магнитной восприимчивости в нормальных почвах (Maher et al., 2003; Алексеев и др., 2002, 2003, 2012), а с другой – глубиной отбора образцов, не достигавшей очажного прокала. Кроме того, нахождение пирогенного почвенного материала в погребенном состоянии за прошедшие тысячелетия могло оказать заметный нивелирующий эффект (Вагапов, Алексеев, 2015; Водяницкий, 1989; Водяницкий и др., 2000).

Весьма информативными оказались изменения значений pH на разных уровнях отбора образцов (рис. 6). Так, слой третьего уровня резко выделяется более кислыми значениями pH, чем выше- и нижележащие слои. Ранее была показана обратная тенденция – подщелачивание культурного слоя за счет большего поступления золы и обломков известняка (Александровская, Александровский, 2003; Александровский и др., 2010; 2015; Долгих, 2008). Но эти явления характерны, по-видимому, для культурных слоев средневековых памятников и крупных долговременных поселений. В нашем случае только ограниченный ареал вокруг очагов, зафиксированный на втором уровне, характеризовался некоторым подщелачиванием, в то время как сам слой имел более кислые показатели pH. Скорее всего, воздействие на почвы в период существования поселения привело к нарушению водно-воздушного режима, уплотнению, застаиванию воды и в результате вызвало изменение значений pH в кислую сторону (Чевердин, 2015).

Динамика значений уреазной активности показана на рис. 7. Активность фермента уреазы связана с поступлением мочевины в почву и может использоваться в качестве индикатора мест содержания скота (Чернышева и др., 2014; Гак и др., 2014; Chernysheva et al., 2015).

В культуросодержащем слое поселения Ксизово-1 значения уреазной активности были близки к фоновым и не позволяли сделать вывод о содержании скота, что хорошо согласуется с результатами фитолитного анализа и археологическими данными об использовании этой части поселения (Гак и др., 2017; Ивашев, Гак, 2019). На третьем и четвертом уровнях, соответствующих активной фазе функционирования поселения, показатели уреазной активности в целом были невысоки и варьировали незначительно. На верхних уровнях

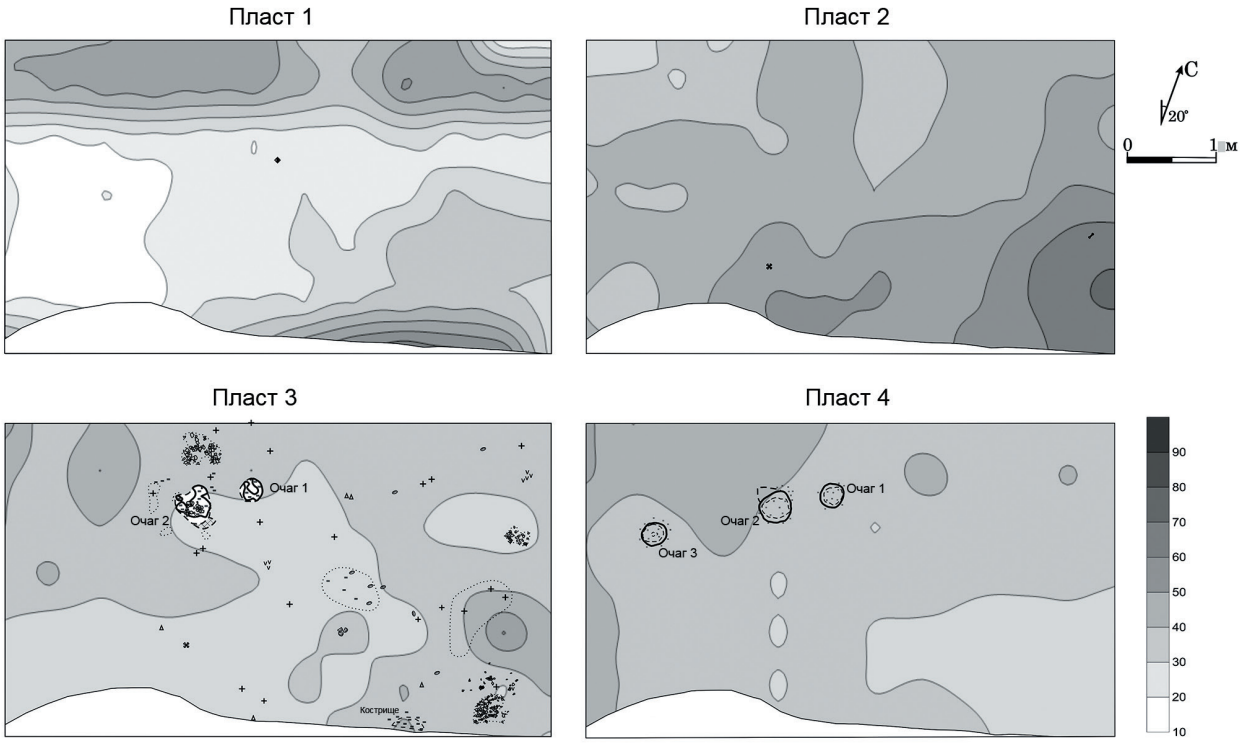

Рис. 7. Изменения уреазной активности по уровням отбора образцов, мкг NH_4/г/час.
Fig. 7. Changes in urease activity by sampling depths, μg NH_4/g per hour

величины уреазной активности были существенно выше. Аномальным выглядит резкое и хорошо очерченное увеличение уреазной активности в северной части раскопа на первом уровне отбора образцов, соответствующем границе культуросодержащего слоя с погребенной почвой. В раннем железном веке этот участок входил в зону освоения территории, возможно, поселения, ядро которого располагалось севернее, у подошвы второй надпойменной террасы (Гак и др., 2017).

В качестве графической иллюстрации результатов статистических расчетов нами были использованы диаграммы типа Box&Whisker Plot (Дарманян, 2013; Куприенко и др., 2009), обобщающие достаточно большую диагностическую и описательную информацию об исследуемой совокупности эмпирических данных.

Распределение величин содержания общего, минерального и органического фосфора в культуросодержащем слое поселения Ксизово-1 представлено на рис. 8, *1–3*. Общий фосфор в верхнем пласте, а также во втором и третьем пластах характеризуется симметричным распределением значений, при этом наибольшее варьирование величин данного показателя при сравнении пластов наблюдалось на третьем, максимально насыщенном археологическими материалами. Кроме того, существенные особенности распределения общего фосфора были отмечены для четвертого уровня с наибольшим варьированием значений как во всей выборке, так и в ее интервале от 25 до 75%. Здесь же зафиксировано экстремально высокое содержание общего фосфора, в 5 раз превышающее его среднее значение.

Содержание минерального фосфора в образцах, отобранных из третьего пласта, по сравнению с остальными пластами культуросодержащего слоя отличалось повышенными значениями в интервале от 25 до 75% выборки и более широким варьированием этих значений, тогда как общий разброс величин содержания минерального фосфора был здесь значительно меньше, чем в образцах, отобранных из четвертого пласта, хотя и несколько выше, чем в образцах из верхних пластов.

Содержание органических форм фосфора наиболее широко варьировало на третьем уровне: здесь были отмечены максимальные величины данного показателя, хотя в целом

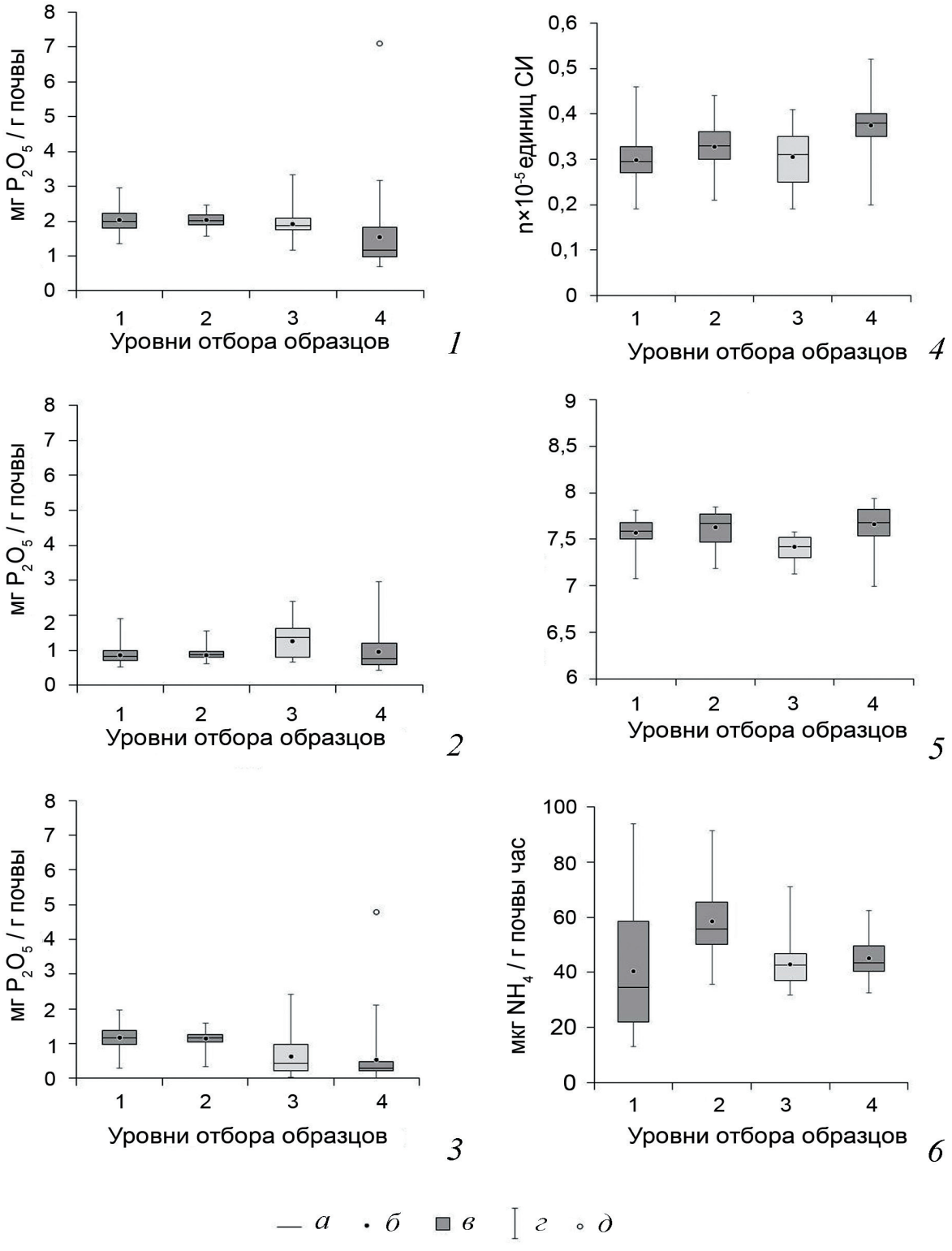

Рис. 8. Распределение значений содержания валового (*1*), минерального (*2*) и органического (*3*) фосфора; величин магнитной восприимчивости (*4*), pH (*5*) и уреазной активности (*6*) в культуросодержащем слое поселения Ксизово-1. Условные обозначения: *а* – медиана, *б* – среднее значение, *в* – 25–75%, *г* – минимум–максимум, *д* – экстремум.

Fig. 8. Distribution of gross (*1*), mineral (*2*), and organic (*3*) phosphorus contents; magnetic susceptibility (*4*), pH (*5*) and urease activity (*6*) in the cultural layer of the Ksizovo-1 settlement

половина всей выборки в интервале от 25 до 75% характеризовалась на данном уровне отбора образцов существенно меньшими значениями по сравнению с образцами, отобранными из верхних пластов культуросодержащего слоя. Нижний пласт также характеризовался значительным разбросом величин содержания органического фосфора и наличием экстремума, что связано с присутствием очага на данном уровне отбора образцов.

Таким образом, третий и четвертый пласты культуросодержащего слоя поселения Ксизово-1 характеризовались ярко выраженной неоднородностью показателей содержания минерального и органического фосфора, обусловленной различным характером антропогенной деятельности при формировании отдельных участков культурного слоя на различных этапах функционирования поселения.

Распределение величин магнитной восприимчивости, pH и уреазной активности в культуросодержащем слое поселения Ксизово-1 представлено на рис. 8, *4–6*. Магнитная восприимчивость в третьем пласте культуросодержащего слоя, максимально насыщенном археологическими материалами, по сравнению с остальными пластами характеризовалась более низкими величинами, а также более широким диапазоном их распределения в интервале от 25 до 75% выборки. Величины pH почвенных образцов из третьего пласта, напротив, отличались достаточно узким диапазоном распределения, причем значения данного показателя, расположенные в интервале от 25 до 75% выборки, были заметно меньше аналогичных значений в остальных пластах культуросодержащего слоя. При статистическом анализе уреазной активности обращает на себя внимание тот факт, что величины данного показателя в образцах из верхнего пласта варьировали в более широком диапазоне по сравнению с образцами из остальных пластов. При этом наименьшие значения уреазной активности в верхнем пласте были существенно ниже аналогичных значений в пластах 2 и 3. Сравнение уреазной активности по пластам демонстрирует для третьего пласта более низкие показатели как максимальных значений, так и значений, распределенных в интервале от 25 до 75% выборки. Низкие величины уреазной активности здесь обусловлены селитебным типом, антропогенной нагрузкой и небольшими объемами поступления мочевины в почву.

Выводы. Химические и биологические свойства культуросодержащего слоя поселения эпохи средней бронзы Ксизово-1, расположенного в лесостепной зоне, существенно варьируют в профиле и в плане. Варьирование свойств в плане связано с особенностями антропогенной деятельности и инфраструктуры поселения в целом. Профильная динамика свойств зависит от особенностей эрозионно-аккумулятивных процессов во время функционирования поселения и в последующий период.

Сравнение данных естественнонаучных исследований культурного слоя с археологическими данными позволило установить, что основной период функционирования поселения связан с пластом 3; пласт 2 соответствует финалу существования поселения и началу запустения; верхний слой (пласт 1) сформировался после запустения в результате эрозионно-аккумулятивных процессов.

Культурный слой, сформировавшийся в период функционирования поселения, отличается смещением pH в кислую сторону, ослаблением биологической активности почв и снижением магнитной восприимчивости, что связано с уплотнением почвы, застоем влаги и развитием частично анаэробных условий. Только вокруг очагов в местах накопления золы заметен ореол подщелачивания.

Антропогенная деятельность в период функционирования поселения привела к заметному увеличению содержания фосфатов. Впервые установлено, что увеличение содержания фосфора в культурном слое происходит за счет накопления минерального фосфора при попадании в почву золы и костей. Лишь возле очагов в местах возможного приготовления пищи отмечено накопление органических фосфатов. После прекращения функционирования памятника в почвах идет накопление биогенного органического фосфора.

Низкая уреазная активность не позволяет говорить о содержании скота на данном участке поселения.

Работа выполнена в рамках Госзадания № АААА-А18-118013190175-5 “Развитие почв в условиях меняющегося климата и антропогенных воздействий”. Микробиологические исследования выполнены за счет средств гранта РФФИ 17-29-04257 офи_м “Археологическая микробиология: теория и практика выявления исходного присутствия органических материалов в археологических исследованиях”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровская Е.И., Александровский А.Л. Историко-географическая антропохимия. М.: НИА-Природа, 2003. 204 с.

Александровский А.Л., Александровская Е.И., Долгих А.В. Эволюция почв и палеосреды античных городов юга Европейской России // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 5. С. 73–86.

Александровский А.Л., Александровская Е.И., Долгих А.В., Замотаев И.В., Курбатова А.Н. Почвы и культурные слои древних городов юга Европейской России // Почвоведение. 2015. № 11. С. 1291–1301.

Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И., Дергачева М.И., Мамонтова Д.А., Долгих А.В. Естественнонаучные методы изучения многослойных доисторических памятников с гомогенным культурным слоем (на примере поселения Песочное-1 на озере Неро) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 11–25.

Александровский А.Л., Воронин К.В., Александровская Е.И., Мамонтова Д.А., Долгих А.В. Почвенно-геохимические методы изучения стратиграфии многослойных доисторических памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С. 79–91.

Алексеев А.О., Алексеева Т.В. Оксидогенез железа в почвах степной зоны. М.: ГЕОС, 2012. 204 с.

Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Заварзина Д.Г. Роль железо-редуцирующих бактерий в формировании почвенного магнетита // Органическая минералогия: материалы I Рос. совещ. по органической минералогии. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 55–56.

Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Махер Б.А. Магнитные свойства и минералогия соединений железа в степных почвах // Почвоведение. 2003. № 1. С. 62–74.

Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М.: Изд-во МГУ, 1970. 487 с.

Борисов А.В., Коробов Д.С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М.: Таус, 2013. 272 с.

Бронникова М.А., Мурашева В.В., Якушев А.И. Первые данные по пространственной неоднородности элементного состава культурного слоя Гнездовского поселения // Гнездово: Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Альфарет, 2008. С. 145–149.

Вагапов И.М., Алексеев А.О. Магнитная восприимчивость в оценке пространственной и профильной неоднородности почв, обусловленная палеоэкологическими факторами // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 5. С. 99–106.

Водяницкий Ю.Н. Оксиды железа и их роль в плодородии почв. М.: Наука, 1989. 160 с.

Водяницкий Ю.Н., Гагарина Э.И., Лесовая С.Н. Влияние оглеения на соединения железа в красноцветных породах // Почвоведение. 2000. № 4. С. 427–433.

Гак Е.И., Ивашов М.В., Кайзер Э. Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 243–244.

Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // РА. 2014. № 4. С. 19–28.

Дарманян А.П. Статистические особенности вычисления и графического представления макроэкономических индикаторов уровня жизни населения Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 324–332.

Долгих А.В. Формирование педолитоседиментов и почвенно-геохимической среды древних городов Европейской России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2008. 24 с.

Екимов Ю.Г. Поселения эпохи бронзыв бассейне р. Сновы в Липецкой области // Археология восточноевропейской степи. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1979. С. 103–114.

Иванов И.В. Геолого-почвенный метод палеогеографических реконструкций и концепция “Археологического вещества” (по результатам изучения стоянки срубного времени “Песчаный Дол-II”) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2003. С. 147–163.

Ивашов М.В. Отчет о работах археологической экспедиции Липецкого госпединститута в Задонском районе Липецкой области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21677.

Ивашов М.В. Исследования в бассейне р. Снова в Задонском районе Липецкой области [Электронный ресурс] // Археологическое обозрение. Воронеж. 1999. URL: http://www.hist.vsu.ru/antiq/arho/arho99_1.html (дата обращения: 14.10.2019).

Ивашов М.В., Гак Е.И. Микрорегион катакомбных памятников у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 108–120.

Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н., Удальцов С.Н., Чернышева Е.В., Борисов А.В. Механизмы и временной фактор функционирования ферментативной организации палеопочв // Биофизика. 2017. Т. 62. Вып. 6. С. 1235–1244.

Куприенко Н.В., Пономарева О.А., Тихонов Д.В. Статистика. Методы анализа распределений. Выборочное наблюдение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2009. 137 с.

Макаров М.И. Фосфор органического вещества почв. М.: ГЕОС, 2009. 395 с.

Пряхин А.Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2896.

Пряхин А.Д. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону // Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1966. С. 145–160.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1982. 159 с.

Сычева С.А. Культурные слои древних поселений как объект междисциплинарных исследований // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований: материалы науч. конф. М.: НИА-Природа, 2006. С. 45–54.

Сычева С.А. Почвенно-геоморфологические аспекты формирования культурного слоя древних поселений // Почвоведение. 1994. № 3. С. 28–33.

Чевердин Ю.И. Влияние антропогенных факторов на реакцию почвенной среды черноземов // Агрохимия. 2015. № 8. С. 15–22.

Чернышева Е.В., Каширская Н.Н., Коробов Д.С., Борисов А.В. Изменение биологической активности дерново-карбонатных почв Кисловодской котловины под влиянием древнего и современного антропогенного воздействия // Почвоведение. 2014. № 9. С. 1068–1076.

Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V. Urease activity in cultural layers at archaeological sites // Journal of Archaeological Science. 2015. V. 57. P. 24–31.

Fassbinder J., Stanjek H. Occurrence of bacterial magnetite in soils from archaeological sites // Archaeologia Polona. 1993. V. 31. P. 117–128.

Holliday V.T., Gartner W.G. Methods of soil P analysis in archeology // Journal of Archaeological Science. 2007. V. 34. № 2. P. 301–333.

Kandeler E., Gerber H. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium // Biology and Fertility of Soils. 1988. V. 6. P. 68–72.

Maher B.A. Environmental magnetism and climate change // Contemporary Physics. 2007. V. 48. P. 247–274.

Maher B.A., Alekseev A., Alekseeva T. Magnetic mineralogy of soils across the Russian steppe: climatic dependence of pedogenic magnetite formation // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2003. V. 201. № 3–4. P. 321–341.

Oldfield F., Crowther J. Establishing fire incidence in temperate soils using magnetic measurements // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2007. V. 249. P. 362–369.

Saunders W.M., Williams E.G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // Journal of Soil Science. 1955. V. 6. P. 254–267.

Zhang C., Vali H., Romanek C.S., Phelps T.J., Liu S.V. Formation of single-domain magnetite by a thermophilic bacterium // American Mineralogist. 1998. V. 83. P. 1409–1418.

VARIABILITY OF THE CULTURAL LAYER PROPERTIES OF THE BRONZE AGE SETTLEMENT KSIZOVO-1 IN THE FOREST-STEPPE DON REGION

Anastasia V. Potapova[1,*], Viktor N. Pinskoy[1,], Evgeny I. Gak[2,***], Natalya N. Kashirskaya[1,****], Aleksandr V. Borisov[1,*****]**

[1]Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science RAS, Pushchino, Russia
[2]The State Historical Museum, Moscow, Russia

[*]E-mail: anastassiia4272@gmail.com
[**]E-mail: Pinskoy@inbox.ru
[***]E-mail: e.i.gak@mail.ru
[****]E-mail: nkashirskaya81@gmail.com
[*****]E-mail: a.v.borisovv@gmail.com

The article presents the results of the study on Ksizovo-1, a settlement of the Middle Don Catacomb culture (24th–23rd centuries BC) with a unique preservation of its cultural layer. The settlement is located in the forest-steppe zone on the high first terrace of the river Snova, the tributary of the Don River, in the vicinity of the village of Ksizovo in Lipetsk Region. The objective

of the study was to evaluate the variation of the chemical and microbiological properties of the occupation layer throughout the excavation area. The soil sampling from each square meter of the cultural layer at four different depths was conducted during excavations. The researchers determined pH, magnetic susceptibility, and urease activity in the samples, and conducted separate analyses of organic and mineral forms of phosphates. The obtained results of the analyses were processed statistically. Comparison of the distribution of archaeological finds and chemical properties across the excavation area enabled the authors to conclude that during the site functioning, the soil pH values were lower than in the period following its abandonment. Besides, a decrease in biological activity and a sharp increase in the intake of phosphorus into the soil occurred during the site functioning. Phosphorus entered the soil in mineral forms, primarily, as ash and bones. In the period that followed the abandonment of the settlement, the content of organic phosphates increases due to the activation of biological processes on the site area. In layer 4, which is the underlying sediments, it was only in the fireplace spots that the investigation identified entry of phosphates, both biological and mineral, into the soil.

Keywords: cultural layer, settlement, the Bronze Age, the Middle-Don Catacomb culture, phosphorus, magnetic susceptibility, pH, urease activity.

REFERENCES

Aleksandrovskaya E.I., Aleksandrovskiy A.L., 2003. Istoriko-geograficheskaya antropokhimiya [Historical and geographical anthropochemistry]. Moscow: NIA-Priroda. 204 p.

Aleksandrovskiy A.L., Aleksandrovskaya E.I., Dolgikh A.V., Zamotayev I.V., Kurbatova A.N., 2015. Soils and cultural layers of ancient cities in the south of European Russia. *Pochvovedeniye [Eurasian Soil Science]*, 11, pp. 1291–1301. (In Russ.)

Aleksandrovskiy A.L., Aleksandrovskaya E.I., Dolgikh A.V., 2010. Evolution of soils and palaeoenvironment of ancient cities in the south of European Russia. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography Series]*, 5, pp. 73–86. (In Russ.)

Aleksandrovskiy A.L., Voronin K.V., Aleksandrovskaya E.I., Dergacheva M.I., Mamontova D.A., Dolgikh A.V., 2011. Natural science methods for studying multilayer prehistoric sites with a homogeneous cultural layer (based on the settlement of Pesochnoye-1 on Lake Nero). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [The archaeology of Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 7. Moscow: IA RAN, pp. 11–25. (In Russ.)

Aleksandrovskiy A.L., Voronin K.V., Aleksandrovskaya E.I., Mamontova D.A., Dolgikh A.V., 2013. Soil and geochemical methods for studying the stratigraphy of multilayer prehistoric sites. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver archaeological collection of papers]*, 9. Tver': Triada, pp. 79–91. (In Russ.)

Alekseyev A.O., Alekseyeva T.V., 2012. Oksidogenez zheleza v pochvakh stepnoy zony [Iron oxidogenesis in the soils of the steppe zone]. Moscow: GEOS. 204 p.

Alekseyev A.O., Alekseyeva T.V., Makher B.A., 2003. Magnetic properties and mineralogy of iron compounds in steppe soils. *Pochvovedeniye [Eurasian Soil Science]*, 1, pp. 62–74. (In Russ.)

Alekseyev A.O., Alekseyeva T.V., Zavarzina D.G., 2002. The role of iron-reducing bacteria in the formation of soil magnetite. *Organicheskaya mineralogiya: materialy I Rossiyskogo soveshchaniya po organicheskoy mineralogii [Organic mineralogy: Proceedings of the Ist Russian meeting on organic mineralogy]*. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 55–56. (In Russ.)

Arinushkina E.V., 1970. Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv [Guide-book for chemical analysis of soils]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. 487 p.

Borisov A.V., Korobov D.S., 2013. Drevneye i srednevekovoye zemledeliye v Kislovodskoy kotlovine: itogi pochvenno-arkheologicheskikh issledovaniy [Ancient and medieval agriculture in the Kislovodsk depression: Results of soil and archaeological research]. Moscow: Taus. 272 p.

Bronnikova M.A., Murasheva V.V., Yakushev A.I., 2008. The first data on the spatial heterogeneity of the elemental composition of the Gnezdovo cultural layer. *Gnezdovo: Rezul'taty kompleksnykh issledovaniy pamyatnika [Gnezdovo: Results of the comprehensive research on the site]*. V.V. Murasheva, ed. Moscow: Al'faret, pp. 145–149. (In Russ.)

Chernysheva E.V., Kashirskaya N.N., Korobov D.S., Borisov A.V., 2014. Changes in the biological activity of soddy calcareous soils of the Kislovodsk depression under the influence of ancient and modern anthropogenic effects. *Pochvovedeniye [Eurasian Soil Science]*, 9, pp. 1068–1076. (In Russ.)

Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V., 2015. Urease activity in cultural layers at archaeological sites. *Journal of Archaeological Science*, 57, pp. 24–31.

Cheverdin Yu.I., 2015. The influence of anthropogenic factors on the reaction of the soil environment of chernozems. *Agrokhimiya [Agricultural chemistry]*, 8, pp. 15–22. (In Russ.)

Darmanyan A.P., 2013. Statistical features of the calculation and graphical representation of macroeconomic indicators of the Russian Federation population's living standard. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Contemporary issues of science and education]*, 1, pp. 324–332. (In Russ.)

Dolgikh A.V., 2008. Formirovaniye pedolitosedimentov i pochvenno-geokhimicheskoy sredy drevnikh gorodov Evropeyskoy Rossii: avtoreferat dissertatsii ... kandidata geograficheskikh nauk [Formation of pedolithic sediments and soil-geochemical environment of ancient cities in European Russia: the author's abstract of a doctoral thesis for the degree in Geography]. Moscow. 24 p.

Ekimov Yu.G. 1979. Bronze Age settlements in the Snova river basin in Lipetsk Region. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeology of the East European forest-steppe]*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 103–114. (In Russ.)

Fassbinder J., Stanjek H., 1993. Occurrence of bacterial magnetite in soils from archaeological sites. *Archaeologia Polona*, 31, pp. 117–128.

Gak E.I., Chernysheva E.V., Khodzhayeva A.K., Borisov A.V., 2014. The experience of identifying and systematization of the infrastructure characteristics of the settlement of the catacomb culture Rykan-3 in the forest-steppe Don region. *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 4, pp. 19–28. (In Russ.)

Gak E.I., Ivashov M.V., Kayzer E., 2017. The settlement of the catacomb culture Ksizovo-1 in the Upper Don region: results and prospects of comprehensive studies. *V(XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"yezd: sbornik nauchnykh trudov [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress: Collected papers]*. A.P. Derevyanko, ed. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 243–244. (In Russ.)

Holliday V.T., Gartner W.G., 2007. Methods of soil P analysis in archeology. *Journal of Archaeological Science*, vol. 34, no. 2, pp. 301–333.

Ivanov I.V., 2003. The geological and soil method of palaeogeographic reconstructions and the concept of "archaeological substance" (based on the results of studying the Timber-grave (Srubnaya) site Peschany Dol-II). *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke [Material culture of the population of the Samara river region in the Bronze Age]*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 147–163. (In Russ.)

Ivashov M.V. Otchet o rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii Lipetskogo gospedinstituta v Zadonskom rayone Lipetskoy oblasti v 1998 g. [Report on the works of the Lipetsk State Pedagogical Institute's archaeological expedition in Zadonsky district of the Lipetsk region in 1998]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 21677.

Ivashov M.V., 1999. Issledovaniya v basseyne r. Snova v Zadonskom rayone Lipetskoy oblasti (Elektronnyy resurs) [Studies in the Snova river basin in Zadonsky district of Lipetsk region (Electronic source)]. URL: http://www.hist.vsu.ru/antiq/arho/arho99_1.html.

Ivashov M.V., Gak E.I., 2019. The Microregion of the catacomb sites near the village of Ksizovo in the Upper Don region. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 256, pp. 108–120. (In Russ.)

Kandeler E., Gerber H., 1988. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium. *Biology and Fertility of Soils*, vol. 6, iss. 1, pp. 68–72.

Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Udal'tsov S.N., Chernysheva E.V., Borisov A.V., 2017. Mechanisms and time factor of the functioning of the palaeosoil enzymatic organization. *Biofizika [Biophysics]*, vol. 62, iss. 6, pp. 1235–1244. (In Russ.)

Kupriyenko N.V., Ponomareva O.A., Tikhonov D.V., 2009. Statistika. Metody analiza raspredeleniy. Vyborochnoye nablyudeniye: uchebnoye posobiye [Statistics. Distribution analysis methods. Sampling: A study guide]. St.Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta. 137 p.

Maher B.A., 2007. Environmental magnetism and climate change. *Contemporary Physics*, vol. 48, iss. 5, pp. 247–274.

Maher B.A., Alekseev A., Alekseeva T., 2003. Magnetic mineralogy of soils across the Russian steppe: climatic dependence of pedogenic magnetite formation. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, vol. 201, no. 3–4, pp. 321–341.

Makarov M.I., 2009. Fosfor organicheskogo veshchestva pochv [Phosphorus of soil organic matter]. Moscow: GEOS. 395 p.

Oldfield F., Crowther J., 2007. Establishing fire incidence in temperate soils using magnetic measurements. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, vol. 249, iss. 3–4, pp. 362–369.

Pryakhin A.D. Otchet arkheologicheskoy ekspeditsii Voronezhskogo universiteta za 1964 g. [Report of the archaeological expedition of Voronezh University for 1964]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 2896.

Pryakhin A.D., 1966. On the sites of the early catacomb type in the Upper and Middle Don region. *Voprosy istorii slavyan [Issues of the history of the Slavs]*, 2. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 145–160. (In Russ.)

Pryakhin A.D., 1982. Poseleniya katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ya [Catacomb period settlements of the forest-steppe Don region]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 159 p.

Saunders W.M., Williams E.G., 1955. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils. *Journal of Soil Science*, vol. 6, iss. 2, pp. 254–267.

Sycheva S.A., 1994. Soil-geomorphological aspects in the formation of the cultural layer of ancient settlements. *Pochvovedeniye [Eurasian Soil Science]*, 3, pp. 28–33. (In Russ.)

Sycheva S.A., 2006. Cultural layers of ancient settlements as an object of interdisciplinary research. *Kul'turnyye sloi arkheologicheskikh pamyatnikov. Teoriya, metody i praktika issledovaniy: materialy nauchnoy konferentsii [Cultural layers of archaeological sites. Theory, methods and research practice: Proceedings of scientific conference].* Moscow: NIA-Priroda, pp. 45–54. (In Russ.)

Vagapov I.M., Alekseyev A.O., 2015. Magnetic susceptibility in assessing spatial and profile heterogeneity of soils caused by palaeoecological factors. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geography series]*, 5, pp. 99–106. (In Russ.)

Vodyanitskiy Yu.N., 1989. Oksidy zheleza i ikh rol' v plodorodii pochv [Iron oxides and their role in soil fertility]. Moscow: Nauka. 160 p.

Vodyanitskiy Yu.N., Gagarina E.I., Lesovaya S.N., 2000. The effect of gleying on iron compounds in red rocks. *Pochvovedeniye [Eurasian Soil Science]*, 4, pp. 427–433. (In Russ.)

Zhang C., Vali H., Romanek C.S., Phelps T.J., Liu S.V., 1998. Formation of single-domain magnetite by a thermophilic bacterium. *American Mineralogist*, 83, pp. 1409–1418.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 76–89

ХОРА БОСПОРА В III–II вв. до н.э.

© 2020 г. А.А. Масленников

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: iscander48@mail.ru

Поступила в редакцию 07.03.2019 г.

В статье подытоживаются результаты археологических исследований памятников III–II вв. до н.э. сельской территории античного Боспорского государства, полученные в последнее десятилетие, в том числе материалы раскопок в Крымском Приазовье и в южной части Таманского полуострова. Рассматриваются вопросы о границах боспорских владений, системе землеустройства и поземельных отношений, численности, типологии и хронологии поселенческих структур. Особое внимание уделено динамике их развития. Предлагаются некоторые исторические реконструкции. Кардинальные перемены на рассматриваемой территории около рубежа первой-второй четвертей III в. до н.э. привели к общему существенному снижению всех прежних "показателей". Затем на значительной ее части наблюдается некоторое возрождение поселений и хозяйственной жизни, пик которой приходится на вторую-третью четверти этого же века. Позднее отмечается общий регресс, выразившийся к концу II в. до н.э. в почти полном запустении большей части хоры Боспора.

Ключевые слова: сельская территория Европейского и Азиатского Боспора, границы, поземельные отношения, поселения, хронология, типология, периодизация, археологические материалы.

DOI: 10.31857/S086960630005668-3

Обозначенный в названии период боспорской истории в силу скудости письменных источников с полным правом можно считать одним из самых "темных", тем более, если это касается его сельской территории. До недавнего времени с археологией дело тоже обстояло не лучшим образом. Но в последнее десятилетие здесь, а также "по соседству" велись достаточно интенсивные полевые изыскания и получен новый весьма значительный и важный археологический материал, что позволяет еще раз вернуться к рассмотрению данной темы, не повторяя в целом уже ранее сказанного (Бейлин и др., 2014; Масленников, 2013а; б; Гарбузов и др., 2013; Гарбузов, 2018; Гарбузов, Завойкин, 2014; 2015; Гарбузов, 2018).

Прежде всего уместно сделать своего рода оговорку относительно периодизации местной истории, вернее, ее терминологических "тонкостей". Среди исследователей в настоящее время нет единого мнения, какой стадии античной цивилизации соответствуют социально-политическая и экономическая составляющие Боспорского государства в рассматриваемое время, а также непосредственно до и после него (протоэллинизм, эллинизм, ранний/поздний эллинизм, предэллинизм, постэллинизм...) (из последних работ назовем хотя бы несколько: Завойкин, 2013. С. 434–456; Сапрыкин, 2017). Между тем все сходятся в том, что одним из важнейших "критериев" является здесь характер поземельных отношений, то есть формы собственности на основное средство производства – землю. А при фактически полном "наличии отсутствия" для этой эпохи соответствующих письменных свидетельств уповать, естественно, с оговорками, остается только на данные археологии.

Начнем же с того, что все, что касается сельской территории/хоры (последнее понятие, более привычное для антиковедов, все же "у́же", нежели первое) античных государств, неизбежно связано с вопросом о границах и пограничье, причем как внутренних, так и внешних. О первых (между полисными хорами и землями с иным статусом) говорить пока очень сложно. Теоретически они – следуя традиционной полисной практике – должны носить следы кадастровой (линейно-ортогональной) размежевки и, в идеальном варианте, сопровождаться усадебными постройками. Разумеется, речь идет о той части полисной хоры (угодья), которая распределялась среди граждан. Общинные земли (как угодья, так и разного рода неугодья) могли располагаться по окраинам полисных земельных владений,

не носить следов правильной или даже всякой размежевки, а включать в себя относительно немногочисленные, но достаточно большие по площади поселенческие структуры, нечто вроде сезонных легко укрепленных (валы и рвы) коллективных усадеб (например, пос. Голубицкое 2, Стрелка или Ахтанизовское 4 в центральной части Таманского п-ова; раскопки Д.В. Журавлева и Г.А. Ломтадзе). Следы нелинейного "межевания", вроде бы наиболее многочисленные на Азиатском Боспоре, могли быть связаны с иным по форме, времени и назначению (так называемые длинные поля, скорее всего, использовались под пашню) землепользованием. Но на практике, по крайней мере, на большей части Таманского п-ова мы имеем дело с так называемой многослойной моделью межевания, разделить которую хронологически невозможно (Гарбузов, 2010. С. 238). Впрочем, вопрос о фиксированных следах древнего межевания по обоим берегам Керченского пролива столь сложен и неоднозначен (из последних по времени обобщающих работ см.: Гарбузов, 2010; Масленников, Смекалова, 2008; Быковская, Смекалова, 2019), что заслуживает особого рассмотрения, а главное – дальнейшего многолетнего комплексного полевого исследования, которое фактически еще и не начиналось. В любом случае самой трудной является здесь проблема "узкой" хронологии, без которой все прочие, тем более конкретно-исторические и палеоэкономические, реконструкции и предположения лишены оснований. Заметим попутно, что вблизи "базовых" поселений рассматриваемого времени в Крымском Приазовье (см. ниже) явные следы древнего межевания, скорее всего, некоего смешанного типа, наличествуют, но опять-таки ясно лишь, что они датируются временем после IV – начала III в. до н.э., и не более. Для района дальней (восточной) хоры Горгиппии, также наиболее перспективном в плане данной темы (Абрамзон, Новичихин, 2017. С. 379, 380), подобные изыскания как будто бы вовсе еще не проводились.

Несколько лучше обстоит дело с археологическими признаками внешних (государственных) границ. Новой информации появилось немало, и почти вся она, что называется, кстати. Правда, это почти исключительно касается европейской части государства – Восточного Крыма. Мы имеем в виду все более проясняющуюся датировку хорошо известных земляных оборонительных сооружений (валов и рвов) на Керченском п-ове. Если кратко, то и наши прежние, и совсем недавние новостроечные работы (Масленников, 2003; Супренков, Требухина, 2018) свидетельствуют, что самый протяженный и впечатляющий из них – Узунларский – был, скорее всего, сооружен не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. и не позднее конца первой трети III в. до н.э. Выяснилось также, что и один из Тиритакских валов ("центральный") относился, вероятнее всего, к тому же времени. При этом на обоих сооружениях можно выделить два строительных периода (второй – I в. до н.э.?). Не исключена в этой связи и передатировка (также I в. до н.э.?) так называемого Чокракского вала (вал Безкровного) (Масленников, 2003, С. 121–127; Ермолин, 2010. С. 147–150; Столяренко, Супренков, Прокопенко, 2018).

Если исходить из общеисторического контекста (общесеверопричерноморский кризис, около рубежа первой-второй четвертей III в. до н.э. или немного позднее), то время это как нельзя более подходило для столь важных, масштабных и даже эшелонированных фортификационных работ. В таком случае остается только подивиться их размерам, трудо-финансовым (напомним, начало глубокого финансового кризиса на Боспоре, согласно мнению большинства нумизматов, относится примерно к этому же времени. Из множества работ упомянет здесь лишь: Шелов, 1956. С. 108–150; Анохин, 1986. С. 48–60) и прочим затратам и воздать должное организаторам и строителям... чем бы все это для Боспора не кончилось (Масленников, 2003. С. 209, 210). В то же время придется признать, что реальные рубежи боспорских владений на западе проходили, по крайней мере, в начале рассматриваемого времени или по центру Керченского п-ова, или (если сведения еще об одном вале подтвердятся) на западе феодосийской округи. В первом случае Феодосия с ее хорой оставались как бы без прикрытия (анклавом), что как-то маловероятно. Узунларский вал по идее должен был прикрывать дальнюю, в том числе, так называемую царскую, хору (в Приазовье). А вот "промежуточные" линии обороны, особенно Тиритакский вал, не призваны ли были защищать именно полисную хору столицы, а может быть, всей северо-западной, наиболее "урбанизированной" части полуострова с районом переправы? Судя по тому, что практически одновременно на Керченском п-ове, да и практически по всему степному Крыму прекращают функционировать сотни

так называемых скифских селищ (Масленников, 1998. С. 72–88; Колтухов, Зайцев, 2018. С. 136, 137), а в районе Крымского Приазовья и не только – большие усадебные комплексы “царской” хоры (Масленников, 2010. С. 220–230; Ермолин, Буравлев, Бонин, 2019), все эти чрезвычайные и дорогостоящие труды оказались напрасными. Где потом на протяжении почти двух веков реально проходила граница Боспора – доподлинно неизвестно. Может быть, ее удалось как-то стабилизировать на указанных рубежах. Исходя из только что сказанного, очевидно, что взаимоотношения Боспора со своими западными соседями, прежде всего так называемыми поздними скифами, в рассматриваемое время, скорее всего, стали еще более сложными, а в начальный период этой эпохи, быть может, и более конфликтными. Впрочем, по-прежнему приходится только гадать, против кого именно насыпались валы на впервые в боспорской соответствующей практике фиксируемом пограничье. При всем этом уже достаточно давно и не без оснований предполагается наличие междинастических и иных связей правителей крымских скифов и поздних Спартокидов (из последних работ см.: Колтухов, Зайцев, 2018. С. 139, 140). Об этом же ярко свидетельствуют основные, прежде всего фортификационные, постройки и культурные напластования городища Ак-Кая (первая столица крымских скифов?), относящиеся именно к рассматриваемому времени (Зайцев, 2017. С. 121–132). Однако все это вряд ли свидетельствует о расширении собственно сельской территории Боспора в западном направлении. Скорее всего, как только что писалось, она ограничивалась вышеуказанными границами и округой Феодосии.

На востоке же боспорское пограничье нам по-прежнему почти неведомо. Вероятнее всего, в силу ряда причин оно не было столь же твердо установленным и зависело в каждый конкретный период от реального соотношения сил с соседями и экономических возможностей Боспора. Можно предположить (см. ниже), что границы полисных и государственных земельных владений здесь (Таманский п-ов) фактически совпадали. Но вернемся к теме изложения.

Что же можно на сегодняшний день сказать или подтвердить относительно организации, демографического потенциала, хозяйственной составляющей, этнокультурной характеристики населения и основных исторических реконструкций предмета нашего рассмотрения?

Во-первых, на более или менее современном уровне удалось подытожить статистику памятников: поселений, местонахождений керамики и отчасти некрополей в границах Восточного Крыма и Таманского полуострова. В результате архивных поисков, данных охранных и спасательных разведок и раскопок, а также целенаправленных площадных и локальных разведок по обе стороны пролива было выявлено несколько десятков объектов, ранее не учтенных в соответствующих сводках; сверено во многих случаях их местоположение; по возможности уточнена хронология, или же таковые, наоборот, были “сняты с учета”. В итоге сформирован относительно полный каталог (см. упомянутые выше работы), который, однако, в силу ряда сложностей, прежде всего связанных с проблемами узких датировок, включает слишком широкий круг памятников (IV–I вв. до н.э.) и требует дальнейшей хронологической коррективы, по крайней мере, в пределах четверти века. Без этого, а также ряда иных уточнений (см. ниже) ни соответствующая статистика, ни новые исторические реконструкции, в том числе для рассматриваемого времени, невозможны. Но эта задача остается практически невыполнимой ввиду огромного числа таких объектов и столь же огромных трудовых и финансовых затрат.

Тем не менее в ходе полевых изысканий были выявлены некоторые небезынтересные обстоятельства топографического, палеосейсмического, палеопочвоведческого и палеогидрологического планов. Так, в ряде случаев (Таманский п-ов) получены результаты, свидетельствующие о незначительной степени антропогенного воздействия на почвы со времен античности, что позволяет теоретически оценивать их плодородие и урожайность в древности более объективно. Сравнение же современных водных ресурсов (также Таманский п-ов) с топографией поселений указанного периода не выявило их безусловного тяготения к нынешним балкам, родникам, колодцам (как маркерам водных слоев), что оставляет открытым вопрос об источниках водоснабжения в древности (Гарбузов, 2015). Впрочем, приазовские поселения Восточного Крыма демонстрируют как раз обратную зависимость. Здесь вблизи новых городищ, как правило, расположенных в прибрежной зоне, выявлено немало колодцев, хотя бы часть которых вполне могла функционировать в античную эпоху. Не исключено, что именно они, вернее, внезапная невозможность их использования (подвижки

водоносных слоев вследствие сильных землетрясений или/и резкого подъема уровня моря, кстати, по той же причине), имела своим следствием прекращение жизни на близлежавших поселениях.

Как при работе с архивными материалами, так и в ходе полевых разведок обращалось внимание на наличие возможных следов природных катаклизмов, военных действий, степень древнего и современного антропогенного воздействия. Отдельные шурфовки позволили проверить сам факт наличия культурного слоя, что заставляет в ряде случаев отнести находки из поверхностных сборов к разряду случайных, со всеми соответствующими статистическими выводами.

Несмотря на отмеченные выше трудности, все же удалось с помощью "реперных показателей" в известной степени уточнить хронологию части привлекаемых археологических объектов (условных поселений) в пределах трети или даже четверти столетия, в итоге – более или менее определиться с их примерной общей численностью именно в рассматриваемое время и хотя бы на обследованных территориях. В целом подтвердилось, что количество памятников с датировкой вторая треть III – конец II в. до н.э. повсеместно очень сильно сократилось (Гарбузов, Завойкин, 2014. С. 190–224; 2015). Особенно это заметно на примере Восточного Крыма, где они просто единичны. Фактически можно говорить о настоящем "обвале" поселенческой структуры. Произошло, как и полагала в свое время И.Т. Кругликова, почти полное, причем очень быстрое, запустение всей "дальней" (государственно-царской и "варварской") и, видимо, большей части "ближней" (полисной) хор государства (Кругликова, 1975. С. 96–101; Масленников, 1998. С. 72–89; 2010. С. 221–230). Вывод этот вполне подтверждается новейшими масштабными раскопками и может считаться окончательным. Датировка этого "великого перелома" (около 288 г. до н.э.), предложенная Н.Ф. Федосеевым (2017. С. 170, 175), скорее всего, близка к "оптимально-реальной". Но исторической конкретики тут все еще не хватает. Как будто бы все или почти все эти населенные пункты, включая большие усадебные комплексы, были оставлены их обитателями преднамеренно и за очень короткое время.

Одновременно выяснилась, что географо-экологический "антураж" сохранившихся (что много чаще для Таманского п-ова) или появившихся (что более характерно для Восточного Крыма) поселений заметно изменился по сравнению с предшествовавшими столетиями. В последнем случае они теперь в небольшом числе фиксируются только в Приазовье, а также в относительной близости от городских центров. При этом для Керченского п-ова характерно максимальное использование особенностей локальной топографии (труднодоступные скалистые возвышенности и мысы или, наоборот, закрытые, малозаметные со стороны "степи" прибрежные "долины").

Сравнение Таманского п-ова и Восточного Крыма с точки зрения систем расселения показывает их некоторое различие, обусловленное как природными факторами, так и вероятной спецификой самой организации (структуры) хоры. Так, в "Азии", по крайней мере до конца рассматриваемой эпохи, а может быть, и позднее, по-видимому, преобладало полисное землевладение, хотя, вероятно, существовали храмовое и царское (КБН, № 976. Упоминание о некоей "своей земле" (землевладении) в известной легенде о смерти "царя" Евмела – Diod., XX, 25). Хронологический анализ соответствующих материалов, как об этом только что писалось, говорит о том, что здешняя поселенческая система в III–II вв. до н.э. как бы приходит в упадок, сокращаясь территориально и количественно. Это подтверждается и тем, что на рубеже IV и III вв. до н.э. или немного позднее тут и в целом в Прикубанье происходит резкое падение амфорного импорта, лишь отчасти восстановившегося к третьей четверти III в. до н.э. Новый спад амфорного импорта (наряду с его географической переориентацией: Синопа – Родос) имеет место здесь, как и по другую сторону пролива, повсеместно уже с начала II в. до н.э. К концу же этого века можно говорить о его временном затухании до минимума (Кошеленко, Малышев, Улитин, 2010. С. 278–280).

Все эти изменения, как об этом можно судить, по крайней мере, по данным сплошных разведок и порой достаточно масштабных охранных раскопок в округе Фанагории и Горгиппии, касаются не только численности поселений, но и их размеров и, вероятно, типологии. На смену большим и малым неукрепленным "деревням" и "хуторам" с рассеянной, хаотичной застройкой, по-видимому, приходят относительно немногочисленные небольшие или, напротив, довольно крупные

компактные, также неукрепленные “усадьбы” античного типа (см. ниже).

Относительно дальней хоры Восточного Крыма аналогичная типологическая перемена выразилась практически в обязательном наличии оборонительных сооружений и двух основных принципов общей планировки и даже отчасти строительных приемов: условно античных и варварских (Кругликова, 1975. С. 101; Масленников, 1998. С. 89–101, 208–224). Первые, как правило, подразумевали правильную (по сторонам света) разбивку на местности прямоугольных или близких к ним в плане строений и использование не только иррегулярной, но местами и квадровой кладки, черепичной кровли, многоэтажности, башенных конструкций, ворот. Вторые характеризовались как бы линейно-террасной планировкой однотипных кварталов из нескольких жилищ-помещений. Впрочем, все эти новые черты в полной мере прослеживаются на ряде сельских поселений последующего времени, часть из которых, несомненно, появилась именно в III–II вв. до н.э. (например, пос. у дер. Семеновка).

В то же время проверка и уточнение датировок вновь открытых и уже известных поселений (прежде всего, на которых велись в последние годы достаточно интенсивные раскопки) показали, что в Восточном Крыму новые – в плане топографии и хронологии (но не типологии) – почти непосредственно сменяют предшествовавшие. Вместе с тем в этих населенных пунктах (городищах), хотя и в незначительном количестве, выявлен материал конца IV – начала III в. до н.э., интерпретация которого, конечно, неоднозначна, но в целом не противоречит дате их основания около или “вскорости” от указанного выше времени (рубеж первой-второй четвертей III в. до н.э.). Иными словами, если некая временная лакуна между ними и существовала, то она была минимальной. (Согласно Н.Ф. Федосееву, не более десятилетия: 288–278 гг. до н.э. См.: 2017. С. 175). Во всяком случае, их оборонительные сооружения (особенной мощью и продуманностью выделяются укрепления городища Золотое Восточное – Сюрюташ) возводятся сразу, даже в ущерб качеству и “антуражу” жилой застройки (Масленников, 2017). При этом влияние соответствующей античной традиции и практики очевидно. Для сельской территории Азиатского Боспора (за исключением Раевского городища) мы такими примерами пока не располагаем.

Если же дать самую общую характеристику сельских поселенческих структур рассматриваемого времени в плане их стратиграфии и хронологии, то по обеим сторонам пролива можно выделить три группы памятников. Это поселения, появившиеся еще в предшествующую эпоху, хотя бы и в ее конце (Волна I, Белое Юго-восточное, некоторые усадьбы хоры Горгиппии и Фанагории), и просуществовавшие почти до рубежа II–I вв. до н.э.; поселения, относившиеся только к данному времени (Сюрюташ, Крутой берег, Полянка I и пригородные усадьбы у Мирмекия), и возникшие в этот период и “прожившие” (видоизменяясь) еще несколько (до III или даже VI вв. н.э.) веков (Семеновское, Ново-Отрадное, Казантип II, возможно, Артезиан).

Новые исследования так называемых базовых памятников интересующего нас времени, прежде всего в Крымском Приазовье (Полянка, Сюрюташ, Крутой берег), позволили выявить или подтвердить особенности общей и частной (жилой) планировки и застройки. В основе ее лежал так называемый квартально-блочный принцип разбивки на местности линий-кварталов, по большей части усложненный террасированием. Сами жилища состояли из одного-двух одноэтажных помещений, без черепичной кровли, с примыкавшими частично мощеными маленькими двориками. Наличие относительно прямых и достаточно широких (основных) улиц и переулков вовсе не свидетельствовало о хаотичности застройки. Внутри и рядом с поселениями наличествовали святилища и отдельные производственные комплексы (винодельни). В ходе этих раскопок был получен весьма значительный археологический (вещевой) материал, в том числе: более тысячи амфорных клейм, сотни фрагментов покрытой лаком (черным и бурым) столовой посуды. Заметно выросло по сравнению с предшествовавшей эпохой число обломов лепных сосудов. При этом в ней прослеживаются черты, позволяющие, хотя и осторожно, судить о некоторых, вероятно, варварских (позднескифских?) “инновациях”. Солидная “коллекция” палеозоологических находок служит основанием для выводов о состоянии животноводства обитателей этих поселений, а также фауне окружавшей территории, следовательно, об охотничьих “приоритетах”. Находки раковин моллюсков, рыболовных грузил, крючков и игл для вязания сетей свидетельствуют о видах и возросшей роли рыболовства в хозяйстве поселян. Многотысячные обломки амфорной

тары (Синопа, Родос, Книд, Кос, Колхида), сотни фрагментов "мегарских" чашек, более сотни в основном пантикапейских медных монет, редкие граффити, ткацкие грузила, пряслица, десятки обломков терракотовых статуэток в той или иной степени характеризуют быт, культуру и хозяйственно-торговую деятельность местного населения. Вместе с тем по-прежнему практически ничего не известно о его погребальной практике, поскольку сопутствовавшие городищам некрополи пока даже не найдены. Археологическая характеристика раскопанных синхронных сельских поселений по другую сторону пролива имеет некоторые отличия. Так, она хронологически "размытая", а в планировке господствует тип крупной усадьбы или даже усадебного комплекса, в основе которого лежит принцип размещения небольших помещений по периметру общего двора/дворов. Следует также еще раз отметить, что известные нам поселения городской, прежде всего горгиппийской, хоры демонстрируют практически во всем явный приоритет античных традиций.

Обращаясь к возможным историческим выводам, отметим, что общая характеристика материальной и духовной культуры сельского населения европейской части Боспора в целом может быть определена как греко-варварская, с античной доминантой, но довольно низким (по сравнению с предшествовавшим периодом) уровнем благосостояния. Социально-правовой статус обитателей "дальней" хоры неясен. Не исключено, что они были этнически не вполне однородны и в какой-то степени зависимы от боспорских правителей. О состоянии здешней "ближней" (городской) хоры новой информации в целом очень немного (Зинько, 2007. С. 166–180). Судя по имеющимся данным, она была представлена загородными усадьбами типа мирмекийской (их) (Гайдукевич, 1981. С. 55–75), с соответствующей этнокультурной характеристикой и правовым статусом их обитателей, которых в массе своей вряд ли уместно именовать собственно поселянами (хоритами).

Итак, для этого времени, видимо, уместно говорить как бы о двух регионально-географических вариантах (моделях) хозяйственно-административной организации (в данном случае – переустройства?) сельской территории царства. Как только что отмечалось, они сложились довольно быстро и были вызваны почти одновременным воздействием нескольких местных (локальных) и общесеверопричерноморских (глобальных) факторов объективного (природного) и субъективного ("человеческого") происхождения. Среди них обычно называют военно-политический (варварские миграции) и эколого-экономический (смена центров средиземноморской торговой активности, климатические перемены, кризис хозяйства, основанного на экстенсивном хлебопашестве). Выбирать приоритетные вряд ли вообще целесообразно. Это, с чем сейчас согласны все исследователи, был общерегиональный, системный кризис. А вот его этапы, вернее, некоторые предположения, в том числе в плане хронологии, исходя из всего вышесказанного, представляются небезынтересными.

Практически полное отсутствие письменных свидетельств для хотя бы самых общих исторических реконструкций событий на хоре Боспора III–II вв. до н.э. не оставляет нам иных источников, кроме археологических. Но и они, как известно, далеко не всегда надежны, однозначны, да и вообще доступны интерпретации. Поэтому приходится прибегать не только к наблюдениям чисто археологического плана (следы пожаров, разрушений и т.п.), но и к некоторым косвенным показателям. Так, обозначенной выше примерной дате кардинальных перемен на хоре Европейского и отчасти Азиатского Боспора, согласно анализу наиболее информативного и надежного в плане хронологии материала (амфорные клейма, монеты, столовая лаковая посуда), предшествовал совсем короткий период запустения. Он настолько мал, что теоретически можно даже говорить о почти "единовременном" оставлении одних и строительстве других поселений иного типа и местоположения. О том, как жилось их обитателям потом, на протяжении почти двух веков, вернее, какие негативные или положительные периоды при этом имели место, можно отчасти предположить, опираясь, как уже говорилось, на некоторые косвенные свидетельства.

Так, в какой-то степени нашу уж совсем "тусклую" историческую конкретику (правильнее было бы все же сказать – ее полное отсутствие) восполняют монетные клады и хотя бы самая общая и выборочная статистика упомянутых хроноопределяющих находок. Разумеется, данные эти сами по себе в силу разных причин далеко не абсолютные (пояснять это в просвещенной аудитории излишне), постоянно меняются, но на сегодняшний день

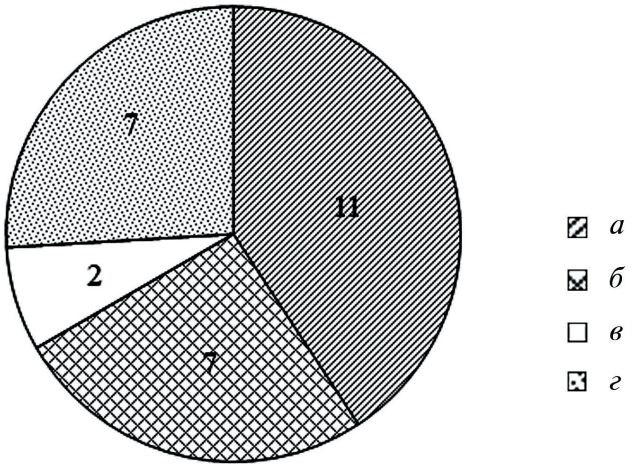

Рис. 1. Монетные клады с сельской территории Боспора III–II вв. до н.э. Условные обозначения: *а* – 1 четверть III в. до н.э., *б* – 2 четверть III в. до н.э., *в* – 3 четверть III в. до н.э., *г* – 4 четверть III в. до н.э. и II в.

Fig. 1. Coin hoards from the rural territory of the Bosporus of the 3rd – 2nd centuries BC

они, как нам кажется, не лишены известной информативности.

Напомним, что, согласно принятой ныне у отечественных нумизматов систематизации, монеты рассматриваемого периода делятся на три (2-я – 4-я) подгруппы "эпохи денежного кризиса" и времени "поздних Спартокидов". Хронология их следующая: начало III в. до н.э. (условно – первая его четверть) – 1; вторая четверть III в. до н.э. (300–250 или 275–250 гг.) – 2; 250–225 гг. до н.э. – 3, и, также условно, 240–109 гг. до н.э. – 4 (Абрамзон, Фролова, 2008. С. 31–34). Соответственно, известные на сегодня клады распределяются следующим образом: 16/11; 16/8; 3/2 и 14/7, в числителе – общее число кладов, в знаменателе – с территории сельской округи (рис. 1) (Абрамзон, Фролова, 2008; Абрамзон, 2011; Абрамзон, Новичихин, 2017; 2018). Таким образом, "сельские" клады составляют более 50% от всех учтенных. В подавляющем большинстве последние были обнаружены на Азиатской территории античного Боспора, причем, скорее всего, той, что имела "статус" городской хоры. Вызвано ли это чистой случайностью и человеческим фактором, следствие ли массовой распашки и иного интенсивного освоения местных пространств – Богу вести. Не исключено, однако, что, действительно, в Восточном Крыму в рассматриваемое время сельскому населению (под охраной системы полевых пограничено-оборонительных сооружений, о чем писалось выше, и/или вследствие относительно дружественных отношений с позднескифским "царством"?) жилось спокойнее.

Большинство "азиатских" кладов приходится на начальный и конечный этапы этой, вероятно, в целом очень неспокойной эпохи. Теоретически стабильнее (спокойнее) всего ситуация здесь, как и повсюду на хоре, была где-то во второй половине III в. до н.э. Впрочем, не будем спешить с выводами. Клады, как известно, по природе своей – явление неоднозначное. Одно очевидно: столь модные сейчас природные катастрофы (землетрясения) тут ни при чем. Да и клады кладам рознь. Так, самые многочисленные "собрания" с округи Горгиппии, в том числе недавний огромный клад с поселения Усатова Балка (по времени около 270–250 гг. до н.э.), по мнению М.Г. Абрамзона (Абрамзон, Новичихин, 2017. С. 377–388; 2018. С. 238), как будто бы соотносятся с выявленными раскопками большими пожарами и разрушениями около 248–243 гг. до н.э. в самой Горгиппии (Алексеева, 1997. С. 45, 46; 2010. С. 486). А это вроде бы противоречит только что сказанному. О прочих – ввиду известных сложностей абсолютных датировок монет этого периода – делать какие-либо предположения трудно.

Ну, а как вели себя деньги, так сказать, в свободном обращении? Иными словами, как жилось боспорским поселянам в плане "тугости кошелька"? Судя по числу монетных находок на всех "базовых" приазовских городищах (рис. 2, *3*), пик *условно* денежного обращения приходится на 275–250 гг. до н.э., фактически – на самый ранний (начальный) этап их существования. Впоследствии оно довольно резко и значительно сокращается. Самые поздние и, подчеркнем, единичные монеты относятся к середине или же третьей четверти II в. до н.э. Поселение Полянка вообще дает последнюю его четверть. Но "осторожности для" оговоримся, что чистота эксперимента в силу специфики этого памятника (см. выше) тут уже не та. Ну, а что же по другую сторону пролива? Для примера рассмотрим динамику соответствующих находок с трех поселений: усадьба Виноградник (Иванов, 2016), усадьба у х. Воскресенский (раскопки 2017 г. В.Ю. Кононова) и пос. Белое Юго-Восточное (Каргин, 2017) (рис. 3).

Первые два из округи Горгиппии, и их хронология в целом – вторая половина IV –

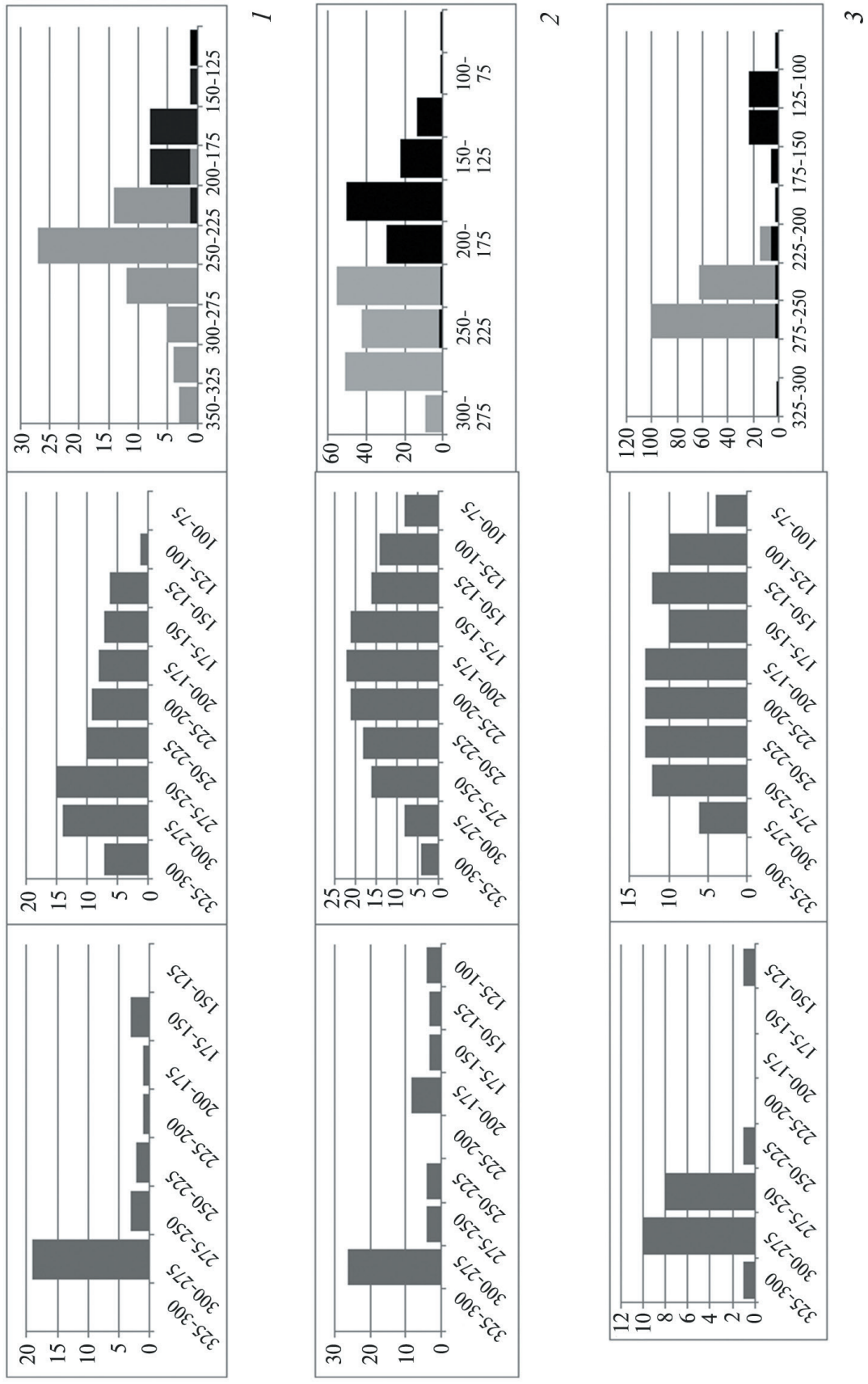

Рис. 2. Сопоставление динамики находок монет, чернолаковой посуды и амфорных клейм III–II вв. до н.э.: *1* – Крутой берег, *2* – Полянка, *3* – Сюрташ.
Fig. 2. Comparison of the dynamics of finds of coins, black-and-white ware and amphorae stamps of the 3rd – 2nd centuries BC

последняя четверть II в. до н.э., третье, возможно, дальняя хора Фанагории, а хронология его значительно более широкая. Тем не менее в первом случае пик (и весьма существенный) находок приходится на вторую-третью четверти III в. до н.э., а единичные, самые поздние – на первую половину следующего века. Во втором – пик (также весьма заметный) относится ко второй четверти III в. до н.э. Во втором веке (после резкого падения на рубеже веков) он (хотя уже далеко не такой значительный) приходится на третью его четверть. Самая поздняя монета относится к последней четверти II в. до н.э. Напротив, последнее из поселений демонстрирует снижение числа и без того немногочисленных находок на протяжении всего III в. до н.э. и значительный его рост во II в. до н.э., правда, за счет очень широкодатированных типов монет (узкодатируемых – единицы). Что из всего этого предположительно следует? Очевидно, по крайней мере, на хоре Горгиппии вторая-третья четверти III в. до н.э. – время некоторого нового (после IV в. до н.э.) хозяйственного подъема, сменившегося где-то на рубеже веков довольно резким и существенным упадком. Впрочем, временами и местами хозяйственная жизнь оживлялась, но к концу столетия или даже раньше она вовсе замерла. Однако вышеупомянутые находки кладов, как только что отмечалось, наглядно фиксируют некие негативные явления в Горгиппии и ее округе около середины этого же века, что как будто бы подтверждается и данными городской археологии (см. выше). Есть ли здесь противоречие или же “война – войной, а обед по расписанию”? На “долговременных” поселениях другой, хотя и соседней, территории соответствующая картина выглядит как бы противоположной.

Разумеется, мы отдаем себе отчет, что чистая статистика в данном случае может не являться сколь-либо надежным показателем (период денежного кризиса – время, как известно, самых массовых эмиссий, а датировка монет III в., особенно II в. до н.э., мягко говоря, довольно широкая). Поэтому полезно привлечь и иные, коррелирующие показатели, например статистику амфорных клейм и чернолаковой посуды. Для азиатских сельских памятников, хотя бы тех же, мы таковой пока не располагаем, а вот для приазовских городищ она, прежде всего благодаря изысканиям безвременно ушедшего от нас Н.Ф. Федосеева, имеется (рис. 2).

Итак, динамика “импорта” из основных торговых контрагентов Боспора этого времени (Синопа, Родос) выгладит следующим образом.

Крутой берег. Плавный рост числа синопских клейм достигает максимума в третьей четверти III в. до н.э., затем их число снижается, и они практически исчезают в начале следующего века. Напротив, родосские клейма (хотя и далеко не в таком же количестве) явно преобладают в первой его (II в. до н.э.) половине.

Полянка. Здесь в отношении синопских клейм как бы два пика: вторая и последняя четверти III в. до н.э. Но их много и в третьей четверти. С рубежа веков они совершенно исчезают. Родосские появляются в единичном числе во второй половине III в. до н.э. В первой четверти II в. до н.э. их уже много, а максимум приходится на вторую его четверть. Затем более или менее плавное снижение к рубежу следующих веков. В первой половине I в. до н.э. они и вовсе редкость. Но это уже совсем другой этап в жизни данного поселения.

Наконец, **Сююрташ.** Соответствующий график фиксирует, причем почти с нуля, пик числа синопских клейм во второй четверти III в. до н.э. Затем заметное снижение в третьей и особенно в последней его четвертях. Во II в. до н.э. их нет вовсе. Картина с родосскими клеймами не столь яркая, как у “предшественников”. Их, как и должно, совсем немного не только на протяжении III в. до н.э., но, что удивительно, и первой половины II в. до н.э. Незначительный “всплеск” как будто бы приходится на его вторую половину.

Учитывая небольшой объем родосских амфор и специфику традиции клеймения, можно, как нам кажется, утверждать, что соответствующий импорт в амфорах на всех поселениях Приазовья во II в. до н.э. существенно снизился по сравнению с предшествовавшим столетием. Выявленные различия весьма показательны и не объяснимы случайностью или малой выборкой. А ведь все три памятника не только синхронные, но и соседние...

Ну и в качестве еще одной категории – *типовая* динамика чернолаковой посуды на тех же памятниках (то есть подсчет не отдельных черепков, а количества типов, видов и вариантов всех найденных форм соответствующей керамики, иными словами, ее ассортимент). Здесь картина почти “плавная”, общая и весьма предсказуемая. Статистический подъем

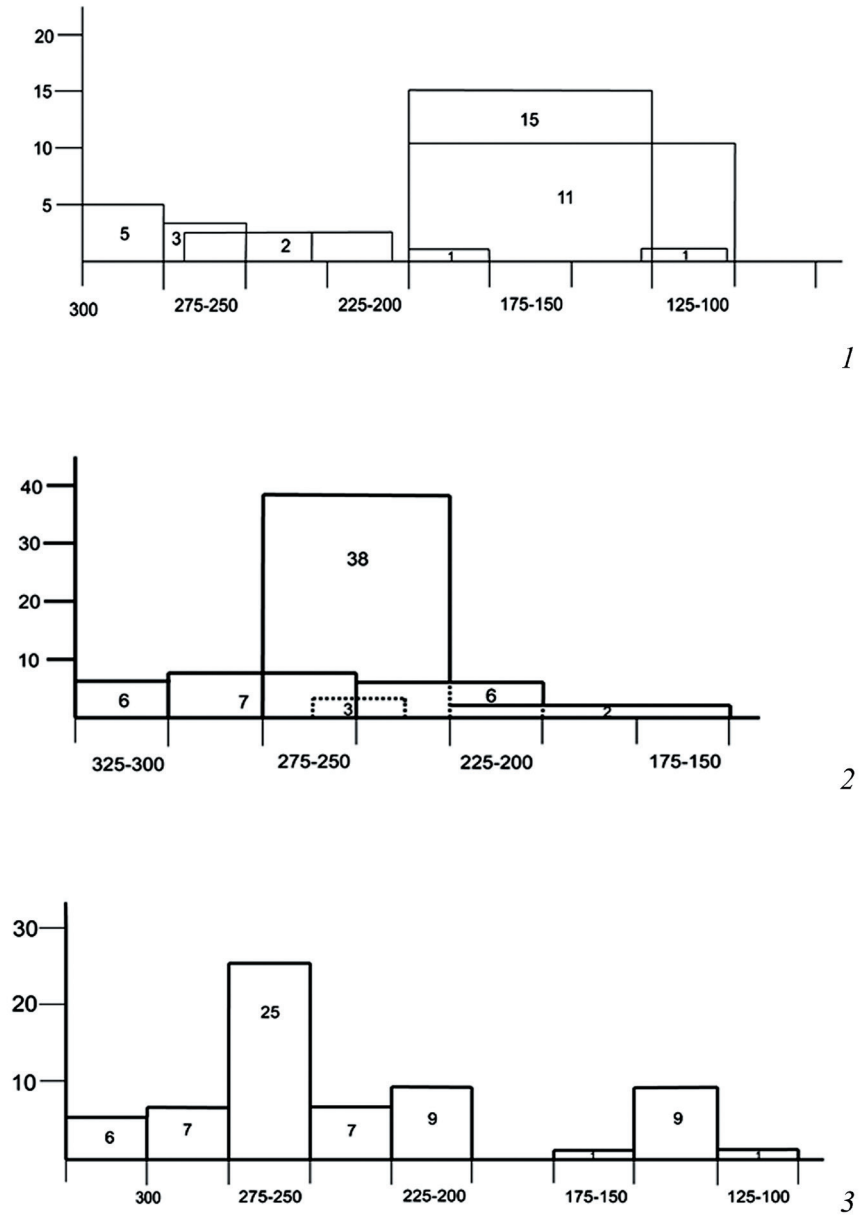

Рис. 3. Динамика находок монет III–II вв. до н.э. на поселениях Белое (*1*), Виноградник (*2*) и Воскресенский (*3*).
Fig. 3. Dynamics of coin finds of the 3rd – 2nd centuries BC in the settlements of Beloye (*1*), Vinogradnik (*2*) and Voskresensky (*3*)

приходится повсеместно (хотя и не вполне одинаково по времени) на период от второй-третьей четвертей III в. до н.э. до примерно третьей четверти II в. до н.э. Начинается же все или с нуля, или с некоторого "запаса" предшествовавшего времени. Немногочисленные типы и формы керамики доживают (и то не везде) до рубежа II–I вв. до н.э. или даже переходят его.

Итак, при всей специфике каждого из упомянутых памятников можно выделить некоторые общие моменты. Отчетливых, безусловных следов преднамеренных, антропогенных или природных разрушений, в том числе сопровождавшихся масштабными пожарами и военными действиями на приазовских, да и азиатских (тамано-анапских) поселениях (городищах и усадьбах), как будто бы нет. Исключение, и то малообъяснимое в силу его локальности, – Полянкинское городище, вернее, то, что от него осталось. (Здесь есть весомые основания полагать, что причиной его практически полного разрушения явилось одно из целой серии землетрясений, имевших

место в данном районе на рубеже II–I вв. и в первой половине I в. до н.э. (Масленников, 2013а; Масленников, Овсюченко и др., 2017).) При этом все они очень быстро (уже к середине III в. до н.э.) достигают пика своего развития. Но затем, примерно с начала следующего века, постепенно как бы “затухают”, немного не доживая до его конца. Отметим, что на приазовских городищах более или менее отчетливо выделяется не менее двух строительных периодов, датировка которых пока не вполне ясна.

В этой связи небезынтересны, как нам кажется, некоторые хронологические “параллели” с наиболее известными, изученными и практически синхронными городищами Крымской Скифии (Ак-Кая и Неаполь Скифский – раскопки и исследования Ю.П. Зайцева). Первое появляется, причем как сильная крепость, в самом конце IV в. до н.э. В 70-е годы и около середины следующего века переживает три сильных пожара и значительные по масштабам перестройки. Расцвет памятника приходится на вторую половину III и начало II в. до н.э. Неаполь возникает, также как крепость (но уже куда более варварская), в первой четверти II в. до н.э. В 150–140 гг. – период наибольшего благополучия. Около 130 г. – сильный пожар и последующие перестройки. Середина последней четверти все того же века – новые разрушения, перепланировки и последующее постепенное “угасание” (Зайцев, 2003. С. 41–53; 2017).

Касаясь же еще раз вопроса о характере, вернее, степени различий в развитии двух основных частей сельской территории Боспорского государства в рассматриваемую эпоху, можно сделать вывод, что таковые имели место. Отметим еще раз, что определялись они не только природными и внешнеполитическими обстоятельствами и причинами, но и различными вариантами организации сельской территории, точнее, преобладанием той или иной из форм поземельных отношений. Последнее обусловливалось, вероятно, неодинаковой степенью “полисной традиционности”. Впрочем, новейшие масштабные полевые изыскания наверняка внесут коррективы в эту слишком уж условную общую схему.

Так или иначе, но к Митридатовской эпохе сельская территория Боспора повсеместно подошла если и не совершенно обезлюдевшей (Крымское Приазовье), то весьма серьезно ослабленной как в демографическом, так и в хозяйственном отношении. Поэтому вопрос о том, где, вернее, как и с кого, Митридат Евпатор получал обозначенные Страбоном 180 000 медимнов зерна (Strab., VII. 4, 6), не говоря уже о 200 талантах серебра, как бы “повисает в воздухе”. Или... или мы по-прежнему мало что знаем о хоре Боспора в указанную эпоху.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00486.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Симферополь: Адеф-Украина, 2011. 280 с.

Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. Крупнейший клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгиппии 2013 г. // ВДИ. 2017. № 2. С. 377–388.

Абрамзон М.Г., Новичихин А.М. Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. с хоры Горгиппии // ПИФК. 2018. № 3. С. 234–249.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. Симферополь: Адеф-Украина, 2008. 872 с.

Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.

Алексеева Е.М. Горгиппия // Античное наследие Кубани. Т. I. М.: Наука, 2010. С. 470–509.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 182 с.

Бейлин Д.В., Ермолин А.Л., Масленников А.А., Смекалов С.Л. Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // ДБ. Вып. 18. М.: ИА РАН, 2014. С. 35–72.

Быковская Н.В., Смекалова Т.Н. Следы ортогонального размежевания в Восточном и Северо-Западном Крыму. Античность или XIX век? // ПИФК. 2019. № 1. С. 126–139.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Л.: Наука, 1981. 137 с.

Гарбузов Г.П. Землепользование // Античное наследие Кубани. Т. II. М.: Наука, 2010. С. 237–254.

Гарбузов Г.П. Влияние плодородия почв на пространственное распределение античных поселений Европейского Боспора // ПИФК. 2015. № 1. С. 344–353.

Гарбузов Г.П. Об оценке урожайности зерновых на античном Боспоре // ПИФК. 2018. № 1. С. 12–23.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория Таманского полуострова в период поздних

Спартокидов // БИ. Вып. XXX. Симферополь; Керчь: Деметра, 2014. С. 190–228.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. Вып. 19. М.: ИА РАН, 2015. С. 98–134.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А., Масленников А.А., Смекалов С.Л. Сельская территория Европейского и Азиатского Боспора в эпоху Спартокидов (введение в тему) // ПИФК. 2013. № 4. С. 88–104.

Ермолин А.Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2010. С. 130–161.

Ермолин С.А., Буравлев С.А., Бонин А.В. Манитра. Усадебный комплекс эллинистического времени в Восточном Крыму (Предварительная публикация центральной усадьбы) // ДБ. Вып. 24. М.: ИА РАН, 2019. С. 171–196.

Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС Принт, 2013 (Боспорские исследования; Supplementum 10). 592 с.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский. Симферополь: Универсум, 2003. 210 с.

Зайцев Ю.П. Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма: Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 121–132.

Зинько В.Н. Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н.э.). Симферополь; Керчь: Деметра, 2007 (БИ; вып. XV). 335 с.

Иванов А.А. Поселение эллинистического времени “Усадьба Виноградник” // ДБ. Вып. 20. М.: ИА РАН, 2016. С. 241–259.

Каргин Ю.Ю. Монеты с восточной окраины поселения Белое Юго-Восточное на Таманском полуострове и вопросы датировки памятника // ДБ. Вып. 21. М.: ИА РАН, 2017. С. 190–214.

Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Варварский Крым в эпоху античности. VII в. до н.э. – III в. н.э. // История Крыма. Т. I. М.: Кучково поле, 2018. С. 121–150.

Кошеленко Г.А., Малышев А.А., Улитин В.В. Торговля // Античное наследие Кубани. М.: Наука, 2010. С. 257–288.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 302 с.

Масленников А.А. Древние земляные пограничнооборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К, 2003. 287 с.

Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1: Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: ИА РАН, 2010 (ДБ; Suppl. III). 244 с.

Масленников А.А. О локальных геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // ДБ. Вып. 17. М.: ИА РАН, 2013а. С. 232–253.

Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в эпоху позднего эллинизма (статистика и топография) // ПИФК. 2013б. № 4. С. 105–131.

Масленников А.А. Нищета и мощь фортификации // Північне Причорномор’я за античної доби: На пошану С.Д. Крижицького. Київ: Стародавній світ, 2017. С. 210–221.

Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мираханов А.В. Следы сильных древних землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом // ДБ. Вып. 21. М.: ИА РАН, 2017. С. 265–294.

Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора // ДБ. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2008. С. 276–307.

Сапрыкин С.Ю. Эллинизм в Причерноморье // БИ. Вып. XXXV. Симферополь; Керчь: Деметра, 2017. С. 126–168.

Столяренко П.Г., Супренков А.А., Прокопенко С.Н. Валы Безкровного (Чокракский) и Акмонайский (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических экспедиций; вып. 25). С. 354–361.

Супренков А.А., Требухина Н.Ю. Валы Тиритакский и Узунларский (Аккосов) (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 г. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических экспедиций; вып. 25). С. 380–387.

Федосеев Н.Ф. Керамические клейма поселения “Полянка” в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма: Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 169–150.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.: Наука, 1956. 222 с.

THE CHORA OF BOSPORUS IN THE 3rd–2nd CENTURIES BC

Aleksandr A. Maslennikov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: iskander48@mail.ru

The article summarizes the results of archaeological research on the sites of the 3rd – 2nd centuries BC in the rural territory of the ancient Bosporan state obtained in the last decade, including materials from the excavations in the Crimean Azov littoral and in the southern part of the Taman Peninsula. The author discusses the issues of the borders of the Bosporan possessions, the system of land management and land property relations, the number, typology and chronology of settlement structures. Special attention is paid to the "dynamics" of their development. Some historical reconstructions are offered. Radical changes on the territory in question at the turn of the first and second quarters of the 3rd century BC resulted in a general significant decrease in all preceding "indicators". Then on a significant part of the territory a certain "revival" of settlements and economic life was observed, the peak of which fell on the second and third quarters of the same century. Later, there is a general regression evidenced by almost complete desolation of the greater part of the Chora of Bosporus by the late 2nd century BC.

Keywords: rural territory of European and Asian Bosporus, borders, land relations, settlements, chronology, typology, periodization, archaeological materials.

REFERENCES

Abramzon M.G., Novichikhin A.M., 2017. The largest hoard of Panticapaean copper coins of the 3rd century BC from the chora of Gorgippia found in 2013. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 2, pp. 377–388. (In Russ.)

Abramzon M.G., Novichikhin A.M., 2018. A hoard of Panticapaean copper coins of the 3rd century BC from the chora of Gorgippia. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 3, pp. 234–249. (In Russ.)

Abramzon M.G., 2011. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [The register of Bosporan hoards of antique coins], II. Simferopol': Adef-Ukraina. 280 p.

Abramzon M.G., Frolova N.A., 2008. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [The register of Bosporan hoards of antique coins], I. Simferopol': Adef-Ukraina. 872 p.

Alekseyeva E.M., 1997. Antichnyy gorod Gorgippiya [The ancient town of Gorgippia]. Moscow: Editorial URSS. 560 p.

Alekseyeva E.M., 2010. Gorgippia. *Antichnoye naslediye Kubani [Antique heritage of the Kuban region]*, I. Moscow: Nauka, pp. 470–509. (In Russ.)

Anokhin V.A., 1986. Monetnoye delo Bospora [Coining in Bosporus]. Kiyev: Naukova dumka. 182 p.

Beylin D.V., Ermolin A.L., Maslennikov A.A., Smekalov S.L., 2014. Ancient settlements of European Bosporus of the Hellenistic period (a catalogue of sites). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 18. Moscow: IA RAN, pp. 35–72. (In Russ.)

Bykovskaya N.V., Smekalova T.N., 2019. Traces of orthogonal demarcation in the Eastern and Northwestern Crimea. Antiquity or the 19th century? *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, pp. 126–139. (In Russ.)

Ermolin A.L., 2010. On the date of Bosporan earthern defence structures. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 130–161. (In Russ.)

Ermolin S.A., Buravlev S.A., Bonin A.V., 2019. Manitra. A Hellenistic estate complex in the Eastern Crimea (Preliminary publication of the central manor). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 24. Moscow: IA RAN, pp. 171–196. (In Russ.)

Fedoseyev N.F., 2017. Ceramic stamps of the Polyanka settlement in the Eastern Crimea. *Krym v epokhu ellinizma: Mezhkul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy [The Crimea in the Hellenistic period: Intercultural processes based on the latest archaeological research].* Simferopol': Tarpan, pp. 169, 150. (In Russ.)

Garbuzov G.P., 2010. Land use. *Antichnoye naslediye Kubani [Antique heritage of the Kuban region]*, II. Moscow: Nauka, pp. 237–254. (In Russ.)

Garbuzov G.P., 2015. The effect of soil fertility on the spatial distribution of ancient settlements of European Bosporus. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, pp. 344–353. (In Russ.)

Garbuzov G.P., 2018. On the estimation of grain yield in the ancient Bosporus. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, pp. 12–23. (In Russ.)

Garbuzov G.P., Zavoykin A.A., 2014. Rural territory of the Taman Peninsula in the late Spartocid period. *Bosporskiye issledovaniya [Bosporan studies]*, XXX. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 190–228. (In Russ.)

Garbuzov G.P., Zavoykin A.A., 2015. Rural territory of the Taman Peninsula after Spartocids. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 19. Moscow: IA RAN, pp. 98–134. (In Russ.)

Garbuzov G.P., Zavoykin A.A., Maslennikov A.A., Smekalov S.L., 2013. Rural territory of the European and Asian Bosporus in the Spartocid period (introduction to the subject). *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 4, pp. 88–104. (In Russ.)

Gaydukevich V.F., 1981. Bosporskiye goroda [Bosporan towns]. Leningrad: Nauka. 137 p.

Ivanov A.A., 2016. The Hellenistic settlement "Vinogradnik Estate". *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 20. Moscow: IA RAN, pp. 241–259. (In Russ.)

Kargin Yu.Yu., 2017. Coins from the eastern outskirts of the settlement Southeastern Beloye on the Taman Peninsula and the dating of the site. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 21. Moscow: IA RAN, pp. 190–214. (In Russ.)

Koltukhov S.G., Zaytsev Yu.P., 2018. Barbarian Crimea in the antiquity. The 7th century BC – the 3rd century AD. *Istoriya Kryma [History of the Crimea]*, I. Moscow: Kuchkovo pole, pp. 121–150. (In Russ.)

Koshelenko G.A., Malyshev A.A., Ulitin V.V., 2010. Trade. *Antichnoye naslediye Kubani [Antique heritage of the Kuban region]*. Moscow: Nauka, pp. 257–288. (In Russ.)

Kruglikova I.T., 1975. Sel'skoye khozyaystvo Bospora [The agriculture of Bosporus]. Moscow: Nauka. 300 p.

Maslennikov A.A., 1998. Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel'skaya territoriya Evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu [Hellenic chora on the edge of Oikumena. Rural territory of European Bosporus in the antiquity]. Moscow: Indrik. 302 p.

Maslennikov A.A., 2003. Drevniye zemlyanyye pogranichno-oboronitel'nyye sooruzheniya Vostochnogo Kryma [Ancient earthenwork frontier and defence fortifications of the Eastern Crimea]. Tula: Grif i K. 287 p.

Maslennikov A.A., 2010. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye) [King's chora of Bosporus (based on materials from the excavations in the Crimean Azov littoral)], 1. *Arkhitekturno-stroitel'naya i arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov [Architectural, constructive and archaeological characteristics of sites]*. Moscow: IA RAN. 244 p. (Drevnosti Bospora, Supplement III).

Maslennikov A.A., 2013. On local geomorphology, paleoseismism and archaeology of the Crimean Azov littoral or in the wake of ancient earthquakes. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 232–253. (In Russ.)

Maslennikov A.A., 2013. Rural territory of European Bosporus in the late Hellenistic period (statistics and topography). *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 4, pp. 105–131. (In Russ.)

Maslennikov A.A., 2017. Poverty and power of fortification. *Pivnichne Prichornomor'ya za antichnoï dobi: Na poshanu S.D. Krizhits'kogo [The North Pontic during the Antiquity: In honour of S.D. Krizhitsky]*. Kiiv: Starodavniy svit, pp. 210–221. (In Russ.)

Maslennikov A.A., Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Mirakhanov A.V., 2017. Traces of strong ancient earthquakes in the ancient settlement of Polyanka and the Southern Azov active fault. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 21. Moscow: IA RAN, pp. 265–294. (In Russ.)

Maslennikov A.A., Smekalova T.N., 2008. Traces of ancient land ownership and land use in the chora of European Bosporus. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 8. Moscow: IA RAN, pp. 276–307. (In Russ.)

Saprykin S.Yu., 2017. Hellenism in the Pontic region. *Bosporskiye issledovaniya [Bosporan studies]*, XXXV. Simferopol'; Kerch': Demetra, pp. 126–168. (In Russ.)

Shelov D.B., 1956. Monetnoye delo Bospora VI–II vv. do n.e. [Coining in Bosporus of the 6th–2nd centuries BC]. Moscow: Nauka. 222 p.

Stolyarenko P.G., Suprenkov A.A., Prokopenko S.N., 2018. The ramparts of Beskrovny (Chokrak) and Akmonai (The Republic of Crimea, Leninsky District). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 g. [Towns, villages, cemeteries. Excavations of 2017]*. Moscow: IA RAN, pp. 354–361. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh ekspeditsiy, 25). (In Russ.)

Suprenkov A.A., Trebukhina N.Yu., 2018. The ramparts of Tiritaka and Uzunlar (Akkos) (The Republic of Crimea). *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 g. [Towns, villages, cemeteries. Excavations of 2017]*. Moscow: IA RAN, pp. 380–387. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh ekspeditsiy, 25). (In Russ.)

Zavoykin A.A., 2013. Obrazovaniye Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov [The formation of the Bosporan state. The archaeology and chronology of the Spartokid state development]. Simferopol'; Kerch': VTS Print. 592 p. (Bosporskiye issledovaniya, Supplementum 10).

Zaytsev Yu.P., 2003. Neapol' Skifskiy [Scythian Neapolis]. Simferopol': Universum. 210 p.

Zaytsev Yu.P., 2017. Ak-Kaya fortress in the Hellenistic period. *Krym v epokhu ellinizma: Mezhkul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy [The Crimea in the Hellenistic period: Intercultural processes based on the latest archaeological research]*. Simferopol': Tarpan, pp. 121–132. (In Russ.)

Zin'ko V.N., 2007. Khora gorodov Evropeyskogo poberezh'ya Bospora Kimmeriyskogo (VI–I vv. do n.e.) [The chora of the towns on the European coast of Cimmerian Bosporus (the 6th–1st centuries BC)]. Simferopol'; Kerch': Demetra. 335 p. (BI, XV).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 90–106

ЖЕНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ I–VIII вв.

© 2020 г. О.А. Хомякова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: olga.homiakova@gmail.com

Поступила в редакцию 22.01.2019 г.

Рассматриваются проблемы, связанные с характеристикой женских погребений Юго-Восточной Прибалтики в отсутствие антропологического источника. На материалах самбийско-натангийской и раннесредневековой культур пруссов выделяются археологические признаки социального пола (гендера), которые могут быть сопоставлены с данными погребений, для которых определения биологического пола и возраста возможны.

Ключевые слова: антропологический пол, социальный пол, гендер, женский убор, эпоха римских влияний, Великое переселение народов, раннее Средневековье, Прибалтика, самбийско-натангийская культура, раннесредневековая культура пруссов.

DOI: 10.31857/S086960630008255-9

Исследования материальной культуры древних обществ по данным погребальных памятников подразумевают как данные о качественном и количественном соотношении инвентаря, особенностях погребального обряда, так и сведения о личной и социальной идентичности, возрасте, половой принадлежности индивидуумов. Изучение социальной структуры, археологического убора народов Юго-Восточной Прибалтики – самбийско-натангийской культуры (другое название – культура Долькайм-Ковово) I–V вв. и раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. – традиционно базируется на данных кремационных могильников. При этом количество антропологических определений на сегодняшний день минимально, и они касаются результатов современных работ на памятниках, изученных с начала 2000-х годов. Материалы могильников самбийско-натангийской культуры, тем не менее, более многочисленны. В. Новаковски проанализировал данные ок. 500 погребений с 15 могильников (Nowakowski, 1996. Taf. I–XV). В.И. Кулаков приводит сведения о 600 погребениях (Кулаков, 2003. С. 21, 274). При анализе женского археологического убора мною использованы материалы более 50 могильников, ок. 400 комплексов. Все эти данные получены в результате раскопок конца XIX – первой половины XX в., и костный материал из них отсутствует. На основании того, что антропологические определения для таких погребений невозможны, периодически ставится вопрос, что их нельзя привлекать для реконструкции убора, хронологии, изучения аспектов, связанных с социальной стратификацией (см., например, Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 74; 2017. С. 675). Таким образом, для работы с материалами Прибалтики актуальна методика, которая позволяет найти общие критерии для работы с разнородными данными, полученными со времени первых археологических раскопок XIX в. до современности. Далее, при всей перспективности, антропологический источник имеет ряд ограничений. Антропологические определения, во-первых, не всегда являются надежными, в особенности это касается материалов кремаций (Kurila, 2009. P. 157–158, там же литература; Jordan, 2009. P. 101). Во-вторых, предоставляя информацию о биологическом поле и возрасте, они не дают возможности социальной интерпретации.

Существующие реконструкции социальной структуры самбийско-натангийской культуры не учитывают данных о социальном поле погребенных. Выделяемая в них структура не имеет четких критериев и, вероятно, частично отражает не вертикальную, а горизонтальную стратификацию, совпадая с половозрастными группами (Кулаков, 2005; Skvortzov, 2012). Четких интерпретаций не дает и использование исключительно антропологических

данных для характеристики социальной иерархии общества раннесредневековой культуры пруссов. Группы вертикальной стратификации, выделяемые исходя из археологических критериев, не находят никакой связи с полученными с помощью естественно-научных методов половозрастными группами (см. Казанский и др., 2017. С. 28–29; Казанский и др., 2018. С. 29–37). Обусловлено это тем, что количество и качество инвентаря в погребении диктуется социальной ролью, прямая взаимосвязь между данными археологии и биологии (соотношение количества погребального инвентаря и биологического возраста) отсутствует (см., например, Brather, 2004. S. 494–505; 2008. S. 262–263, Abb. 8–10).

В статье рассматриваются женские погребения самбийско-натангийской и раннесредневековой культуры пруссов. Для погребений без антропологического источника выделяются признаки социального пола (гендера), которые возможно определить при помощи археологических методов – корреляционного и кластерного анализа категорий инвентаря, с последующим сопоставлением с данными погребений, для которых определения биологического пола и возраста возможны[1].

Феминная группа погребений самбийско-натангийской культуры и соседних культур Южной и Юго-Восточной Прибалтики I–V вв.[2] Группа женских погребений характеризуется большим количеством инвентаря, символизирующего феминность. Маскулинные погребения резко выделяются наличием многочисленных элементов вооружения и снаряжения всадника, огнив, присутствием конских захоронений (Приложение).

"Чистыми" признаками женских погребений самбийско-натангийской культуры, начиная с рубежа центральноевропейских фаз B1[3] и B2, могут считаться (рис. 1, *1*): пряслице (1), две и более фибулы (5), стеклянные бусы (3), подвески и пронизи (4), браслеты (2) и детали головных уборов (23). Для стеклянных бус (3), подвесок и пронизей (4) играет роль их многочисленность, для браслетов – парность. Затем признаки, встречающиеся в составе нейтральной и маскулинной групп: янтарные бусы (7), кольца (9), предметы домашнего производства – кухонные ножи, шилья (13), элементы поясных наборов (8, 11, 14). Шейные гривны (6) также могут встречаться в составе как феминной, так и маскулинной группы. На периферии располагаются признаки, характеризующие социальное положение. Роль в определении гендера имеют только детали шкатулок и ключи (22), в ряде европейских культур римского времени связанные с институтом "богатых семей" и являвшиеся материальным выражением статуса "хозяйки усадьбы". По данным антропологии, погребения, содержавшие ключи и детали шкатулок, являются женскими в черняховской культуре (Gopkalo, 2011. P. 28) и в материалах вельбаркских памятников (например, Jaskanis, 1996. S. 32–33; Piertzak, 1997. S. 36). В состав инвентаря всех групп могут входить монеты (10), янтарь-сырец (19), предметы туалета (21). Не играют роли в определении социального пола булавки (18) как довольно редкий

[1] Половозрастная дифференциация отражает роль возрастных групп в пределах отдельных социумов – семейных коллективов *Социальный пол* связан с ролью женщин и мужчин в обществе и играет особую роль при реконструкции социальной иерархии. В отличие от антропологического, имеющего два значения, гендер ("археологический пол") предполагает разделение погребений между двумя противоположностями – феминностью и маскулинностью, и имеет *три значения* – мужской, женский и нейтральный (дети, подростки, пожилые) (более подробно: Gosden, 1999. P. 141–151, там же литература; Brather, 2004. S. 505–506; Alberti, 2005. P. 107–120). О принципах выделения признаков "женских" и "мужских" комплексов по данным погребального инвентаря и понятии *социального ("археологического") пола,* или *гендера,* более подробно можно узнать из других работ (Brather, 2008. S. 260–261, Abb. 7, там же литература; Trémeaud, 2017. P. 44, 47–55). Использование понятия социального пола необходимо и в изучении археологического убора центральноевропейских культур эпохи римских влияний и Великого переселения народов (напр., Tempelmann-Mączynska, 1989; Rasmussen, 2010; Banytė-Rowell et al., 2012. P. 192–220; Banytė-Rowell, 2014. P. 99–100, Tabl. 1–7, там же литература) – одного из главных предметов изучения социальной археологии. Убор является одним из отражений модели общества и уровня его развития, социальной роли индивида.

[2] Проанализированы данные 398 погребений с 53 могильников самбийско-натангийской культуры (каталог см.: Хомякова, 2012а). В связи с ограниченным объемом в статье приводятся только данные диаграмм; таблицы взаимовстречаемостей признаков в комплексах будут представлены в расширенной публикации, посвященной женскому убору Юго-Восточной Прибалтики.

[3] Абсолютные даты приводимых в статье периодов (подробно см. Хомякова, 2012б. С. 255–257. Рис. 1), около: A3/B1 (0–50 гг.), B2 (70/80–150 гг.), B2/C1 (150–200/225), C1 (200/225–250 гг.), C2 (250/250–310/320 гг.), C3 (310/320–375 гг.), D1 (350/360–375/400 гг.), D2 (375/400–430 гг.), D3/E1 (450–520 гг.), E (520–650/675 гг.), F (650/675–750 гг.).

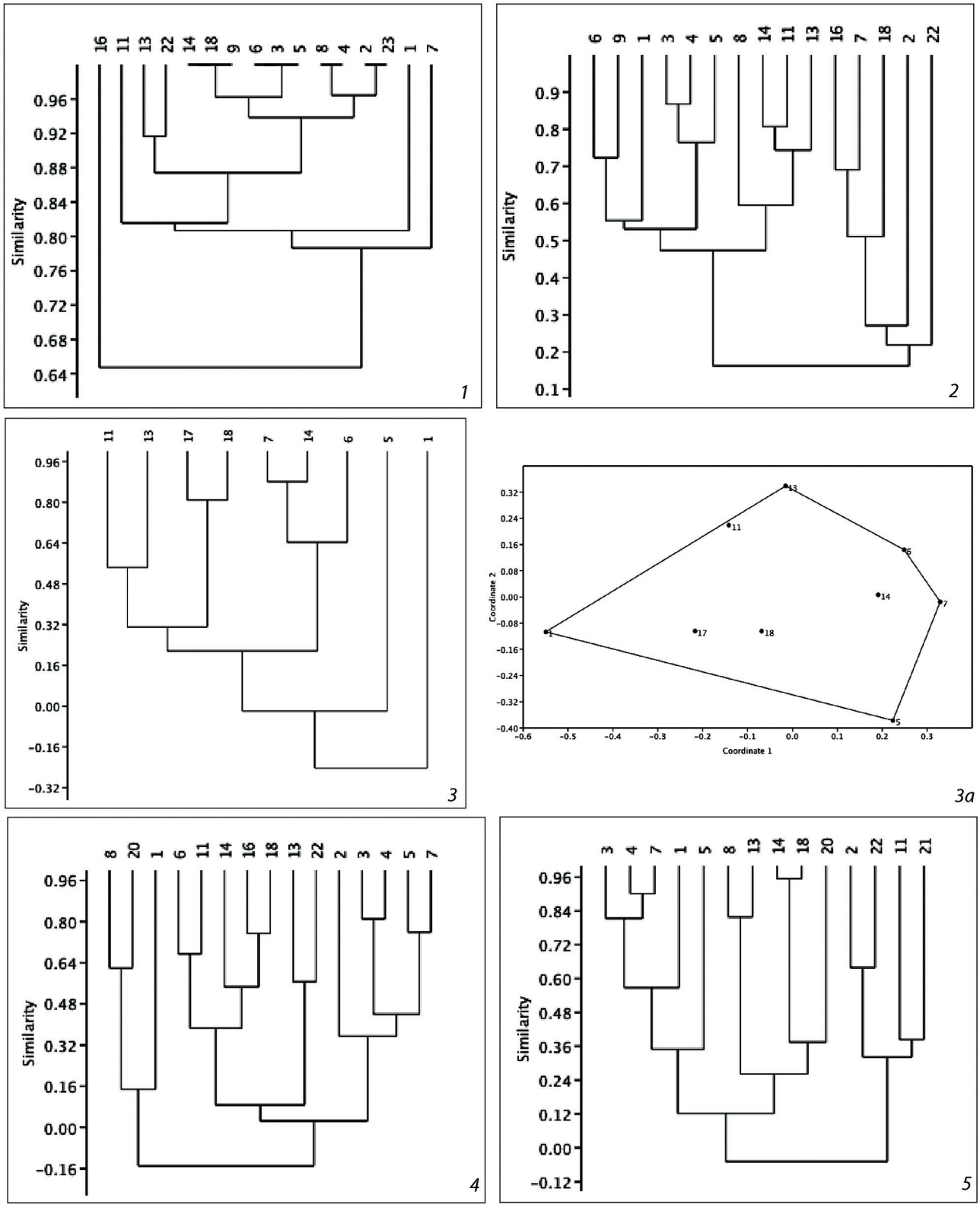

Рис. 1. Признаки фемининных погребений (список см. приложение): *1–2* – самбийско-натангийская культура (*1* – эпоха римских влияний, конец I – начало/середина IV в.; *2* – эпоха Великого переселения народов, конец IV–V в.); *3, 3а* – раннесредневековая культура пруссов, начало VI–VIII в.; *4* – судавская культура, I–V вв.; *5* – вельбаркская культура, I–IV в.

Fig. 1. Markers of feminine burials (see the Appendix for a list)

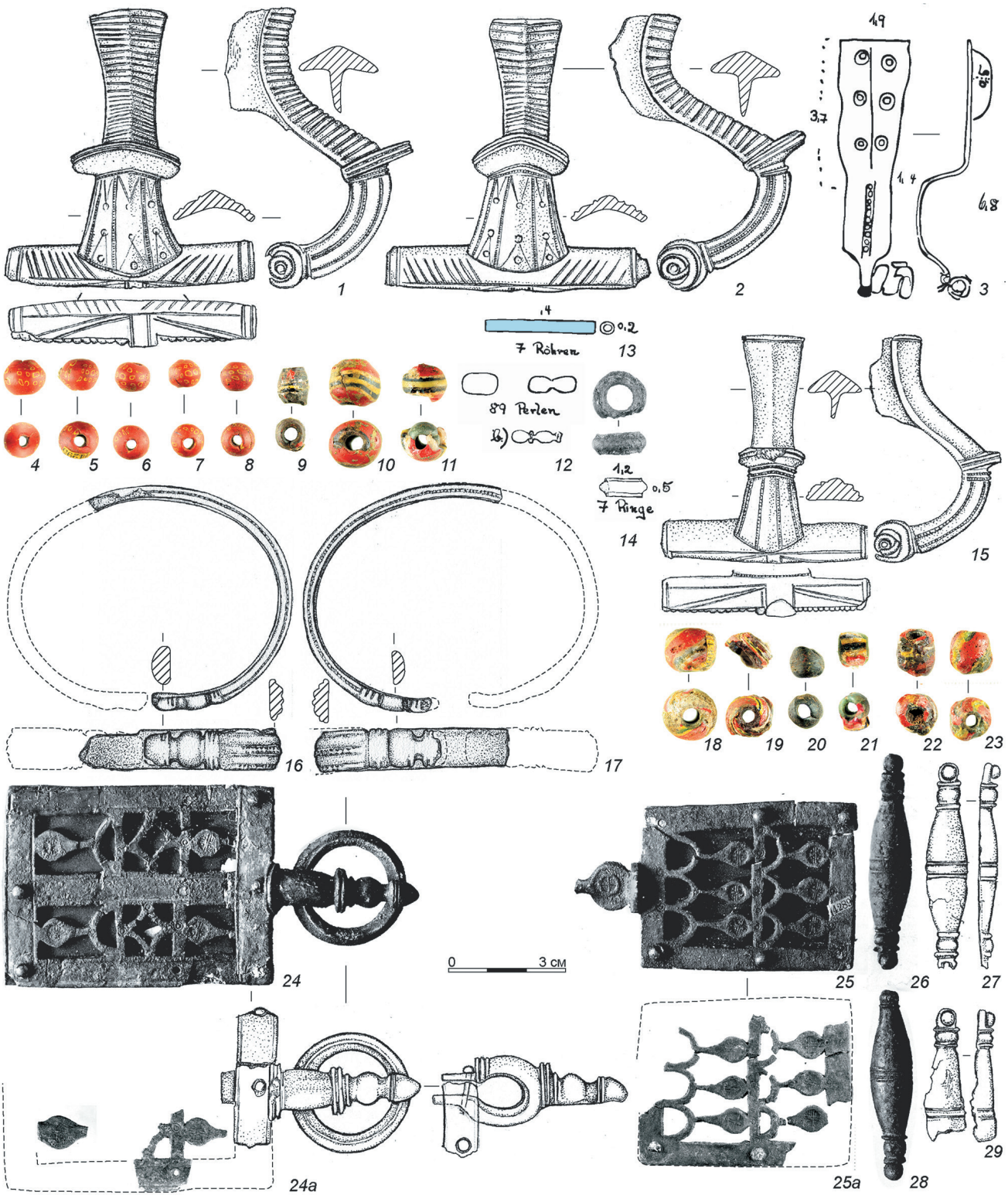

Рис. 2. Путилово/Corjeiten, погребение 15 (*1–2, 4–11, 14–23, 24a, 25a, 27, 29* – рис. и фото О. Хомяковой по фондам SMB-PK MVF, *3, 12–14, 24–26, 28* – по архиву Г. Янкуна в прорисовке Р. Гренца).

Fig. 2. Putilovo/Corjeiten, burial 15

элемент. При отнесении булавок к феминной группе играет роль их совстречаемость с деталями ожерелий и (редко) парность.

Набор инвентаря, включающий глиняные пряслица, небольшие железные ножи, обилие бус и подвесок, несколько фибул (в том

числе парные), устойчиво выделяется как "женский" при характеристике погребальных древностей самбийско-натангийской культуры с начала ее изучения (Tischler, 1879. S. 224–225; Tempelmann-Mączynska, 1983. P. 3–4; 1989. S. 12). Традиционно пряслица связываются с женским гендером. Обычай символического отображения феминности при помощи предметов, связанных с прядением и ткачеством, в погребениях с раннего железного века известен у римлян, где они символизировали роль женщины-жены и хозяйки (Pasztókai-Szeöke, 2011. P. 125–141, там же литература). Пряслица рассматриваются как маркер женского пола в материалах центрально- и восточноевропейских варварских культур (Gopkalo, 2011. P. 68; Jaskanis, 2013. P. 215–216; Banytė-Rowell, 2014. P. 130–132; Магомедов, 2015. С. 8–9, 59). По немногочисленным данным антропологии, пряслица являлись принадлежностью женских погребений и в самбийско-натангийской культуре (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 78; 2017. С. 41). Погребения с пряслицами составляют основу феминнной группы эпохи римских влияний, их количество – около 30%.

Феминнность погребения за пределами группы с пряслицами определяется сочетанием двух и более фибул (5), браслетов (2), деталей головных уборов (23), многочисленных стеклянных бус (3) и элементов ожерелий (4).

Особняком находится группа погребений фаз B2 и B2/C1 с "самбийскими" поясами (Хомякова, 2016). Помимо перечисленных признаков эти погребения характеризуют многочисленные детали ременных гарнитур (8) (рис. 2).

К феминнной группе относится и часть нейтральных погребений[4]. В центральноевропейских погребальных памятниках антропологически такие погребения, в основном, принадлежали детям и подросткам (*infans I–II*) (Webb, 2011. P. 8–9; Natuniewicz-Sekuła, Skóra, 2016. P. 43–79). Исследования, посвященные статусу детей в I тыс. н.э. в культурах Прибалтики, показывают, что археологически дети в большей степени связаны с женским социальным полом (так как ребенок, независимо от его пола, связан с матерью) (Kurila L. 2007; 2009).

Феминнность нейтральных погребений во всех хронологических горизонтах определяется отсутствием предметов вооружения и иных признаков маскулинности, поясов (8, 11, 14). В них присутствуют парные фибулы (5), ожерелья из бус и подвесок (3, 4). Их может характеризовать совстречаемость единичных фибул, браслетов, деталей ожерелий, предметов домашнего производства (небольших кухонных ножей). Феминнно-нейтральные погребения могут содержать пряслица (1). Указанный набор признаков близок инвентарю детских погребений вельбаркской культуры (Jaskanis, 1996. S. 13–20, Taf. II, 9; III, 17; IV, 13; V, 26; Natuniewicz-Sekuła, Skóra, 2016. P. 56). Единичные антропологические определения самбийско-натангийских погребений феминнно-нейтральной группы также указывают на то, что они принадлежат группам *infans I–II* (Мастыкова и др., 2017. С. 43).

В "женских" погребениях могут встречаться и маскулинные признаки. Наряду с "женскими" признаками в них могут присутствовать и "мужские" (вооружение) (см. Tempelmann-Mączynska, 1983. P. 4). Такие погребения составляют всего около 3% от общего числа. Известны как погребения с многочисленными предметами вооружения, в которых пряслице является единственным "женским" признаком, так и содержащие "женский" набор инвентаря с единичными предметами вооружения или снаряжения всадника (рис. 3).

Материалы погребений с соседних территорий западнобалтского круга демонстрируют несколько иную картину (рис. 1, *4*). По данным погребений с антропологическими определениями могильников Нетта и Швайцария (Bitner-Wróblewska, 2007; Jaskanis, 2013), центральным признаком феминнной группы погребений также являются пряслица (1). Но наибольшую близость они находят с деталями поясов (8) и нагрудными украшениями (20). Эти признаки и объединяют в единую группу два типа погребений: с "чистыми" признаками: единичными браслетами (2), стеклянными (3) и янтарными (7) бусами и подвесками (4), одной-двумя фибулами (5); и более нейтральными – редкими гривнами (6), деталями поясов – наконечниками ремней (11) и пряжками (14), булавками (18). Главный акцент здесь приходится на богатые нагрудные украшения и большое количество

[4] В группе нейтральных погребений также содержатся не имеющие четких признаков социального пола, занимающие промежуточное положение между женским и мужским археологическим полом, и погребения с признаками мужского гендера. Данные комплексы не рассматриваются в данной статье.

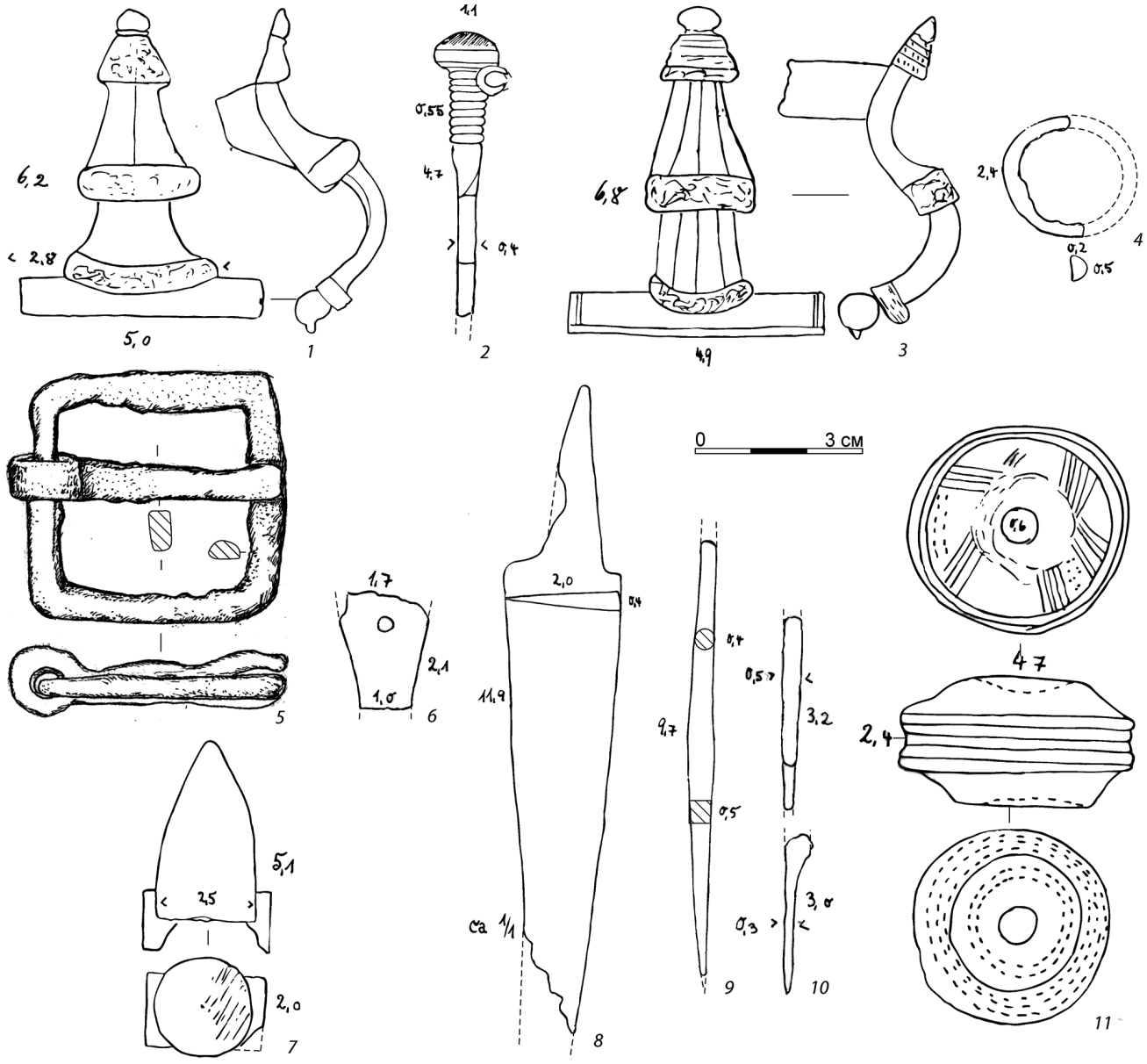

Рис. 3. Хрустальное/Wiekau I, погребение 28 (XXVIII) (*1–4, 6–11* – по архиву Г. Янкуна в прорисовке Р. Гренца, *5* – рис. О. Хомяковой по фондам SMB-PK MVF).

Fig. 3. Khrustalnoye/Wiekau I, burial 28 (XXVIII)

металлических подвесок в составе ожерелий. Определимые в антропологическом отношении погребения с “чистыми” феминнными признаками и богатым инвентарем включают погребения как взрослых женщин, так и детей и подростков. Аналогичные половозрастные характеристики присущи погребениям с нейтральными признаками и меньшим количеством инвентаря поздних фаз эпохи римских влияний и начала Великого переселения народов. Все погребения, в которых пряслице являлось единственным предметом инвентаря, по данным антропологии – женские, детские, или погребения женщины с ребенком. Эти тенденции относятся к погребениям от наиболее ранних в материалах судавской культуры до погребений начала фазы D1.

Структура признаков феминнной группы погребений самбийско-натангийской культуры наибольшее сходство находит в древностях вельбаркской культуры (рис. 1, *5*). По данным анализа погребений могильников Любовидз, Цецеле, Прущ Гданьски 10, Гжебница, Ульковы и Веклице с антропологическими определениями (Wołągiewicz, 1995; Jaskanis,

1996; Piertzak, 1997; Hahuła, Wołągiewicz, 2001; Tuszyńska, 2005; Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011), с начала любовидзской фазы ее центральными признаками являются: сочетание пряслиц и/или деталей веретен (1) с ожерельями из стеклянных (3) и янтарных (7) бус и подвесок (4), далее – двух и более фибул (5). Следующее место в иерархии занимают браслеты (2) и "престижные" предметы (преимущественно детали шкатулок и ключей) (22). Далее – детали поясных наборов (8, 11, 14), булавки (18) и предметы домашнего производства (иглы) (13). Антропологический пол погребений с "чистыми" признаками фемининной группы (1, 3, 4, 7) – всегда женский, возраст соответствует группам *juvenis, adultus, maturus.*

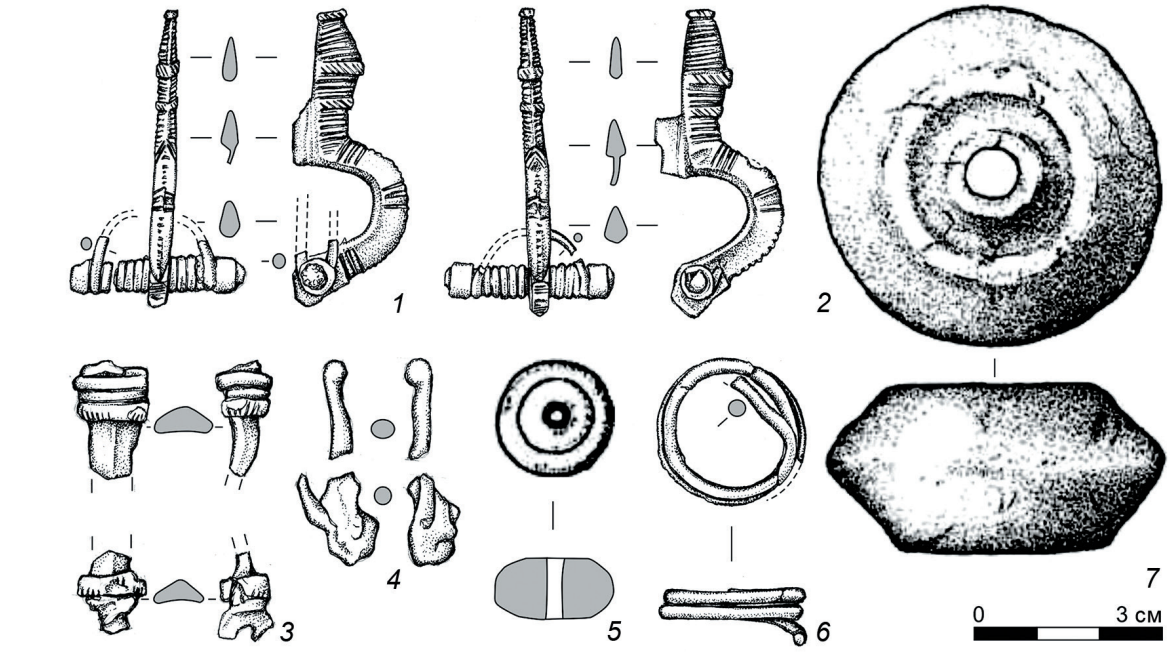
Фемининно-нейтральные комплексы, характеризуемые одной фибулой (5), пряслицем (1), единичными стеклянными и янтарными бусами (3, 7), в вельбаркской культуре могли принадлежать взрослым женщинам или детям. В этой группе также могут встречаться погребения, антропологически принадлежащие взрослым мужчинам – они содержат единичное пряслице, предметы вооружения в них отсутствуют, но всегда находится одна фибула, единичные стеклянные и янтарные бусы.

Сочетание одной–трех фибул, двух браслетов, ожерелья из бус и поясного набора с пряжкой на протяжении фаз B1–D является основой женского убора вельбаркской культуры (Tempelmann-Mączynska, 1989. S. 65–77). Уже на фазе A3 на территории зон A и D вельбаркской культуры формируется набор, включающий две-три фибулы (5), предметы домашнего производства (13), пряслице (1) (например, Wołągiewicz, 1995. Taf. XVII, 3–5, XXXI, 1–7; Piertzak, 1997. Taf. XXXII, XXXVII). Чуть позже, на рубеже фаз A3 и B1 к ним добавляются парные браслеты (2), подвески (преимущественно S-видные держатели ожерелий) (4), ожерелья из стеклянных (3) и янтарных (7) бус (напр., Tuszyńska, 2005. Taf. IV, XXIV; Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. Taf. XXIV, 1–4; XXVIII). Антропологически эти погребения принадлежат женщинам групп *juvenis, adultus, maturus.*

Такой "архаичный" набор без ожерелий из стеклянных бус характерен и для наиболее ранних фемининных погребений рубежа фаз B1 и B2 самбийско-натангийской культуры. Однако, в отличие от вельбаркских, в него входят категории, связанные с металлическим головным убором (23), и гривны (6), которые находят близкие аналогии рубежа предримского и римского периодов в древностях о-вов Балтийского моря (подробно: Khomiakova, 2015). В древностях же о-вов Балтийского моря рубежа фаз A3 и B1 в качестве признаков женских захоронений выделяются сочетание поясного крючка, одной-двух фибул, пряслица и редких бус. Набор, включающий две-три фибулы, S-видные держатели ожерелий, бусы, пряслица, иглы и детали головных уборов, появляется в материалах погребений о-ва Борнхольм также на рубеже фаз B1 и B2 (Rasmussen, 2010. P. 20–26). Устойчивое скандинавское влияние на женский убор самбийско-натангийской культуры прослеживается на всем протяжении ее существования. В целом, набор женского инвентаря самбийско-натангийской культуры до наиболее поздних фаз D2–D3 близок вельбаркскому.

Фемининная группа погребений раннесредневековой культуры пруссов VI–VIII вв. Исследование особенностей распределения инвентаря в погребениях Великого переселения народов и раннего Средневековья в половозрастных группах по данным антропологии (Мастыкова, Добровольская, 2013. С. 77; Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. P. 273–275) не дало четких результатов. Оно показало, что одни и те же признаки могут характеризовать погребения разных половозрастных групп. В разных группах встречаются и схожие модели убора. В женских захоронениях отмечается наличие "мужских" признаков (Казанский и др., 2018. С. 29, 30, 34–36; Рис. 31).

При выделении индикаторов социального пола следует разделять комплексы позднего этапа самбийско-натангийской культуры (фазы D) и раннесредневековой культуры пруссов (фазы E–F). По археологическим данным, самбийско-натангийские погребения фемининной группы фаз D1–D3, в целом сохраняют структуру признаков, характерную для более раннего периода (рис. 1, *2*). Признаками "женских" захоронений остаются пряслица (1), несколько бус (3), одна-две подвески (4) и янтарные бусины (7), одна-две фибулы (5). Присутствуют кольца (9), поясные наборы с пряжками (14) и наконечниками ремней (11). Традиции середины – второй половины III в. (периода наибольшего расцвета самбийско-натангийской культуры) сохраняются в погребениях фазы C2–D (Хомякова, 2012. С. 262, 263).

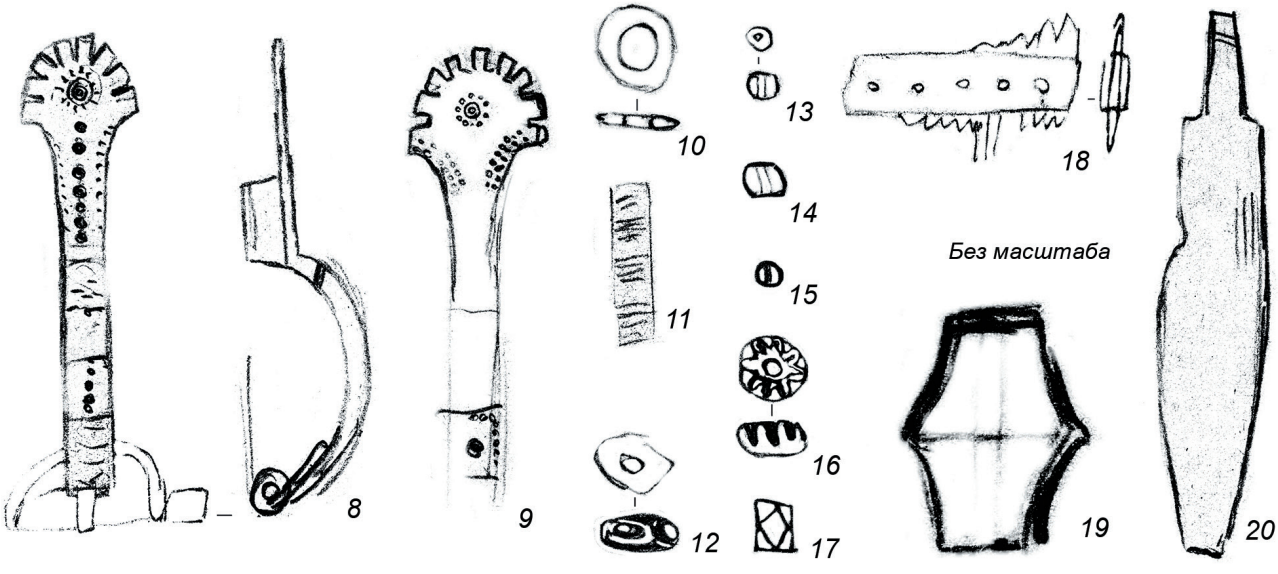

Рис. 4. Большое Исаково/Lauth, погребение 165 (*1–7*) и Коврово/Dollkeim, погребение 162 (*8–20*) (*1–7* – по Khomiakova, 2011. Fig. 1; *8–12* – по Prassolow, 2018. Taf. 22, с изменениями).

Fig. 4. Bolshoe Isakovo/Lauth, burial 165 (*1–7*) and Kovrovo/Dollkeim, burial 162 (*8–20*)

Однако отмечается и тенденция “размывания” групп мужских и женских погребений с “чистыми” маркерами археологического пола, связанная с нестабильностью социальных структур в эпоху Великого переселения народов. Уже в “наиболее поздних” погребениях римского периода и в начале Великого переселения народов (фазах C3 и D1) увеличивается количество погребений феминнно-нейтральной группы. Количество категорий и предметов инвентаря в них меньше (рис. 4, *1–7*). Из состава “чистых” феминнных признаков исчезают браслеты (2), которые теперь встречаются исключительно по одному. Шейные гривны (6), напротив, демонстрируют большую близость к “женским” признакам – пряслицам, бусам и подвескам. В группе “мужских” погребений фазы D1–D2 и D3 с ножами-кинжалами

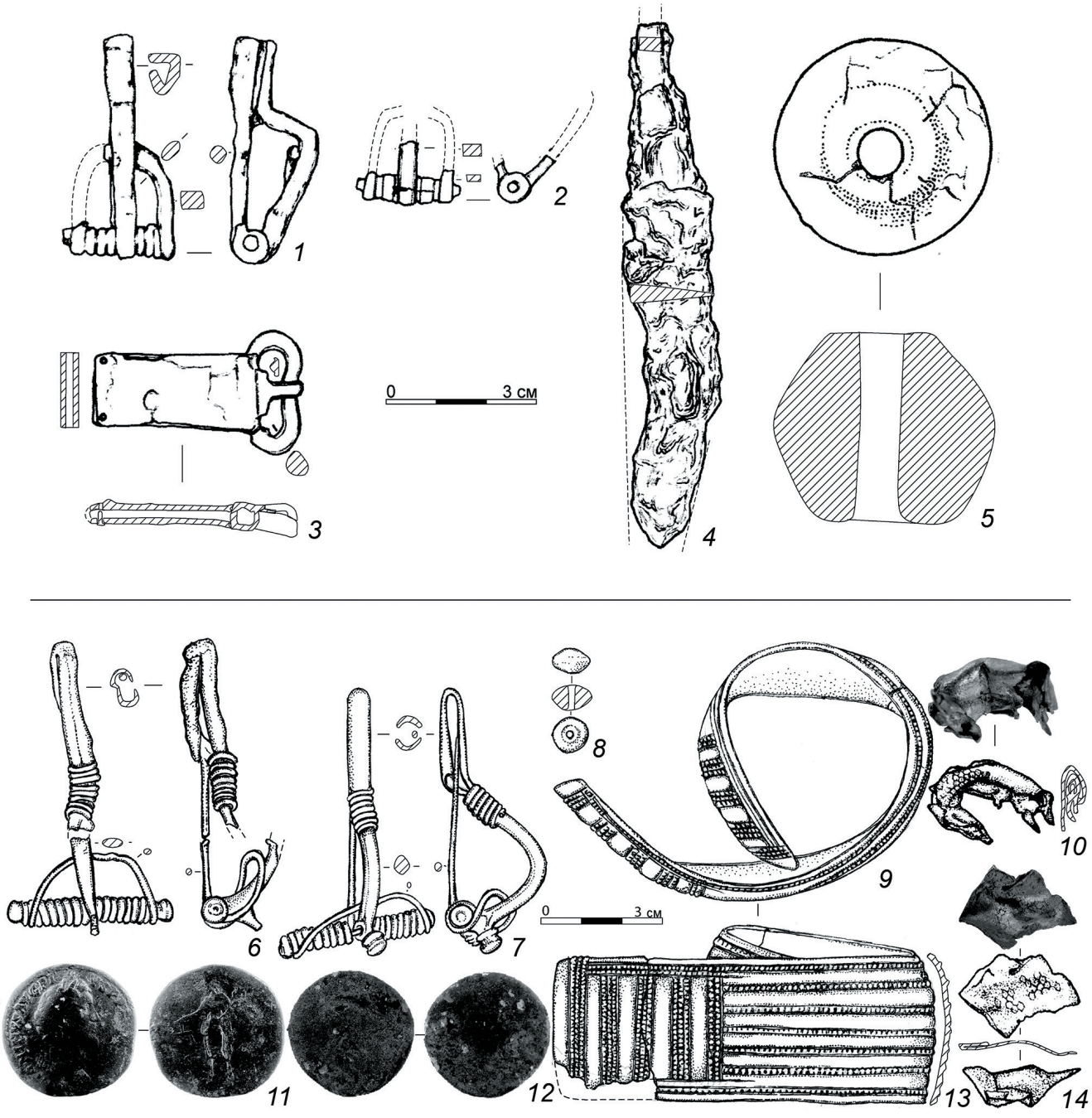

Рис. 5. Митино, погребение 273 (*1–5*) и Московское 1, погребение 6 (*1–5* – по Скворцов, 2010. Таб. CDXVII–CDXIX, с изменениями, рис. О. Хомяковой; *6–14* – по Khomiakova, 2017. Fig. 4, с изменениями).

Fig. 5. Mitino, burial 273 (*1–5*) and Moskovskoye 1, burial 6 (*6–14*)

выделяется ряд комплексов, близких к нейтральной группе (рис. 4, *8–20*). В них содержатся признаки как маскулинной, так и феминнной группы (Prassolow, 2018. S. 142–145, Tabl. VI). В свою очередь, погребения феминнной группы содержат кухонные ножи (13), по своим параметрам близкие “миниатюрным ножам-кинжалам” (тип 2b: Prassolow, 2018. S. 104, Abb. 33). Похожие тенденции характерны и для других культур Западной Европы: “мужские” и “женские” признаки часто смешаны и характеризуются не как “чистые”, а как признаки “по тенденции” (Brather, 2004. S. 505–506).

Изменения в погребальном инвентаре, археологическом уборе, выражении социальных ролей отчетливо фиксируются в конце

V – начале VI в., когда происходит трансформация самбийско-натангийской культуры в раннесредневековую культуру пруссов.

К признакам женских погребений раннесредневековой культуры пруссов с VI в. по данным археологии В.И. Кулаковым отнесены парные фибулы и гривна (2003. С. 31–34) – вариант набора, представленный на могильнике Коврово/Dollkeim (Кулаков, 2007. С. 16, 17, 20). Однако представляется, что количество признаков феминнной группы было несколько большим (рис. 1, *3, 3а*).

Женские погребения VI–VIII вв. (не ранее фазы E1) содержат максимум 6–7 категорий инвентаря (для позднеримского периода эта цифра составляет 9–11 категорий). Из числа признаков феминнной группы исчезает набор, связанный с традицией убора эпохи римских влияний, – браслеты (2), многочисленные стеклянные бусы (3) и подвески (4). Отсутствуют кольца (9) и поясные наборы из нескольких элементов (8). Погребения не содержат элементов инвентаря, в римское время и начале Великого переселения народов связанных с возможным отображением социального статуса (10, 19, 22).

С обеднением инвентаря главным символом принадлежности к феминнной группе, вероятно, остается пряслице (1). Обычай выражать феминнность при помощи пряслица у западных балтов, вероятно, сохраняется с римского времени как один из пережитков провинциально-римского влияния. Погребения, в которых было выявлено только пряслице (если антропологически они определимы), могли принадлежать не только женщинам, но и детям (феминнинно-нейтральной группе). Набор признаков феминнной группы включает преимущественно две фибулы (5), пояс с пряжкой (14), гривну (6) и до нескольких янтарных бус (7). Их характеризуют предметы домашнего производства (13), преимущественно кухонные ножи. Антропологически такие погребения принадлежат взрослым женщинам (рис. 5, *1–5*).

Этот набор отличается от выделяемых на основе антропологического анализа признаков погребений взрослых женщин – пряслица, трех фибул и булавки (Mastykova, Dobrovolskaia, 2013. Fig. 2, *C*). Если погребения с тремя фибулами (см. Кулаков, 2007. С. 16–17. Рис. 54) могут встречаться в составе феминнной группы с пряслицами, то погребения с булавками (18) находятся за ее пределами (рис. 1, *3а*). Пряслице в них всегда отсутствует, не встречаются фибулы (5) (редко одна), редки единичные янтарные бусы (7). Для таких погребений более всего характерно сочетание нейтральных и маскулинных признаков – пояса с пряжкой (14), предметов домашнего производства – кухонных ножей (13) и конского захоронения (17). Антропологически это могут быть как взрослые женщины, так и дети. Однако археологический, социальный пол их ближе к маскулинной группе. Феномен женских захоронений, сопровождаемых конскими погребениями, известен не только у пруссов. В аналогичной период они известны в материалах ольштынской группы; в западно-литовских погребениях с пряслицами, антропологически женских, могут присутствовать как элементы вооружения, так и конские захоронения (Banytė-Rowell, 2014. P. 128–132, Tabl. 8). Такие погребения в эпоху раннего Средневековья известны и на других прибалтийских территориях, включая финский ареал (Magi, 2018. P. 82–90). Конское снаряжение находят вместе с предметами женской субкультуры и в составе восточноевропейских кладов I группы VII в. на территории Поднепровья (Rodinkova, 2018, Tabl. I; Fig. 2). Это в большей степени может быть объяснено социальными изменениями, а не данными антропологии. Женские погребения, которые характеризуются мужским инвентарем, присутствуют во многих культурах древности; этот феномен связан с символическим отображением роли воина лидера в традиционном обществе, его более высокого статуса (Jordan, 2009. P. 95–103; там же литература). В эпохи римских влияний и Великого переселения народов богатый погребальный инвентарь женских погребений, вероятно, в большей степени отражал положение семьи/клана и его богатства. В период раннего Средневековья наличие маскулинных признаков выражало более высокий личный статус и символическую роль воина (т.е. престиж, власть). Случаи, когда в погребении с пряслицем мог быть погребен взрослый мужчина (например, Скворцов, 2010. С. 67–68), как указано выше, встречаются и в более ранний период и могут не только объясняться социальной ролью, но и быть дарами умершим.

Выводы. Формирование набора признаков погребений феминнной группы у западных балтов происходит вместе с другими изменениями в материальной культуре и процессом формирования самбийско-натангийской

культуры как одно из проявлений провинциально-римского влияния. Главную роль в определении фемининности погребения играют признаки, связанные с археологическим женским убором. Сложившийся на рубеже I–II вв. набор признаков характеризует фемининные погребения до конца эпохи Великого переселения народов, демонстрируя близость материалам соседних центральноевропейских культур, главным образом вельбаркской, и погребений о-вов Балтийского моря.

Антропологически в материалах вельбаркской культуры фемининную группу составляют погребения молодых и взрослых женщин (*juvenis, adultus, maturus*), определимые фемининно-нейтральные погребения принадлежат детям и подросткам (*infans I–II*). При отсутствии антропологического источника самбийско-натангийские погребения во многом могут быть интерпретированы аналогично. Корректировка половозрастного состава социально-гендерных групп затем может быть получена путем создания контрольной выборки.

Самбийско-натангийские погребальные древности, связанные с женской субкультурой, вероятно, являются частью массива центральноевропейских погребений, соответствующих социально-возрастной группе, выражающей статус женщины-жены/матери. Биологический возраст в таком случае может быть от 12–13 до 50–55 лет. Несмотря на другую структуру набора признаков и отличия в археологическом уборе, схожие данные дают фемининные погребения судавской культуры, а также не рассматриваемые в данной статье погребения Западной Литвы и Нижнего Понеманья (см., например, Kačkutė, 2014. P. 47–49).

Подобно культурам Северной и Центральной Европы количество инвентаря и богатство убора в самбийско-натангийских погребениях было связано больше с социальной, чем с возрастной ролью, а также с социальным положением в пределах родовой группы (клана, семьи). Выделяемые в пределах фемининной группы погребения с “более богатым” инвентарем и убором принадлежат членам семей, занимавших более высокое положение. Такие группы выделяются на всех фазах существования самбийско-натангийской культуры (рис. 2; 5, *6–14*).

Европейский варварский женский убор эпохи римских влияний являлся убором для “особого случая” (свадебным, погребальным). Это, вероятно, применимо и к самбийско-натангийской культуре. Через “богатство” убора в северо- и центральноевропейских культурах выражались положение семьи и личный статус в семейной иерархии (Baye, Lund Hansen, 2011. P. 202, 203). “Особый» убор”, таким образом, соответствующий статусу жены/хозяйки, мог сопровождать и детские погребения. В материалах вельбаркской культуры известны погребения детей старшей (2–3 года) группы *infans I* с убором взрослой женщины (например, Jaskanis, 1996. S. 21, Taf. XI). Такая традиция присутствовала на могильниках “богатых” семей с о-вов Балтийского моря, где погребения девочек наиболее старшей группы *infans II* сопровождались убором замужней женщины (Rasmussen, 2010. P. 89). Все это, вероятно, характерно и для самбийско-натангийских могильников. Примером является погребение 6 могильника Московское 1 (Khomiakova, 2017. P. 70–72, Fig. 4), антропологически детское (*infans II*[5]). В нем содержался убор взрослой женщины с украшениями, указывающими на участие в межкультурных контактах (рис. 5, *6–14*).

Изменение набора фемининных признаков и женского убора фиксируется с начала фазы E, являясь одним из признаков формирования раннесредневековой культуры пруссов. Но несмотря на социоультурные изменения, фемининную группу в VI–VIII вв. также составляют погребения женщин возрастных групп *juvenis, adultus, maturus.*

Структура признаков фемининной группы самбийско-натангийской культуры I–V вв. и археологический убор, таким образом, вероятно, являются одним из отражений социальной структуры вождества (синоним – *чифдом*) в его начальной стадии развития, в которой среди родовых коллективов особо выделялись осуществлявшие военные и торговые контакты (так называемые региональные элиты), и феномена провинциально-римского влияния. Эта традиция, вероятно, прекращается в конце эпохи Великого переселения народов, на рубеже V–VI вв. с культурными и социальными переменами, изменением характера связей с населением Эльблонгской возвышенности и интенсивного межкультурного обмена, с трансформацией (и/или крахом) социальных структур в Южной Скандинавии и на Датских о-вах Балтийского моря (Nowakowski,

[5] Антропологическое определение сделано М.В. Добровольской.

1996. S. 99, 100; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 22; Ethelberg, 2011. P. 67–73). Социальная структура местного общества, основанная на "степени богатства" отдельных коллективов и уровне вовлеченности в процессы обмена, претерпевает изменения. Набор признаков феминной группы раннесредневековой культуры пруссов более не содержит индикаторов, отражающих богатство семьи-клана, а символизирует лишь статус женщины-жены, матери (рис. 5, *1–5*). В то же время женские погребения могут содержать индикаторы более высокого личного статуса – маскулинные признаки (вооружение, конское снаряжение, конские захоронения), связанные с формирующейся структурой развитого вождества.

Приложение

Список признаков социального пола (гендера): 1) пряслица; 2) браслеты; 3) стеклянные бусы; 4) подвески, пронизи; 5) фибулы; 6) гривны; 7) янтарные бусы; 8) детали поясов; 9) кольца; 10) монеты; 11) наконечники ремней; 12) точильные камни и огнива; 13) предметы домашнего производства (ножи, шилья); 14) пряжки; 15) сосуды[6]; 16) вооружение и снаряжение всадника (шпоры); 17) конское снаряжение; 18) булавки; 19) янтарь-сырец; 20) нагрудные цепи; 21) предметы туалета; 22) предметы престижа (вкл. ларцы, ключи); 23) детали головных уборов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архив Г. Янкуна: Научный архив Герберта Янкуна // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig.

Гопкало О.В. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum Plus. 2011. № 4. С. 1–20.

Казанский М.М., Зальцман Э.Б., Скворцов К.Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22). 312 с.

Казанский М.М., Мастыкова А.В., Скворцов К.Н. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-натангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // РА. 2017. № 3. С. 28–45.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003 (Prussia Antiqua; т. 1). 402 с.

Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–VI вв. н.э. // Stratum plus. 2005. № 4 (2003–2004). С. 278–382.

Кулаков В.И. Долькайм-Ковово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси, 2007. 335 с.

Магомедов Б.В. Керамические пряслица черняховской культуры. Киев: ИА НАН Украины, 2015. 170 с.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / Ред.: Н.А. Макаров, А.В. Мастыкова, А.Н. Хохлов. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 74–79.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В. Изучение кремаций римского времени на Самбийском полуострове (Калининградская область) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 675–676.

Мастыкова А.В., Добровольская М.В., Юганов К.Л. Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 28–56.

Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область): материалы исследований 2008 г. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2010 (Материалы охранных археологических раскопок; т. 15). 806 с.

Хомякова О.А. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода Римского влияния I–IV вв. н.э. (Анализ компонентов и хронология): дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2809–2810. 2012а. 715 с.

Хомякова О.А. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3: сб. ст. / Ред.: А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. М.: ИА РАН, 2012б. С. 255–280.

Хомякова О.А. Вопросы социальной интерпретации погребений с "самбийскими" поясами римского времени из ареала культуры Долькайм–Ковово // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 33–49.

Alberti B. Bodies in Prehistory: Beyond the Sex/Gender Split // Global Archaeological Theory. Contextual Voices and Contemporary Thoughts / Eds.: P.P. Funari, A. Zarankin, E. Stovel. Boston: Springer US, 2005. P. 107–120.

[6] При итоговом анализе исключены, так как не являются определителем гендера.

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C. Did They Exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods, and Their Interregional Contacts // Archaeologia Baltica. 2012. V. 18. P. 192–220.

Banytė-Rowell R. Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? // Lietuvos Archeologija. 2014. T. 40. P. 99–138.

Baye L., Lund Hansen U. The Dynasty? Society and Social Structures of Late Roman Iron Age // Det 61. Internationale Sachsensymposion 2010, Haderslev, Danmark / Ed. L. Baye. Neumünster: Wachholtz, 2011 (Arkæologi i Slesvig = Archäologie in Schleswig; Sonderband). P. 199–210.

Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-west connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warsaw: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 256 p.

Bitner-Wróblewska A. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2007 (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. XII). 325 s.

Brather S. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004 (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände; № 42). 807 p.

Brather S. Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter // Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. S. 237–273.

Ethelberg P. Early state formation in Southern Scandinavia // The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives / Ed. L. Boye. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries, 2011 (Nordiske fortidsminder. Serie C; v. 8). P. 67–75.

Gopkalo O. Male and female dress accessories in the Chernyakhiv culture // Ukrainian Archaeology. 2011. P. 65–80.

Gosden C. Anthropology and Archaeology: A Changing Relationship. Oxford: Psychology Press, 1999. 228 p.

Hahuła K., Wołągiewicz R. Grzybnica: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur mit Steinkreisen in Pommern. Warszawa; Koszalin: Muzeum w Koszalinie, 2001 (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. VIII). 184 S.

Jaskanis J. Cecele: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków: Secesja, 1996 (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. II). 226 S.

Jaskanis J. Szwajcaria: Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie, 2013. 325 s.

Jordan A. I am no man: a study of warrior women in the Archaeological Record // Field Notes: A Journal of Collegiate Anthropology. 2009. 1 (1). P. 94–111.

Kačkutė R. Romėniškojo Laikotarpio Vakarų Lietuvos ir Nemuno Žemupio Gyventojų Socialinių Santykių Analizė Kapinynų Medžiagos Pagrindu // Lietuvos archeologija. 2014. T. 40. P. 43–72.

Khomiakova O. The crossbow animal-headed brooches from grave 165 of the Sambian-Natangian culture burial ground at Bol'shoe isakovo (formerly Lauth) // Archaeologia Baltica. 2011. V. 14. P. 230–235.

Khomiakova O. Disc brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the first centuries AD // Archaeologia Baltica. 2015. V. 21–22. P. 14–40.

Khomiakova O. The origins of cuff bracelets in West Balt cultures (according to data from Sambian-Natangian culture cemeteries) // Lietuvos Archaeologia. 2017. T. 43. P. 63–85.

Kurila L. Vaiko statusas Rytų Lietuvoje geležies amžiuje // Archaeologia Lituana. 2007. T. 8. P. 97–116.

Kurila L. Socialinis statusas ir Lytis: geležies Amžiaus Rytų Lietuvos Socialinės Organizacijos Analizė // Lietuvos Archeologija. 2009. T. 35. P. 153–192.

Magi M. In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill, 2018 (The Northern World; v. 84). 544 p.

Mastykova A., Dobrovolskaia M. Grave Goods in the Semeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds: I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2013. P. 272–281.

Natuniewicz-Sekuła M., Skóra K. Selected children's burials from the Wielbark culture cemetery at Weklice, Site 7, Elbląg commune, warmińsko-mazurskie voivodeship // Archaeologia Polona. 2016. Vol. 51/52 (2013/2014). P. 43–81.

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. Weklice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2011 (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. XVII). 431 p.

Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 1996 (Veröffentlichungen

des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10). 169 p.

Pasztókai-Szeöke J. "The mother shrinks, the child grows. What is it?" The evidence of spinning implements in funerary context from the Roman province of Pannonia // Mujer y Vestimenta: Aspectos De La Identidad Femenina En La Antiguedad / Eds: A. Giner, M.J. Martinez Garcia, J. Ortiz. Valencia: Publicacions De La Universitat De València, 2011. P. 125–141.

Piertzak M. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und wielbark kultur in Ostpommern. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 1997 (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. IV). 268 s.

Prassolow J. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens. Neumünster: Wachholtz-Verlag: Murmann publishers, 2018 (Studien zur Siedlungs-geschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 15). 548 s.

Rasmussen B. Slusegårdgravpladsen V: Fundoversigt go genstandstyper. Aarhus: Aarhus Universitet, 2010 (Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter; XIV). 444 s.

Rodinkova V. Early Slavic Hoards of the Dnieper Region (on the nature and the historical significance of the phenomenon) // Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / Red. B. Nezabitowska-Wiśniewska et al. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2018 (Studia Barbarica; t. I). S. 670–679.

Skvorzov K.N. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade // Archaelogia Baltica. 2012. V. 18. P. 167–191.

Tempelmann-Mączynska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität, 1989. 177 S.

Tempelmann-Mączynska M. Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobaltyjskiej w okresie wplywow rzymskich // Wiadomosci Archeologiczne. 1983. T. XLVIII. Z. 1. S. 3–19.

Tischler O. Ostpreussische Gräberfelder III // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft. 1879. Bd. 19. S. 159–268.

Trémeaud C. Great Women? The emergence of female in elite's graves in the Celtic World (Late Bronze Age – La Tène B) // Frauen an der Macht?: Neue interdisziplinäre Ansätze zur Frauen- und Geschlechterforschung für die Eisenzeit Mitteleuropas. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2017 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; Bd. 299). P. 41–57.

Tuszyńska M. Ulkowy. Cmentarzysko kultury wielbarskiej na Pomorzu Gdańskim. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne, 2005. 176 s.

Webb T. Personal Ornamentation as an Indicator of Cultural Diversity in the Roman North. Oxford: Archaeopress, 2011 (BAR British Series; vol. 547). 217 p.

Wołągiewicz R. Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. Bis zum Anfang des 3 Jhs. n. Chr. Kraków: Secesja, 1995 (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. I). 124 p.

FEMALE BURIALS OF THE SOUTH-EAST BALTICS OF THE 1st–8th CENTURIES

Olga A. Khomyakova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: olga.homiakova@gmail.com

The paper considers problems associated with the characterization of female burials in the South-East Baltics in the case when there is no anthropological source. Based on the materials of the Sambian-Natangian and early medieval cultures of the Prussians, archaeological markers of the social gender are distinguished, which can be compared with the data of burials allowing for the determination of biological sex and age.

Keywords: anthropological gender, social gender, gender, women's attire, the period of Roman influence, the Migration Period, the early Middle Ages, the Baltic states, the Sambian-Natangian culture, the early medieval Prussian culture.

REFERENCES

Alberti B., 2005. Bodies in Prehistory: Beyond the Sex/Gender Split. *Global Archaeological Theory. Contextual Voices and Contemporary Thoughts*. P.P. Funari, A. Zarankin, E. Stovel, eds. Boston: Springer US, pp. 107–120.

Arkhiv G. Yankuna: Nauchnyy arkhiv Gerberta Yankuna [H. Jankuhn archive – scientific archive of Herbert Jankuhn]. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf, Schleswig.*

Banytė-Rowell R., 2014. Gender roles in the prehistoric communities of west Lithuania's micro-areas between the late Roman Iron age and the Late Migration period: continuity or change? *Lietuvos Archeologija*, 40, pp. 99–138.

Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C., 2012. Did They Exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods, and Their Interregional Contacts. *Archaeologia Baltica*, 18, pp. 192–220.

Baye L., Lund Hansen U., 2011. The Dynasty? Society and Social Structures of Late Roman Iron Age. *Det 61. Internationale Sachsensymposion 2010*, Haderslev, Danmark. L. Baye, ed. Neumünster: Wachholtz, pp. 199–210. (Arkæologi i Slesvig = Archäologie in Schleswig, Sonderband).

Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland. East-west connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warsaw: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 256 p.

Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Pánstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. 325 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, XII).

Brather S., 2004. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 807 p. (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände, 42).

Brather S., 2008. Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter. *Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen*. S. Brather, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 237–273.

Ethelberg P., 2011. Early state formation in Southern Scandinavia. *The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives*. L. Boye, ed. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries, pp. 67–75. (Nordiske fortidsminder. Serie C, 8).

Gopkalo O., 2011. Male and female dress accessories in the Chernyakhiv culture. *Ukrainian Archaeology*, pp. 65–80.

Gopkalo O.V., 2011. Male and female Chernyakhiv costume (based on burials with anthropological attributions). *Stratum Plus*, 4, pp. 1–20. (In Russ.)

Gosden C., 1999. Anthropology and Archaeology: A Changing Relationship. Oxford: Psychology Press. 228 p.

Hahuła K., Wołągiewicz R., 2001. Grzybnica: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur mit Steinkreisen in Pommern. Warszawa; Koszalin: Muzeum w Koszalinie. 184 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, VIII).

Jaskanis J., 1996. Cecele: Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków: Secesja. 226 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, II).

Jaskanis J., 2013. Szwajcaria: Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie. 325 p.

Jordan A., 2009. I am no man: a study of warrior women in the Archaeological Record. *Field Notes: A Journal of Collegiate Anthropology*, 1(1), pp. 94–111.

Kačkutė R., 2014. Romėniškojo Laikotarpio Vakarų Lietuvos ir Nemuno Žemupio Gyventojų Socialinių Santykių Analizė Kapinynų Medžiagos Pagrindu. *Lietuvos archeologija*, 40, pp. 43–72.

Kazanskiy M.M., Zal'tsman E.B., Skvortsov K.N., 2018. Rannesrednevekovyy mogil'nik Zaostrov'ye-1 v Severnoy Sambii [The early medieval cemetery of Zaostrovye-1 in Northern Sambia]. Moscow: IA RAN. 312 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 22).

Kazanskiy M.M., Mastykova A.V., Skvortsov K.N., 2017. Markers of social stratification among the bearers of the Sambian-Natangian culture in the early Middle Ages (the mid-5th–7th centuries AD). *Ross. Arkheol. [Russian archaeology]*, 3, pp. 28–45. (In Russ.)

Khomiakova O., 2011. The crossbow animal-headed brooches from grave 165 of the Sambian-Natangian culture burial ground at Bol'shoe Isakovo (formerly Lauth). *Archaeologia Baltica*, 14, pp. 230–235.

Khomiakova O., 2015. Disc brooches of Dollkeim-Kovrovo culture. The question of the origin of ornaments in the Southeast Baltic in the first centuries AD. *Archaeologia Baltica*, 21–22, pp. 14–40.

Khomiakova O., 2017. The origins of cuff bracelets in West Balt cultures (according to data from Sambian-Natangian culture cemeteries). *Lietuvos Archaeologia*, 43, pp. 63–85.

Khomyakova O.A., 2012a. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiyskoy kul'tury perioda Rimskogo vliyaniya I–IV vv. n.e. (Analiz komponentov i khronologiya): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Sambian-Natangian female attire of the Roman influence period of the 1st–4th centuries AD (analysis of components and chronology): a Doctoral thesis in History]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-2, № 2809–2810. 715 p.

Khomyakova O.A., 2012b. Chronology of the components of the Sambian-Natangian female attire.

Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3: sbornik statey [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Roman and the Migration periods. Conference 3: Collected papers]. A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 255–280. (In Russ.)

Khomyakova O.A., 2016. Issues of the social interpretation of the burials with Samland belts of Roman period from the Dollkeim–Kovrovo culture region. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 243, pp. 33–49. (In Russ.)

Kulakov V.I., 2003. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia until 1283]. Moscow: Indrik. 402 p. (Prussia Antiqua, 1).

Kulakov V.I., 2005. Archaeological criteria of the social history of the Amber Coast in the 1st–6th centuries AD. *Stratum plus*, 4 (2003–2004), pp. 278–382. (In Russ.)

Kulakov V.I., 2007. Doll'kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1992–2002 gg. [Dollkeim–Kovrovo. Research of 1992–2002]. Minsk: Institut istorii Natsional'noy akademii nauk Belarusi. 335 p.

Kurila L., 2007. Vaiko statusas Rytų Lietuvoje geležies amžiuje. *Archaeologia Lituana*, 8, pp. 97–116.

Kurila L., 2009. Socialinis statusas ir Lytis: geležies Amžiaus Rytų Lietuvos Socialinės Organizacijos Analizė. *Lietuvos Archeologija*, 35, pp. 153–192.

Magi M., 2018. In Austrvegr: The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill. 544 p. (The Northern World, 84).

Magomedov B.V., 2015. Keramicheskiye pryaslitsa chernyakhovskoy kul'tury [Ceramic spindle whorls of the Chernyakhiv culture]. Kiyev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 170 p.

Mastykova A., Dobrovolskaia M., 2013. Grave Goods in the Cemeteries from the Late Roman and Early Mediaeval Periods on the Sambian Peninsula and Anthropological Accounts. *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 272–281.

Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V., 2013. Palaeoanthropological research and grave goods of the Sambian-Natangian culture. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of the Baltic region]*. N.A. Makarov, A.V. Mastykova, A.N. Khokhlov, eds. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 74–79. (In Russ.)

Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V., 2017. The study of cremations of the Roman period on the Sambian peninsula (Kaliningrad region). *V(XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s"yezd: sbornik nauchnykh trudov [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress: Collected works]*. A.P. Derevyanko, ed. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 675–676. (In Russ.)

Mastykova A.V., Dobrovol'skaya M.V., Yuganov K.L., 2017. The Shlagalken-5 cemetery: Cultural and chronological continuity of the sites dated to the Roman period and the Migration period in the northern part of the Sambian Peninsula. *KSIA [Brief communications of the Institute of Archaeology]*, 246, pp. 28–56. (In Russ.)

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J., 2011. Weklice. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 431 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, XVII).

Natuniewicz-Sekuła M., Skóra K., 2016. Selected children's burials from the Wielbark culture cemetery at Weklice, Site 7, Elbląg commune, warmińsko-mazurskie voivodeship. *Archaeologia Polona*, 51/52 (2013/2014), pp. 43–81.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 p. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, Sonderband 10).

Pasztókai-Szeöke J., 2011. "The mother shrinks, the child grows. What is it?" The evidence of spinning implements in funerary context from the Roman province of Pannonia. *Mujer y Vestimenta: Aspectos De La Identidad Femenina En La Antiguedad*. A. Giner, M.J. Martinez Garcia, J. Ortiz, eds. Valencia: Publicacions De La Universitat De València, pp. 125–141.

Piertzak M., 1997. Pruszcz Gdański. Fundstelle 10. Ein Gräberfeld der Oksywie- und wielbark kultur in Ostpommern. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. 268 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, IV).

Prassolow J., 2018. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens. Neumünster: Wachholtz-Verlag: Murmann publishers. 548 p. (Studien zur Siedlungs-geschichte und Archäologie der Ostseegebiete, 15).

Rasmussen B., 2010. Slusegårdgravpladsen V: Fundoversigt go genstandstyper. Aarhus: Aarhus Universitet. 444 p. (Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter, XIV).

Rodinkova V., 2018. Early Slavic Hoards of the Dnieper Region (on the nature and the historical significance of the phenomenon). *Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. B. Nezabitowska-Wiśniewska, ed. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 670–679. (Studia Barbarica, I).

Skvortsov K.N., 2010. Mogil'nik Mitino V–XIV vv. (Kaliningradskaya oblast'): materialy issledovaniy 2008 g. [The Mitino cemetery of the 5th–14th centuries (Kaliningrad Region): Research materials of 2008], 2. Moscow: IA RAN. 806 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh raskopok, 15).

Skvorzov K.N., 2012. The Formation of a Sambian-Natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade. *Archaelogia Baltica*, 18, pp. 167–191.

Tempelmann-Mączynska M., 1983. Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobaltyjskiej w okresie wplywow rzymskich. *Wiadomosci Archeologiczne*, vol. XLVIII, iss. 1, pp. 3–19.

Tempelmann-Mączynska M., 1989. Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität. 177 p.

Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder III. *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft*, 19, pp. 159–268.

Trémeaud C., 2017. Great Women? The emergence of female in elite's graves in the Celtic World (Late Bronze Age – La Tène B). *Frauen an der Macht?: Neue interdisziplinäre Ansätze zur Frauen- und Geschlechterforschung für die Eisenzeit Mitteleuropas*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, pp. 41–57. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 299).

Tuszyńska M., 2005. Ulkowy. Cmentarzysko kultury wielbarskiej na Pomorzu Gdańskim. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne. 176 p.

Webb T., 2011. Personal Ornamentation as an Indicator of Cultural Diversity in the Roman North. Oxford: Archaeopress. 217 p. (BAR British Series, 547).

Wołągiewicz R., 1995. Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1 Jhs. V. Chr. Bis zum Anfang des 3 Jhs. n. Chr. Kraków: Secesja. 124 p. (Monumenta Archaeologica Barbarica, I).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 107–116

“КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО” КАК ФАКТОР РАЗРУШЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ (пример Республики Башкортостан)

© 2020 г. А.И. Тузбеков

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия

E-mail: aituzbekov@gmail.com

Поступила в редакцию 28.03.2019 г.

Для отдельных регионов нашей страны проблема сохранения памятников археологии имеет ключевое значение. Одним из таких субъектов является Республика Башкортостан. Несмотря на пристальное внимание, уделяемое федеральными и региональными органами власти данной проблеме, органы охраны объектов культурного наследия достаточно часто фиксируют факты разрушений культурного слоя памятников. В последние годы все бóльшие масштабы приобретает деятельность так называемых черных копателей, именующих себя “кладоискателями”, которые, по сути, для удовлетворения личного интереса или наживы разрушают саму возможность получения нового исторического знания. Результаты инвентаризаций, отчетные материалы о деятельности Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан и отдельные публикации археологов не позволяют полностью оценить масштаб деятельности кладоискателей и наносимый ими ущерб памятникам археологии региона. В этой связи необходима разработка новых междисциплинарных методов исследования данной проблемы. В данной работе на основе анализа материалов органа власти республики, уполномоченного в области сохранения объектов культурного наследия, автор установил, что наименее защищенными являются памятники, датируемые Новым временем (XVI–XIX вв.). Были выделены две наиболее многочисленные группы кладоискателей в социальной сети “ВКонтакте”, изучены профили участников групп, их коммуникативная активность в сети, сообщения, комментарии, републикации, актуальные и наиболее обсуждаемые подписчиками темы. В результате составлен среднестатистический портрет кладоискателя, выявлена категория наиболее часто подвергающихся разграблению памятников, прослежена сплоченность каждой из анализируемых групп и возможность организации ими крупных слетов для совместного поиска “кладов”.

Ключевые слова: памятники археологии, Республика Башкортостан, Новое время, кладоискательство, социальные сети.

DOI: 10.31857/S086960630008256-0

Сохранение археологического наследия народов России является одним из приоритетных направлений государственной культурной политики. Большинство стран уделяют существенное внимание обеспечению физической сохранности археологических памятников, являющихся свидетельством культурного богатства и национальной истории. Охрана археологического наследия для Башкортостана имеет особую значимость: вплоть до XVIII в. мы имеем лишь отрывочные письменные свидетельства об истории этого края, поэтому данные археологии являются единственным источником исторических реконструкций. В центре внимания общественности, средств массовой информации регулярно оказываются громкие скандалы, связанные с осуществлением строительства на территории памятников археологии, с их разрушением и т.д. Но в последние годы все бóльшие масштабы приобретает деятельность так называемых черных копателей, именующих себя “кладоискателями”, которые, по сути, для удовлетворения личного интереса или наживы разрушают саму возможность получения нового исторического знания (Макаров, 2004. С. 13, 14).

Несмотря на наличие в УК РФ статьи 243, предусматривающей уголовную ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, в том числе археологических объектов, на практике

применение данной статьи затруднено целым рядом обстоятельств. Во-первых, отсутствие учетной документации на археологические объекты (на учете состоит меньшая часть памятников, в особенности памятников Нового времени) и неясности с определением их границ лишают специалистов возможности доказать факт разрушения памятника самовольными раскопками при всей его очевидности. Во-вторых, несмотря на обилие артефактов, циркулирующих на антикварном рынке, факт происхождения их из браконьерских раскопок, как правило, не может быть доказан, если участники этих раскопок не пойманы с поличным на месте (Макаров, 2004. С. 22).

По состоянию на 2017 г. на территории Башкортостана расположено 5609 объектов культурного наследия, из них: 1776 включено в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации (из которых 558 – памятники архитектуры, 1218 – объекты археологического наследия), 3834 включено в перечень выявленных объектов культурного наследия (из которых 1377 – памятники архитектуры, 2457 – объекты археологического наследия). Наибольшее количество объектов культурного наследия сконцентрировано в пределах г. Уфы. Значительное количество памятников находятся на территории городов Стерлитамак, Бирск, Белорецк и Белебей, на территории Краснокамского и Баймакского районов (Аналитическая информация..., 2018. С. 1).

В 2010–2011 гг. Министерством культуры республики впервые была организована масштабная инвентаризация объектов археологического наследия федерального и регионального значения. По итогам инвентаризации 2010 г. состояние 9% (40 ед.) памятников хорошее, 44% (323 ед.) объектов частично разрушено, 25% (186 ед.) практически полностью разрушены, 10% (71 ед.) уничтожено; разрушающая деятельность черных копателей зафиксирована на 10 объектах (5%) и 4% памятников находятся в аварийном состоянии, на грани уничтожения – 14% (28 ед.). Общее же состояние памятников археологии, стоящих на государственной охране, оценивается как неудовлетворительное (44%), и лишь состояние чуть больше половины объектов (53%) можно считать относительно удовлетворительным (Бахшиев, 2015. С. 73).

Анализируя данные инвентаризации, И.И. Бахшиев отмечает, что проблема грабительских раскопок пока не стоит для республики так остро, как, например, для центральных и южных регионов России, и активность грабителей наблюдается лишь в северо-восточных районах республики (Ишимбаевский могильник, Турналинское городище), центральных районах (Кушнаренковское городище, Кара-Якуповское городище, могильник Кара-Абыз, археологический комплекс на горе Курмантау, Шиповский и Охлебининский комплексы) и Башкирском Зауралье (Кашкаровский курганный могильник, Янтышевский III одиночный курган, Сагитовский курганный могильник, поселение Альмухамет, Авласовский одиночный курган, Баимовский одиночный курган) (Бахшиев, 2015. С. 74). В связи с тем, что на территории республики представлены все исторические периоды, начиная от палеолита (каменный век) до так называемых поздних эпох – XVIII–XIX вв., Башкортостан можно назвать археологическим Клондайком для “кладоискателей”. По его мнению, наибольшую угрозу представляют организованные группы черных копателей, во главе которых стоят профессионально образованные и финансово обеспеченные люди, прекрасно знающие, что и где искать. Именно такие люди наносят больше вреда, и движет ими отнюдь не интерес к истории (Решетников, 2018).

Ранее ряд исследователей уже отмечал, что в Башкортостане на данный момент сложилась целая субкультура со своей системой ценностей, манерой поведения, жаргоном и т.д., связывающая людей, занятых в проведении незаконных раскопок. По их данным, только за 2013 г. “кладоискателями” частично разрушены грунтовый могильник Кара-Абыз-2 в Благовещенском районе, комплекс памятников на горе Курмантау в Гафурийском районе, грунтовые могильники Юрмаш-1 и Охлебининский в Иглинском районе, действующее с XVIII в. марийское святилище в Балтачевском районе, а всего известно более 50 археологических памятников, ежегодно или разово подвергающихся разграблению (Русланов, Русланова, Воробьева, 2014. С. 63).

На первый взгляд проблема поиска кладов на территории региона видится не столь масштабной и деятельность черных копателей не представляет угрозу для охраняемых памятников, но если более внимательно изучить список включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации и перечень

выявленных объектов культурного наследия, то выясняется, что там практически отсутствуют памятники Нового времени. Например, из 2457 объектов археологического наследия, включенных в перечень выявленных объектов культурного наследия, лишь 3 отнесены к периоду Нового времени. Из 43 памятников археологии Уфы, относящихся к числу выявленных объектов культурного наследия, всего один памятник датирован Новым временем.

Проведенный анализ учетных документов свидетельствует, что большинство памятников Нового времени просто не включены ни в “Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации”, ни в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Башкортостан, чем активно пользуются “кладоискатели”.

Практически полное отсутствие памятников археологии Нового времени в перечне охраняемых государством археологических объектов является прямым следствием того, что изучение объектов этого периода до недавнего времени не носило планомерного характера. История этноархеологических исследований на территории Башкирии связана в основном с проведением в последнее десятилетие хозяйственно-договорных работ в границах распространения культурного слоя XVI–XIX вв. преимущественно в Уфе и ее окрестностях. Исследователи отмечают, что особо остро проблема этноархеологических исследований наблюдается за пределами крупных городов и их агломераций, что свидетельствует о расширении потенциальных объектов и границ исследования, особенно в зонах разрушения культурного слоя позднего периода (Ахатов, Камалеев, 2014. С. 17).

Отчетные материалы о деятельности Управления по государственной охране объектов культурного наследия республики и отдельные публикации археологов не дают полностью оценить масштаб деятельности “кладоискателей” и наносимый ими ущерб памятникам археологии региона. Одним из доступных способов изучения субкультуры черных копателей являются исследования виртуальных сообществ “кладоискателей”, их социальных взаимодействий, поведения в киберпространстве и т.д. “Виртуальное сообщество – это группа людей, которые могут или не могут встретиться друг с другом лицом к лицу, и кто обменивается словами и идеями при посредничестве компьютерных досок объявлений и сетей” (Rheingold, 1994. Цит. по: Рождественская, Семенова, 2014. С. 24). Одними из первых сайты и группы кладоискателей в российском секторе интернета были изучены И.М. Бердниковым и И.В. Улановым. Ученые выявили и проанализировали 260 сайтов – форумов, клубов, сообществ, магазинов и аукционов, и установили, что в виртуальной сети преобладают ресурсы, где ведется активная пропаганда незаконных раскопок и купля-продажа археологического материала (Бердников, Уланов, 2014. С. 28, 29).

В рамках исследования деятельности черных копателей в регионе нами принято решение провести углубленный анализ содержательной части интернет-ресурсов, принадлежащих как “кладоискателям”, так и их подписчикам, которые участвуют в создании контента.

Цель работы – выяснение роли “кладоискательства” в разрушении памятников археологии Нового времени в Башкортостане – предполагала решение следующих задач:

– создание среднестатистического портрета подписчика сообщества;

– выявление категорий памятников, наиболее часто подвергающихся разграблению;

– оценка сплоченности каждой из анализируемых групп и возможности организации ими крупных слетов для совместного поиска кладов.

Для достижения намеченных задач нами исследованы:

– данные профилей участников групп;

– коммуникативная активность подписчиков групп в сети;

– сообщения, комментарии, репубикации, посвященные актуальным и наиболее обсуждаемым подписчиками темам.

По данным ВЦИОМ (Социальные сети..., 2017), наиболее часто посещаемой социальной сетью в нашей стране является сеть “ВКонтакте”. В этой связи было решено проанализировать группы “кладоискателей” именно этой платформы.

В результате установлено, что наиболее многочисленными сообществами территориального контента (содержат в наименовании название региона) являются две группы: 1) “Кладоискатели Башкирии” (далее – КБ) (https://vk.com/kladoiskatelbash; с 2018 г. https://

vk.com/kladbash), 1316 человек первое сообщение в группе опубликовано 3 ноября 2013 года; 2) “Кладоискатели башкирии, клады урала. Металлоиска”[1] (далее – КБКУМ) (https://vk.com/klad_ural), 992 человека; первое сообщение в группе опубликовано 22 апреля 2012 года.

Цели, обозначенные в информации об этих группах, соответствуют четырем основным целям большинства онлайн-сообществ, охарактеризованных Дж. Присом: “обменяться информацией, с помощью которой можно получить ответы на вопросы или отправить информацию; оказать поддержку, которая передает сочувствие, выражает эмоции вербально или не вербально; пообщаться в неформальной обстановке с помощью синхронной связи; обсудить идеи, выдвижение которых, как правило, требует помощи модератора” (Preece, 2000. Цит. по: Рождественская, Семенова, 2014. С. 27).

Первичный анализ сообщений и наличие объявлений на “стене” об организации совместных выездов позволяет нам классифицировать рассматриваемые группы как сообщества “мультимодальных социальных миров” по классификации А.Ц. Гарсиа, А.И. Стандла, Й. Бечкоффа, Ы. Цуи (Garcia et al., 2009. Цит. по: Полухина, 2014. С. 97). По мнению исследователей, эти сообщества необходимо исследовать, используя как онлайн, так и оффлайн методы, так как взаимодействие происходит в двух пространствах. Поскольку исследуемые группы объединены интересом незаконного поиска артефактов, проведение опроса и интервьюирование участников сообщества на данном этапе исследования не представлялось возможным. В рамках данной работы мы ограничимся лишь исследованиями групп в социальной сети, используя методы нетнографии (Kozinetz, 2010). В исследовании предполагается проанализировать как структурные, так и атрибутивные переменные данные, полученные с использованием ресурсов media-vk.ru и publer.pro.

Первой группой, привлекшей наше внимание ввиду многочисленности участников, стало сообщество КБ, 1316 человек. Сначала были исследованы профили участников сообщества. Для этого мы использовали ресурс media-vk.ru. Установлено, что в группу входит 875 (на 13.04.2018 г.) активных участников. Следует отметить, что ресурсом анализируются только участники, которые заходили во “ВКонтакте” не позже одного месяца назад. Остальные участники являются неактивными или заблокированными. Абсолютно все подписчики обозначили свою половую принадлежность. В итоге из 875 человек мужчины составляют 89%, женщины – 10,4%. Менее половины участников указали свой возраст (371 чел.). Из указавших возраст 36,7% в возрасте от 21 до 30 лет, 42,6% в возрасте от 31 до 40 лет. Из 702 человек, указавших место проживания, 25,5% проживают в Уфе, 14,4% – в больших и крупных городах Башкортостана, 13,2% – в районных центрах региона, остальные участники группы проживают в других городах России и СНГ.

Затем проанализировано сообщество КБКУМ, 992 человека. На момент проведения исследования (13.04.2018 г.) в нее входил 681 активный участник. Так же, как и в первой группе, все активные участники указали свой пол. Подписчики мужчины составляют 89,1%, женщины – 10,9%. Из указавших свой возраст (289 чел.) 24% в возрасте от 21 до 30 лет, 54% в возрасте от 31 до 40 лет. Из 565 человек, указавших место проживания, 36,5% живут в Уфе, 12,7% – в больших и крупных городах республики, 16,5% – в других населенных пунктах региона.

Большинство подписчиков не указали свой возраст, но сам характер деятельности “кладоискателей” (необходимость дорогого оборудования и транспорта) и их интересы, которые будут рассмотрены ниже, являются косвенным подтверждением молодого возраста пользователей. Наличие в названии групп наименования региона свидетельствует об объединении в сообщество в том числе и по территориальному признаку, что подтверждается данными профилей подписчиков. В то же время существенный процент подписчиков, указавших иной регион проживания, соответствует утверждению М. Кастельса о том, что интернет-сообщества формируются на основе общего интереса, а не какого-либо географического места (Кастельс, 2004. С. 153).

Изучались также активность подписчиков в сети, их жизненные интересы, уровень коммуникации внутри групп, наиболее обсуждаемые темы и вопросы, связанные с организацией совместных выездов на поиск “кладов”.

Использование возможностей ресурса publer.pro позволило установить общую активность (комментарии, лайки, републикации)

[1] Орфография названия сохранена.

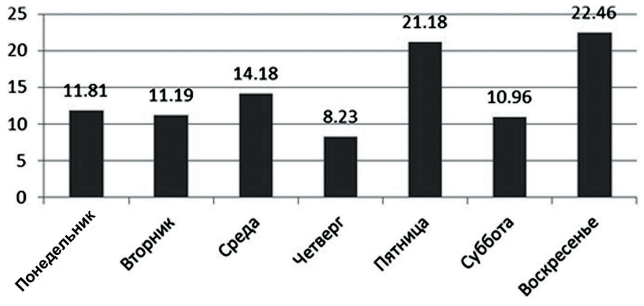

Рис. 1. Активность по дням недели в процентах, сообщества “Кладоискатели Башкирии” (КБ).

Fig. 1. Activity on different days of the week, in %, of the community “Treasure hunters of Bashkiria”

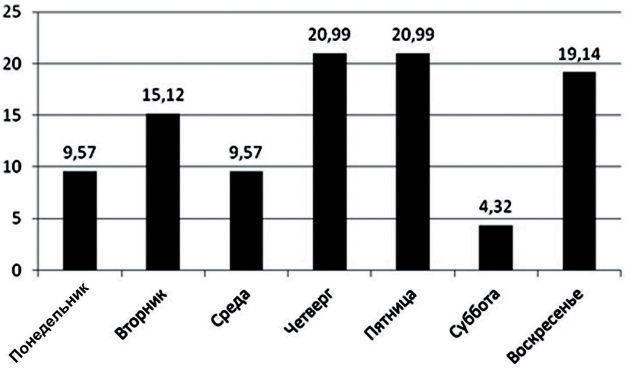

Рис. 2. Активность по дням недели в процентах, сообщества “Кладоискатели Башкирии, клады Урала. Металлоиска” (КБКУМ).

Fig. 2. Activity on different days of the week, in %, of the community “Treasure hunters of Bashkiria, treasures of the Urals. Metalloiska”

участников групп по дням недели с момента создания сообществ и до 13 апреля 2018 г. (рис. 1; 2).

Как видно из приведенных данных, наибольшая активность участников обеих групп фиксируется в пятницу и воскресенье, а аномально низкая в субботу. Исходя из этого, мы можем предположить, что перед выходными днями между участниками групп происходит координация действий или обмен мнениями, выезд на поиск “кладов” происходит в субботу, а в воскресенье подписчики обсуждают результаты. Подтверждением тому также может служить тот факт, что наибольшее количество комментариев получают сообщения об организации совместного выезда, опубликованные в пятницу.

Для оценки жизненных интересов подписчиков групп был использован один из инструментов ресурса media-vk, позволяющий учесть, в каких еще сообществах участвует аудитория группы. Возможность ресурса не позволила нам провести анализ обеих групп. В результате мы составили перечень из 10 наиболее популярных сообществ, в которых состоят участники группы КБКУМ (на 13 апреля 2018 г.) (таблица).

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство участников группы интересуются региональными новостями, кино, наукой. Примечательно, что около 63% активных подписчиков состоят в том числе и в крупном сообществе МДРЕГИОН (70 тыс. чел.), специализирующемся на продаже металлоискателей.

Таблица. Сообщества, в которых состоят участники группы “Кладоискатели Башкирии, клады Урала. Металлоиска” (КБКУМ)

Table. Communities which include members of the group “Treasure hunters of Bashkiria, treasures of the Urals. Metalloiska”

Название сообщества	Количество человек
БашДТП | Уфа и Башкортостан	444
МДРЕГИОН / Металлоискатели. Клады. Копатели	428
Киномания | Новинки кино 2018	386
Новости Уфы и Республики Башкортостан	386
Киномания	381
Не поверишь!	379
КиноКайф – Лучшие фильмы	371
Наука и Техника	371
Наука и Факты	368
ЧЕРНЫЙ РЫНОК УФА “ЧР”	364

Использование в исследовании социометрического метода позволило нам провести первичный анализ существующей коммуникации в группах и установить, насколько неравномерно распределены различные виды коммуникативной активности между пользователями. Для этого были отобраны сообщения, набравшие наибольшее число комментариев, лайков и републикаций с момента создания групп и до 16 апреля 2018 года. Они распределились следующим образом:

В группе КБ наибольшее количество лайков (314) и републикаций (148) от участников получил рисунок под названием “Мои поиски с металлоискателем” (https://vk.com/wall-33005146_652).

Второе место по лайкам (75) и републикациям (42) занимает сообщение “Где и как искать монеты?” (https://vk.com/wall-33005146_697).

На третьем месте (71 лайк, 29 републикаций) рисунок “Неважно какие монеты ты находишь...” (https://vk.com/wall-33005146_983).

Самым комментируемым сообщением (30 комментариев) стала запись “Приветствую, собираюсь в ближайшее время приобрести себе металлоискатель...” (https://vk.com/wall-33005146_2187).

Далее рассмотрены сообщения, обсуждаемые в группе КБКУМ.

В результате на первом месте (6 лайков) “Вот моя находочка” (https://vk.com/wall38136385_647).

Второе место по лайкам (6) занимает сообщение “Приветствую камрады, готовимся к сезону. Предлагаю замутить слет Башкирских копарей...” (https://vk.com/wall-38136385_762).

На третьем месте по лайкам (6) сообщение “Вот и приобрел я себе асю 250...” (https://vk.com/wall-38136385_954).

Самым комментируемым сообщением (14 комментариев) является “Приветствую камрады. Ну что организуемся на слет копарей?..” (https://vk.com/wall-38136385_835).

Используя методы, описанные в исследовании П.А. Мейлахса и Ю.Г. Рыкова (Мейлахс, Рыков, 2015), мы сравнили количество участников в группе и количество комментариев и в результате зафиксировали несколько бóльшую сплоченность внутри группы КБ и меньшую в группе КБКУМ, хотя количество активных подписчиков первой группы лишь немногим превышает количество подписчиков второй. О существующей координации действий между “кладоискателями” свидетельствует наличие комментариев под сообщением о совместном выезде. Данный факт является тревожным знаком, в свете утверждений Г. Рейнгольда, что сегодня сообщества в социальных медиа являются фактором, превращающим разрозненных индивидов в умную толпу. Люди, составляющие умные толпы, сотрудничают невиданным прежде образом, благодаря имеющимся у них устройствам, которые обеспечивают связь и вычисления (Рейнгольд, 2006. С. 8).

Таким образом, анализ качества контента, динамики групповых дискуссий свидетельствуют о том, что объединение в исследуемых группах происходит не только для обмена информацией, но и ради совместных действий, что в свою очередь подтверждает верность отнесения данных групп к сообществам “мультимодальных социальных миров”.

Детальный анализ комментариев под публикацией “Где и как искать монеты?” (второе место по лайкам (75) и републикациям (42)) показывает, что наиболее привлекательными местами для поиска кладов являются русские населенные пункты XVII – начала XX в. с большой численностью населения, с церковью, церковно-приходской школой, маслобойней, кузницей, винной и бакалейной лавками, хлебозапасным магазином и мануфактурой. Следует отметить и тот факт, что опытные “кладоискатели” блестяще разбираются в российском законодательстве и поэтому не рекомендуют новичкам искать “клады” на памятниках археологии, состоящих на государственной охране, а для случаев встречи с представителями правоохранительных органов описан целый ряд действий, позволяющих избежать ответственности.

Далее нас интересовали вопросы обсуждения в группах находок, металлодетекторов и организации совместных выездов. Для этого использован метод контент-анализа. В данном случае под контент-анализом понимается процедура выявления частоты появления в тексте определенных интересующих исследователя характеристик, которые позволяют сделать некоторые выводы относительно намерений создателя этого текста или возможных реакций адресата (Федотова, 2001. С. 25). Нами изучены сообщения, опубликованные участниками обеих групп с 1.06.2017 по 31.08.2017. Каждое сообщение было закодировано по заданным изначально категориям: находки (презентация, консультация), металлодетекторы (продажа,

покупка, обсуждение), покупка предметов, совместный поиск, видеоролики о поиске кладов, методика “кладоискательства” (консультации по наиболее благоприятным местам поиска и составлению карт) и иное (постеры, юмор и т.д.).

В итоге за рассматриваемый период в группе КБ опубликовано 56 сообщений, относящихся к следующим категориям: находки – 40; металлодетекторы – 6; покупка предметов – 1; иное – 9. В группе КБКУМ опубликовано 60 сообщений следующего содержания: находки – 5; металлодетекторы – 8; покупка предметов – 1; иное – 3; совместный поиск – 3; видеоролики о поиске кладов – 37; методика кладоискательства – 3.

Таким образом, большинство сообщений составляют публикации о выявленных находках, металлодетекторах и видеоролики о поиске кладов. Причем между группами фиксируются существенные различия. Например, если в первой группе в основном обсуждаются находки, то во второй превалируют видеоролики о поиске кладов на территории России, что на наш взгляд подтверждает ранее выдвинутый вывод о большей сплоченности группы КБ. Примечательно, что в 28 сообщениях в группе КБ и в 5 публикациях КБКУМ, входящих в категорию “находки”, презентуются и обсуждаются предметы, датируемые XVII – началом XX в.

Учитывая сплоченность групп и возможность организации совместного поиска “кладов”, следует отметить и тот факт, что в 2017 г. участники группы КБ 21 раз предлагали совместные выезды, а подписчики сообщества КБКУМ – всего лишь 8, что также свидетельствует о большей организованности и сплоченности первой группы.

В заключение, ввиду схожести групп, для большей объективности полученных нами данных с помощью ресурса publer.pro было проведено сравнение состава участников. В результате установлено, что на момент проведения исследования (16.04.2018 г.) 180 человек состоят в обеих группах, что в процентном соотношении составляет 18% аудитории группы КБ и 20,5% группы КБКУМ.

С каждым годом количество россиян, пользующихся интернетом, растет. Согласно исследованию ВЦИОМ, доля пользователей интернета в России в I кв. 2018 г. составила 80%. Фиксируется прирост числа ежедневных интернет-серферов – с 28% в 2011 г. до 62% в 2018 г. (среди молодежи от 18 до 24 лет эта доля превышает 95%) (Жизнь в интернете..., 2018). В условиях роста популярности интернет-ресурсов как основного источника получения информации федеральными и региональными органами власти, общественными объединениями принимаются усилия по более активному использованию этой площадки в своей деятельности. Посредством интернета формируется общественное мнение, распространяются доминирующие, общие для всех нормы и ценности, призванные содействовать управлению и осуществлению той или иной деятельности в рамках существующего законодательства. В результате поиска региональных интернет-ресурсов (сайты, виртуальные сообщества, блоги, личные страницы), активно работающих в области популяризации и сохранения памятников археологии, установлено, что присутствие в сети интернет государственных органов власти, обеспечивающих охрану объектов культурного наследия, общественных объединений археологов и отдельных исследователей ограничивается лишь наличием сайта или страниц в социальных сетях с небольшим количеством подписчиков. Хотя более активное использование данного инструмента позволило бы формировать у населения, и прежде всего у молодежи, понимание ценности археологических памятников и бережного отношения к своему историческому наследию.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что:

– Наличие активных сообществ в социальных сетях с большим количеством подписчиков и регулярно обновляемых сайтов черных копателей свидетельствует о значительном интересе к “кладоискательству” в Башкортостане;

– Наибольший интерес для “кладоискателей” представляют памятники Нового времени. Большинство памятников, датируемых XVI–XIX вв., не включены ни в “Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации”, ни в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Башкортостана, и фактически не охраняются государством, чем активно пользуются “кладоискатели”;

– Наиболее привлекательными объектами для “кладоискателей” являются русские населенные пункты XVII – начала XX в. с большой численностью населения;

– Большинство подписчиков групп являются мужчинами в возрасте от 20 до 40 лет, проживающие преимущественно в г. Уфе и других крупных городах региона с населением более 100 тыс. чел;

– Между участниками группы происходит активный обмен информацией о находках, инструментах и методах поиска “кладов”; фиксируются элементы координации действий для организации совместных выездов на поиск “кладов”;

– Осуществление постоянного мониторинга деятельности “кладоискателей”, в том числе и в интернет-пространстве, позволит выявлять существующие тенденции и более оперативно и эффективно реагировать на незаконную деятельность черных копателей;

– Активизация деятельности, направленной на сохранение и популяризацию памятников археологии в интернет-пространстве (ведение просветительской работы, образовательные видеоролики, освещение научной деятельности и т.д.), организованная органами власти, общественными объединениями и отдельными археологами, позволит сформировать у населения понимание значимости археологических памятников и бережного отношения к своему историческому наследию.

Работа осуществлена в рамках Государственного задания по теме “Внутренние и внешние факторы культурогенеза населения Южного Урала (от эпохи палеометалла к Новому времени)”, № АААА-А18-118041290046-0.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитическая информация о работе в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия в 2017 году и задачах на 2018 год [Электронный ресурс] // Управление по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан. Уфа. 15.02.2018. URL: https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/50981/ (дата обращения: 14.10.2019).

Ахатов А.Т., Камалеев Э.В. Изучение поселенческих памятников XVI–XIX вв. на территории Республики Башкортостан: проблемы и перспективы развития археологии Нового времени в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 4 (60). С. 17–21.

Бахшиев И.И. Сохранение археологического наследия в Республике Башкортостан // Федерализм. 2015. № 1. С. 69–78.

Бердников И.М., Уланов И.В. Методы противодействия распространению идей кладоискательства и любительской археологии в российском обществе // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 3. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2014. С. 26–43.

Жизнь в интернете и без него [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 04.04.2018. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116780 (дата обращения: 17.10.2019).

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: материалы круглого стола Совета Федерации (19 марта 2004 г.). М.: Изд. Совета Федерации, 2004. С. 13–24.

Мейлахс П.А., Рыков Ю.Г. Онлайновое сообщество СПИД-диссидентов в социальной сети “Вконтакте”: структура и риторические стратегии // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 3. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 137–146.

Полухина Е. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 95–106.

Рейнгольд Г. Умная толпа. Новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.

Решетников В. Подземное дело. Стоит ли в Башкирии искать клад? [Электронный ресурс] // БАШИНФОРМ. URL: http://www.bashinform.ru/longread/klad/#ixzz5CvaSj2ES (дата обращения: 17.10.2019).

Рождественская Е., Семенова В. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 22–43.

Русланов Е.В., Русланова Р.Р., Воробьева С.Л. Субкультура “черных копателей” Республики Башкортостан: проблемы и решения // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте: тез. междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб.: Периферия, 2014. С. 62–65.

Социальные сети: кто туда ходит и зачем? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 02.06. 2017. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1457 (дата обращения: 17.10.2019).

Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Ин-т социологии РАН, 2001. 202 с.

Garcia A.C., Standlee A.I., Bechkoff J., Cui Y. Ethnographic Approaches to the Internet and Computer

Mediated Communication // Journal of Contemporary Ethnography. 2009. V. 38. № 1. P. 52–84.

Kozinetz R.V. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. London: SAGE Publications, 2010. 221 p.

Preece J. Online communities: Designing usability, supporting sociability. Chichester: Wiley, 2000. 439 p.

Rheingold H. A slice of life in my virtual community // Global networks: Computers and International Communication / Ed. L.M. Harasim. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. P. 57–80.

“TREASURE-HUNTING” AS A FACTOR OF DESTRUCTION OF MODERN AGE ARCHAEOLOGICAL SITES (the case of the Republic of Bashkortostan)

Aynur I. Tuzbekov

R. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre, RAS, Ufa, Russia

E-mail: aituzbekov@gmail.com

The formation of caring attitude to historical and cultural heritage sites is one of the top priorities set by the contemporary government cultural policy of the Russian Federation. For some of the Russian regions, including the Republic of Bashkortostan, the problem of archaeological site preservation is of crucial importance. Despite close attention paid by the Federal and regional authorities to this issue, public bodies responsible for the heritage protection record numerous cases of destruction of the sites’ occupation layer. Recently, site looters who call themselves “treasure hunters” have been increasingly widespread. In order to satisfy their individual interest or solely for profit, they destroy the very possibility of obtaining new historical knowledge. The results of inventory procedures, reports on the activity of the Department for Cultural Heritage Protection in the Republic of Bashkortostan and some publications of archaeologists cannot fully assess the scale of “treasure hunters” activities and damage they cause to archaeological sites of the region. In this regard, it is necessary to develop new interdisciplinary methods to study this issue. In this work, on the basis of the analysis of materials (the Unified State Register of Objects of Cultural Heritage, the list of the revealed objects of cultural heritage, analytical reports of public authority of the Republic of Bashkortostan in the sphere of preservation, use, promotion and state protection of cultural heritage) the author concludes that the monuments dated by the Modern Age (the 16th–19th centuries) are the least protected. For a more in-depth study of the activities of “treasure hunters” the author identified two most numerous groups in the social network “VKontakte”. Profiles of communities members, their communication activity in the network, messages, comments, republications, current and most discussed topics were studied using several software products. As a result of the research, the author composed a generic portrait of the “treasure hunter”, identified the most frequently looted sites, traced the cohesion degree of each of the analyzed communities and the possibility of their arranging large gatherings for joint search for treasures.

Keywords: archaeological sites, the Modern Age, treasure hunting, social networks.

REFERENCES

Akhatov A.T., Kamaleyev E.V., 2014. The study of settlement sites of the 16th–19th centuries on the territory of the Republic of Bashkortostan: problems and prospects of the development of Modern Age archaeology in the region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, vol. 1, no. 4 (60), pp. 17–21. (In Russ.)

Analiticheskaya informatsiya o rabote v sfere sokhraneniya, ispol’zovaniya, populyarizatsii i gosudarstvennoy okhrany ob”yektov kul’turnogo naslediya v 2017 godu i zadachakh na 2018 god (Elektronnyy resurs) [Analytical information on works in the field of conservation, use, promotion and state protection of cultural heritage objects in 2017 and objectives for 2018 (Electronic source)]. URL: https://okn.bashkortostan.ru/documents/active/50981/.

Bakhshiyev I.I., 2015. Conservation of the archaeological heritage in the Republic of Bashkortostan. *Federalizm [Federalism]*, 1, pp. 69–78. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., 2014. Methods to counter the spread of treasure hunting and amateur archaeology

in Russian society. *Evraziya v kaynozoye. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, palaeoecology, and cultures]*, 3. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 26–43. (In Russ.)

Fedotova L.N., 2001. Analiz soderzhaniya – sotsiologicheskiy metod izucheniya sredstv massovoy kommunikatsii [Content analysis – a social science method for studying mass communication]. Moscow: Institut sotsiologii RAN. 202 p.

Garcia A.C., Standlee A.I., Bechkoff J., Cui Y., 2009. Ethnographic Approaches to the Internet and Computer Mediated Communication. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 38, no. 1, pp. 52–84.

Kastel's M., 2004. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob internete, biznese i obshchestve [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. 328 p.

Kozinetz R.V., 2010. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. London: SAGE Publications. 221 p.

Makarov N.A., 2004. Looting digs as a factor in the destruction of the archaeological heritage of Russia. *Sokhraneniye arkheologicheskogo naslediya Rossii: materialy kruglogo stola Soveta Federatsii [Conservation of the archaeological heritage of Russia: Proceedings of the round table in the Federation Council].* Moscow: Izdaniye Soveta Federatsii, pp. 13–24. (In Russ.)

Meylakhs P.A., Rykov Yu.G., 2015. The online community of AIDS dissidents on the VKontakte social network: the structure and rhetorical strategies. *XV aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [XV April international scientific conference on economic and social development]*, 3. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, pp. 137–146. (In Russ.)

Polukhina E., 2014. Online surveillance as a data collection method. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya [Interaction. Interview. Interpretation]*, 7, pp. 95–106. (In Russ.)

Preece J., 2000. Online communities: Designing usability, supporting sociability. Chichester: Wiley, 439 pp.

Reshetnikov V. Podzemnoye delo. Stoit li v Bashkirii iskat' klad? (Elektronnyy resurs) [Underground business. Is it worth it to search for hoards in Bashkiria? (Electronic source)]. URL: http://www.bashinform.ru/longread/klad/#ixzz5CvaSj2ES.

Reyngol'd G., 2006. Umnaya tolpa. Novaya sotsial'naya revolyutsiya [Smart Crowd. New Social Revolution]. Moscow: FAIR-PRESS. 416 p.

Rheingold H., 1994. A slice of life in my virtual community // Global networks: Computers and International Communication / Ed. L.M. Harasim. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 57–80.

Rozhdestvenskaya E., Semenova V., 2014. Cyber ethnography of the virtual community: analysis of a tourists' forum. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya [Interaction. Interview. Interpretation]*, 7, pp. 22–43. (In Russ.)

Ruslanov E.V., Ruslanova R.R., Vorob'yeva S.L., 2014. Subculture of "grave robbers" of the Republic of Bashkortostan: problems and solutions. *Aktual'naya arkheologiya 2. Arkheologiya v sovremennom mire: v kontakte i v konflikte: tezisy mezhdunarnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh [Actual archaeology 2: Archaeology in the modern world: In touch and in conflict: Abstracts of young scientists conference].* St. Petersburg: Periferiya, pp. 62–65. (In Russ.)

Sotsial'nyye seti: kto tuda khodit i zachem? (Elektronnyy resurs) [Social networks: who visits them and why? (Electronic source)]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1457.

Zhizn' v internete i bez nego (Elektronnyy resurs) [Life on the Internet and without it (Electronic source)]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116780.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 117–131

ПУБЛИКАЦИИ

СЕРНЫЙ КЛЮЧ – ПАМЯТНИК АБАШЕВСКОЙ “ЭКСПЕДИЦИИ” В ГОРНО-ЛЕСНУЮ ЗОНУ СРЕДНЕГО УРАЛА

© 2020 г. В.А. Борзунов[1,*], В.И. Стефанов[1,], Г.В. Бельтикова[1], С.В. Кузьминых[2,***]**

[1]Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
[2]Институт археологии РАН, Москва, Россия

[*]E-mail: victor.borzunov@mail.ru
[**]E-mail: Stefanov_PNIAL@mail.ru
[***]E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.08.2018 г.

В статье охарактеризована самая северная стоянка населения абашевской культурно-исторической общности, открытая на многослойном городище Серный Ключ в горно-лесной зоне Среднего Урала. Исследованный раскопками объект эпохи бронзы представлял собой развал каменного горна. В нем и рядом с ним найдены фрагменты глиняных форм для отливки вислообушных топоров и рукоятки кинжала, обломки тиглей на ножках, единичные абашевские украшения из цветного металла, миниатюрные сосудики и обломки крупных керамических емкостей баланбашского типа, остеологические остатки. Вероятная хронология данных находок: рубеж III–II тыс. до н.э. Продвижение небольшой группы металлургов и литейщиков из Южного Приуралья в верховья р. Уфы было обусловлено поиском новых месторождений медных руд в глубине уральской тайги.

Ключевые слова: стоянка металлургов, эпоха бронзы, абашевская культурно-историческая общность, горно-лесная зона, Средний Урал.

DOI: 10.31857/S086960630003392-0

Серный Ключ – многослойный археологический памятник, расположенный близ западной окраины г. Нязепетровска на севере Челябинской области. Он приурочен к вершине сложенного известняками скалистого утеса на правом берегу р. Уфы в ее верхнем течении. В системе физико-географического районирования местность соответствует следующим характеристикам: Уральская горная страна, горно-лесная зона, провинция западных предгорий, подзона сосново-лиственничных лесов с примесью елово-пихтовых (рис. 1). Уфа, как и другие горные реки Волжско-Камского бассейна (Ай, Сим, Юрюзань, Катав, Чусовая), здесь – быстротекущая, с каменистыми перекатами, обрывистыми берегами. К северо-западу от Нязепетровска начинается и далее тянется в меридиональном направлении Бардымский хребет – довольно низкогорный (в среднем 450–500 м), до вершин одетый лесами. Это самая южная часть Среднего Урала. В сочетании с суровым климатом сложные природные условия всегда являлись фактором, определявшим крайне низкую плотность населения горно-лесной зоны и ограниченные возможности его хозяйственной деятельности. Очевидно, нет необходимости доказывать ведущее значение охоты среди прочих занятий древних обитателей здешних стоянок и поселений. Основными промысловыми животными, судя по результатам раскопок некоторых памятников, были лось и косуля, охота на которых велась круглый год. Рыболовство играло явно подчиненную роль. Для изготовления разнообразных орудий добывался камень, обладающий необходимыми свойствами, хотя едва ли это занятие носило масштабный характер: качественного сырья на Урале очень много, в том числе в более доступных районах.

В контексте данной работы наибольший интерес вызывают рудные источники Нязепетровской зоны, в первую очередь, медно-рудные месторождения и проявления. Есть упоминания о мелких заводах, действовавших в XVIII в. близ Кыштыма, Миасса, Нязепетровска, Сима и других заводских поселков, выплавлявших черновую медь в небольших объемах – по несколько десятков пудов. Руда к ним доставлялась гужевым транспортом и по воде. На рассматриваемой территории

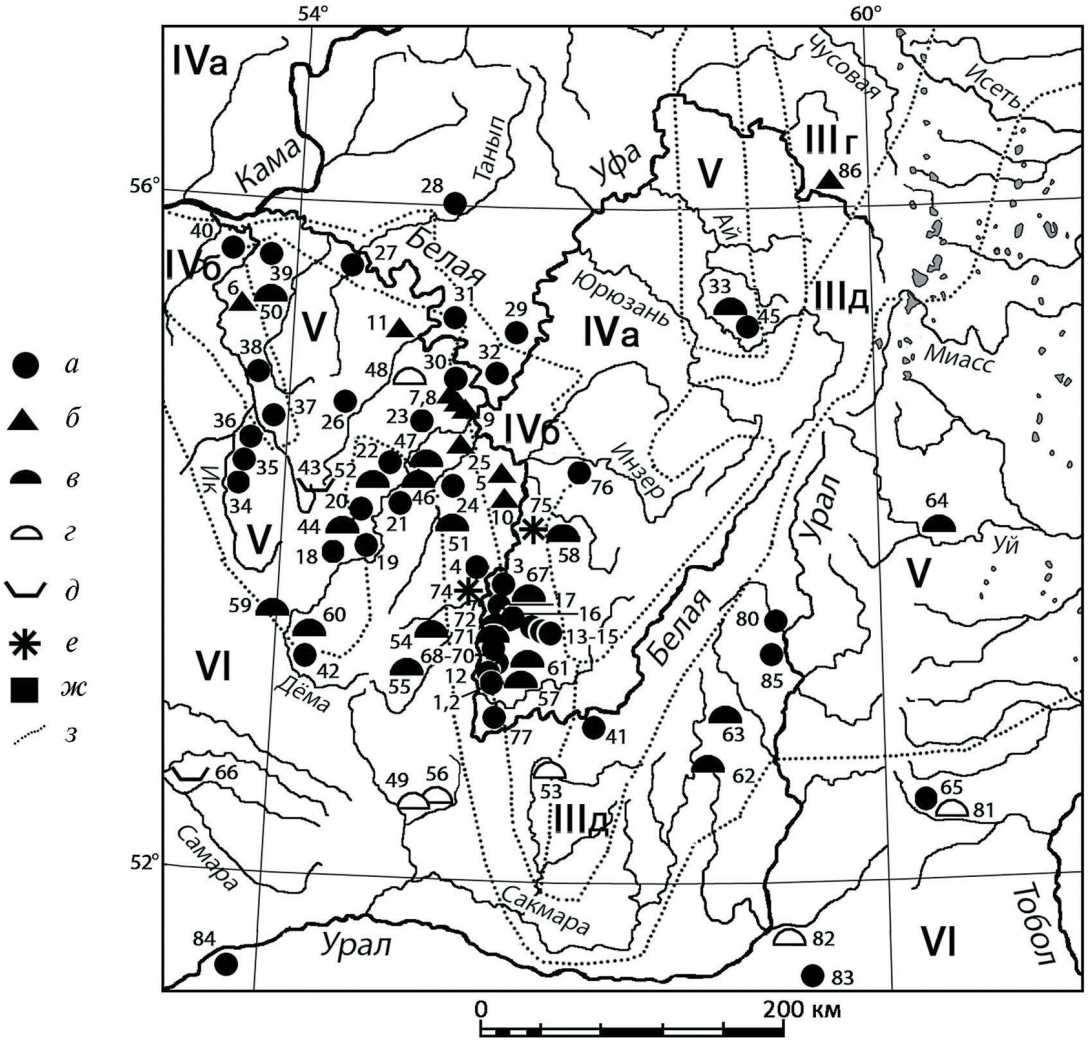

Рис. 1. Карта абашевских памятников Южного Приуралья и Южного Урала: 1 – I Береговское; 2 – II Береговское; 3 – Урняк; 4 – Баланбаш (Красногорское); 5 – Сахаевская; 6 – Куштерякская (Куштеряковская); 7 – Романовка I; 8 – Романовка II; 9 – Романовка III; 10 – Нижний Тюкунь (Нижне-Тюкунская); 11 – Князевская; 12 – Озерки II; 13 – Салиховское I; 14 – Салиховское II; 15 – Салиховское III; 16 – Ахмеровское II; 17 – Ахмеровское III; 18 – Никифоровское; 19 – Тюбетейское (Тюбетей, Ильчигулово); 20 – Давлекановское; 21 – Старо-Яппаровское I; 22 – Старо-Ябалаклинское; 23 – Нижне-Хозятовское; 24 – Петряевское; 25 – Уршакская; 26 – Тюрюш-Тамакское; 27 – Новый Надир (Новый Надыр); 28 – Юмакаевское; 29 – Ахлыстинское; 30 – Ильмурзинское; 31 – Ново-Биктимировское; 32 – Турбалинское; 33 – Юкалекулевское; 34 – Каратовское; 35 – Октябрьское; 36 – Исмайловское; 37 – Старо-Какрыбашевское; 38 – Чеканское; 39 – Иманлейское (Иманле); 40 – Старо-Александровское; 41 – I Акбутинское; 42 – I Набережное; 43 – Метев-Тамакский; 44 – Нижне-Чуракаевский; 45 – Юкалекулевский; 46 – Чукраклинский; 47 – Кучумовский; 48 – Сынтыш-Тамакский (Синтиш-Тамак); 49 – Максимовский; 50 – Старо-Куручевский; 51 – Казбуруновский; 52 – Старо-Ябалаклинский; 53 – Русско-Тангировский; 54 – Уметбаевский (Ишмухаметовский); 55 – Сынташевский (Ембетбаевский, Елимбетовский); 56 – Якуповский; 57 – III Красногорский; 58 – Тугаевский; 59 – Аитовский; 60 – Набережный; 61 – Береговский; 62 – IV Тавлыкаевский; 63 – I Альмухаметовский; 64 – I Степное; 65 – Синташтинское; 66 – Никифаровский (Никифоровский кордон); 67 – II Ахмеровский; 68 – Юмаковское I; 69 – Юмаковское II; 70 – Юмаковское III; 71 – Камбулатовский; 72 – Сабашевский; 73 – Урнякский; 74 – Красноярский; 75 – Долгая гора; 76 – Устиновское; 77 – Тюбяк; 78 – I Юмаковское; 79 – III Юмаковское; 80 – Мало-Кизыльское; 81 – Синташтинские Первый и Второй; 82 – Новый Кумак; 83 – селище 15 (Домбаровский район); 84 – Кордайловка; 85 – Кусеево; 86 – Серный Ключ. Условные обозначения: *а* – поселение; *б* – стоянка; *в* – курганный могильник; *г* – одиночный курган, могильники с одиночными абашевскими курганами и захоронениями; *д* – грунтовый могильник; *е* – клад; *ж* – городище раннего железного века и средневековья; *з* – границы современных природно-климатических зон и подзон (по П.Л. Горчаковскому). Зоны: III – таежная (IIIг – подзона южной тайги; IIIд – подзона предлесостепных сосновых и березовых лесов); IV – широколиственно-лесная (IVa – подзона широколиственно-хвойных лесов; IVб – подзона широколиственных лесов); V – лесостепная; VI – степная.

Fig. 1. The map of the Abashevo sites of the Southern Cis-Ural region and the Southern Urals

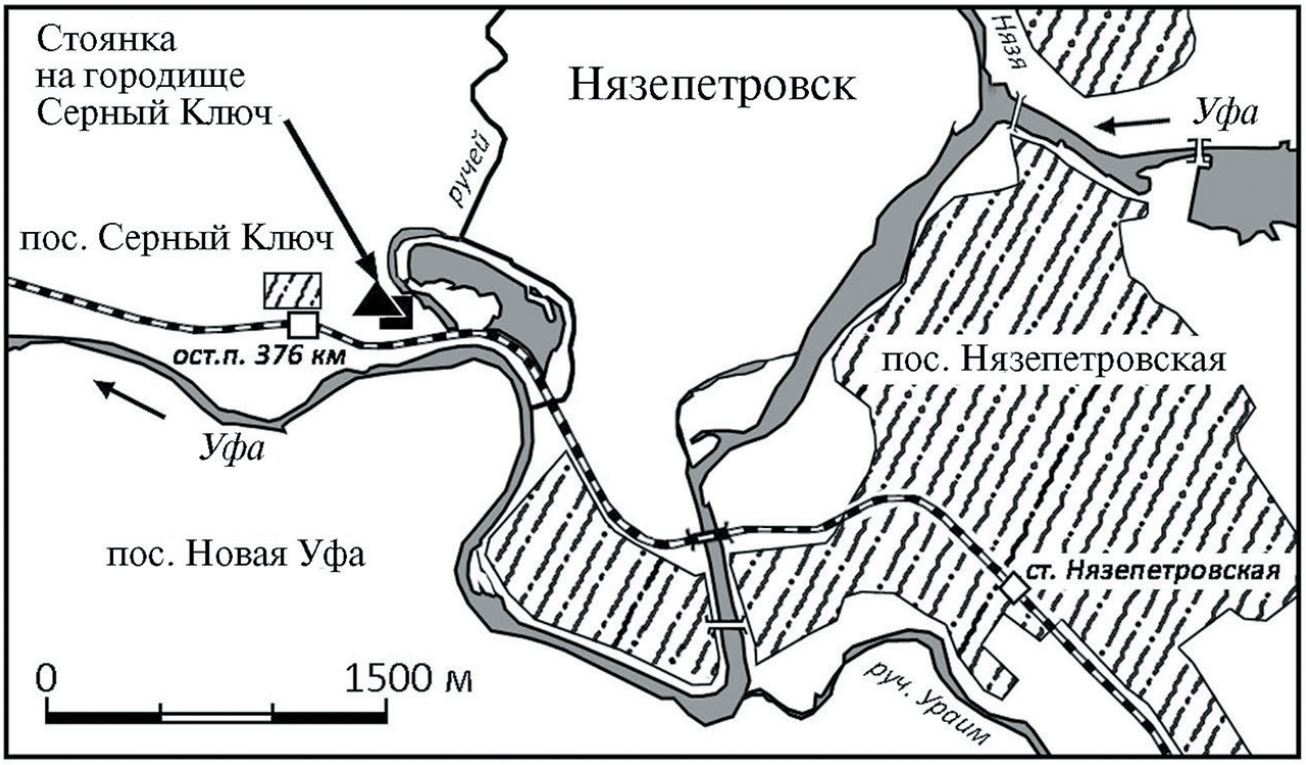

Рис. 2. Местонахождение городища Серный Ключ.
Fig. 2. The location of Serny Klyuch site

известны Ключегорское и Васильевское колчеданные месторождения, отработанные еще в дореволюционный период шахтным способом до глубины 30 м (Жилин, Пучков, 2009. С. 93). Месторождения в виде линз сплошных и вкрапленных сульфидных руд залегают близко от дневной поверхности. Длина рудных линз – до 3.0 м, мощность – до 0.6 м. “Химический состав руд резко меняется в пространстве. Так, в центральной части рудных тел содержание меди достигает 19.48%, а в периферийной – опускается до 0.46–1.51%. Вторым по распространенности рудообразующим элементом является цинк (0.21–3.57%)...” (Жилин, Пучков, 2009. С. 95).

Материалы, полученные при раскопках городища Серный Ключ, позволяют утверждать, что медные месторождения и рудопроявления Нязепетровского массива эксплуатировались, по крайней мере, уже на рубеже III–II тыс. до н.э. и затем – в начале эпохи железа (около VI–III вв. до н.э.). По-видимому, древние горняки разрабатывали участки, где на поверхность или близко к ней выходили окисленные медные минералы: среди находок с городища имеются кусочки синего азурита. Местоположение старинных выработок, откуда на площадку городища доставлялась обогащенная руда, к сожалению, не установлено.

Однако вернемся к памятнику. Городище Серный Ключ открыто в 1981 г. и дополнительно обследовалось в 1982 и 1989 гг. В.А. Борзуновым. Стационарные раскопки памятника проводились под его руководством в 1989–1993 гг., при участии Г.В. Бельтиковой в 1990, 1992, 1993 гг. Материалы исследований частично опубликованы (Борзунов, 1998; Борзунов, Бельтикова, 1999; Бельтикова, Борзунов, 1998; 2008) (рис. 2).

Памятник занимает вершину довольно высокой (до 25 м) скалы, большей частью покрытой сосновым лесом. В ее основании, на уровне задернованного откоса и надпойменной террасы, прослеживаются засыпанные щебнем и суглинком навесы. Когда-то река текла в этом месте по крутой излучине, но со временем спрямила русло, а отделившийся меандр превратился в старицу. С севера в нее впадает безымянный ручей.

После укладки в 1915 г. земляного полотна под железную дорогу рядом со скалой

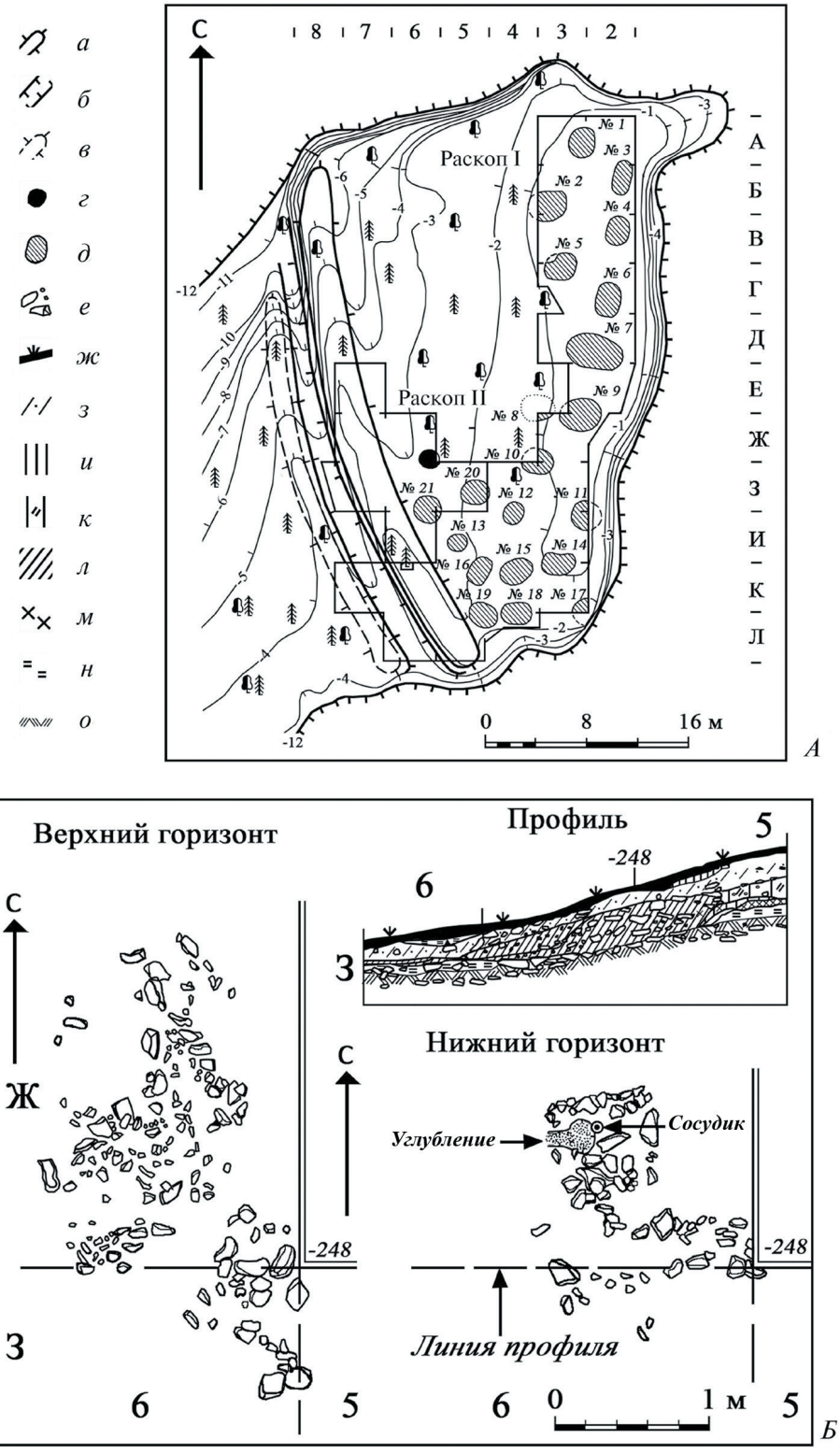

Рис. 3. Городище Серный Ключ. План памятника (*А*), план и профиль горна эпохи бронзы (*Б*). Условные обозначения: *а* – вал; *б* – ров; *в* – выкид из рва; *г* – горн эпохи бронзы; *д* – горн раннего железного века; *е* – камни, щебень (известняк); *ж* – дерн, гумус; *з* – светло-серый суглинок; *и* –прокал, прокаленный суглинок; *к* – прокаленный темно-серый суглинок; *л* – углистый суглинок; *м* – угли; *н* – материковая глина; *о* – скальная порода. Примечание: север – магнитный.

Fig. 3. The fortified settlement of Serny Klyuch. A plan of the site (*A*), plan and profile views of the Bronze Age metallurgical furnace (*Б*)

образовался пруд. В его западной части под коренной террасой периодически бьет серный источник, давший название урочищу.

Городищенская площадка неровная, покатая (8–17°), в плане подтрапециевидная, миниатюрная (10–25×42 м), в северной половине – ступенчатая. С трех сторон она ограничена обрывами, с одной – западной – слегка изогнутыми поперечными валом и напольным рвом длиной 40–42 м (рис. 3, *А*). Мощность культурного горизонта (покрытый дерном гумус, суглинок с щебнем) на поселении составляет от 0.1 до 0.45 м, на территории вала и рва – 0.8–1.4 м. В результате эрозии часть культурных остатков и древних объектов, вероятно, обрушилась со скалы. К началу раскопок площадь городища составляла около 1000 м^2. Вскрыта половина территории памятника – восточная и южная части поселенческой площадки, а также южные отрезки вала и рва. Общая площадь раскопов – 502 м^2. На западном склоне мыса за пределами фортификаций археологических материалов не обнаружено.

В результате исследований установлено, что напольная оборонительная линия городища возводилась и функционировала дважды: в раннем железном веке (ок. VI–III вв. до н.э.) и в средневековье (между IX и XII в. н.э.). С остальных сторон обитаемая площадка была защищена естественным образом, а может быть, еще и обнесена легкими деревянными изгородями. Судя по обнаруженным находкам и выявленным объектам, вершина скалистого мыса осваивалась неоднократно в разные археологические периоды. Древнейшей является стоянка охотников и рыболовов энеолитической липчинской культуры III тыс. до н.э. От нее сохранились остатки слабо углубленной жилой постройки, керамика, многочисленный каменный инвентарь. К бронзовому веку относится интересующий нас абашевский металлообрабатывающий комплекс, о котором речь пойдет ниже. Временем ок. VII–VI вв. до н.э. датируется поселок пришлого с севера населения гамаюнской культуры. В раннем железном веке здесь появляется селище, а затем – укрепленный центр цветной и черной металлургии зауральской иткульской культуры. Только на вскрытой его части исследованы остатки 19 глинобитных печей-домниц и двух производственных площадок, функционировавших в VI–III вв. до н.э. Иткульский археологический комплекс в материалах памятника является основным. Средневековый период в истории освоения данного места отмечен следами восстановления оборонительного пояса, обломками сосудов петрогромского типа, железными изделиями (длинные ножи, наконечники стрел, кресало). Присутствие в полученной выборке фрагментов керамики аятско-кысыкульско-суртандинского облика (энеолит), гороховской, “поститкульской” (ранний железный век), кушнаренковской, бакальской (средневековье) и другой посуды свидетельствует, с одной стороны, о неоднородности населения перечисленных выше поселков, а с другой, – о заселении или посещении площадки на вершине утеса в иные периоды. К позднейшим находкам из Серного Ключа относятся медные монеты и орудия из железа XIX – нач. XX в.

Всего на памятнике было найдено 16765 археологических предметов. В их числе: 8397 фрагментов керамики (в основном иткульской и гамаюнской) и 8368 единиц изделий из камня, кости, глины, металлов, а также отходы камнеобработки и литейного производства, кусочки медной руды, шлаки. Кроме того, на исследованной площади обнаружено большое количество палеозоологических остатков (почвы, сформировавшиеся на известняках, благоприятствуют сохранению костного материала). Остеологическая коллекция включает свыше 7 тыс. определимых костей, в подавляющем большинстве раздробленных, от 164 особей. По оценке специалистов (Косинцев, 1988. С. 33, 35; Петров, 2003), в этом собрании абсолютно доминируют кости диких видов копытных (73.5%), значительно меньше домашних копытных (25%). На остатки пушных видов и птиц приходится только 1.1% и 0.4%. Основными промысловыми животными были косуля (66%) и лось (30%). Среди домашних животных преобладала лошадь (86.4%), доля крупного и мелкого рогатого скота составляет, соответственно, 11.5 и 2.1%. Подобное соотношение домашних видов среди остеологических остатков особенно характерно для поселений раннего железного века. Можно не сомневаться в том, что какая-то часть археозоологического материала Серного Ключа относится к стоянкам энеолитического и абашевского населения, однако, как велика эта часть, какие виды животных в ней представлены и в какой пропорции – на эти вопросы однозначных ответов нет.

Серный Ключ: абашевская стоянка. Из-за перекопок при строительстве и функционировании на скале поселений раннего и позднего железа материалы эпохи бронзы находились большей частью в переотложенном состоянии – как на площадке городища, так и на территории оборонительного пояса. При этом они концентрировались в западной части памятника, в пределах небольшого (112 м^2) раскопа II, на участках З/5, 7, Ж–И/6, Е–З/7, рядом с развалом предполагаемого абашевского горна (рис. 3). В восточной половине и на южной окраине памятника, вскрытых раскопом I (390 м^2), найдено всего 36 черепков от 3–4 сосудов южноуральского абашевского облика. Судя по планиграфии находок эпохи бронзы, исследована только часть абашевской стоянки. Остатки других ее объектов и сопутствующий инвентарь, по-видимому, находятся в центре и северо-западном секторе памятника, на залесенной покатой площадке, закрытой от восточных ветров скалистым гребнем.

Впрочем, не исключено, что какие-то абашевские легкие постройки располагались на территории раскопа I, прежде всего в его южных участках. Их следы могли быть практически полностью снесены при возведении объектов эпохи железа. В пользу этой версии свидетельствует небольшой очаг, открытый в центре кв. К/5. Он имел вид линзы прокаленного суглинка диаметром 55 см, мощностью 10 см, зафиксированной поверх материковой скалы. В очаге найден раздавленный миниатюрный абашевский горшочек (рис. 4, *2*).

Литейный комплекс абашевской культуры исследован в раскопе II (кв. Ж, З/5, 6). Он располагался в южной половине городищенской площадки, ближе к центру, чем к ее краям (рис. 3, *А*). Здесь уже в поддерновом слое было расчищено скопление камней – крупных и средних по размерам обломков известняка – на площади примерно 2.6×2.0 м (рис. 3, *Б*). Высота развала – 25–28 см. Камни лежали преимущественно плашмя. В разрезе скопление имело линзовидную форму. Верхние камни выпуклого развала располагались без видимой системы. Между тем, при тщательной расчистке его основания было отмечено 8 уложенных по дуге камней средней величины, оконтуривавших небольшую площадку со скальным дном. Истинные размеры ее не определены, так как она уходила за пределы раскопа. Площадь зафиксированной части, включая обрамляющие камни, была порядка 0.70×0.82 м. С западной стороны (ниже по склону на 10 см) к наземной площадке, обрамленной камнями, примыкало углубление грушевидной в плане формы (0.35×0.10–0.25 м), ориентированное коническим выступом на запад. Глубина его – 5–7 см. В заполнении ямки, в черном углистом слое с рухляком, и на ее краях лежали обломки тигельной керамики. На северо-восточном краю, ближе к каменной вымостке, стоял миниатюрный абашевский горшочек (рис. 4, *1*).

Рядом с “выходом” из ямы лежал обломок створки литейной формы для рукояти ножа-кинжала. Другой ее обломок и фрагменты второй створки (рис. 5, *4*) найдены неподалеку. Матрицы изготовлены из хорошо промешанной, почти не запесоченной глины с едва заметной примесью какой-то белой крошки. Поверхность гладкая. Размеры восстановленной створки – 108×43×16 мм. Судя по негативам, приливавшаяся к клинку рукоять была массивной, с вогнутым основанием, имела длину ок. 88–90 мм (с навершием), максимальную ширину 32 мм и толщину 10–11 мм. Сечение рукояти – от овального в верхней части до овально-уплощенного внизу. Навершие сферическое, в виде “яблока”, под ним рукоять украшена двумя узкими горизонтальными валиками. Переход к навершию четкий, диаметр “сферы” – 14–15 мм. Клинок, к которому приливалась эта рукоять, судя по прорези в нижней части формы, был двулезвийным, толщиной до 2 мм и шириной не менее 26 мм.

На том же участке (кв. Ж, З/6) была сосредоточена основная масса фрагментов двух глиняных двустворчатых форм для отливки вислообушных топоров (рис. 5, *5, 6*). В составе обломочного материала удачным образом оказались части всех четырех створок. Какие-то из отсутствующих фрагментов могут находиться в нераскопанном кв. Ж/5, примыкающем к производственному объекту с северо-восточной стороны (рис. 3). Ни одна из матриц не собирается полностью, однако по найденным обломкам можно представить, пусть и не в подробностях, как выглядели сами формы и отливавшиеся в них изделия. И те, и другие, как следует из предложенных вариантов реконструкции (рис. 5, *5, 6*), были очень похожими. Каждая из створок имела вид подпрямоугольного, вытянутых пропорций бруска с закругленными углами. Одна из длинных сторон слабо изогнута, из-за чего

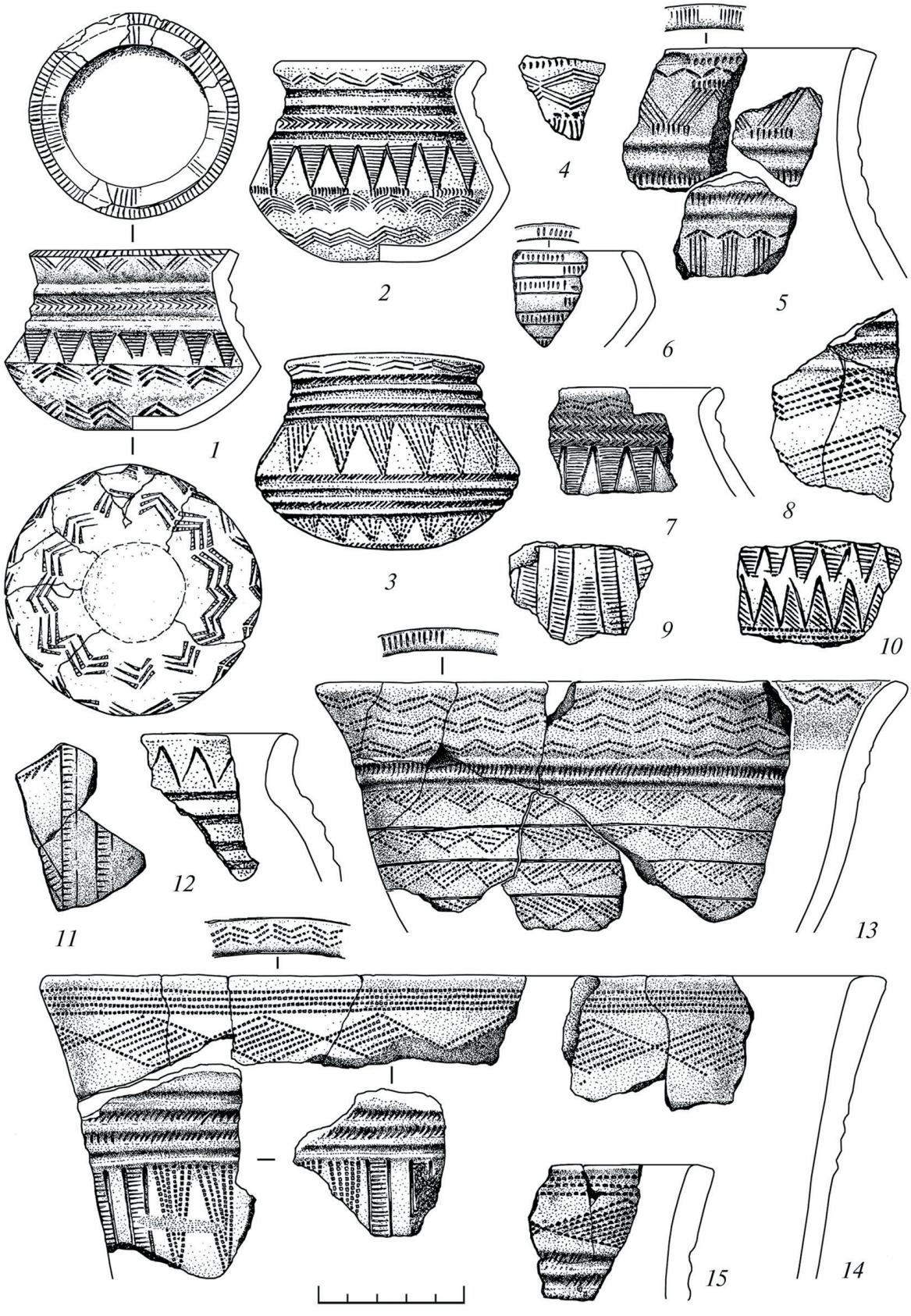

Рис. 4. Серный Ключ. Абашевская керамика.

Fig. 4. Serny Klyuch. Abashevo pottery

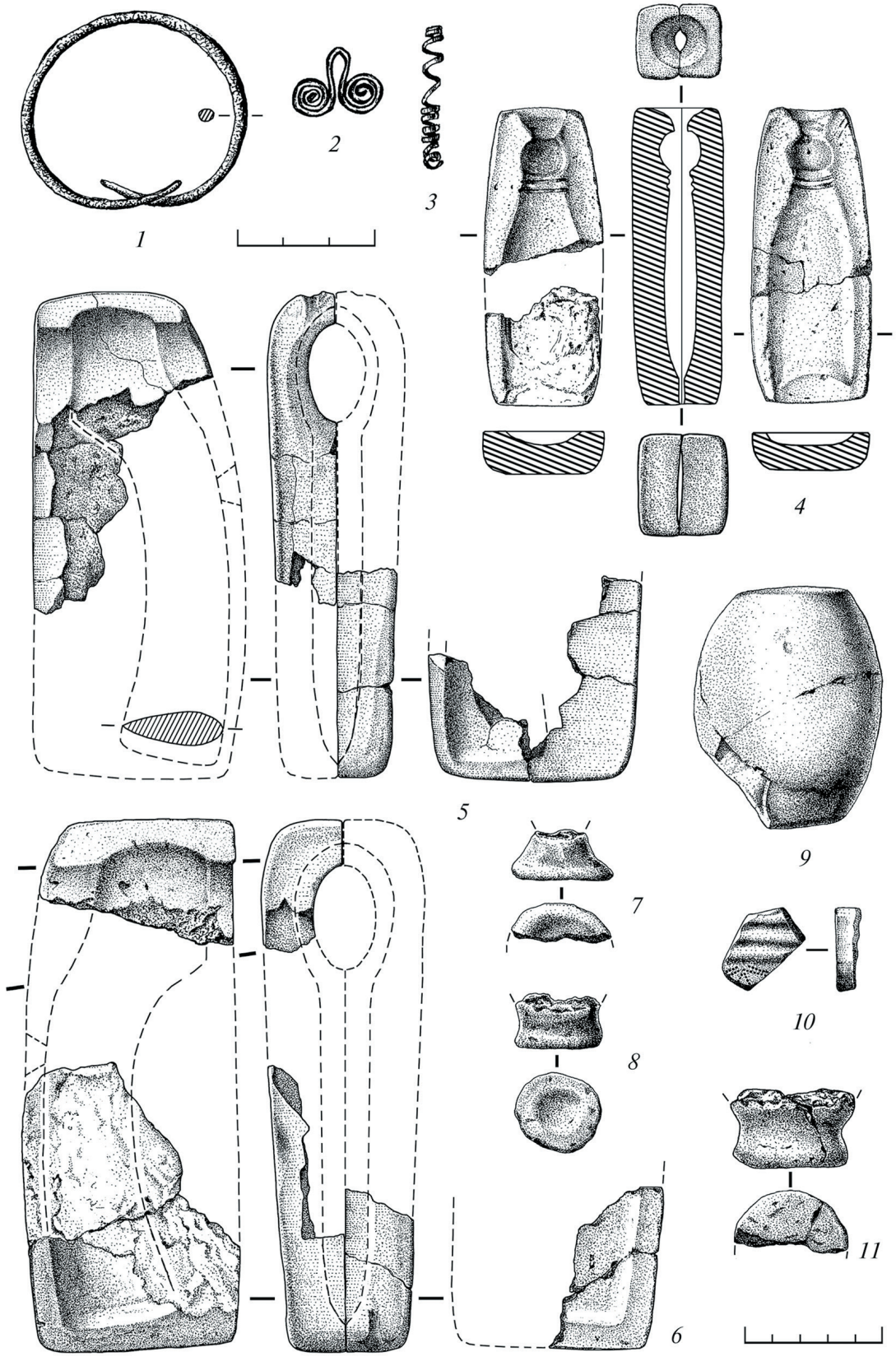

Рис. 5. Серный Ключ. Абашевский инвентарь: *1–3* – цветной металл (медь или бронза); *4–8, 10, 11* – глина; *9* – камень.

Fig. 5. Serny Klyuch. Abashevo artifacts

наиболее расширенной оказывается середина или нижняя половина створок, а наименее широкой – обушная часть. На внешней поверхности двух обломков отмечены продольные желобчатые бороздки – следы обвязки для жесткого скрепления формы. Литниковое отверстие, вероятно, находилось в изогнутой грани створок – со стороны спинки изделия.

Предполагаемые размеры литейных форм в собранном виде – около 175×75×42–50 (рис. 5, *5*) и 190×75×45–60 мм (рис. 5, *6*). Чуть более массивный экземпляр изготовлен, по заключению Е.Н. Дубовцевой, из нескольких комков практически не запесоченной глины с добавлением в формовочную массу мелко истолченного талька и слюды. Другой комплект сформован из смеси разных видов глин – ожелезненной и неожелезненной. При этом первая слабо запесочена, имеет в составе тальк и обогащена органикой растительного происхождения. Внешняя поверхность матриц заглажена твердым инструментом вплоть до лощения, но следы шпателя не прослеживаются.

Среди 26 обломков от обеих литейных форм фрагментов с негативами изделий всего 5: 2 из них дают представление о верхней половине втулки топоров и 3 – о нижней части клина. Таким образом, для суждений относительно размеров и морфологических характеристик отливавшихся орудий недостает многих важных деталей. С большей или меньшей определенностью можно говорить о том, что это были вислообушные топоры со слабо изогнутым клином каплевидного сечения, коротким обухом, сильным скосом верхнего края втулки, овальным проухом. Нижний край втулки прямой, верхняя грань обуха округлая, лезвие ровное. Неизвестно, как оформлена втулка снизу, какой была ширина клина, расширялся ли он к лезвию. Контуры орудий, показанные на рис. 5, *5, 6* пунктирной линией, – это только один из возможных вариантов реконструкции.

Приблизительные размеры отливок: топор 1 (рис. 5, *5*) – общая длина около 160 мм, длина клина 115–120 мм, ширина в лезвийной части 32–33 мм, размеры проуха 34×20 мм; топор 2 (рис. 5, *6*) – общая длина около 170 мм, длина клина 130 мм, ширина в нижней части не менее 40 мм, проух – 35×21 мм. Следует иметь в виду, что отливки могли подвергаться кузнечной доработке.

На исследованной площади Серного Ключа найдено много предметов из металла – цветного и черного. В большинстве они относятся к поздним периодам обитания памятника, тем не менее, некоторые изделия с высокой степенью вероятности могут быть причислены к абашевскому комплексу. Этому не противоречат и результаты рентгенофлуоресцентного анализа, выполненного в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН.

Очковидная подвеска (рис. 5, *2*) – миниатюрная, высотой 155 мм. Изготовлена из круглой в сечении кованой медной проволоки, концы которой закручены в плоскую спираль из трех витков, а середина изогнута в форме дужки. Среди микропримесей к меди (ан. 48485; здесь и далее данные в процентах) – Pb (<0.06), Bi (0.05), Ag (0.06), Sb (0.03), Fe (<0.04).

Браслет (рис. 5, *1*) согнут из круглого в сечении кованого прута (толщина в средней части 3 мм, на концах – ок. 1.5 мм) в овальное кольцо размерами 50×43 мм, с заходящими друг за друга концами. Заготовка отлита из мышьяковистой бронзы (As – 1.15%); среди микропримесей в сплаве (ан. 48470) – Pb (0.06), Bi (0.03), Ag (0.05), Sb (0.04), Fe (0.36).

Витая пронизь (рис. 5, *3*) выполнена из тонкой уплощенной кованой медной проволоки, скрученной в спираль диаметром 4.0–4.5 мм. Слегка деформирована (растянута). Как показал анализ (48469), медь “загрязнена” несколько повышенными концентрациями олова (0.39%) и сурьмы (0.26%); среди микропримесей – Pb (0.13), Bi (0.12), Ag (0.11), Fe (<0.05).

Примечательно, что металлические украшения залегали недалеко от абашевского горна (кв. Ж, 3/7).

Свидетельством производственного характера исследованной в раскопе II конструкции является тигельная керамика, найденная в каменном развале и заполнении примыкавшей к нему ямы. Целых экземпляров среди находок нет. Судя по обломкам, это были грубо сформованные из глины с примесью белой крошки (предположительно, жженая кость или раковина) емкости на ножках – невысоких, с плоским или слабо вогнутым круглым основанием, диаметром от 31 до 40 мм (рис. 5, *7, 8, 11*).

С этим же объектом связаны миниатюрные керамические сосудики. В первую очередь, это три маленьких искусно выполненных и пышно украшенных горшочка. Один из них (рис. 4, *2*) был найден в очаге на участке К/5. Второй (рис. 4, *1*) – на краю ямы, около каменной конструкции. Третий (рис. 4, *3*),

практически целый, закопан в 1.5 м к востоку от развала абашевской медеплавильной печи. Принимая во внимание необычную морфологию, орнаментацию и условия залегания, эти емкости можно отнести к ритуальным.

Помимо них и обломков плавильных чаш-тиглей, абашевский керамический комплекс включает более 170 фрагментов приблизительно от полутора десятков глиняных сосудов бытового назначения.

Посуда сильно раздроблена. Некоторые емкости представлены большим количеством обломков, другие – единичными черепками. Целых и полностью восстановленных сосудов – три, еще два реконструированы частично. Выборка крайне мала – 2.1% от общего числа фрагментов керамики, найденных на городище, но очень выразительна. Благодаря многим особенностям, абашевские черепки легко вычленяются из смешанной керамической коллекции Серного Ключа. Начать с того, что только им не свойственна примесь тальковой дресвы в формовочной массе, типичная для посуды культур горно-лесного Зауралья всех археологических периодов. Впрочем, искусственные добавки в глину у них вообще трудно различимы. Напротив, характерные для абашевских сосудов колоколовидная форма, остроребериая профилировка, сложные геометрические композиции и желобки в декоре совершенно отсутствуют в керамике других здешних типов. Заметим, что абашевские фрагменты в основном локализуются в раскопе II.

Своеобразной "визитной карточкой" рассматриваемого комплекса являются маленькие остроребериые сосудики. Кроме трех отмеченных выше, в эту группу входят еще один подобный горшочек (рис. 4, *7*) и низкая ребристая баночка (рис. 4, *6*), представленные отдельными обломками. Параметры археологически целых экземпляров: высота – 6.3–6.8 см, диаметр по венчику – 7.0–7.2 см, по ребру – 8.8–9.0 см, дна – около 3.5 см. Они и, по-видимому, четвертый горшочек имеют короткую, отогнутую наружу шейку с уплощенным венчиком, зауженную горловину, выпуклое тулово с характерным ребром, расположенным ниже середины высоты, и резко сужающуюся придонную часть, плавно переходящую в маленькое плоское донце. Зона под шейкой, а у одного сосудика – еще и тулово под ребром опоясаны тремя–четырьмя узкими желобками. Орнамент покрывает практически всю поверхность сосудов, включая донышко, а иногда – венчик и внутреннюю сторону шейки. Узоры состоят из горизонтальных поясков двойного и тройного зигзага, елочки, вертикальных насечек и вытянутых заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз. Декор нанесен гребенкой с мелкими зубцами и гладким штампом. Штриховка треугольников у трех экземпляров горизонтальная, у одного – косая; желобки – гладкие или покрыты короткими тонкими насечками. Последняя в этой группе миниатюрная емкость, два фрагмента которой найдены в заполнении вала и один на площадке городища, близ абашевского горна (кв. Е/7, З/5), – это мелкая закрытая баночка с плоским краем и специфическим ребром на тулове. Ее поверхность украшена поясками резных линий, между которыми расположены группы коротких вертикальных насечек, чередующихся с неорнаментированными участками ("шахматный мотив") (рис. 4, *6*).

Основную часть абашевской керамической коллекции Серного Ключа составляют обломки сосудов горшковидной формы (рис. 4, *5, 12, 15*) и плавно профилированных колоколовидных чаш (рис. 4, *13, 14*). У частично реконструированных экземпляров удалось замерить диаметр по венчику – 20 и 29–30 см. Черепки довольно плотные, гладкие с обеих сторон, толщиной от 4 до 10 мм. Венчики сосудов уплощенные. Шейки, если они фиксируются, различной высоты (2–6 см), слабо или резко отогнутые. В коллекции имеется один фрагмент плоского днища. Сосуды украшены желобками-каннелюрами и другими характерными для южноуральской абашевской посуды узорами – многорядными зигзагами, в том числе образующими ромбические композиции, концентрическими линиями, поясками насечек, бордюрами из заштрихованных ромбов, треугольников и вытянутых треугольных фестонов, вертикальных лесенок (рис. 4). Орнаменты нанесены гребенкой, заостренной палочкой и гладким штампом.

Коллекция содержит несколько фрагментов керамики с окатанными краями, затертым орнаментом и ошлакованной поверхностью. Один из черепков использовался вторично в качестве лощила или скребка: края у него по всему периметру затерты и сглажены (рис. 5, *10*).

Абашевский комплекс Серного ключа не ограничивается рассмотренными выше находками. По-видимому, он может быть расширен за счет археозоологических остатков, в том

числе изделий из кости и рога, нераспознанных фрагментов технологической керамики, отходов литья и мелкого лома изделий. Впрочем, без проведения специального аналитического исследования сделать это невозможно. В полной мере сказанное относится и к каменному инвентарю. В многотысячной коллекции памятника представлены орудия мелких и крупных форм самого разнообразного назначения – скребки, наконечники стрел, ножи, скобели, сверла, резцы, топоры, молоты, абразивы, отбойники, пилы и др., но какие из них достоверно связаны с абашевской стоянкой – вопрос открытый. Рискнем предположить, что в числе их мог быть каменный предмет, использовавшийся в качестве молотка для холодной ковки металла (рис. 5, *9* – кузнечных орудий и абразивов среди находок с Серного Ключа довольно много).

Анализ и интерпретация материалов стоянки эпохи бронзы. Абашевская принадлежность рассмотренных находок и объектов настолько очевидна, что все иные варианты его атрибуции не заслуживают обсуждения. Комплекс невелик, но, во-первых, площадка на вершине скалы исследована не полностью, а, во-вторых, для кратковременной стоянки малое число находок – это норма, а не аномалия. Если говорить, например, о бытовой посуде, то абсолютно каждому сосуду данной выборки можно найти соответствия в керамике абашевских поселений и могильников Южного Приуралья. Причем не по отдельным признакам – технологическим, морфологическим или орнаментальным, а по их совокупности. Можно обратить внимание на отсутствие в декоре сосудов Серного Ключа ямочных вдавлений, меандров, фигур в виде “уточки”, волнистых мотивов, валиков, а также на единичность баночных форм и относительно высокую долю (25%) маленьких остроребериых сосудов, однако, еще раз повторим: выборка мала, сильно фрагментирована и, похоже, специфична в плане функционального назначения. Отнюдь не оригинальна производственная керамика Серного Ключа: плавильные чаши-тигли на ножках в большом количестве известны по раскопкам поселений Баланбаш, Береговское, Тюбяк и др. (см.: Сальников, 1967. С. 54, 79; Горбунов, 1986. С. 57, 58; Обыденнов и др., 2001. Рис. 16). Более того, наличие ножки является одним из отличительных признаков именно абашевских тиглей (Кузьмина, 2011. С. 99).

Южноуральскую абашевскую (баланбашскую – по А.П. Смирнову) культуру характеризует высокий уровень металлургического производства. Его следы присутствуют практически на всех поселениях в виде кусочков руды, шлаков, сплесков металла, тиглей, глиняных вкладышей. При этом находки литейных форм почему-то исключительно редки. В.С. Горбунов допускает, что причиной тому могло быть их неважное качество (1986. С. 59). Уникальность абашевской стоянки в верховьях р. Уфы, помимо всего прочего, заключается в том, что здесь, в развале и около плавильного объекта, в комплексе с тиглями и керамикой, обнаружены обломки сразу трех литейных форм. В том числе двух втульчатых топоров, аналогичных тем, которые Б.Г. Тихонов в свое время относил к типу камских вислообушных (1960. С. 59–62), Е.Н. Черных – к узковислообушным (1970. С. 58), а С.Н. Кореневский – к третьей группе топоров Уральской горно-металлургической области, соотнося их, вслед за Е.Н. Черных, с баланбашскими и абашевскими древностями (Кореневский, 1973. С. 44–47). Принадлежность значительной части этих орудий абашевской культуре считает несомненной А.Д. Пряхин (1976. С. 130), в ряду абашевского металла рассматривают их В.С. Бочкарев (1986. С. 102), О.В. Кузьмина (2000) и многие другие исследователи. Их суждения основываются на единичных фактах нахождения подобных топоров и форм для их отливки в абашевских памятниках (Пепкинский курган, Кондрашевское погребение, Мало-Кизыльское селище и др.). Литейные формы Серного Ключа признает абашевскими О.В. Кузьмина, включив памятник в карту распространения литейных форм топоров абашевского типа (2003. С. 98. Рис. 1.2, № 58), а по мнению А.В. Епимахова и М.Г. Епимаховой, Серный Ключ демонстрирует редчайший пример точной культурной атрибуции вислообушных топоров (2006. С. 58).

Не имеет множественных аналогов в абашевских комплексах глиняная двустворчатая форма с Серного Ключа, предназначавшаяся для отливки рукояти ножа или кинжала со сферическим навершием. Заранее подготовленный клинок, отлитый в другой матрице, вводился черенковой частью в форму снизу, жестко фиксировался в ней, через литник в верхней части формы заливался металл; в результате этих операций получался нож с прилитой рукоятью. Клинок нашего экземпляра определенно был двулезвийным, больше о нем сказать нечего. Возможно, готовое к употреблению

изделие походило на бронзовый нож-кинжал из погребения 4 кургана 1 Новоусманского могильника в Воронежской области (Пряхин, Матвеев, 1979. С. 73. Рис. 2, *5*). Массивная (но с грибовидным навершием и без орнамента) рукоять у него была отлита из низколегированной, а клинок – из высоколегированной мышьяковистой бронзы (Черных, Кузьминых, 1989. С. 115). А.Д. Пряхин и Ю.П. Матвеев предполагают, что рассмотренное захоронение с известными оговорками может быть соотнесено с финальным этапом среднедонской катакомбной культуры или с памятниками доноволжской абашевской культуры (1979. С. 73).

Интересная и очень важная в сравнительном плане находка происходит из раскопа 5 поселения Тюбяк в Южной Башкирии – это обломок каменной литейной формы (Обыденнов и др., 2001. С. 113. Рис. 66, *2*), служившей не для получения слитков бронзы (Там же. С. 131), а, судя по сохранившейся части негатива, для отливки таких же рукоятей со сферическим навершием, как на Серном Ключе (Епимахов, Епимахова, 2006. С. 58). Заметим, что тюбякская форма залегала в слое, в котором безусловно доминировала абашевская керамика (Обыденнов и др., 2001. С. 109).

Приведенными примерами, похоже, исчерпывается список ножей-кинжалов разряда КЖ-8, т.е. с прилитыми рукоятями без отверстий-“прорезей” (Черных, Кузьминых, 1989. С. 115), предположительно связанных с металлопроизводством абашевских племен. Экземпляр с Серного Ключа подтверждает эту связь безупречно. Морфологически близкие изделия в памятниках поздняковской, коптяковской, алакульской, срубной и других археологических культур характеризуют следующий этап в развитии абашевской традиции.

Одной из ярких примет абашевской культуры, в том числе в южноуральском регионе, являются разнообразные и многочисленные украшения из цветного металла. В основном они происходят из погребальных объектов, на поселениях такие находки редки. Браслет, очковидная подвеска, пронизь, обнаруженные на Серном Ключе (рис. 5, *1–3*) и включенные в обсуждаемый комплекс, имеют широкий спектр аналогий в материалах среднеднепровской, фатьяновской, балановской, алакульской и других культур (см.: Кузьмина, 1992. С. 49–58; 2000. С. 100–104), однако абашевские параллели кажутся нам более убедительными: украшения кованые, изготовлены из проволоки и круглого в сечении прута, очковидная подвеска имеет малое количество оборотов в спиралях, пронизь – мелкая, витая. Примечательно, что браслет откован из низкомышьяковистой меди или бронзы группы ТК (ташказганская) (Черных, 1970. С. 41, 42), доминирующей в металле уральской абашевской (баланбашской) и синташтинской культур и некоторых сейминско-турбинских могильников (Черных, Кузьминых, 1989. С. 172, 173. Табл. 10).

Таким образом, сравнительный анализ различных категорий инвентаря стоянки бронзового века в урочище Серный Ключ приводит к единственно возможному выводу, сформулированному выше: это памятник южноуральской абашевской культуры, причем самый северный из ныне известных. Необычно то, что компактный, не содержащий инокультурных примесей, по общему облику и частным характеристикам типичный абашевский комплекс расположен не на “своей” территории. Он как будто перемещен из лесостепных районов Башкирского Приуралья на 250–300 км к северо-востоку – в горно-лесную зону Среднего Урала (рис. 1), в местность, малопригодную для постоянного обитания и совершенно непригодную для скотоводства – ведущей отрасли хозяйства абашевских племен. Между тем, проблема снимается, если стоянку в верховьях р. Уфы рассматривать как один из пунктов абашевских экспедиций за металлом. В задачи достигшей этих мест небольшой группы людей, по-видимому, входили поиск и разработка здешних медных месторождений, выплавка металла из руды и изготовление орудий, как для собственных нужд, так и, возможно, для обмена.

Резонно предположить, что в нераскопанной части памятника могут находиться другие объекты, связанные с металлопроизводством пришельцев, а также остатки жилых и хозяйственных помещений. Последние из-за близкого залегания к поверхности скальной породы, скорее всего, представляли собой легкие неуглубленные или чуть углубленные в грунт каркасные или каркасно-столбовые постройки. Впрочем, если таковые и будут обнаружены, надеяться на их хорошую сохранность не следует, принимая во внимание активную производственную деятельность клана рудознатцев и металлургов, основавшего в раннем железном веке на вершине скалы мощный центр

иткульского (зауральского) очага металлургии (Борзунов, 1998; Бельтикова, 1998; Борзунов, Бельтикова, 1999. С. 52). К сожалению, из-за ограниченности анализируемого материала многие вопросы остаются невыясненными: продолжительность функционирования специализированной абашевской стоянки, объем выплавленного металла, ассортимент произведенной продукции, роль охоты, рыболовства и иных занятий в системе жизнеобеспечения и др. Неизвестно, существовала у абашевского населения Башкирского Приуралья целая сеть подобных производственных поселков, или же в горно-лесной зоне Урала они были единичны и исключительны. Не удается развить очень интересный сюжет о возможных инокультурных контактах и взаимодействиях участников экспедиции за металлом как по пути следования, так и в конечных пунктах. Тому есть причина: “чистота” комплекса и крайне низкая степень археологической изученности территории.

Хронология стоянки эпохи бронзы. Многослойный памятник Серный Ключ не имеет абсолютных дат, а в абашевской коллекции отсутствуют находки, обладающие какими-либо точными диагностическими хронологическими признаками. Стоянка, бесспорно, относится ко времени существования абашевских поселений и могильников Южного Урала. Проблема в том, что хронология этого культурного образования до сих пор остается одной из наиболее дискутируемых тем. Дополнительную остроту эта дискуссия приобрела в связи с вопросами хронологического соотношения абашевских, покровских, синташтинских и сейминско-турбинских древностей. Удивляет, что изучаемая на протяжении многих десятилетий яркая и самобытная культура слабо обеспечена радиоуглеродными датами, особенно для южноуральской группы памятников. Впрочем, еще хуже выглядит ситуация с радиоуглеродными датами сейминско-турбинских комплексов: до недавнего времени их было всего 4 (Усть-Ветлуга, Сатыга XVI). Не углубляясь в детали обсуждения, отметим, что большинством специалистов хронологическая позиция абашевской культуры определяется в интервале: конец III – начало II тыс. до н.э. (рубеж III–II тыс. до н.э., XXII–XVIII/XVII, XXII–XX, XXI–XX вв. до н.э. – по калиброванным значениям). Полагаем, что абашевская стоянка на Серном Ключе предварительно может быть отнесена к рубежу III–II тыс. до н.э.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40011 и в рамках гос. задания Минобрнауки РФ, тема “Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования” и НИР ИА РАН, тема АААА-А18-118011790092-5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельтикова Г.В. Зауральский (Иткульский) очаг медной металлургии // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. С. 207–208.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Серный Ключ, городище // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. С. 474–475.

Бельтикова Г.В., Борзунов В.А. Серный Ключ, городище // Челябинская область: энциклопедия: в 7 т. Т. 5. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 857.

Борзунов В.А. Исследование городища Серный Ключ на реке Уфе // Урал в прошлом и настоящем: материалы науч. конф. Ч. I. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1998. С. 16–21.

Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга: материалы науч. конф. Ч. 2 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1999. С. 43–52.

Бочкарев В.С. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1986. С. 78–111.

Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья: учебное пособие по спецкурсу. Уфа: БГПИ, 1986. 96 с.

Жилин И.В., Пучков В.Н. Геология и рудоносность Нязепетровской зоны (Средний Урал). Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. 184 с.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Абашевские памятники Южного Зауралья // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: сб. ст. Уфа: БГПУ, 2006. С. 53–65.

Кореневский С.Н. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА. 1973. № 1. С. 39–53.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.В. Бородин. Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 32–51.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара: Изд-во Самарского ГПИ, 1992. 128 с.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский дом, 2000. С. 65–134.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы Междунар. науч. конф. / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 92–102.

Кузьмина О.В. Эрмитажная коллекция абашевской культуры поселения Баланбаш // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОрГПУ, 2011. С. 92–117.

Обыденнов М.Ф, Горбунов В.С., Муравкина Л.Н., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. Уфа: БГПУ, 2001. 159 с.

Петров А.Н. Остатки крупных млекопитающих из местонахождения Серный Ключ // Проблемы глобальной и региональной экологии: материалы конф. молодых ученых. Екатеринбург: Академкнига, 2003. С. 183–184.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: ВГУ, 1976. 168 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1979. С. 71–78.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 406 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 90). С. 5–115.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970 (МИА; № 172). 180 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

SERNY KLYUCH AS A SITE OF ABASHEVO "EXPEDITION" TO THE MOUNTAIN FOREST ZONE OF THE MIDDLE URALS

Viktor A. Borzunov[1,*], Vladimir I. Stefanov[1,], Galina V. Beltikova [1], Sergey V. Kuzminykh[2,***]**

[1]Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
[2]Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[*]E-mail: victor.borzunov@mail.ru
[**]E-mail: Stefanov_PNIAL@mail.ru
[***]E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

The article features the northernmost camp site of the population of the Abashevo cultural and historical community, discovered in the layered fortified settlement of Serny Klyuch in the mountain forest zone of the Middle Urals. The Bronze Age object investigated by excavation was the collapse of a stone hearth. The items found in it and next to it included fragments of clay molds for casting shaft-hole axes and dagger handles, fragments of legged crucibles, single Abashevo decorations from non-ferrous metal, small vessels and fragments of large ceramic Balanbash-type tanks, as well as osteological remains. Probable dating of these findings is the boundary of the 3rd – 2nd millennia BC. Advance of a small group of metal and foundry workers from the Southern Urals to the upper reaches of the Ufa river was caused by the search for new deposits of copper ore in the depths of the Ural taiga.

Keywords: metal workers' cam site, the Bronze Age, Abashevo cultural and historical community, mountain forest zone, the Middle Urals.

REFERENCES

Bel'tikova G.V., 1998. The Trans-Urals (Itkul') centre of copper metallurgy // *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya [Ural Historical Encyclopaedia].* Ekaterinburg: Ekaterinburg, pp. 207–208. (In Russ.)

Bel'tikova G.V., Borzunov V.A., 1998. Serny Klyuch, a fortified settlement // *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya [Ural Historical Encyclopaedia].* Ekaterinburg: Ekaterinburg, pp. 474–475. (In Russ.)

Bel'tikova G.V., Borzunov V.A., 2008. Serny Klyuch, a fortified settlement // *Chelyabinskaya oblast': entsiklopediya [Chelyabinsk Region: encyclopaedia]*, 5. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, pp. 857. (In Russ.)

Bochkarev V.S., 1986. To the chronological correlation of Seima and Turbino burial grounds //

Problemy arkheologii Podneprov'ya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Issues of the Dnieper archaeology: inter-university collection of papers]. I.F. Kovaleva, ed. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 78–111. (In Russ.)

Borzunov V.A., 1998. Investigation of the fortified settlement of Serny Klyuch on the Ufa river // *Ural v proshlom i nastoyashchem: materialy nauchnoy konferentsii [The Urals in the Past and the Present: proceedings of the scientific conference]*, I. Ekaterinburg: Nauchno-izdatel'skiy sovet Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 16–21. (In Russ.)

Borzunov V.A., Bel'tikova G.V., 1999. A camp site of the Abashevo metal-makers in the mountain-forest Trans-Urals // *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala: Pervye chteniya pamyati Vladimira Fedorovicha Geninga: materialy nauchnoy konferentsii [120 years of archaeological studies of the Urals eastern slope: 1st Readings in memory of Vladimir Fedorovich Gening: proceedings of the scientific conference]*, 2. V.T. Kovaleva, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 43–52. (In Russ.)

Chernykh E.N., 1970. Drevneyshaya metallurgiya Urala i Povolzh'ya [The earliest metallurgy of the Urals and the Volga region]. Moscow: Nauka. 180 p. (MIA, 172).

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V., 1989. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka. 320 p.

Epimakhov A.V., Epimakhova M.G., 2006. The Abashevo sites of the Southern Trans-Urals // Uralo-Povolzhskaya lesostep' v epokhu bronzovogo veka: sbornik statey [The Ural-Volga forest-steppe in the Bronze Age: collected articles]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 53–65. (In Russ.)

Gorbunov V.S., 1986. Abashevskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya: uchebnoye posobie po spetskursu [The Abashevo culture of the Southern Urals: a textbook for the specialized course]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 96 p.

Korenevskiy S.N., 1973. Socketed metal axes of the Ural mining and metallurgical province // Sovet. arkheol., 1, pp. 39–53. (In Russ.)

Kosintsev P.A., 1988. Holocene remnants of the large mammals of Western Siberia // Sovremennoye sostoyanie i istoriya zhivotnogo mira Zapadno-Sibirskoy nizmennosti: sbornik nauchnykh trudov [Current state and history of the animal world of Western-Siberian Lowland. Collected papers]. A.V. Borodin, ed. Sverdlovsk: Ural'skoye otdelenie AN SSSR, pp. 32–51. (In Russ.)

Kuz'mina O.V., 1992. [Abashevo culture in the Volga – Ural forest-steppe zone]. Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e. Samara: Izd-vo Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 128 s.

Kuz'mina O.V., 2000. Metal objects and the issues of relative chronology of the Abashevo culture // Drevnie obshchestva yuga Vostochnoy Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye obshchestva i voprosy kul'turnoy transformatsii) [Early societies of the south of Eastern Europe in the Paleometal Age (early complex societies and issues of cultural transformation)]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, pp. 65–134. (In Russ.)

Kuz'mina O.V., 2003. On the origin of the Abashevo-type axes // Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The Abashevo Cultural-Historical Community: origins, development, heritage: proceedings of the International Scientific Conference]. V.S. Bochkarev, ed. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, pp. 92–102. (In Russ.)

Kuz'mina O.V., 2011. The Hermitage collection of the Abashevo culture of the Balanbash population // Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archeological sites of Orenburg region], 9. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 92–117. (In Russ.)

Obydennov M.F, Gorbunov V.S., Muravkina L.N., Obydennova G.T., Garustovich G.N., 2001. Tyubyak: poselenie bronzovogo veka na Yuzhnom Urale [Tyubyak: a Bronze Age settlement in the Southern Urals]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 159 p.

Petrov A.N., 2003. Remains of the large mammals from the Serny Klyuch site // Problemy global'noy i regional'noy ekologii: materialy konferentsii molodykh uchenykh [Problems of global and regional ecology: proceedings of the Conference of Young Researchers]. Ekaterinburg: Akademkniga, pp. 183–184. (In Russ.)

Pryakhin A.D., 1976. Poseleniya Abashevskoy obshchnosti [Settlements of the Abashevo community]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 168 p.

Pryakhin A.D., Matveyev Yu.P., 1979. Novousmansky burial ground of the Bronze Age in Voronezh region // Drevnyaya istoriya Povolzh'ya [Ancient History of the Volga Region]. S.G. Basin, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 71–78. (In Russ.)

Sal'nikov K.V., 1967. Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala [Studies on the early history of the Southern Urals]. Moscow: Nauka. 406 p.

Tikhonov B.G., 1960. Metal objects of the Bronze Age in the Middle Urals and in the Cis-Urals // Ocherki po istorii proizvodstva v Priural'ye i Yuzhnoy Sibiri v epokhu bronzy i rannego zheleza [Studies on the history of production in the Cis-Urals and Southern Siberia in the Bronze and Early Iron Ages]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 5–115. (MIA, 90). (In Russ.)

Zhilin I.V., Puchkov V.N., 2009. Geologiya i rudonosnost' Nyazepetrovskoy zony (Sredniy Ural) [Geology and ore bearance of the Nyazepetrovsk zone (the Middle Urals)]. Ufa: DizaynPoligrafServis. 184 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 132–140

АНТИЧНАЯ ВИНОДЕЛЬНЯ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ТАМАНЬ 16

© 2020 г. Э.Д. Зиливинская[1,*], Н.С. Мальцева[2], П.А. Петров[2,], П.М. Соколов[2,***]**

[1]Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
[2]Инженерно-технический центр специальных работ, Санкт Петербург, Россия

[*]E-mail: eziliv@mail.ru
[**]E-mail: pavel_petrov@me.com
[***]E-mail: sokolov.pm@gmail.com

Поступила в редакцию 29.01.2019 г.

В 2017 г. при строительстве подъездных путей к Крымскому мосту на Таманском полуострове проводились раскопки поселения Тамань 16. Памятник датируется первыми веками н.э., а также средневековьем. Наиболее интересный объект на раскопе – винодавильня античного периода. Сооружение состояло из трех давильных платформ и двух накопительных цистерн. На боковых платформах виноград давили ногами, а в середине между ними находилось прессовое ложе. Напротив средней части давильной платформы найдены опорные камни для крепления основания рычага пресса. Отжатое сусло поступало в заглубленные в землю резервуары, стенки которых сложены из мелких камней и обмазаны известковым раствором. К комплексу винодельни относятся ямы со следами вкопанных в них пифосов и колодец. Сооружение не имело каменных стен, поэтому можно предположить, что эта винодельня открытого типа. Исследованная винодельня датируется I–II вв. н.э. Аналогичные сооружения известны как в европейской, так и в азиатской части Боспора, например в Кепах, Горгиппии, Керчи.

Ключевые слова: охранно-спасательные раскопки, Темрюкский район, Краснодарский край, поселение, античность, винодельня, давильные площадки, цистерны.

DOI: 10.31857/S086960630008257-1

С мая по декабрь 2017 г. археологическим отрядом ООО “Инженерно-технический центр (ИТЦ) специальных работ” проведены раскопки участка поселения Тамань 16, попадающего в зону строительства объекта “Создание сухогрузного района морского порта Тамань. Объекты железнодорожной инфраструктуры, обеспечивающие подход к транспортному переходу через Керченский пролив”.

Поселение Тамань 16 находится в Темрюкском р-не Краснодарского края, недалеко от южной границы ст. Тамань. Поселение выявлено И.В. Волковым в 2000 г. в рамках разведочных работ на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском р-нах Краснодарского края (Волков, 2000). Согласно материалам разведочных работ И.В. Волкова, информация о поселении получена от сотрудника Таманского археологического музея Э.Р. Устаевой. Основной ландшафтный объект, обусловивший возникновение поселения, – глубокая балка, которая в настоящее время запахана. На ее южной стороне найден подъемный материал первых веков н.э. и XI в., на северной стороне балки – почти исключительно материал XI в.

В ноябре 2007 г. в ходе работ по паспортизации памятников археологии на территории Темрюкского р-на поселение обследовано сотрудниками Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН О.Д. Чевелевым, А.Б. Колесниковым и Г.П. Гарбузовым. В ходе работ зафиксированы разрушения на памятнике, произошедшие при прокладке газопровода ЗАО “Таманьнефтегаз”. По результатам разведок удалось уточнить границы памятника. Площадь поселения составила около 38 га. Изучение распределения археологического материала на современной поверхности и в срезах траншеи газопровода позволило считать, что участки с повышенной концентрацией

находок представляют собой зоны относительно плотной жилой застройки (Сударев, 2010).

В 2009 г. раскопочные работы проводились под руководством сотрудника Таманского музейного комплекса Э.Р. Устаевой. Были заложены два раскопа в северо-восточной и центральной частях поселения. В результате подтверждена датировка памятника первыми веками н.э., а также средневековьем.

Впоследствии на памятнике проводились разведочные работы сотрудниками экспедиции и археологическим отрядом ООО "Южно-Российского центра археологических исследований" в 2011, 2012 и 2015 гг. (Буравлев, 2011; Сударев, 2012, 2015).

В 2015–2016 гг. масштабные охранно-спасательные работы проведены на территории нескольких десятков объектов археологического наследия, находящихся в границах проектируемых подъездных путей объекта "Транспортный переход через Керченский пролив". Раскопки в юго-восточной части территории поселения Тамань 16 проводились под руководством Н.И. Сударева. В июне–июле 2017 г. разведочным отрядом ООО "ИТЦ специальных работ" под руководством П.М. Соколова выполнены археологические разведки на поселении Тамань 16 для установления границ поселения.

В мае–декабре 2017 г. на памятнике проводились охранно-спасательные археологические раскопки отрядом ООО "ИТЦ специальных работ" под руководством Э.Д. Зиливинской в связи с прокладкой через территорию поселения газо- и водопроводов. Раскопки велись в южной части памятника, территория раскопов прорезала поселение с востока на запад. За время работ исследовано 40 070 м^2. Установлено, что вскрытый участок поселения представляет собой сельскохозяйственную хору Гермонассы, которая датируется IV в. до н.э. – III в. н.э. Также выявлены объекты, относящиеся к Тмутараканскому княжеству (конец X – начало XI в.), золотоордынскому периоду (XIV в.) и Крымскому ханству (XVI–XVIII вв.). Это говорит о том, что данная территория представляла собой округу поселения в средневековье и в период Крымского ханства.

Наиболее интересный объект на раскопе – винодавильня античного периода. Она состояла из места отжима винограда и цистерн для

Рис. 1. Винодельня, аэрофотосъемка.
Fig. 1. The winery, aerial photography

сбора сусла. Место отжима включало в себя три давильные площадки.

Сооружение ориентировано по оси СЗ–ЮВ, размеры его – 5.2 × 3.1–5 м (рис. 1–3). С северо-западной стороны располагалась площадка трапециевидной в плане формы, которая служила местом отжима винограда. Длина ее по оси СЗ–ЮВ – 3.1 м, ширина – 5 в западной части и 4.5 м – в восточной. Она разделена на несколько частей. С северной и южной сторон находились две плоские давильные площадки, обмазанные известковым раствором. Размеры северной площадки – 1.4–1.7 × × 3–3.1 м. Размеры южной площадки – 1.5–1.8 × × 3.1 м. Раствор положен на вымостку из мелкого камня, лежащего в один слой. Обмазка толщиной 1.5–3 см имела 3-4 слоя. Нижний слой, располагающийся на кладке основания платформы, выполняет выравнивающую роль. Последующие слои выполняют роль стяжки и защиты поверхности площадки. Наличие нескольких слоев штукатурки свидетельствует о том, что поверхность площадки неоднократно подновлялась. Нижний слой штукатурки представляет собой известковый раствор бело-серого цвета с включениями извести и песка. Верхние слои штукатурки состоят из известкового раствора бело-розового цвета с включениями извести, песка и гематита. Под штукатуркой располагалось каменное

Рис. 2. Комплекс винодельни, план. Условные обозначения: *а* – кости животных; *б* – керамика; *в* – камень; *г* – железняк; *д* – штукатурка.

Fig. 2. The winery complex, a plan view

основание платформы, сложенное из плоского бутового камня. Средний размер камней – 0.1 × 0.15 × 0.04 м. Края платформы в некоторых местах выложены более крупным камнем. Южный и западный края давильной площадки располагаются на 5–10 см выше, чем северный и восточный, что обеспечивает общий уклон в сторону цистерн для сбора сусла.

Средняя часть размерами 1.4–1.5 × 3.1 м в свою очередь состоит из двух зон. Западная зона представляла собой основание прессового ложа. Оно было выложено мелким и средним необработанным плоским камнем в один слой. Средний размер используемых камней – 0.1 × 0.15 × 0.05 м. Размеры площадки – 1.8 × 1.6 м. Само прессовое ложе в виде плоской каменной плиты или тарапана не сохранилось.

Восточнее прессового ложа, между давильными платформами, располагалась площадка, на которую попадал сок, отжатый прессом из виноградной мезги. Размеры ее – 1.4 × 1.6 м. Северный и южный края площадки отделены от давильных платформ бортиками шириной 10 см из поставленных на торец камней. В восточной части площадки имеется чашеобразное углубление диаметром около 0.6 м и глубиной 0.05–0.08, предназначенное для отстаивания попавшей в сусло кожуры и остатков гребней. Площадка так же, как и давильные платформы, в своем основании сложена из мелкого и среднего плоского бутового камня. Средние размеры камня – 0.1 × 0.13 × 0.04 м. Сверху площадка покрыта пятью слоями штукатурки. Нижний выравнивающий слой представляет собой известковый раствор бело-серого цвета с включениями извести и песка. Верхние слои штукатурки состоят из известкового раствора бело-розового цвета с включениями извести, песка и гематита. Северный и южный края площадки оформлены более крупным камнем, установленным на торцы. Восточный край

Рис. 3. Винодавильня, вид с востока.

Fig. 3. The wine press, a view from the east

площадки непосредственно примыкает к цистернам для сбора сусла. Он также отделен от них невысокой оградой из мелких необработанных камней. Каким образом соединялась средняя давильная площадка с цистернами, установить не удалось.

С восточной стороны находились цистерны для сбора сусла. Общие размеры их – 3.1 × 2.2 м. Функционирование системы стока отжатого сусла обеспечивается общим уклоном (около 10 см) давильных платформ в сторону цистерн. Сток сусла в цистерны осуществлялся при помощи двух желобов, проложенных от восточного края боковых площадок в сторону резервуаров. Желоба вытесаны из известняка. Южный желоб имеет размеры 24 × 58 см. Восточный край его обломан. Ширина слива желоба – 13 см, высота бортиков – 10. Северный желоб сломан посредине, одна часть его упала в резервуар. Часть, лежавшая *in situ*, имела размеры 22–25 × 30–38 см. Размеры упавшей части – 25 × 20–28 см. Ширина слива желоба – 10 см, высота бортиков – 10.

Один из основных элементов конструкции винодавильни – цистерны для сбора сусла. Сооружение 1 включало в себя две цистерны, соответствовавшие двум давильным платформам. Цистерны непосредственно примыкали к восточному краю давильных платформ. Они представляли собой ямы, заглубленные в материк, обложенные кладкой из среднего и мелкого камня (мергель и песчаник) в виде плоских плиток (рис. 3–5). Внутренние размеры резервуаров в верхней части: северный – 1.25 × 1.3 м, южный – 1.3 × 1.5. Их разделяет стенка толщиной 25 см. Ко дну резервуары сужаются. Их размеры по дну – 0.9 × 1 и 0.8 × 1 м. Глубина резервуаров – 1.65 и 1.75 м. После разборки кладок выяснилось, что для их сооружения был выкопан котлован, который при обкладке камнем был разделен надвое. Размеры котлована – 2.8 × 1.8 м. Он был вырублен в железняке.

Стенки и дно котлована выложены каменной кладкой в два ряда. Размеры камней различны – от 5 × 5 до 10 × 15 см. Толщина

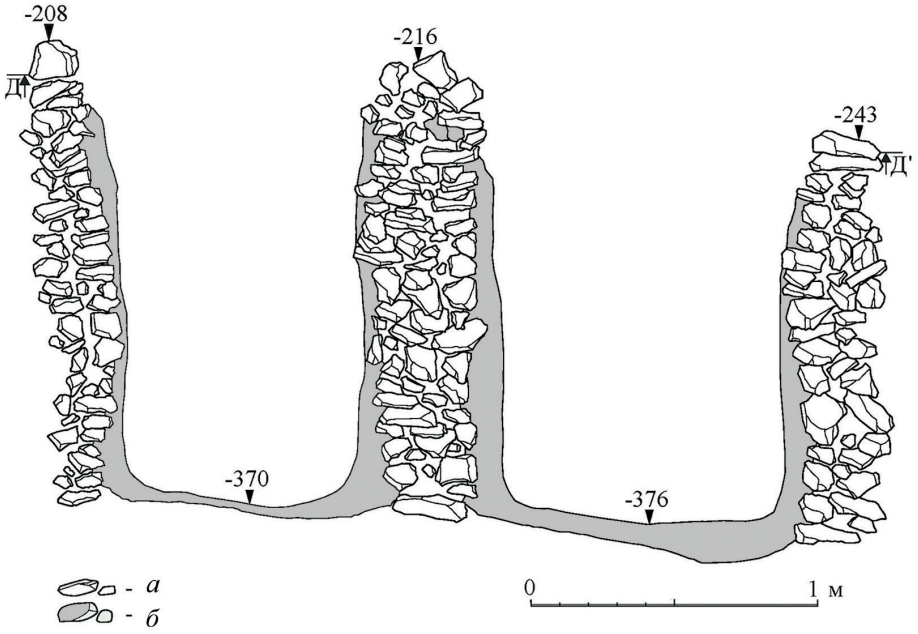

Рис. 4. Разрез (Д–Д') цистерн винодавильни. Условные обозначения: *а* – камень; *б* – штукатурка.
Fig. 4. A cross-section of the wine press tanks

плиток – 3–6 см. Внешний ряд сложен из мелкого необработанного камня на глинистом растворе, которым обмазаны стены котлована. Кладка нерегулярная. Средний размер камней во внешней кладке составляет 7 × 5 × 3 м. Удалось проследить около 21 горизонтального слоя внешнего ряда кладки. Внешний ряд кладки перевязан с внутренним как минимум в трех слоях: в нижнем; на высоте около 0.35 м от дна котлована и на высоте 1.2. Эти слои кладки выполнены из более крупных камней, уложенных длинной стороной перпендикулярно стенам котлована. Внутренний ряд кладки выложен из мелкого необработанного плоского камня. Средний размер камней в кладке составляет 17 × 1 × 5 см. Камни в кладке подобраны таким образом, чтобы внутрь цистерны приходилась их плоская сторона. Удалось проследить около 23 горизонтальных слоев внутреннего ряда кладки. Разделительная перегородка между цистернами сложена из трех рядов кладки, перевязанных между собой. В кладке использовались мелкие и средние плоские необработанные камни. Камни подбирались таким образом, чтобы внутрь цистерн выходила их плоская сторона. Средний размер камней в кладке составляет 15 × 10 × 7 см. Удалось проследить также около 23 горизонтальных слоев кладки.

Кладка стен цистерн выполнена с использованием глинистого раствора. Его толщина в швах достигает 2–3 см. Внешние стены цистерн слегка скошены наружу и расширяются кверху. Внутренний ряд кладки покрыт несколькими слоями цемяночного раствора. Общая толщина слоя штукатурки на стенах достигает 2 см. Удалось зафиксировать около четырех слоев штукатурки толщиной до 0.4 см. Нижние слои выполнены из известковой штукатурки с примесью песка бело-серого цвета. Внешний верхний слой выполнен из известковой штукатурки бело-розового цвета с примесью толченого кирпича, гематита и песка. Местами штукатурка окрашена в красный цвет.

Дно цистерн (рис. 5, *3*) выложено плоским мелким необработанным камнем, размерами примерно 0.1 × 0.1 × 0.03 м. Камни уложены плотно друг к другу. Кроме того, следует отметить, что у восточной стенки в дне цистерн имелись углубления, служившие отстойниками для фрагментов мезги, случайно попавших в сусло при отжиме. Размеры их – примерно 40–50 см, глубина – 12–15 см от уровня дна резервуаров. Сверху каменная вымостка дна цистерн также была покрыта слоем штукатурки, который достигал толщины 10–15 см. Вероятно, такая толщина раствора на дне цистерн связана с неоднократным подновлением

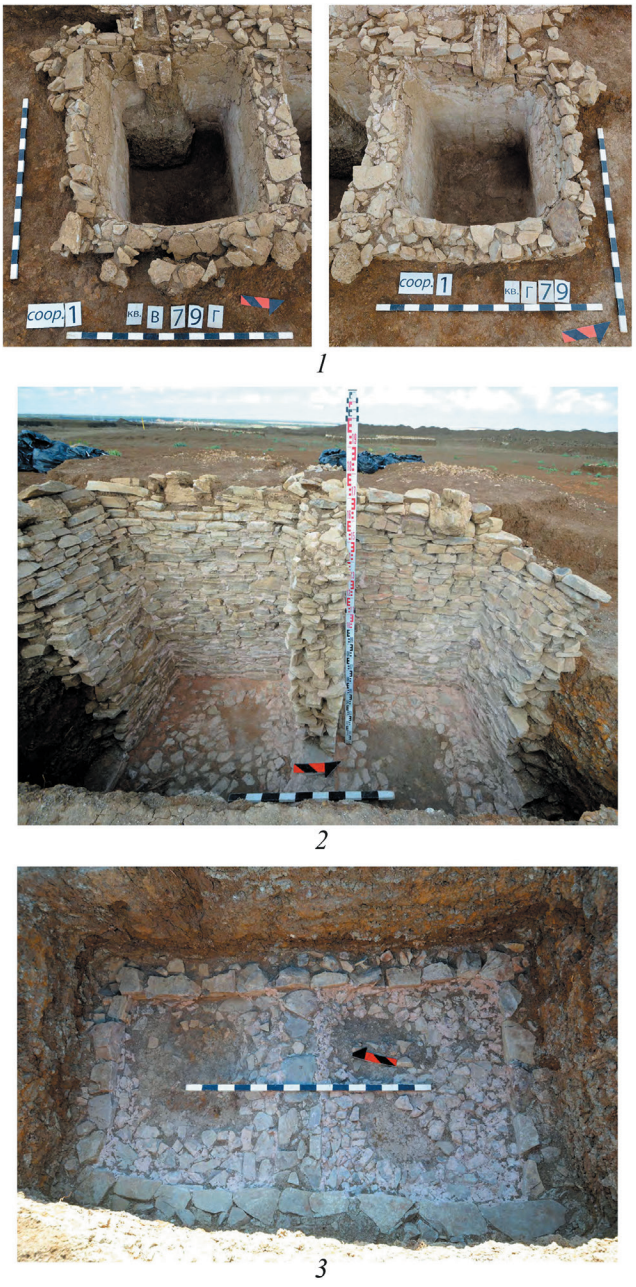
слоя штукатурки. Дно цистерн имеет выраженный уклон в сторону отстойников.

К винодавильне относится объект, расположенный в 1.7 м к юго-востоку от цистерн. Он представлял собой прямоугольную конструкцию из крупных необработанных и обработанных камней (рис. 2, 6). Размеры ее – 2.2 × 1.3 м. Камни образуют три стенки шириной 25–40 и высотой 58–66 см. Стенки с северо-востока, северо-запада и юго-запада огораживают пространство размерами 1.5 × 0.6–0.9 м. Камни, образующие конструкцию, ровными сторонами повернуты вовнутрь. Крупный камень в юго-западной стенке снаружи имеет круглое сверленое отверстие диаметром 4 см. В центре пространства находилось скопление бесформенных камней размерами 0.8 × 1 м. После снятия камней под ними найдено углубление подпрямоугольной в плане формы размерами 1.22 × 1.6 м. Заполнение ямы состояло из темно-коричневого суглинка с включением железняка, карбонатных фракций. Скорее всего, эта конструкция – основание опоры рычажно-винтового пресса винодавильни. Следы крепления противоположного конца рычага не обнаружены.

Вокруг винодавильни следы капитальных стен не найдены. По-видимому, над ней был сооружен навес без стен или же стены были легкие, каркасные из камыша и глины. В 2.5 м к югу от основного сооружения найдено два каменных блока призматической формы размерами 54 × 42 × 10–12 и 44 × 37 × 25 см. На их поверхности были сделаны выпилы круглой формы диаметром 18 и 16 см и глубиной 2-3 см. Возможно, эти камни служили опорой бревен, которые поддерживали крышу навеса над винодавильней. Расстояние между блоками – 1.25 м.

Примерно в 8.5–9 м к востоку от винодавильни находилась обширная яма аморфной в плане формы длиной 6.5 м по линии С–Ю, шириной 4–6.3 м по оси З–В. Глубина ямы различна – от 15 до 36 см. При этом внутри большой ямы прослежено шесть ям конической формы. Предположительно это ямы, в которые могли вкапываться пифосы. В этом случае вся конструкция представляла собой хранилище вина. Кроме того, вблизи винодавильни обнаружены развалы еще восьми пифосов, вкопанных в землю.

К комплексу винодельни скорее всего относится и колодец, расположенный в 0.9 м от северо-западной части давильных площадок

1

2

3

Рис. 5. Разборка цистерн. *1* – общий вид цистерн с востока; *2* – разрез, вид с востока; *3* – дно, вид с запада.

Fig. 5. Dismantling of the tanks

(рис. 2, 7). В верхней части яма его имела округлую в плане форму диаметром 1.9–2 м. На глубине 1.1 м яма сужается до 0.9–1. На глубину 20–30 см узкая часть колодца была облицована кладкой из необработанных камней. Ширина кладки – 20–30 см. Ниже яма вырублена в железняке. Она имела цилиндрическую форму с отвесными стенками. Яма была выбрана на глубину 3.62 м, после

Рис. 6. Место крепления рычажного механизма, северный фас.

Fig. 6. Mounting spot of the lever mechanism, northern face

Рис. 7. Колодец.

Fig. 7. The well

чего в ней появилась вода и работы были прекращены.

Винодельня поселения Тамань 16, исследованная в 2018 г., пополнит список известных на сегодняшний день боспорских сооружений, связанных с производством вина. По принятой в литературе индексации ее можно назвать “Т16-1”. Поселение входит в сельскую округу крупного центра Азиатского Боспора – античного города Гермонасса, поэтому необходимо проанализировать информацию об исследованных здесь винодельнях. По данным Н.И. Винокурова, на территории Гермонассы исследовано две винодельни (Грм-1 и 2). Одна из них располагалась на Нагорном раскопе, другая – на Северном. Обе винодельни датируются II–III вв. и представляют собой композитные винодавильни стандартной планировки с тремя смежными резервуарами, тремя давильными платформами, вспомогательными и распределительными платформами (Винокуров, 1999. С. 35, 36). Еще одна винодельня этого же типа была раскопана на поселении Пятиколодезное (Птк-1), которое также входит в округу Гермонассы (Блаватский, 1957. С. 126–129; Гайдукевич, 1958. С. 457; Винокуров, 1999. С. 35, 36). Она также относится к III в. Винодавильня, обнаруженная на поселении Тамань 16, конструктивно отличается от них. Прежде всего, у нее отсутствуют капитальные стены, следовательно, это было сооружение открытого типа. По классификации Н.И. Винокурова она относится к типу KI-2, композитная винодельня с двумя стандартно расположенными резервуарам (Винокуров, 1999. С. 33, 34). Она имела три давильные площадки, следовательно, здесь был рычажно-винтовой пресс. Обнаружено место, где мог быть закреплен винтовой механизм. Винодавильня Т16-1 не имела каменных стен, поэтому можно предположить, что задний конец рычага крепился в щели мощной вертикальной стойки или между двумя стойками, как это было принято в римской традиции виноделия (Гайдукевич, 1958. С. 390, 391). В этом случае длина рычага пресса должна была составлять около 7.5 м. Можно вычислить также объем цистерн для сбора сусла. Размеры их по дну составляют 0.8–0,9 × 1 м, по верхнему краю – 1.25–1.5 × 1.3. Глубина резервуаров – 1.65–1.75 м. Таким образом, внутренний объем каждой цистерны составляет в среднем 2 м^3, общий внутренний объем обеих – 4. Согласно подсчетам Н.И. Винокурова, для заполнения суслом таких цистерн требовалось около 7 т винограда.

В целом конструкция винодавильни Т16-1 достаточно стандартна. Сходные сооружения известны как в европейской, так и в азиатской части Боспора. На Тамани аналогичное строение имеет винодельня Кеп 3 (первая половина I в. н.э.), открытая в Кепах в 1967 г., Бт I-2 (I в. н.э.) на городище Батарейка I и винодельня Г12 (II в. н.э.) у Широкой улицы в Горгиппии (Сокольский, 1970. С. 82–85, 88–91; Алексеева, 1997. С. 163–166). Все эти сооружения имели капитальные стены. Винодавильни Бт I-2 и Г12 имели дополнительные площадки, которые, как считает Е.М. Алексеева, предназначены для разборки и сортировки винограда

(Алексеева, 1997. С. 155). Три давильные площадки и два резервуара имеет винодавильня П1 (II в. н.э.) на северном склоне горы Митридат в Керчи (Гайдукевич, 1958. С. 438).

Таким образом, все известные винодельни типа KI-2 датируются первыми веками н.э. Винодавильня Тамани 16 – не исключение. Непосредственно в сооружении датирующий материал отсутствовал, но, исходя из общей ситуации на раскопе, ее можно отнести к I–II вв. н.э.

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.

Блаватский В.Д. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 118–130.

Буравлев С.А. Отчет о спасательных археологических разведках, направленных на уточнение границ и мощности культурного слоя памятников археологии, попадающих в зону строительства сухогрузного морского порта Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1. № 29247.

Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М.: МГПУ, 1999. 190 с.

Волков И.В. Отчет о раскопках курганного могильника Черный Ерик-1 в Славянском р-не Краснодарского края и о разведках на Азовском побережье в Славянском и Темрюкском р-нах Краснодарского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 22487.

Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. Т. II: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 85). С. 352–457.

Сокольский Н.И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 75–98.

Сударев Н.И. Отчет об охранных археологических работах (разведках) на территории г.-к. Анапы, Темрюкского и Крымского р-нов Краснодарского края в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 28893–28896.

Сударев Н.И. Отчет о проведении археологических разведок на территории г.-к. Анапа, г. Славянска-на-Кубани Славянского р-на и в Темрюкском р-не Краснодарского края в 2012 г. // Архив ИА РАН. 2012. Р-1. № 35481–35484.

Сударев Н.И. Отчет о проведении археологических разведок на территории Темрюкского, Славянского, Абинского, Крымского р-нов, г.-к. Анапа, г.-к. Геленджик, г. Новороссийска, г. Краснодара в 2015 г. // Архив ИА РАН. 2015. Р-1. № 46421–46432.

ANTIQUE WINERY FROM THE EXCAVATIONS OF THE FORTIFIED SETTLEMENT TAMAN 16

Emma D. Zilivinskaya[1,*], Nadezhda S. Maltseva[2], Pavel A. Petrov[2,], Pavel M. Sokolov[2,***]**

[1]N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia
[2]Engineering and Technical Centre for Special Works, St. Petersburg, Russia

[*]E-mail: eziliv@mail.ru
[**]E-mail: pavel_petrov@me.com
[***]E-mail: sokolov.pm@gmail.com

In 2017, during the construction of approach roads to the Crimean bridge on the Taman Peninsula, excavations of the settlement Taman 16 were conducted. The site dates back to the first centuries AD, as well as the Middle Ages. The most interesting object at the excavation site is the winery of the antiquity period. The structure consisted of three pressing grounds and two storage tanks. On the side grounds, grapes were crushed with feet, while in the centre between them there was a press base. Opposite the middle part of the pressing ground, support stones for holding the press lever were found. The pressed must entered the tanks buried in the ground, whose walls are made of small stones and coated with lime mortar. The winery complex includes pits with traces of pithoi dug in them and a well. The structure had no stone walls, so it can be assumed an open winery. The investigated winery dates back to the 1st–2nd centuries AD. Similar structures are known both in the European and Asian parts of the Bosporus, for example, in Kepoi, Gorgippia, and Kerch.

Keywords: salvage excavations, Temryuk district, Krasnodar Territory, settlement, antiquity, winery, pressing grounds, tanks.

REFERENCES

Alekseyeva E.M., 1997. Antichnyy gorod Gorgippiya [The ancient city of Gorgippia]. Moscow: Editorial URSS. 560 p.

Blavatskiy V.D., 1957. The fourth year of excavations in Sindik. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 70, pp. 118–130. (In Russ.)

Buravlev S.A. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh razvedkakh, napravlennykh na utochneniye granits i moshchnosti kul'turnogo sloya pamyatnikov arkheologii, popadayushchikh v zonu stroitel'stva sukhogruznogo morskogo porta Taman' v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2011 g. [Report on salvage archaeological reconnaissance aimed to determine the borders and thickness of the cultural layer on the sites within the construction area of Taman sea port in Temryuk district of Krasnodar Territory in 2011]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2011, R-1, № 29247. (Unpublished).

Gaydukevich V.F., 1958. Winemaking in the Bosporus. *Bosporskiye goroda [Bosporan cities], II. Raboty Bosporskoy ekspeditsii 1946–1953 gg. [Works of the Bosporus Expedition of 1946–1953]*. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR, pp. 352–457. (MIA, 85). (In Russ.)

Sokol'skiy N.I., 1970. Winemaking in the Asian part of the Bosporus. *SA [Soviet archaeology]*, 2, pp. 75–98. (In Russ.)

Sudarev N.I. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok na territorii g.-k. Anapa, g. Slavyanska-na-Kubani Slavyanskogo r-na i v Temryukskom r-ne Krasnodarskogo kraya v 2012 g. [Report on archaeological reconnaissance in the cities of Anapa, Slavyansk-on-Kuban of Slavyansk district and in Temryuk district of Krasnodar Territory in 2012]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2012, R-1, № 35481–35484. (Unpublished).

Sudarev N.I. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok na territorii Temryukskogo, Slavyanskogo, Abinskogo, Krymskogo r-nov, g.-k. Anapa, g.-k. Gelendzhik, g. Novorossiyska, g. Krasnodara v 2015 g. [Report on archaeological reconnaissance in the cities of Anapa, Slavyansk-on-Kuban of Slavyansk district of Krasnodar Territory in 2015]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2015, R-1, № 46421–46432. (Unpublished).

Sudarev N.I. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh rabotakh (razvedkakh na territorii g.-k. Anapy, Temryukskogo i Krymskogo r-nov Krasnodarskogo kraya v 2010 g. [Report on salvage archaeological works (reconnaissance) in the city of Anapa, in Temryuk and Krym districts of Krasnodar Territory in 2010]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2010, R-1, № 28893–28896. (Unpublished).

Vinokurov N.I., 1999. Vinodeliye antichnogo Bospora [Winemaking of the Ancient Bosporus]. Moscow: MGPU. 190 p.

Volkov I.V. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika Chernyy Erik-1 v Slavyanskom r-ne Krasnodarskogo kraya i o razvedkakh na Azovskom poberezh'ye v Slavyanskom i Temryukskom r-nakh Krasnodarskogo kraya v 2000 g. [Report on excavations of the mound cemetery Cherny Erik-1 in Slavyansk district of Krasnodar Territory and on reconnaissance on the Azov Sea coast in Slavyansk and Temryuk districts of Krasnodar Territory in 2000]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, 2000, R-1, № 22487. (Unpublished).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 141–156

КАЛМАНИЕМИ 1 – ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ВИКИНГОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

© 2020 г. С.В. Бельский[1,*], К.В. Шмелев[2,]**

[1]Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
[2]Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[*]E-mail: stbel@kunstkamera.ru
[**]E-mail: k.shmelev@spbu.ru

Поступила в редакцию 05.03.2019 г.

В 2017 г. экспедиция МАЭ РАН исследовала погребальный комплекс Калманиеми 1 (*Kalmaniemi* – фин. букв. “Мыс смерти”) в Лахденпохском районе Республики Карелия. Объект локализован на высоком скалистом мысу северного побережья Ладожского озера. Выявлено погребение, совершенное по обряду кремации на стороне. На площади раскопа найдено 54 целых и 8 фрагментов железных ладейных заклепок, а также 3 скобы. Судя по их распределению, над погребением было поставлено небольшое судно (деревянные части не сохранились), около 6-7 м в длину, предположительно килем вверх. Также обнаружен комплекс вооружения, характерный для эпохи викингов в IX–первой половине X в.: наконечник копья, два боевых топора, три навершия плетей с шумящими привесками. Помимо них найдены две стеклянные (одна в двух фрагментах) и одна сердоликовая бусины, побывавшие в погребальном костре. Датировка подтверждается результатами радиоуглеродного анализа кальцинированных костей из погребения. Погребальный комплекс Калманиеми 1 уникален для Северного Приладожья и Карелии в целом. Материалы памятника с очевидностью подтверждают достаточно раннее присутствие скандинавов (или носителей скандинавской традиции) на северном побережье Ладожского озера.

Ключевые слова: эпоха викингов, Северное Приладожье, могильники, кремация, захоронение с лодкой.

DOI: 10.31857/S086960630008258-2

Традиция погребений в лодке или корабле – одна из нескольких погребальных практик североевропейского населения железного века и раннего средневековья. Они представлены разными типами обряда: ингумация, кремация на месте и кремация на стороне, объединяемые только использованием плавсредств или их частей. В Восточнобалтийском регионе они связываются со скандинавской традицией. На территории современной России найдено около десятка таких объектов: Гнездово, возможно, Тимерево, а также Усть-Рыбежна 19 и Плакун[1]. Отметим, что два последних представляют собой погребения по обряду сожжения, но помещенные в могилу ладьи или их части, вероятно, не были сожжены. Кроме перечисленных выше памятников в ряде случаев в составе погребальных комплексов на территории России зафиксированы небольшие скопления и отдельные корабельные заклепки.

В Финляндии захоронения, в составе комплекса которых обнаружены многочисленные заклепки, представлены исключительно кремациями, начиная с эпохи Меровингов (Raike, 1996. S. 21. Kuv. 2). Они известны только в юго-западной и западной частях страны, у побережья Ботнического залива, а также на Аландских островах (Raike, 1996. S. 22–24. Kuv. 3–5). Далее на восток – в Центральной, Восточной Финляндии и в Карелии такие памятники до недавнего времени не обнаружены. Однако находки отдельных лодочных заклепок

[1] В настоящее время полноценный обзор по проблематике археологического изучения погребений в сопровождении какого-либо судна в Балтийском регионе и в Восточной Европе представлен в недавней статье П.Е. Сорокиным (2018). В частности, исследователь отметил комплекс Калманиеми 1, сославшись на доклад одного из авторов (Сорокин, 2018. С. 239, 245. Рис. 2, *3*), который можно отнести к этому же кругу древностей.

Рис. 1. Северо-Западное Приладожье. Местоположение комплекса Калманиеми 1.
Fig. 1. Northwestern Ladoga littoral. The location of the Kalmaniemi 1 complex

как в погребальных комплексах (Бельский, 2018. Рис. 29, *9*; 65, *8–10*), так и в слоях поселений (Кочкуркина, 1981. Табл. 7, *5*) известны. Учитывая обилие памятников эпохи викингов, особенно в Северном Приладожье, находка подобного рода объекта была вполне ожидаемой (рис. 1).

Археологические исследования в Северо-Западном Приладожье, в частности в окрестностях Куркийоки (*Kurkijoki,* в настоящее время административный центр Куркиекского сельского поселения Лахденпохского р-на Республики Карелия) были начаты еще во второй половине XIX в. (обзор историографии см. Сакса, 2010. С. 16–27).

Особенно высокая концентрация памятников железного века – городищ, могильников и кладов – отмечается в окрестностях деревень Кууппала (в настоящее время не существует) и Соскуа (подробнее см. Сакса, 2010. С. 245–269. Рис. 82). Здесь обращает на себя внимание группа топо/гидронимов при впадении р. Сосуанйоки в Ладогу: мыс Калманиеми (= *Мыс смерти*), гора Хииденмяки (= *гора Хийси* – мифологического персонажа, сходного с русским лешим. Часто с такими топонимами связаны могильники или жертвенные места), гора Линнамяки (= *Крепостная*), характерных для мест возможной локализации археологических памятников.

Мыс Калманиеми представляет собой вытянутую в меридиональном направлении, покрытую густым лесом узкую скалистую возвышенность шириной 0.2–0.25 км, длиной 0.6, ограниченную с востока и запада заливами Ладоги (рис. 2). Наиболее высокая точка расположена на абсолютной отметке 55 м. Восточный склон обрывается в сторону узкого залива – устье р. Соскуанйоки (*Soskuanjoki*). Этот залив сейчас почти полностью зарос тростником. Западный склон возвышенности сформирован небольшой безымянной бухтой северного берега узкого пролива Кююрюсалми

Рис. 2. Вид (с юга) на мыс Калманиеми со стороны залива Лайккаланлахти.
Fig. 2. A view of Cape Kalmaniemi from Laikkalanlahti Bay (from the south)

(*Kyyrysalmi*). На противоположном берегу этой бухты, прорезанной дополнительно еще одним узким безымянным мысом, расположено городище Яамяки (*Jäämäki* – букв. "Ледяная гора"). Памятник зафиксирован Х. Аппельгреном, им же составлен единственный пока его топографический план (Appelgren, 1891. Kuv. 119). Археологические исследования здесь не проводились (Кочкуркина, 2010. С. 18).

Геологическое строение возвышенности при устье р. Соскуанйоки имеет свою специфику. В результате неравномерного изостатического поднятия поверхности после последнего оледенения по берегам Ладоги сформировались террасовидные уступы, сложенные гранито-гнейсами. На мысу Калманиеми прослеживается как минимум четыре уровня таких уступов – естественных относительно ровных площадок, ограниченных с одной стороны обрывом, с противоположной, тыловой части – крутым подъемом или почти вертикальной скалой, которая, соответственно, образует обрыв выше расположенного уступа.

На условно первом – прибрежном уступе, на южной оконечности мыса Калманиеми, расположена рыбацкая стоянка. По площади она небольшая, ограничена скальным обрывом к урезу воды. Далее начинается подъем, который переходит в относительно ровную площадку – второй террасовидный уступ, открытый в сторону Ладоги. Центральная часть этой площадки ровная, без существенных перепадов рельефа. Здесь и был обнаружен публикуемый памятник. С южной стороны площадка ограничена вертикальным скальным обрывом, омываемым водой Ладожского озера. Превышение над современным урезом воды (август 2017 г.) составляет 10.7 м. С противоположной северной стороны площадка ограничена также вертикальной скалой, высотой 7.2 м, которая является обрывом третьего уступа. Ширина площадки в направлении С–Ю (между скальным обрывом и скальным подъемом) в данном месте составляет 14.5 м. С нее в южном и западном направлениях открывается живописный вид на острова и залив Лайккаланлахти. Далее ровный участок заканчивается и переходит в относительно пологий каменистый склон, спускающийся в западном направлении к маленькой бухте, ограничивающей с запада склон возвышенности Калманиеми. До начала работ на площадке произрастала кустарниковая растительность, мелкие лиственные деревья (ольха, осина, клен), присутствовало также несколько крупных сосен.

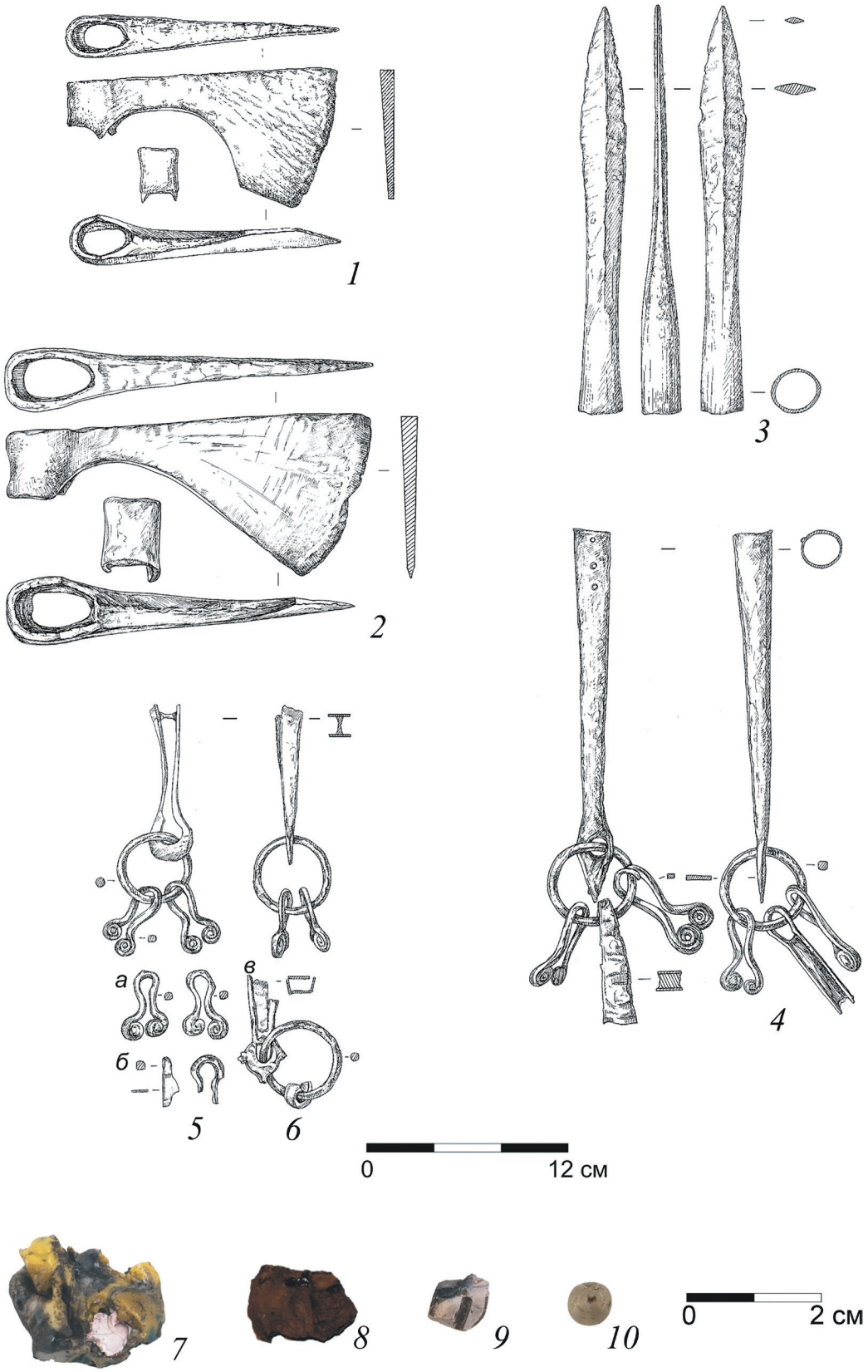

Рис. 3. Калманиеми 1. Комплекс находок. *1–6* – железо; *7, 8, 10* – стекло; *9* – камень (сердолик).
Fig. 3. Kalmaniemi 1. Assemblage of finds

При проведении здесь разведочных работ, под нависающей над площадкой скалой, одним из авторов обнаружен топор типа V по типологии А.Н. Кирпичникова (рис. 3, *1*). В 2 м к востоку от него найдена железная лодочная заклепка. При проверке поверхности с помощью металлодетектора зафиксированы многочисленные звуковые сигналы от находящихся в грунте металлических объектов. Сигналы распространялись на площади примерно 70 м^2 вплоть до обрыва в сторону берега Ладоги. Учитывая опыт работы на археологических памятниках Карелии, сделан вывод, что здесь расположен непотревоженный могильник в сопровождении большого количества вещей. Было принято решение провести археологические раскопки, тем более что небольшая площадь естественной площадки позволяла изучить открытый объект полностью.

До начала работ какие-либо следы наземных конструкций, а также вершины крупных валунов или скал, характерные для других памятников подобного типа в Карелии, на размеченной площади раскопа не выявлены. Тем не менее следует обратить внимание на присущую памятникам северного побережья Ладоги особенность, когда погребения совершены на относительно ровных естественных площадках, расположенных под возвышающимися над ними скалами (Бельский, 2018. С. 162, 163. Рис. 33). Здесь высокая, почти отвесная скала – примечательный элемент ландшафта. Несомненно, что это место было выбрано не случайно.

Стратиграфия напластований на изученном памятнике оказалась не сложной. После снятия дерна, имевшего мощность не более 0.05 м, был разобран горизонт темного гумусированного суглинка, имевшего мощность 0.15–0.2 м, максимально до 0.25 м (на пониженных участках у скалы), который подстилался светлым суглинком – материком. В целом, такая минимальная глубина напластований типична для подобных памятников в данном районе Приладожья.

На основной площади раскопа, в слое темного гумусированного суглинка обнаружены отдельные некрупные камни – до 0.2 м максимальной длиной стороны, но они не образовывали каких-либо отчетливых скоплений или конструкций. Можно предположить, что площадка перед совершением захоронения была специально подготовлена, расчищена от камней. Это наблюдение подтверждается особенностями, зафиксированными в юго-западной части раскопа. Здесь материковая поверхность была сложена моренным светлым суглинком с большим количеством камней. Однако некоторые из них располагались выше, в слое гумусированного суглинка. Вероятнее всего, они были перемещены сюда с основной площади, где было совершено захоронение, в процессе ее расчистки.

Горизонт темного суглинка был наиболее глубоким и интенсивно окрашенным в центральной части раскопа. К краям раскопа он истончался, светлел и переходил в типичную стратиграфию рыхлых отложений, характерных для северного побережья Ладожского озера: тонкий слой дерна и светлый моренный суглинок под ним.

В юго-восточной части раскопа на глубине от 0.05 до 0.25 м от современной поверхности расчищена поверхность скалы. Ее поверхность была наклонена и понижалась в северном и западном направлениях, в сторону вертикальной скалы в тыловой части площадки. Таким образом, в геологическом отношении участок, где было совершено погребение, представлял собой некоторое понижение между двумя крупными скальными массивами, заполненное относительно рыхлым грунтом.

Погребение 1

Пятно темного гумусированного суглинка, округлых очертаний, диаметром около 1 м, проявилось на глубине 0.25 м от современной поверхности в центральной части раскопа. В нем присутствовали включения отдельных достаточно крупных углей, которые были собраны на радиоуглеродный анализ. В процессе расчистки выяснилось, что его мощность составляет не более 0.04 м. Заполнение пятна было однородным, состояло из темного гумусированного суглинка с включениями угля, кальцинированных костей и артефактов (железных лодочных заклепок), а также отдельных мелких камней, не составлявших какую-либо отчетливую структуру (рис. 4). Всего собрано семь мелких фрагментов кальцинированных костей, два из которых определены как фрагменты черепа и бедренной кости *Homo Sapience*[2]. Таким образом, данное гумусированное пятно представляло собой следы захоронения человека, совершенного по обряду кремации на стороне. Для захоронения

[2] Определения костей сделаны остеологом Анне-Мари Лира (*Anne-Mari Liira*), Университет Турку, Финляндия.

Рис. 4. Калманиеми 1, раскоп 1. Заклепки и кальцинированные кости *in situ*, вид сверху.
Fig. 4. Kalmaniemi 1, excavation site 1. Rivets and calcined bones *in situ*, top view

была расчищена площадка у понижения скалы, куда были ссыпаны отдельные кости, угли и зола. Однако, ввиду отсутствия выраженных границ пятна и его минимальной мощности, какая-либо, даже неглубокая, могильная яма для погребения не прослежена. Кости были рассыпаны по краю скалы, возможно, прикрыты затем небольшим количеством грунта или дерном.

По кальцинированной кости из данного погребения получена радиоуглеродная дата AMS ^{14}C – 1173±27 лет назад (Ua-55761). Календарный возраст образца (2 σ) с вероятностью 95% определен в интервале 770–900 кал. лет н.э. (рис. 5)[3].

Гумусированное пятно 2

Второе аморфное пятно темного гумусированного суглинка, мощностью 0.04 м, открыто в 1 м к востоку от приблизительных границ пятна 1. Его границы были сильно потревожены корнями произраставшего рядом дерева (ольхи). Оно имело схожую структуру с предыдущим и также включало отдельные скопления древесного угля и артефакты (железные лодочные заклепки), также примыкало с севера к расчищенному склону скалы. Вполне вероятно, что оба пятна темного суглинка составляют единую структуру – остатки рассыпанного вдоль склона скалы погребения.

Наличием указанных двух (или одного более крупного, но сильно потревоженного корневыми системами близко расположенных деревьев) пятен гумусированного суглинка исчерпывались какие-либо структуры, сформированные в результате деятельности человека на всей открытой площади раскопа. Расчищенные камни в юго-западной части, как уже отмечалось, имели естественное происхождение и не составляли выраженной структуры. Некоторые их них тем не менее были перемещены либо вследствие расчистки площадки под погребение, либо в результате движения корней крупных деревьев.

Тем не менее на основании горизонта темного суглинка, который истончался к краям раскопа, к юго-западу от основной концентрации в пятне темного суглинка (пятно № 1) обнаружено три фрагмента кальцинированных костей. Кроме того, рядом, на том же уровне найдены фрагмент сердоликовой обожженной бусины и целая маленькая бусинка светлого прозрачного стекла. Достаточно затруднительно определить указанные находки как

[3] Калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась в программе OxCal 3. 10 (Bronk Ramsey, 2005. P. 57–64).

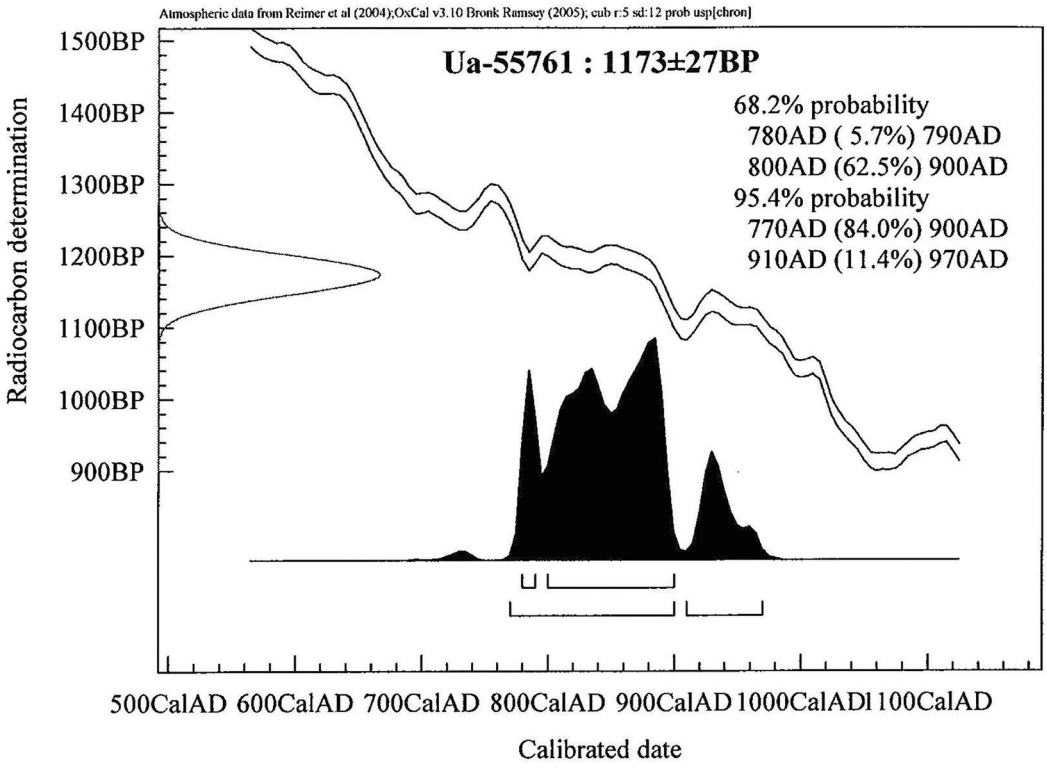

Рис. 5. Калманиеми 1, погребение 1. Результаты радиоуглеродного датирования (по кальцинированным костям).
Fig. 5. Kalmaniemi 1, burial 1. Results of radiocarbon dating (for calcined bones)

свидетельство наличия еще одного (женского?) погребения в изученном комплексе. Для этого их количество должно было быть значительно большим, но наличие находок бусин вносит некоторые сомнения. Пока определенно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

Таким образом, одна из наиболее вероятных реконструкций комплекса может быть описана следующим образом: на специально расчищенную от камней площадку под высокой вертикальной скалой были ссыпаны кальцинированные кости, смешанные с углем и золой из погребального костра. Такие археологически зафиксированные элементы погребальной обрядности характерны для памятников Карелии X–XII вв. (Бельский, 2018. С. 240–250). Где был расположен погребальный костер – не известно. На данном этапе исследований в Карелии при обилии могильников с кремациями ни одно место сожжения пока не зафиксировано.

Затем над погребением вверх килем была поставлена лодка, образуя, таким образом, своего рода свод над ним. Возможно, она была обложена дополнительно дерном и присыпана землей. Такой вывод следует из того, что все элементы крепежа обнаружены на некоторой глубине от современной поверхности. Если бы она стояла на поверхности, то такое их залегание было бы маловероятным. Через некоторое время борта просели бы (это произошло бы в любом случае, вне зависимости килем вниз или вверх она была поставлена), соответственно заклепки и скобы от их крепления распределились по более широкой площади.

На этом основании к исследованному объекту более применим термин “комплекс”, чем “могильник”, поскольку речь идет об одиночном захоронении при наличии нескольких элементов – следов погребально-поминальных ритуалов, обнаруженных вне самого места погребения.

Находки (коллекция МАЭ (Кунсткамера) РАН № 7676)

Элементы крепежа лодки. Основную категорию находок составили железные заклепки и скобы – детали крепления некоей деревянной конструкции (рис. 6, 7). Всего на открытой площади найдено 54 целых и 8 фрагментированных изделий. Они, по заключению реставраторов, не имели следов воздействия

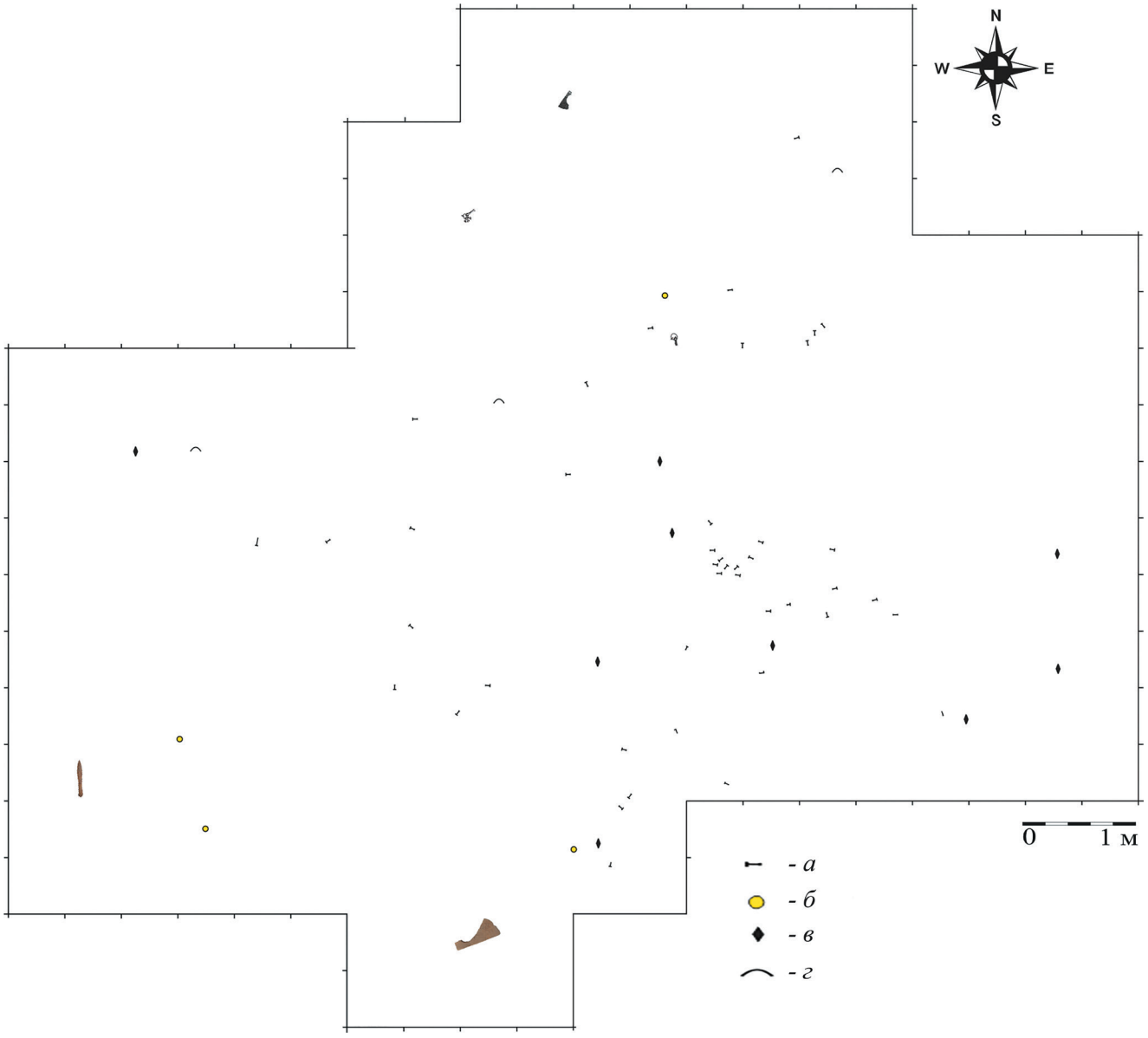

Рис. 6. Калманиеми 1, раскоп 1. Распределение находок. План. Условные обозначения: *а* – заклепка; *б* – бусина; *в* – фрагмент заклепки; *г* – скоба.

Fig. 6. Kalmaniemi 1, excavation site 1. Distribution of finds by types. A plan view

огня[4]. Подавляющее большинство этих находок обнаружено *in situ*. Это позволило не только нанести на общий чертеж их точное положение, но и зафиксировать ориентировку.

Залегали указанные изделия на приблизительно одинаковой глубине: либо под дерном, либо в слое темного суглинка. Часть из них обнаружена непосредственно на скале в юго-восточной и южной частях раскопа, но глубина рыхлых отложений здесь минимальна – не более 0.05–0.07 м от современной поверхности. Особая концентрация (17 ед.) зафиксирована в пятне (№ 1) темного гумусированного суглинка, определенном как остатки погребения (рис. 4; 6).

Распределение основного массива заклепок в плане показывало вытянутую в направлении С–Ю структуру длиной около 6.5-7 м, шириной около 2 (рис. 6). Конечно, указанные размеры ввиду большой площади распространения крайне приблизительны. Но, на взгляд

[4] Авторы приносят большую благодарность реставраторам Н.С. Курганову и К.В. Горлову.

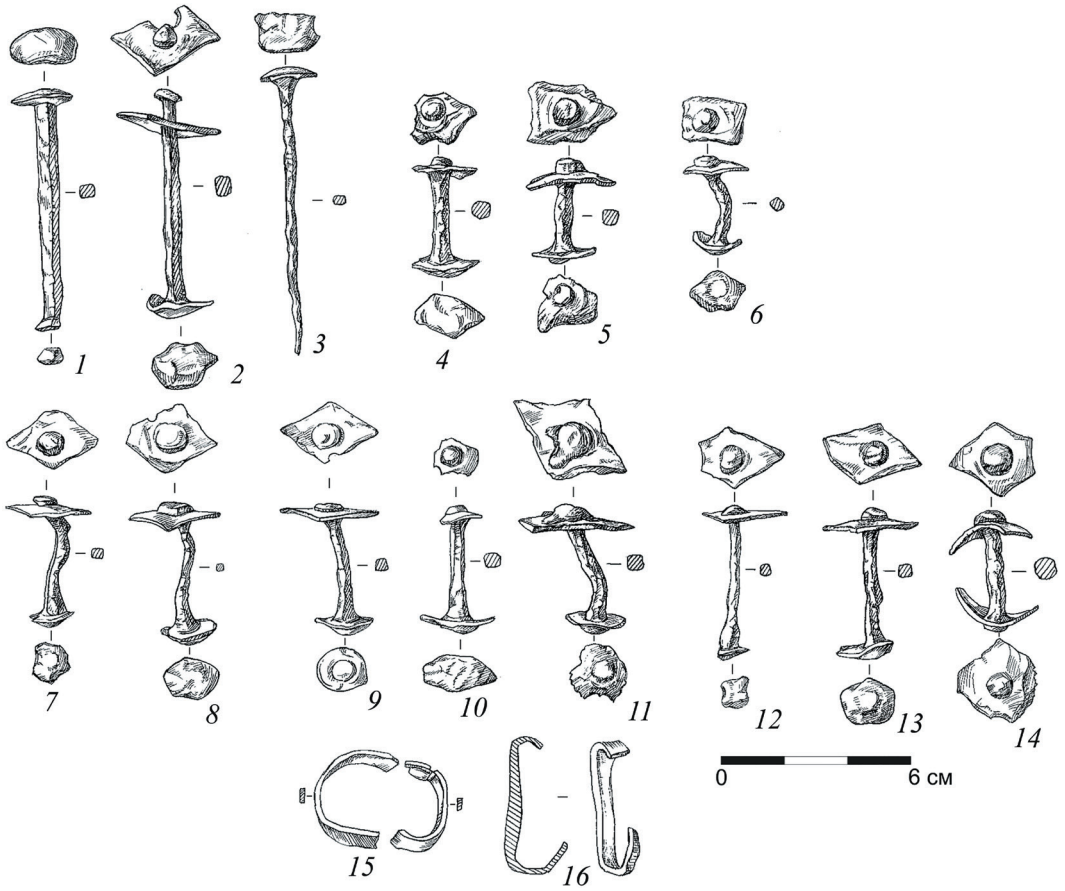

Рис. 7. Калманиеми 1. Лодочные заклепки (*1–14*) и скобы (*15, 16*). Железо.
Fig. 7. Kalmaniemi 1. Boat rivets (*1–14*) and cramps (*15, 16*). Iron

авторов, в результате раскопок найдены элементы именно небольшой лодки.

Применение заклепок в судостроении связано с так называемой клинкерной техникой сборки обшивки, при этом скрепление досок заклепками – один из нескольких вариантов крепежа обшивки. Использование заклепок на протяжении I тыс. н.э. связано со всем Североевропейским регионом, но в более позднее время характерно прежде всего для скандинавских стран, в народной традиции которых их применение фиксируется по крайней мере до начала XX в.

В историографии, посвященной археологическим признакам погребения с лодкой, стало общим местом упоминание заключения М. Мюллер-Вилле о том, что комплексы, включавшие более 50 судовых заклепок, считать, вероятно, содержавшими лодку; имевшие более 100 заклепок – достоверно (Müller-Wille, 1970. S. 44, 157). Тем не менее единый критерий в историографии пока не сложился (Сорокин, 2018. С. 237).

Весь массив заклепок из Калманиеми уверенно разделяется на насколько типов: немногочисленные (3 шт.) “длинные” длиной около 10 см (рис. 7, *1–3*), “средние” длиной 6–8 см (рис. 7, *7–14*) и “короткие” длиной 5–6 см и менее (рис. 7, *4–6*). Граница между этими типами весьма условна. Отдельно можно рассматривать поврежденные заклепки, у которых невозможно вычислить длину (8 экз.), особняком находится группа из трех скоб (рис. 7, *15, 16*). Во всех случаях, когда в силу сохранности была возможность определить сечение стержня заклепки, оно было близким к квадрату.

Две крупные заклепки обнаружены в районе границы пятна распространения находок (рис. 8). Выскажем предположение, что они связаны с креплением судового набора, в то время как малые и средние предназначались для крепежа поясов обшивки. В любом

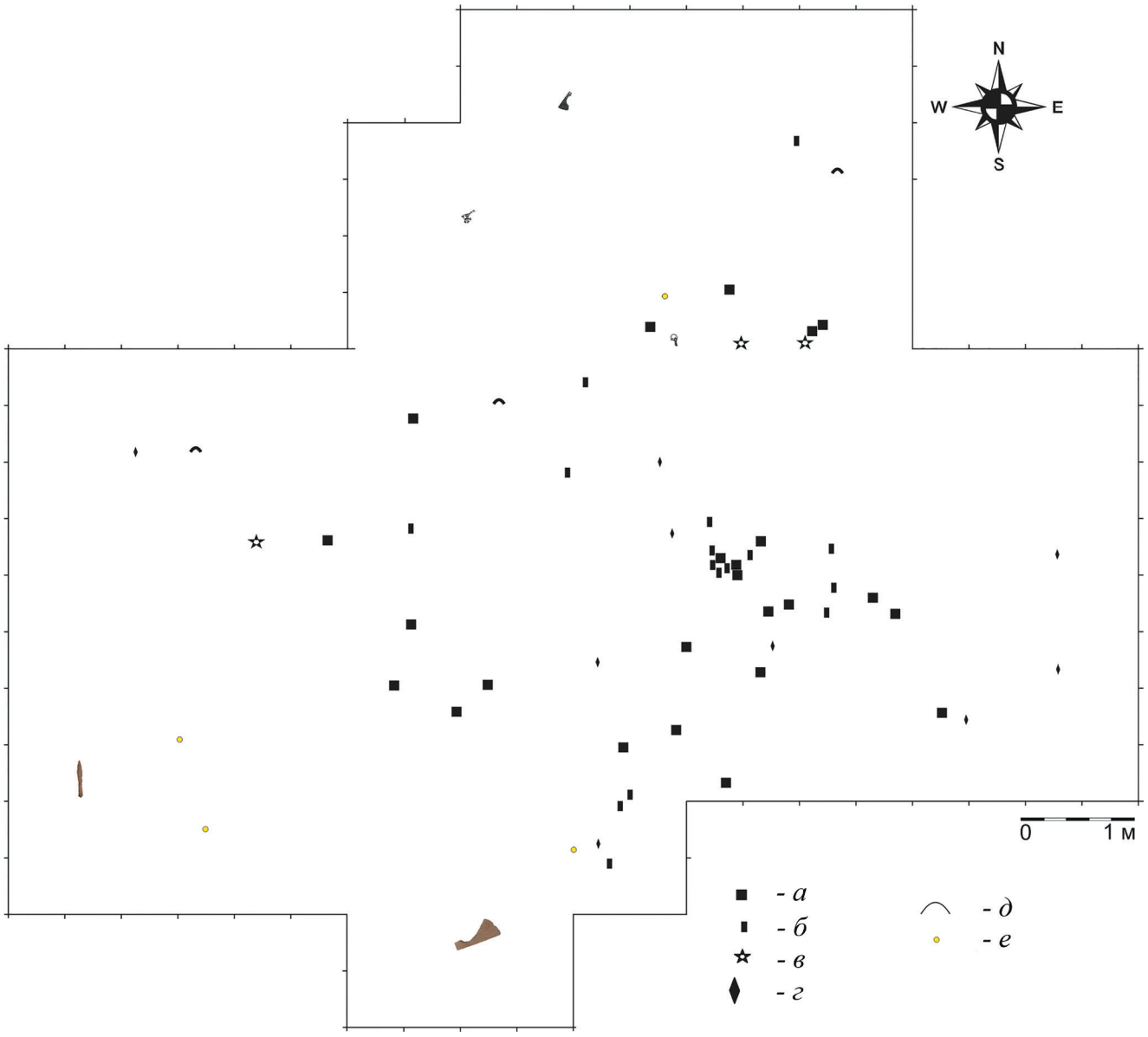

Рис. 8. Калманиеми 1, раскоп 1. Распределение типов находок. План. Условные обозначения: *а–г* – заклепки: *а* – “короткие”; *б* – “средние”; *в* – “длинные”; *г* – фрагменты; *д* – скобы; *е* – бусины.

Fig. 8. Kalmaniemi 1, excavation site 1. Distribution of finds by types. A plan view

случае это количество может быть использовано только для сборки очень небольшой лодки. Или, что наиболее вероятно, речь может идти об однодеревном судне с нарощенными бортами. Не исключено, что погребальные действия совершались не с целым плавсредством, а с его частью, например одним бортом. Косвенно на размеры этого объекта указывает использованная для места захоронения площадь естественного участка скальной поверхности. Еще один косвенный признак, подтверждающий, что заклепки служили для сборки именно судна, а не какой-либо иной конструкции, – характер повреждения значительной (порядка 40–50%) части коллекции. Их головки (шляпки) имеют следы износа и коррозии, в ряде случаев они существенно сношены. В то же время части, располагавшиеся в толще древесины, т.е. тело заклепок и ромбовидные клинкер-шайбы, находившиеся с внутренней стороны обшивки, следов износа почти не имели. Таким образом, наиболее повреждены именно внешние (шляпки) части, которые в ходе эксплуатации находились в воде, а также подвергались деформациям при различных действиях – волочении по дну,

трении и ударах при швартовке и т.д. Следует также подчеркнуть, что подавляющее большинство заклепок найдено целыми, клинкерные шайбы с них не были сбиты. Этот факт свидетельствует, что деревянная конструкция над погребением, что бы она из себя ни представляла, была целой, не разбиралась для каких-то исключительно утилитарных целей.

Другие находки

Ланцетовидный наконечник копья типа E, по Я. Петерсену, или I ,по А.Н. Кирпичникову, был обнаружен на глубине не более 0.05 м от современной поверхности, в юго-западной части раскопа, в некотором отдалении от основной зоны концентрации железных элементов крепежа (рис. 3, *3*; 6, 8). Обращало внимание его положение: перо было смещено под наклоном вверх в результате того, что снизу пророс крупный корень от стоящей рядом сосны. Очевидно, что *in situ* зафиксировано не первоначальное положение предмета. Это наблюдение дополнительно указывает, что на такой минимальной глубине от современной поверхности влияние корней на положение предметов в слое могло быть существенным. Наконечник был обнаружен в зоне концентрации камней и скальных выходов, не перемещавшихся в процессе создания погребальной площадки, и находился в 6.5 м к юго-западу от погребения. Следы костей рядом не зафиксированы.

Я. Петерсен датировал наконечники данного типа VIII–IX вв., но допускал возможность их бытования и позднее (Петерсен, 2005. С. 59, 60). А.Н. Кирпичников отмечал, что такие наконечники (тип 1) повсеместно встречаются на территории Древней Руси, но особенно популярны в X в. (Кирпичников, 1966. С. 11, 12).

Топор с прямой верхней гранью и опущенным лезвием был обнаружен при открытии памятника, на противоположном от наконечника копья крае раскопа на глубине также не более 0.05 м от современной поверхности (рис. 3, *1*; 6, 8). Расстояние от этой находки до погребения составило 4.2 м к северо-западу.

В Карелии топоры такого типа происходят только из предполагаемых могильников с кремациями или кладов (Кочкуркина, 1981. С. 22–24. № 32, 59).

Согласно Л. Тунмарк-Нулен, они представляют собой развитие формы топоров типа C, по Я. Петерсену, и датированы 900–1090/1110-ми годами (Thunmark-Nylen, 1998. Taf. 252, *1–7*; 2006. S. 310, 311, 313). Карельские находки наиболее схожи с древнерусскими изделиями, широко распространенными на севере Восточной Европы. На территории Древней Руси такие топоры (тип V по А.Н. Кирпичникову) распространены в X–XII вв. (Кирпичников, 1966. С. 37, 38. Рис. 6). Исследователь также отметил, что они имеют широкое распространение и кроме Руси типичны для Финляндии, Прибалтики и Прикамья (Кирпичников, 1966. С. 38).

Топор-секира обнаружен у южного края раскопа, на глубине 0.1 м от современной поверхности. Изделие располагалось плоской стороной на материке, непосредственно под дерном (рис. 3, *2*; 6, 8). Расстояние от этой находки до погребения составило 4 м к северо-востоку, до наконечника копья – 3.8 м к северо-западу, до топора, указанного выше, – 7.4 м к северу.

Учитывая прямую верхнюю грань изделия и некоторую скошенность лезвия, его можно отнести к варианту типа K, по Я. Петерсену (2005. С. 75, 76. Рис. 42), но у топора из Калманиеми щекавицы отсутствуют.

В Карелии топоры этого типа ранее не были известны, но ближайшие сходные формы найдены в курганах Юго-Восточного Приладожья (Бранденбург, 1895. Табл. XIII, *6*).

Навершие плети с шумящими привесками № 1. Верхняя часть конусовидной железной обоймы кнутовища с ромбовидным расширением в верхней части, в которое через отверстие продето кольцо (тип I, по А.Н. Кирпичникову), а также фрагменты “лировидных” привесок к нему обнаружены на глубине 0.15 м от современной поверхности, в центральной части раскопа на материке (рис. 3, *6а-в*; 6, 8). Расстояние от рассматриваемого изделия до погребения составило 2 м к северо-западу.

Навершие плети с шумящими привесками № 2. Схожее, но лучше сохранившееся навершие обнаружено в северо-западной части раскопа, в 2 м к северо-западу от предыдущего, на глубине 0.15 м от современной поверхности, в слое темного суглинка (рис. 3, *5*; 6, 8). Предмет фрагментирован: одна из лировидных привесок и часть обоймы расколоты, но при реставрации его удалось восстановить полностью.

Датируются подобные изделия X–XI вв. Прямая и ближайшая аналогия находке – плеть, найденная в комплексе Куркиёки Лопотти (*Kurkijoki Lopotti*) (Appelgren, 1891. S. 148–151;

Kivikoski, 1973. Abb. 998). По мнению А.Н. Кирпичникова, этот тип был изобретен где-то на севере Европы еще в поздний период эпохи Великого переселения народов и удержался там в эпоху викингов (Кирпичников, 1973. С. 71–73). В недавней работе К.А. Михайлов отметил, что такие навершия обнаружены в двух камерах в могильниках Удрай (Новгородская обл.) и Тимерево (Ярославская обл.). Кроме того, он обратил внимание, что чаще всего их находят в погребениях в составе богатого набора вооружения и всаднического снаряжения. Например, в погребениях могильников Лапинлахти[5], Залахтовье (Псковская обл.), Залющик и Вахрушево (Ленинградская обл.), Гнездово (Смоленская обл.), Михайловское (Ярославская обл.) (Михайлов, 2016. С. 110).

Фрагмент стеклянной – желтого стекла с включениями синего и красного стекла – бусины, с полностью утраченной первоначальной формой, обнаружен в слое темного суглинка (рис. 3, *7*; 6, 8). Отметим, что с ним был сплавлен фрагмент сердоликовой бусины. Возможно, это свидетельство наличия ожерелья, части которого были принесены с погребального костра на место захоронения. Аналогии известны в ближайших памятниках, например в могильнике Ристиниеми 1 (Бельский, 2018. С. 172. Рис. 40).

Изделие предположительно относится к группе глазчатых бус. На Карельском перешейке и в Северном Приладожье такие бусины найдены как в погребальных комплексах, так и на поселениях. Эти украшения имеют широкое хронологическое бытование, но появляются в регионе, вероятно, на рубеже IX–X вв.

Фрагмент бусины стеклянной оплавленной, возможно, часть предыдущей, обнаружен также в горизонте темного суглинка, но расстояние между этими находками составило 4.9 м (рис. 3, *8*; 6, 8).

Фрагмент восьмигранной обожженной сердоликовой бусины найден в слое темного суглинка, под дерном. Расстояние до первой бусины составило 6 м на северо-восток (рис. 3, *9*; 6, 8).

Находки сердоликовых бус в памятниках Карелии не редки. В настоящее время известно как минимум два целых ожерелья, в составе которых присутствуют данные украшения: “курган” 1 в Хелюля Хернемяки (Kivikoski, 1944. S. 6) и Ристиниеми 1 (Бельский, 2018. С. 170, 172. Рис. 40). Из наиболее близких к Карелии памятников следует отметить находки призматических восьмигранных бусин в Старой Ладоге в слоях горизонта D, на Рюриковом городище в нижних горизонтах культурных отложений второй половины X в. и в Новгороде также конца X в. (Давидан, 1998. С. 123; Медведева, 2001. С. 53–58; Колчин, 1982. С. 170, 171). Многочисленны их находки и в шведской Бирке (группа Т009 по Й. Калльмеру), где они известны с конца IX в. Й. Калльмер отмечал, что такие бусы редки в памятниках Центральной Европы ранее XI в., но в Скандинавии они особенно распространены в X в. (Callmer, 1977. P. 91).

В Финляндии находки сердоликовых бус особенно характерны для памятников Аландских островов. Также в небольшом количестве они известны в могильниках Юго-Западной Финляндии, в регионах Сатакунта и Варсинайс-Суоми (*Satakunta, Varsinäis-Suomi*) (Lehtosalo-Hilander, 1982. P. 130). Все комплексы датируются XI в. и позднее, за исключением, вероятно, погребения 18/1905 в могильнике Османмяки (*Osmanmäki*), ожерелье из которого может быть датировано X в. (Lehtosalo-Hilander, 1982. P. 130).

Целая маленькая бусинка светлого прозрачного стекла обнаружена на основании горизонта темного суглинка (рис. 3, *10*; 6, 8).

Разведочный шурф

В процессе разведочного обследования территории вокруг раскопа на мысу Калманиеми под дерном обнаружено целое, но сильно корродированное железное навершие плети (тип I, по А.Н. Кирпичникову), типологически сходное с найденными на площади основного раскопа двумя изделиями, но полностью сохранившееся (рис. 3, *4*).

На месте находки, в 5.5 м к северо-западу от северо-западного угла основного раскопа, был заложен разведочный шурф, размерами 2 × 1 м, ориентированный по сторонам света, с целью выяснения контекста местоположения указанного изделия. В процессе расчистки установлено, что под дерном мощностью 0.07–0.1 м, в центральной и западной частях шурфа залегает гранитная скала, имеющая небольшой наклон в южном направлении (в сторону берега Ладожского озера). В восточной части шурфа отложения представлены светлой моренной крупнозернистой супесью (материком) с примесью мелких

[5] Имеется в виду известная каменно-земляная “насыпь” на поле Виролайнена, изученная А. Европеусом в 1921 г. (Сакса, 2010. С. 52. Рис. 10, *7*).

камней. Также в восточной части шурфа расчищено два крупных камня в естественном залегании. Какие-либо искусственно созданные конструкции, ямы, признаки культурного слоя, а также находки других артефактов, угля или кальцинированных костей не зафиксированы. При проверке с помощью металлодетектора поверхности вокруг шурфа звуковых сигналов от металлических объектов также не было.

В итоге, учитывая опыт предыдущих исследований подобного рода погребальных комплексов в Карелии, можно сделать вывод, что данный артефакт был помещен непосредственно на поверхность скалы, затем, возможно, прикрыт дерном. Находки отдельных предметов, в особенности оружия – мечей, наконечников копий, топоров, в данном случае навершия плети, расположенных в отдалении от погребения (-ий), не редкий случай на могильниках эпохи викингов – средневековья в Карелии. Часто оружие может быть вонзено в землю с поверхности или специально сломано или согнуто.

Таким образом, в результате раскопок широкой площадью на мысу Калманиеми открыто погребение, совершенное по обряду кремации на стороне. По всей вероятности, оно было помещено в углубление у края скалы, а над ним было поставлено небольшое судно – лодка (?), предположительно килем вверх. Какие-либо его деревянные части или их отпечатки не сохранились, поскольку глубина залегания была минимальной – в самой глубокой части не более 0.25 м[6]. О его конструкции можно судить, к сожалению, только по косвенным признакам.

Кроме железных элементов крепежа обшивки обнаружен комплекс вооружения, характерный для эпохи викингов IX–первой половины X в. Показательно, что предметы находились по периметру зоны концентрации заклепок (рис. 6, 8). Можно предположить, что какие-то ритуалы, завершившиеся приношением оружия, происходили на площадке уже после того, как над погребением была поставлена лодка.

Помимо оружия и элементов снаряжения всадника обнаружено две стеклянные и одна каменная (сердоликовая) бусины, несомненно, побывавшие в погребальном костре.

Таким образом, материалы изученного памятника с очевидностью подтверждают достаточно раннее, учитывая комплекс вооружения и радиоуглеродную дату по кальцинированным костям, присутствие скандинавов (или носителей скандинавкой традиции) на северном побережье Ладожского озера. В этой связи очень показательна локализация комплексов кремаций X–XI вв., за которой, по мере накопления археологического материала в последние годы, проявляется определенная система.

Наиболее выразительные по составу инвентаря и обрядности захоронения найдены на мысах при впадении в Ладогу относительно крупных для региона рек, текущих с северо-запада. Важно отметить, что это именно отдельные единичные захоронения, не формирующие сколько-нибудь крупных могильников. По нашему мнению, это очевидная закономерность. Многие из рек, в том числе Соскуайоки, были важными звеньями развитой системы внутренних водных путей, ведущих через гряду Салпаусселькя (*Salpausselkä*) в район оз. Саймаа и далее в глубь Финляндии вплоть до Ботнического залива (Петрова, 2018. С. 563–571). Вполне вероятно, что захоронение особых представителей древнего общества именно при устье реки было наглядным показателем контроля некоего коллектива над определенной территорией, осью которой была река – важная транспортная артерия.

Кроме того, очевидные археологические свидетельства присутствия носителей скандинавской традиции не только в материальной культуре, но и в погребальной обрядности, в Северном Приладожье являются некоторым подтверждением сведений ряда саг о походах

[6] У авторов есть сведения, что несколько лет назад в районе современного пос. Мельниково (фин. Räisälä) на Карельском перешейке, на берегу р. Вуокса нелегальными раскопками разрушен некий объект, содержавший “несколько десятков” железных заклепок, которые “копателями” не сохранены ввиду отсутствия у этих артефактов рыночной ценности. Кроме них поблизости обнаружено два фрагмента овальной фибулы типа рис. 54 по Я. Петерсену (единственная такого типа из известных на настоящий момент на Карельском перешейке), имевшие следы пребывания в огне; а также наконечник копья варианта типа E по Я. Петерсену (с удлиненной втулкой), овальное кресало, маленькая подковообразная фибула с гвоздевидными головками, биспиральный цепедержатель, ременная пряжка с литым орнаментированным щитком, четыре четырехугольные тисненые накладки, фрагменты цепочки. Соотношение указанных предметов, явно относившихся к разным хронологическим периодам, и в целом характер данного объекта остались неясными. Но можно предположить, что это следы погребения, совершенного в сопровождении судна, возможно, эпохи викингов, на что указывают некоторые из перечисленных артефактов.

в Кирьялаботнир (= *карельские заливы*), локализация которых именно в районе Куркийоки (Aalto, Laakso, 2009. P. 8) представляется сейчас наиболее обоснованной. Накопленные к настоящему времени данные позволяют утверждать, что Карелия не была отдаленной периферией экономических коммуникаций эпохи викингов. Наоборот, этот регион был органичной частью трансъевропейских путей того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельский С.В. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. Археологические исследования 2010–2016 гг. // Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы. СПб.: МАЭ РАН, 2018 (Свод археологических источников Кунсткамеры; вып. 5). С. 131–262.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: ИАК, 1895 (Материалы по археологии России; вып. 18). 156 с.

Давидан О.И. Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 33. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 123–132.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; вып. Е1-36). 147 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (САИ; вып. Е1-36). 91 с.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

Кочкуркина С.И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л.: Наука, 1981. 159 с.

Кочкуркина С.И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2010. 263 с.

Медведева М.В. Бусы из раннесредневековых слоев Рюрикова городища (по материалам работ 1998–2000 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. С. 53–58.

Михайлов К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.

Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 349 с.

Петрова М.И. Реконструкция сети водно-волоковых путей Кирьяжского (Куркиекского) историко-культурного ареала // Притяжение Севера: язык, литература, социум: материалы конф. Ч. 1. Петрозаводск: ПГУ, 2018. С. 563–571.

Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э.: происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.

Сорокин П.Е. Погребальные ладьи на территории Древней Руси // Stratum plus. 2018. № 5: Когда века были средние: общество и власть. С. 235–250.

Aalto S., Laakso V. Karelia, Finland and Austrvegr // Á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of the 14th Intern. Saga Conf. (Uppsala). Vol. 1. Gävle: Gävle Univ. Press, 2009 (Papers from the Department of Humanities and Social Sciences; 14). P. 6–12.

Appelgren H. Suomen muinaislinnat: tutkimus vertailevan muinaistieteen alalla. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1891 (Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aikakauskirja; XII). 223 s.

Bronk Ramsey C. Improving the resolution of radiocarbon dating by statistical analysis // The Bible and Radiocarbon Dating: Archaeology, Text and Science. L.: Equinox, 2005. P. 57–64.

Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Bonn; Lund: Habelt, 1977 (Acta Archaeologica Lundensia; ser. in 4º, № 11). 229 p.

Kivikoski E. Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur // Acta Archaeologica. 1944. V. XV. P. 1–28.

Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: OY Weilin, 1973. 150 s.

Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari. V. II: *The Artefacts*. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1982 (Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aikakauskirja; 82, II). 197 s.

Müller-Wille M. Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte. Neumünster: wachholtz, 1970 (Offa; Bd. 25/26 (1968/1969)). 203 s.

Raike E. Venepolttohautaus Suomessa rautakaudella // Muinaistutkija. 1996. 2. S. 19–24.

Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. II: Typentafeln. Stockholm: Kungliga vitterhets historie och antikvitets akademien, 1998. 316 s.

Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. III: Text. stockholm: Almqvist & Wiksell Intern., 2006. 376 s.

KALMANIEMI 1 – A BURIAL COMPLEX OF THE VIKING AGE IN THE NORTHERN LADOGA LITTORAL

Stanislav V. Belsky[1,*], Kirill V. Shmelev[2,]**

[1]Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia
[2]St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

[*]E-mail: stbel@kunstkamera.ru
[**]E-mail: k.shmelev@spbu.ru

In 2017, the expedition of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS investigated the burial complex of Kalmaniemi 1 (the Finnish for 'Cape of Death') in Lahdenpohja district of the Republic of Karelia. The object is located on a high rocky cape on the northern coast of Lake Ladoga. A burial was discovered that was performed according to the rite of secondary cremation. In the excavation area, 54 whole iron boat rivets and 8 fragments of them, as well as 3 staples, were found. Judging by their spatial distribution, a small vessel about 6-7 m long was placed over the burial (wooden parts have not survived), presumably with its keel up. Besides, the expedition discovered a weaponry complex typical of the Viking age in the 9th – the first half of the 10th century: a spear tip, two battle axes, three lash pommels with rattling pendants. In addition to them, two glass (two fragments of one item) and one carnelian beads were found that had been exposed to the funeral pyre. The dating is confirmed by the results of radiocarbon analysis of calcined bones from the burial. The Kalmaniemi 1 burial complex is unique for the Northern Ladoga littoral and Karelia as a whole. The site materials clearly confirm rather early presence of the Scandinavians (or carriers of the Scandinavian tradition) on the northern coast of Lake Ladoga.

Keywords: the Viking Age, the Northern Ladoga littoral, burial grounds, cremation, burial with a boat.

REFERENCES

Aalto S., Laakso V., 2009. Karelia, Finland and Austrvegr. *Á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of the 14th International Saga Conference (Uppsala)*, 1. Gävle: Gävle Univ. Press, pp. 6–12. (Papers from the Department of Humanities and Social Sciences, 14).

Appelgren H., 1891. Suomen muinaislinnat: tutkimus vertailevan muinaistieteen alalla. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys. 223 p. (Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aikakauskirja, XII).

Bel'skiy S.V., 2018. Burial sites of the Karelian Isthmus and Northern Ladoga littoral of the 11th–13th centuries. Archaeological research of 2010–2016. *Opornyye arkheologicheskiye pamyatniki i regional'nyye khronologicheskiye skhemy Vostochnoy Evropy [Reference archaeological sites and regional chronological patterns of Eastern Europe].* St. Petersburg: MAE RAN, pp. 131–262. (Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery, 5). (In Russ.)

Brandenburg N.E., 1895. Kurgany Yuzhnogo Priladozh'ya [Mounds of the Southern Ladoga littoral]. St. Petersburg: IAK. 156 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 18).

Bronk Ramsey C., 2005. Improving the resolution of radiocarbon dating by statistical analysis. *The Bible and Radiocarbon Dating: Archaeology, Text and Science.* London: Equinox, pp. 57–64.

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Bonn; Lund: Habelt. 229 p. (Acta Archaeologica Lundensia, series 4o, no. 11).

Davidan O.I., 1998. Carnelian objects from Staraya Ladoga. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Collected articles of the State Hermitage on archaeology]*, 33. St. Petersburg: Izd. GE, pp. 123–132. (In Russ.)

Kirpichnikov A.N., 1966. Drevnerusskoye oruzhiye [Rus weapon], 2: Kop'ya, sulitsy, boyevyye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. [Spears, darts, battle axes, maces, and slung shots of the 9th–13th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. 147 p. (SAI, E1-36).

Kirpichnikov A.N., 1973. Snaryazheniye vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Riding gear of the horseman and the horse in the 9th–13th centuries Rus]. Leningrad: Nauka. 91 p. (SAI, E1-36).

Kivikoski E., 1944. Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur. *Acta Archaeologica*, XV, pp. 1–28.

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: OY Weilin. 150 p.

Kochkurkina S.I., 1981. Arkheologicheskiye pamyatniki korely (V–XV vv.) [Archaeological sites of the Korela (the 5th–15th centuries)]. Leningrad: Nauka. 159 p.

Kochkurkina S.I., 2010. Drevnekarel'skiye gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [Old Karelian fortified settlements of the Middle Ages]. Petrozavodsk: KNTs RAN. 263 p.

Kolchin B.A., 1982. Chronology of Novgorod antiquities. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection. 50 years of the excavations in Novgorod]*. Moscow: Nauka, pp. 156–177. (In Russ.)

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982. *Luistari, II. The Artefacts*. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys. 197 p. (Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aikakauskirja, 82, II).

Medvedeva M.V., 2001. Beads from the early medieval layers of the Rurikovo Gorodishche (based on the works of 1998–2000). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 15. Velikiy Novgorod: NGOMZ, pp. 53–58. (In Russ.)

Mikhaylov K.A., 2016. Elitarnyy pogrebal'nyy obryad Drevney Rusi: kamernyye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoyevropeyskikh analogiy [Elite funeral rite of Rus: chamber graves of the 9th–early 11th centuries against the background of Northern European similarities]. St. Petersburg: Branko. 272 p.

Müller-Wille M., 1970. Bestattung im Boot. Studien zu einer nordeuropäischen Grabsitte. Neumünster: Wachholtz. 203 p. (Offa, 25/26 (1968/1969)).

Petersen Ya., 2005. Norvezhskiye mechi epokhi vikingov. Tipokhronologicheskoye izucheniye oruzhiya epokhi vikingov [Norwegian Viking Age swords. Typologycal and chronological study of the weapon of the Viking period]. St. Petersburg: Al'faret. 349 p.

Petrova M.I., 2018. Reconstruction of the network of water and portage ways in the Kiryazh (Kurkiyek) historical and cultural area. *Prityazheniye Severa: yazyk, literatura, sotsium: materialy I Mezhdunar. konf. [Attraction of the North: language, literature, society: Proceed. of the Conference]*, 1. Petrozavodsk: PGU, pp. 563–571. (In Russ.)

Raike E., 1996. Venepolttohautaus Suomessa rautakaudella. *Muinaistutkija*, 2, pp. 19–24.

Saksa A.I., 2010. Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya n.e.: proiskhozhdeniye, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoy Karel'skoy zemli [Ancient Karelia in the late 1st – early 2nd millennium AD: the origin, history and culture of the population of the Karelian land recorded in chronicles]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 398 p.

Sorokin P.E., 2018. Funerary boats in the territory of Rus. *Stratum plus*, 5. C. 235–250. (In Russ.)

Thunmark-Nylén L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands, II. Typentafeln. Stockholm: Kungliga vitterhets historie och antikvitets akademien. 316 p.

Thunmark-Nylén L., 2006. Die Wikingerzeit Gotlands, III. Text. Stockholm: Almqvist & Wiksell Intern. 376 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 157–164

НОЖИ, РУКОЯТИ, НОЖНЫ ИЗ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (по материалам Житного раскопа)

© 2020 г. В.И. Завьялов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: v_zavyalov@list.ru

Поступила в редакцию 07.02.2019 г.

Ножи представляют одну из наиболее информативных категорий железных находок. В ходе археологических исследований на Житном раскопе в Переяславле Рязанском обнаружено более двухсот экземпляров ножей и связанных с ними артефактов (рукоятей, обоймиц, ножен и т.п.). Типологический, структурный и структурно-сырьевой анализы изделий позволили проследить изменения в оформлении и технологии изготовления ножей на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, Житный раскоп, нож, технология, ножны, рукояти.

DOI: 10.31857/S086960630008259-3

Среди железных предметов наиболее информативной категорией являются ножи – универсальные орудия труда, применявшиеся как в быту, так и при работе с различными материалами (деревом, костью, кожей и т.п.). Большой информативный потенциал, аккумулированный в этом орудии, связан, во-первых, с тем, что среди орудий из черного металла эта категория наиболее многочисленна. Во-вторых, при изготовлении ножей применялся широкий спектр технологических схем, известных в кузнечном ремесле конкретной общности. В силу этих факторов именно по результатам археометаллографических исследований ножей делаются основные выводы о техническом строе кузнечного ремесла.

Фундаментальные археологические исследования в Кремле Переяславля Рязанского (совр. Рязань) предоставили богатый материал для изучения всех сторон жизни средневекового города. В частности, всесторонний анализ ножей и их атрибутов (рукоятей, ножен) позволил получить детальную характеристику различных видов ремесленного производства средневекового города (кузнечного, деревообрабатывающего, косторезного).

Как свидетельствуют новейшие археологические материалы, город Переяславль Рязанский был основан не позднее второй половины XII в. на холме при слиянии рек Трубежа и Лыбеди примерно в двух километрах от впадения Трубежа в Оку (Завьялов, 2018). За свою многовековую историю Переяславль из небольшой крепости становится столицей княжества, а затем одним из крупнейших городов Московского государства.

В результате работ на Житном раскопе в северной части Кремля Переяславля Рязанского (2004–2015 гг.) была собрана большая коллекция ножей, связанных с ними деталей (обоймицы, затыльники, накладные рукоятки и т.д.), оковок ножен и самих ножен. Хорошая сохранность артефактов сделала возможным всестороннее изучение железных ножей с помощью археометаллографического метода, в результате чего удалось выделить технологические особенности рязанского кузнечного ремесла на протяжении около пяти веков (Завьялов, 2016; Завьялов, Терехова, 2013). Хорошая сохранность органики позволила провести определения таксономической принадлежности сырья для изготовления рукоятей и обоймиц ножей.

За 12 лет раскопок в слоях второй половины XII – начала XVII в. было найдено 206 ножей. Можно отметить их равномерное распределение по всей площади раскопа во всех слоях (таблица)[1]. Большинство предметов сохранилось во фрагментарном виде, но тем не менее практически все орудия оказались пригодны для аналитического исследования.

[1] Часть ножей происходит из дренажных траншей и осыпей раскопа, поэтому установить их дату невозможно.

Таблица. Хронологическое распределение ножей из Переяславля Рязанского

Table. Chronological distribution of knives from Pereyaslavl Ryazansky

Дата (период)	Пласт	Количество	Всего в периоде
Середина XVII в.	7	4	4
Первая половина XVII в.	8	8	13
	9	5	
Вторая половина XVI – начало XVII в.	10	3	22
	11	6	
	12	5	
	13	3	
	14	5	
Первая половина XVI в.	15	4	12
	16	2	
	17	6	
Конец XV – начало XVI в.	18	9	22
	19	13	
Середина – вторая половина XV в.	20	9	9
Первая половина XV в.	21	5	5
Конец XIV – начало XV в.	22	8	27
	23	19	
Вторая половина XIV в.	24	9	9
Вторая половина XIII – первая половина XIV в.	25	16	27
	26	11	
Рубеж XII–XIII – первая половина XIII в.	27	28	40
	28	12	
Вторая половина XII – рубеж XII–XIII вв.	29–32	6	6

По форме среди ножей выделяются две основные группы: ножи с шиловидными черенками (рис. 1, *1–3*) для крепления цельной (деревянной или костяной) или наборной (из обоймиц, вырезанных из рога) рукояти и ножи с пластинчатыми черенками и накладными рукоятями (рис. 1, *4–5*). У первой группы спинка ножа прямая или слегка выгнутая, лезвие слабо изгибается к острию. Переход от клинка к черенку выражен четкими (реже плавными) уступами. У второй группы прямая спинка клинка без уступа переходит в широкий плоский черенок. Лезвие и спинка соединяются под острым углом (рис. 1, *4*) или образуют дугу (рис. 1, *5*). Эта группа немногочисленна – всего 17 экз. Тип ножей с пластинчатыми черенками, происходящий из Западной Европы, получает распространение на Руси в середине XIV в. На Житном раскопе такие ножи появляются в слоях, датируемых не ранее второй половины XIV в. На двух ножах просматриваются клейма в виде треугольника, опущенного острием вниз, что, несомненно, указывает на их западноевропейское происхождение. Пластинчатые рукояти ножей крепились при помощи бронзовых трубочек-заклепок, располагавшихся в один ряд. Таких заклепок могло быть от трех до пяти, а на одной костяной рукояти начала XVII в. встречено девять заклепок.

Рабочих ножей немного. Все они происходят из слоев XV–XVI вв. Один из рабочих ножей – ось рукоятки у него проходит выше острия клинка – относится к столярным инструментам (Колчин, 1959. С. 56). Единичными экземплярами представлены ножи по раскрою кожи и обработки кости.

Археометаллографическому исследованию подверглись 146 ножей. При их изготовлении применялись такие технологические схемы, как ковка изделий целиком из железа или сырцовой стали, цементация (либо заготовки, либо готового изделия), трехслойный пакет, наварка стального лезвия (торцовая, косая и V-образная) (рис. 2). При этом различий в технологии изготовления ножей

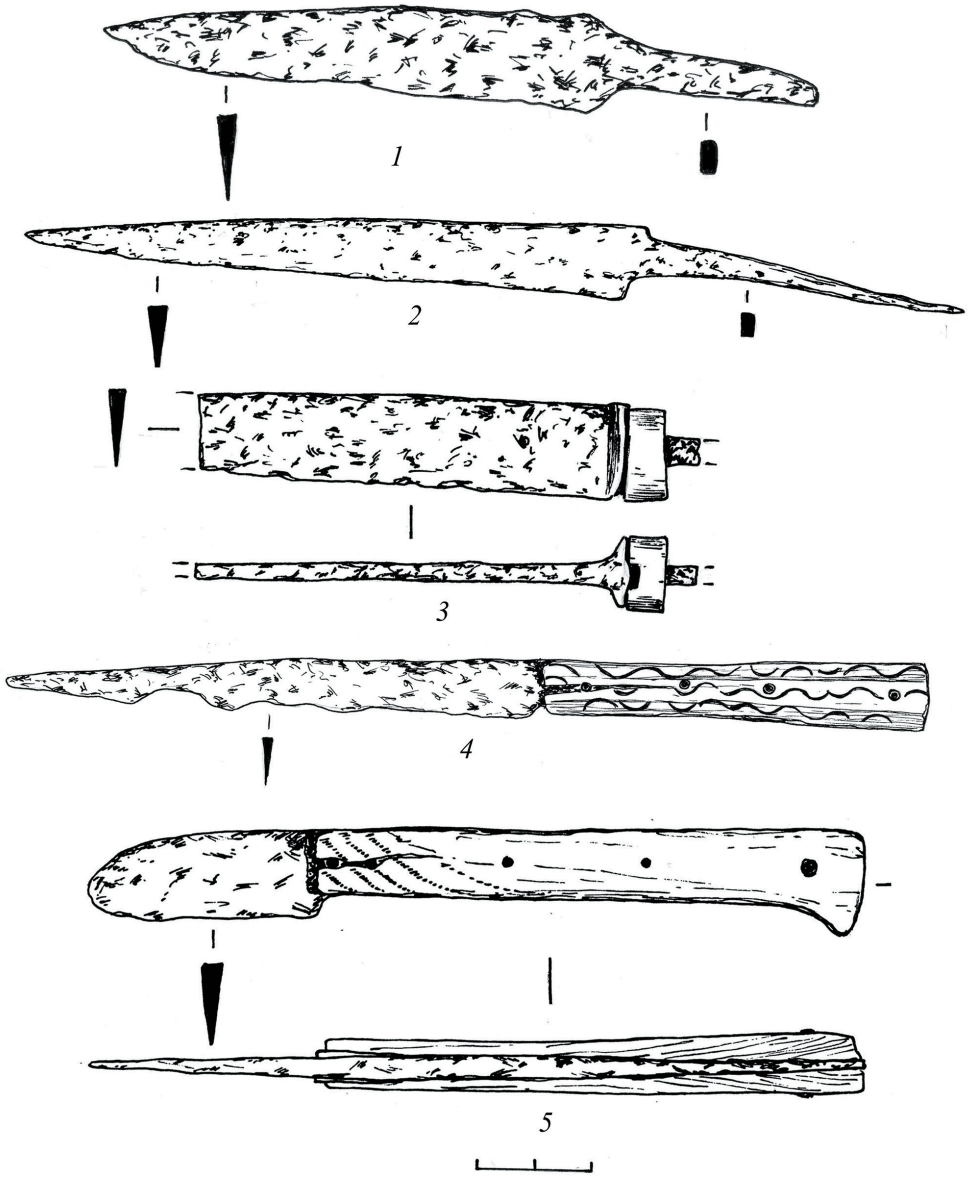

Рис. 1. Ножи из Переяславля Рязанского (*1–3* – с черенковыми рукоятями; *4, 5* – с пластинчатыми рукоятями).

Fig. 1. Knives from Pereyaslavl Ryazansky (*1–3* – with tanged grips; *4, 5* – with plated grips)

с пластинчатыми рукоятями и черенковых ножей не наблюдается.

Особо следует остановиться на ножах, изготовленных в трехслойной технологии (трехслойный пакет, вварка). Таких орудий всего восемь. Все они представлены восточноевропейским вариантом трехслойной технологии, т.е. изготовлены с отступлениями от “классической” схемы (Завьялов, Розанова, Терехова, 2012. С. 18). Известно, что технология трехслойного пакета в древнерусском кузнечестве выходит из употребления уже во второй половине XII в. Но среди материалов из Переяславля Рязанского большинство трехслойных ножей приходятся на XIV в. Вполне возможно, что эти ножи имеют более раннюю дату, а в золотоордынские слои они могли попасть в результате перекопа.

Прослеживается определенная динамика в технологии изготовления ножей. Если в домонгольское время преобладали орудия, откованные по простым технологическим схемам – из железа и сырцовой стали, то в золотоордынский период заметную роль начинают играть ножи, изготовленные по схемам наварки стального лезвия на железную основу (рис. 3). Причем около половины наварных изделий выполнены по варианту косой

Дата	Технология								
	Из железа	Из сырцовой стали	Из цементованной стали	Цементация	Трехслойный пакет	Вварка	Торцовая наварка	Косая наварка	V-образная наварка
Без даты	▼▼	▼▼						▼▼	▼
XVII в.	▼▼ ▼▼▼	▼					▼▼	▼▼▼	▼▼▼
XVI в.	▼▼▼	▼▼ ▼▼▼	▼	▼			▼▼ ▼▼▼	▼▼▼ ▼▼▼▼	▼▼▼ ▼▼▼
XV в.	▼▼▼ ▼▼▼▼	▼▼▼▼▼▼ ▼▼▼▼▼▼	▼▼▼	▼▼▼▼ ▼▼▼▼			▼▼	▼▼▼▼	▼▼▼
XIV в.	▼▼▼▼ ▼▼▼▼	▼▼▼▼▼	▼▼	▼	▼▼▼▼	▼	▼▼	▼▼▼	
XIII в.	▼▼ ▼▼▼	▼▼▼▼▼	▼▼▼	▼▼▼▼▼ ▼▼▼▼▼	▼	▼	▼▼	▼▼	▼
Вторая половина XII в.		▼				▼			

Рис. 2. Распределение технологических схем изготовления ножей.

Fig. 2. Distribution of technological patterns for the manufacture of knives

боковой наварки. В то же время значительная часть продукции продолжает изготавливаться по простым технологическим схемам. Лишь с рубежа XV–XVI вв. сложные сварные технологии начинают доминировать в кузнечном производстве Переяславля Рязанского.

Следует отметить, что с образованием Московского государства в русском кузнечном ремесле начинают доминировать изделия, откованные из сырцовой стали (Завьялов, Розанова, Терехова, 2007. С. 142, 143). Это связано с расширением рынка и стремлением кузнецов к увеличению производства ножей за счет изготовления более простой продукции. Однако в Переяславле Рязанском в это время, как свидетельствуют археометаллографические данные, напротив, возрастает доля ножей, изготовленных по сложным схемам. По всей видимости, после присоединения Рязанского княжества к Московскому государству местное кузнечное производство продолжало удовлетворять потребности лишь местного рынка

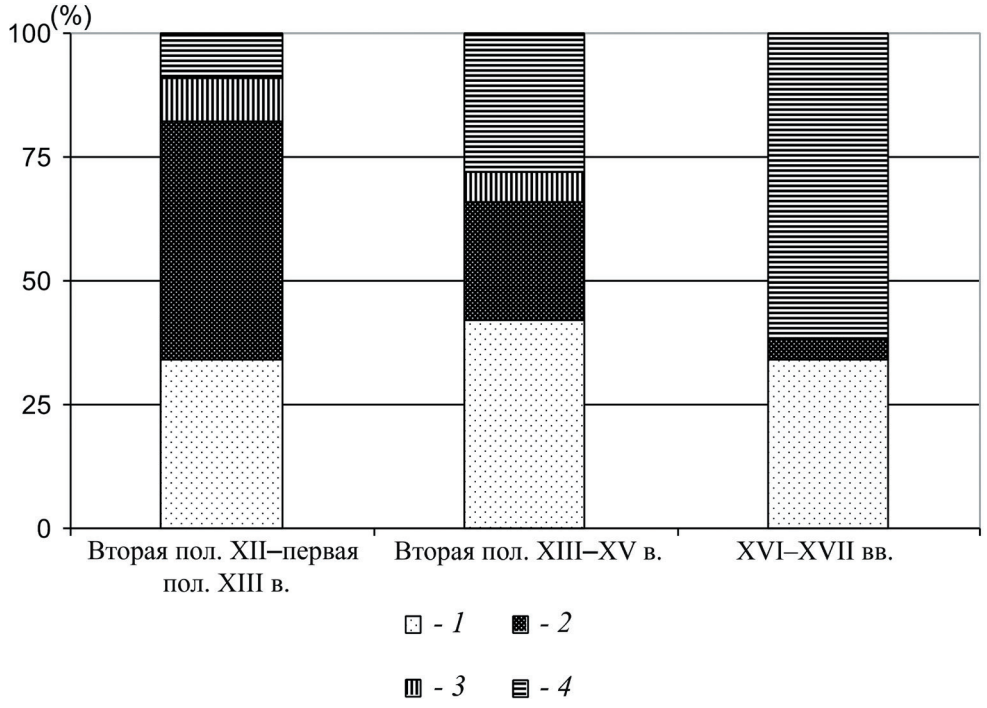

Рис. 3. Изменение соотношения технологических схем изготовления ножей по периодам. Условные обозначения: *1* – из железа и сырцовой стали; *2* – цементация; *3* – трехслойный пакет; *4* – наварка.

Fig. 3. Change in the ratio of technological patterns for the manufacture of knives by periods (*1* – made of iron and bloomery steel; *2* – cementation; *3* – three-layer package; *4* – built-up welding)

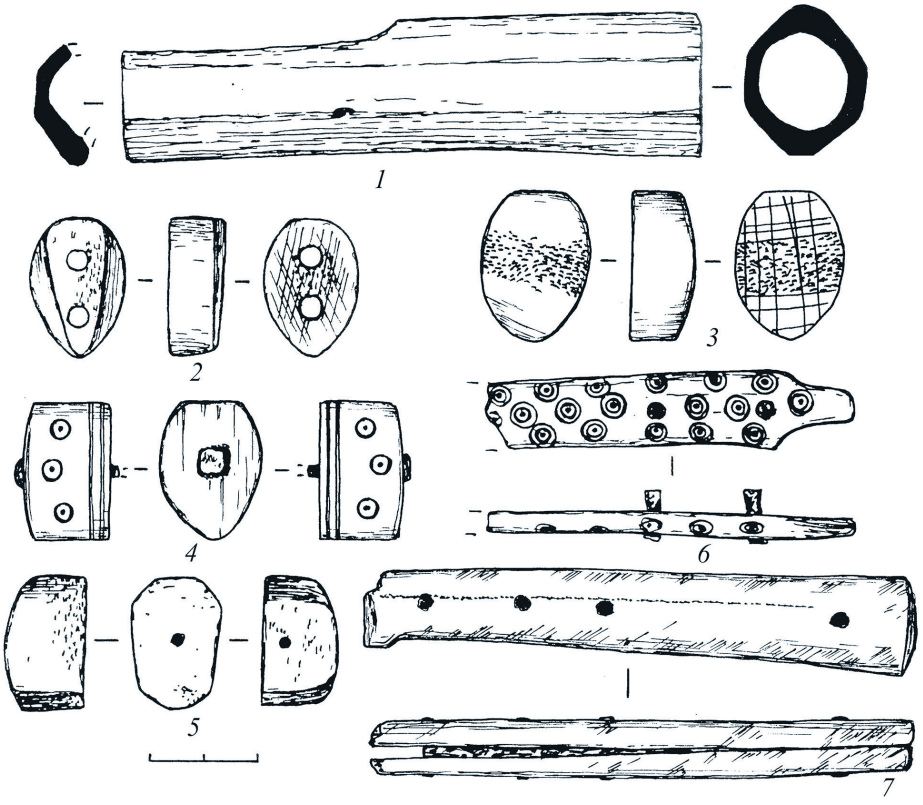

Рис. 4. Рукояти ножей: *1* – костяная рукоять черенкового ножа; *2* – обоймица; *3–5* – затыльники; *6, 7* – костяные накладки на пластинчатые черенки.

Fig. 4. Knife grips: *1* – a bone grip of a tanged knife; *2* – a carrying slot; *3–5* – pommels; *6–7* – bone plates on tanged grips

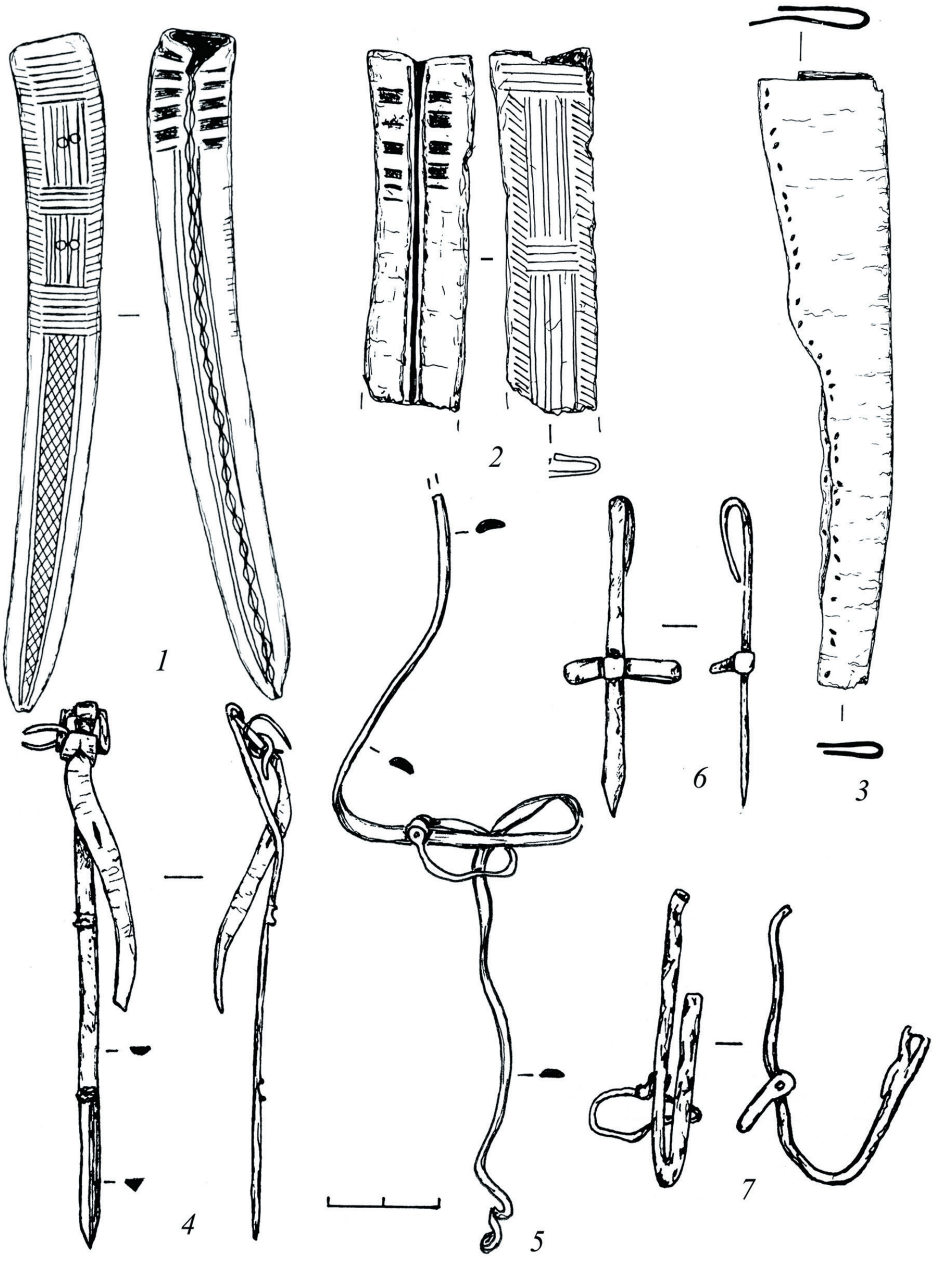

Рис. 5. Кожаные ножны (*1–3*) и железные оковки (*4–7*).
Fig. 5. Leather sheath (*1–3*) and iron binding plates (*4–7*)

и не играло активной роли поставщика металлургической продукции в системе формирующегося общерусского рынка. Вместе с тем увеличивается ввоз импортных ножей, на что указывают находки ножей с клеймами и ножи с самшитовыми рукоятями.

Черенковые ножи имели цельные, как правило, деревянные, рукояти. В слоях первой половины XIV в. найдена шестигранная в сечении рукоять (рис. 4, *1*) черенкового ножа, изготовленная из трубчатой кости. Рукоять хорошо ошлифована, но не орнаментирована. Деревянные рукояти ножей вырезались из разнообразных пород дерева: березы, вяза, ивы, сосны, ольхи, липы[2]. Наряду с простыми деревянными рукоятями, черенковые ножи из Переяславля Рязанского оформлялись наборными рукоятками. На раскопе найдено 18 деталей от наборных рукоятей черенковых

[2] Породы дерева определены Л.Н. Соловьевой.

ножей (обоймиц и затыльников). Большинство из них вырезано из рога лося или оленя (рис. 4, *2*–*5*). В одном случае рог принадлежал самцу косули[3]. Из слоев второй половины XVI в. происходит обоймица, вырезанная из моржового клыка.

Рукояти ножей с пластинчатыми черенками изготавливались из дерева (самшит, можжевельник) и кости (длинные трубчатые кости крупных копытных животных). В последнем случае применялись такие операции по обработки сырья, как распил кости на пластины, обточка формы, лощение, проточка отверстий. Костяные рукоятки украшались циркульным орнаментом (рис. 4, *6*–*7*) или канелюрами, проточенными вдоль пластины.

Неотъемлемой принадлежностью ножа являются ножны. Повышенная влажность культурного слоя Житного раскопа способствовала хорошей сохранности изделий из органических материалов, в частности кожи. Благодаря этому среди находок присутствуют 30 экземпляров кожаных ножен и их фрагментов конца XIV – начала XVII в. Как правило, они кроились из цельного куска кожи и скреплялись переметочным или тачным швом. По способу кроя ножны из Переяславля Рязанского делятся на два вида: ножны симметричного кроя со швом, проходящим со стороны лезвия (рис. 5, *1*), и ножны симметричного кроя со швом, расположенным на тыльной стороне ножен по центру (рис. 5, *2*). Ножны полностью копировали клинок ножа – они имели широкую верхнюю часть и сужающуюся нижнюю (Фатюнина, 2010). Все ножны со швом по лезвию не орнаментированы, тогда как ножны со швом по тыльной стороне преимущественно украшались орнаментом из вертикальных и горизонтальных линий (рис. 5, *1*). Присутствуют и ножны, выполненные непрофессионалом, о чем свидетельствуют плохо продубленная кожа и неровные шовные отверстия по краю (рис. 5, *3*).

Среди материалов Житного раскопа выявлено девять экземпляров железных оковок ножен (рис. 5, *4*–*7*), которые крепились к поясу кожаным ремешком или подвешивались за железное подвижное колечко. Оковки представляют собой каркас в виде тонкого плоского стержня, вокруг которого расположены три кольца, вмещавшие ножны.

Таким образом, проведенные типологический, структурный, структурно-сырьевой анализы ножей из Переяславля Рязанского и связанных с ними атрибутов позволили получить объективную информацию о таком универсальном орудии, как нож, и проследить изменения в оформлении и технологии его изготовления на протяжении длительного времени.

[3] Структурно-сырьевой анализ изделий из кости проведен Е.Е. Антипиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Завьялов В.И. Кузнечное ремесло в Переяславле Рязанском в домонгольский период // Древности Поочья / Отв. ред. А.О. Никитин. Рязань: Рязанское историко-культурное общество, 2016. С. 41–52.

Завьялов В.И. К вопросу о дате основания Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 14 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018. С. 201–208.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012. 376 с.

Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013. 272 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–120.

Фатюнина О.А. Кожаные ножны из Переяславля Рязанского // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России / Отв. ред. Д.А. Иванов. Рязань: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, 2010. С. 130–133.

KNIVES, GRIPS, SHEATHS FROM PEREYASLAVL RYAZANSKY (BASED ON MATERIALS OF THE ZHITNY EXCAVATION SITE)

Vladimir I. Zavyalov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: v_zavyalov@list.ru

Knives represent one of the most informative categories of iron finds. During archaeological investigations on the Zhitny excavation site in Pereyaslavl Ryazansky, more than two hundred specimens of knives and related artifacts (grips, carrying slots, sheaths, etc.) were found. Typological, structural as well as structural and raw material analyses of products allowed the author to trace changes in the design and manufacturing technology of knives for an extended period.

Keywords: Pereyaslavl Ryazansky, Zhitny excavation site, knife, technology, sheath, grips.

REFERENCES

Fatyunina O.A., 2010. Leather sheaths from Pereyaslavl Ryazansky. *Problemy izucheniya i sokhraneniya arkheologicheskogo naslediya Tsentral'noy Rossii [Issues of studying and conservation of the archaeological heritage of Central Russia].* D.A. Ivanov, ed. Ryazan': Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 130–133. (In Russ.)

Kolchin B.A., 1959. Ironworking of Great Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*, II. Moscow: AN SSSR, pp. 7–120. (MIA, 65). (In Russ.)

Zav'yalov V.I., 2016. Blacksmithing in Pereyaslavl Ryazansky in the pre-Mongol period. *Drevnosti Pooch'ya [Antiquities of the Oka region].* A.O. Nikitin, ed. Ryazan': Ryazanskoye istoriko-kul'turnoye obshchestvo, pp. 41–52. (In Russ.)

Zav'yalov V.I., 2018. On the date of founding of Pereyaslavl Ryazansky. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [The archaeology of Moscow region: Proceedings of scientific seminar]*, 14. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 201–208. (In Russ.)

Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2007. Russkoye kuznechnoye remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva [Russian blacksmithing in the Golden Horde period and in Moscow state]. Moscow: Znak. 280 p.

Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2013. Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoy kul'ture Severnoy Rusi [Traditions and innovations in the manufacturing culture of Northern Rus]. Moscow: Ankil. 376 p.

Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2013. Kuznechnoye remeslo Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Blacksmithing of the Grand Duchy of Ryazan]. Moscow: IA RAN. 272 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 165–180

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ДЕРЕВЯНИЦКОГО МОНАСТЫРЯ 1335 г.

© 2020 г. И.В. Антипов[1,*], Вал.А. Булкин[1,], А.В. Жервэ[2,***]**

[1]Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
[2]Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург, Россия

[*]E-mail: i.antipov@spbu.ru
[**]E-mail: n/a
[***]E-mail: azherve@mail.ru

Поступила в редакцию 26.11.2018 г.

В ходе раскопок 2013–2015 гг. обнаружен и частично изучен новый памятник средневековой новгородской архитектуры – Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря 1335 г. Храм представлял собой четырехстолпную одноапсидную постройку, с широким притвором с западной стороны и достаточно сильно выступающей на восток апсидой. Вероятно, в XVII в. притвор был разобран, вместо него, очевидно, были построены широкие паперти с трех сторон. Затем в 1695 г. стены и фундаменты храма 1335 г. полностью разобрали, астроительные материалы использовали для возведения нового ярусного храма, разрушившегося в 1697 г. сразу после окончания строительства. После разборки ярусного храма в 1698 г. было начато строительство Воскресенского собора, сохранившегося до наших дней. Археологические исследования позволили установить, что Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря – небольшой монастырский храм, в архитектуре которого продолжаются традиции зодчества конца XIII – начала XIV в. Однако, вероятно, именно в этом памятнике впервые появляются особенности, ставшие характерными для новгородских построек второй половины 30–40-х годов. XIV в.

Ключевые слова: новгородская средневековая архитектура, архитектурная археология, строительная техника и технология.

DOI: 10.31857/S086960630005680-7

В конце XIII – начале XIV в. в Новгороде и Новгородской земле практически каждый год строят новые здания; с 1292 по 1313 г. было возведено 14 храмов и оборонительных сооружений. Затем наступает многолетний перерыв, постоянная строительная деятельность возрождается только с 1333 г. и далее без существенных пауз продолжается до 1360 г., когда с момента закладки церкви Феодора Стратилата на Ручью 1360–1361 гг. можно вести отсчет нового этапа в развитии зодчества средневекового Новгорода. Из выстроенных в эти годы зданий частично сохранились или восстановлены после Великой Отечественной войны церкви Благовещения на Городище 1342–1343 гг., Спаса на Ковалеве 1345 г., отремонтированная в 1345 г. церковь Параскевы Пятницы 1207 г. В результате археологических работ 1930–1970-х годов были открыты несколько оборонительных сооружений, упомянутых в летописи, – участки стены Детинца 1331–1333 гг., “стена посадника Федора” 1335 г., крепость Орлец 1342 г. и участок стены крепости Орешек 1352 г. (Алешковский, 1962. С. 21; Кирпичников, 1995. С. 82–85; Арциховский, 1949. С. 132–136; Степанов, 1997; Овсянников, 1974; Кирпичников, 1984. С. 102–115). Благодаря раскопкам последних лет этот небольшой список удалось пополнить – изучена церковь Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. (Антипов и др., 2013), гражданская постройка перед западным фасадом Софийского собора (видимо, палата 1350 г.) (Антипов, Булкин, Жервэ, 2017). Среди открытых в ходе археологических работ зданий – Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря 1335 г.

История храма. Большую часть построек 1330 – начала 1350-х годов летописи связывают с именем владыки Василия, однако первый каменный храм в новгородской земле в 1330-е годы был построен по заказу архиепископа Моисея, постригшегося в схиму и жившего на

Рис. 1. Воскресенский собор Деревяницкого монастыря. Вид с юга. Фото И.В. Антипова.
Fig. 1. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery. A view from the south

покое. В 1335 г. владыка возводит Воскресенскую церковь в Деревяницком монастыре (Новгородская первая. С. 346). Согласно тексту жития святителя, после ухода на покой он жил сначала в Колмовом, а потом в основанном им Деревяницком монастыре (Повесть о Моисее. С. 11). Во второй раз Моисей взошел на владычную кафедру в 1352 г., в конце жизни святитель удалился в основанный им Сковородский монастырь. Деревяницкий храм снова появляется на страницах летописей уже в 1348 г., когда сообщается о его росписи, выполненной по заказу архиепископа Василия. Работы по росписи церкви были завершены 23 сентября – на Зачатие Иоанна Предтечи (Новгородская первая. С. 361).

Во второй половине XIV – первой трети XV в. Деревяницкий монастырь был своего рода загородной резиденцией архиепископов (Бобров, 2001. С. 52) – под 1414 г. летопись сообщает о пожаре на Деревянице, в результате которого сгорели "владычни хоромы", а также сгорела каменная церковь Богородицы (видимо, Успенская), о времени строительства которой летописных известий нет (Новгородская первая. С. 404; Новгородская четвертая. С. 413). Именно Воскресенский храм стал местом упокоения нескольких новгородских владык. В притворе собора были похоронены жившие на покое в Деревяницком монастыре владыки Алексий (ум. 1390) (Новгородская первая. С. 475; Новгородская четвертая. С. 367) и Иоанн II (ум. 1417) (Новгородская первая. С. 407; Новгородская четвертая. С. 416). В этом же храме и, наиболее вероятно, также в притворе похоронили и выходца из Деревяницкого монастыря архиепископа Евфимия I Брадатого (ум. 1429) (Бобров, 2001. С. 52), по некоторым данным здесь же был захоронен и владыка Симеон (ум. 1421)[1]. Судя по отрывочным свидетельствам в ряде публикаций XIX в., погребения архиепископов Алексия и Иоанна II могли быть перенесены в конце XVII в. в западную паперть нового храма, данных о конкретных местах погребения владык публикации не содержат (Макарий, 1860. С. 625; Вихров, 1892. С. 14). Об

[1] В списке новгородских владык указано, что Симеон похоронен в Мартирьевской паперти Софийского собора (Новгородская первая. С. 475), однако в Новгородской второй летописи местом упокоения архиепископа значится Деревяницкий монастырь (Новгородская вторая. С. 166), вероятнее всего, эти сведения ошибочны.

этом сказано в заметке из архива Н.П. Сычева – могила архиепископа Иоанна находилась "налево", т.е., очевидно, с севера, а архиепископа Алексия – "направо" (с юга?). Могила последнего была изучена И.А. Шляпкиным: "Он нашел дубовую, долбленую домовину, выкрашенную по бортам красной краской, толщина стенок 4 в[ершка] (крыта одной доской)" (Сычев, б/г. НА ИИМК РАН. Ф. 51. Д. 70. Л. 115об.; ср. Секретарь, 2011. С. 159[2]). Могила Иоанна II также была обследована, но оказалась разграбленной. Несмотря на приведенные выше сведения, как показывают данные археологических исследований, нет уверенности в точности соотнесения этих погребений с могилами знаменитых новгородских владык.

Из описи 1617 г., сделанной после шведского разорения, мы узнаем, что Воскресенский собор в начале XVII в. имел одну главу, вероятно, храм изначально был одноглавым (Опись 1617. С. 114). Уже к 1620 г. он был отремонтирован и освящен (Кадыкин, Шляпкин, 1911. С. 32). Сначала в 1580–1590-е годы, а затем с 1610 г. в Деревяницах жила братия Коневского монастыря, в те годы оказавшегося на территории Швеции. Здесь же до 1799 г. пребывала и чудотворная Коневская икона Богородицы.

На месте древнего храма, разобранного в 1694 г., в 1695–1697 гг. строится огромный собор, который, согласно письменным источникам, был уникальным для Новгорода ярусным сооружением. После падения в 1697 г. только что построенной церкви на ее основании возвели существующий ныне двустолпный собор (галерея достраивалась уже в первое десятилетие XVIII в.) (рис. 1) (Кузьмина, Секретарь, 1999. С. 229–231).

В 1920 г. Воскресенский монастырь был упразднен, в 1931 г. его храмы закрыли. В 1960–1970-е гг. была осуществлена частичная реставрация Воскресенского собора по проекту Н.Н. Кузьминой, здесь находился склад новгородского завода "Стекловолокно". В настоящее время храм никак не используется.

История изучения памятника. Целенаправленное археологическое изучение памятника ранее не проводилось. В 1960-е и 1980-е годы новгородскими реставраторами под руководством Н.Н. Кузьминой было выполнено несколько пристенных шурфов, однако следов первоначального храма, видимо, обнаружено не было. К сожалению, полная документация об этих работах отсутствует, можно лишь указать на то, что два шурфа 1984 г. были выполнены к северу и югу от стены, разделяющей центральную апсиду и дьяконник. Цель – изучение фундамента стены, в которой возникла широкая трещина. Остальные шурфы (видимо, их было два), судя по всему, были заложены в 1960-е годы снаружи, у стен паперти храма (известно, что один шурф находился у северной стены западной паперти, но его конкретное местоположение установить не удалось). Кроме того, по свидетельству Н.Н. Кузьминой, фрагменты фресок XIV в. были зафиксированы при земляных работах у юго-восточного угла собора.

Архитектурно-археологическая экспедиция СПбГУ в 2013 г. впервые предприняла поиск церкви Воскресения Деревяницкого монастыря 1335 г. Ситуация осложнялась тем, что в интерьере ныне существующего огромного собора конца XVII в. раскопки можно было проводить только с помощью небольших шурфов, которые последовательно закладывали в разных частях памятника[3]. За три года раскопок (2013–2015) было выполнено 14 шурфов (рис. 2), из них 12 в основном объеме храма, а 2 в западной паперти (всего вскрыто 59.2 м^2)[4].

[2] К сожалению, в публикации Л.А. Секретарь ошибочно указано, что И.А. Шляпкиным была изучена могила архиепископа Иоанна II.

[3] Сыпучий характер грунта не позволил, к сожалению, разобрать все бровки между шурфами.

[4] Раскопки 2013–2015 гг. были проведены благодаря инициативе и настойчивости Вал.А. Булкина, большую помощь в организации работ экспедиции внутри Воскресенского собора оказал А.Ю. Курочкин. Финансирование раскопок осуществлялось в рамках ряда научных проектов СПбГУ. В работах по изучению памятника участвовали десятки студентов и выпускников СПбГУ, однако вряд ли нам удалось бы достичь значимых результатов, если бы не усилия М.В. Балана (ГЭ). Чертежи в разные годы выполнены Т.В. Силаевой, К.Б. Образцовой, П.М. Поздневой, И.В. Антиповым. Компьютерная обработка чертежей проведена Д.Д. Ёлшиным и Д.С. Тугановой. Находки обработаны К.С. Чарыковой, Н.Д. Черниковой, Д.С. Скобкаревой, Д.О. Мартыновой, В.В. Азарочкиной, А.А. Терентьевой и переданы в фонды Новгородского музея-заповедника. Предварительные публикации о результатах работ были помещены в ежегодных изданиях конференции "Новгород и Новгородская земля. История и археология" (Антипов, Булкин, Жервэ, 2014; 2015; 2016).

Все обмеры 2013–2015 гг. велись в условной системе высот. Отметка условного R0 была затем привязана к государственному геодезическому пункту № 8144, располагающемуся к югу от юго-западного угла Воскресенского собора. Абсолютная отметка R0 – 28.62 БС.

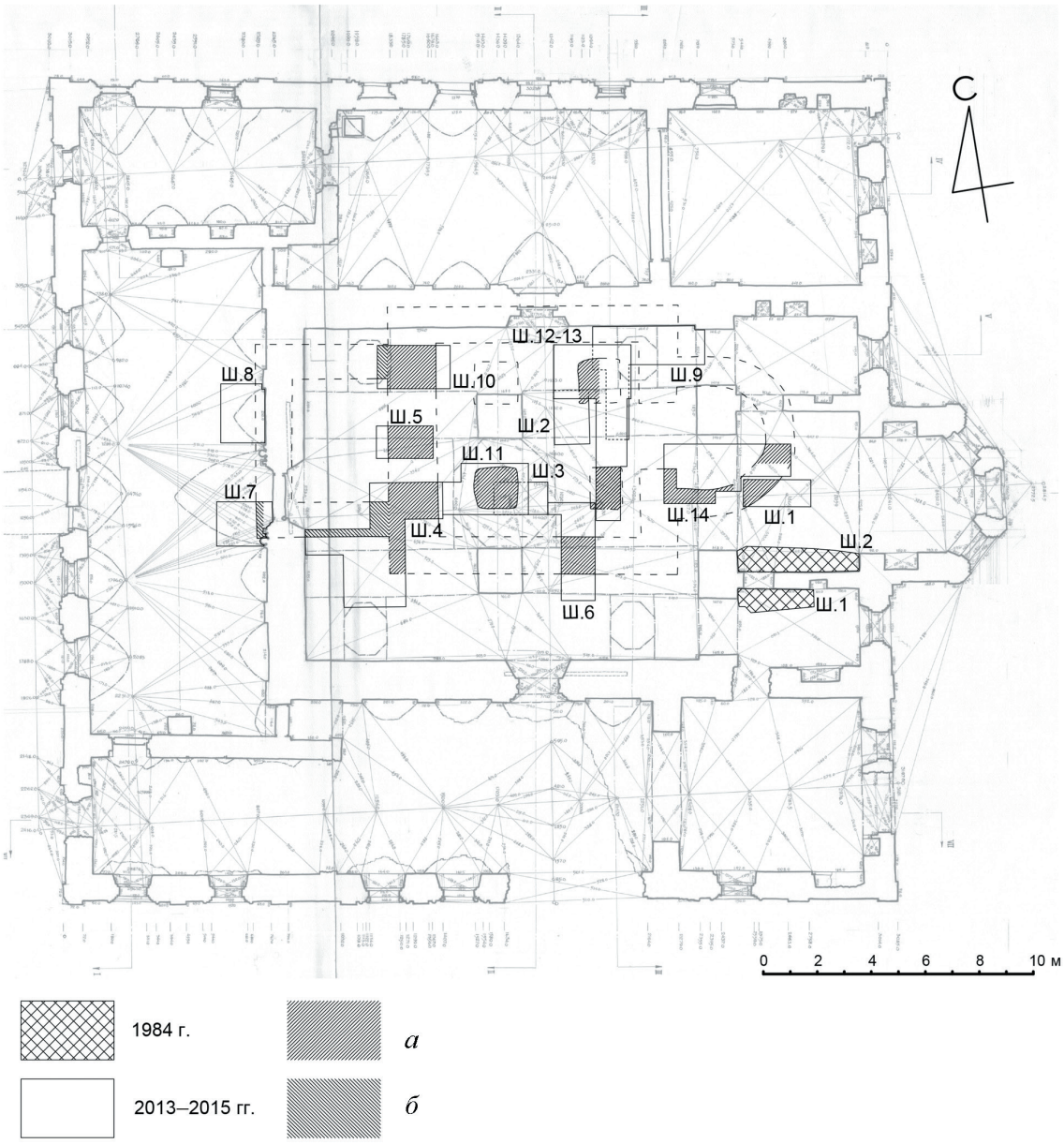

Рис. 2. Воскресенский собор Деревяницкого монастыря, 1698–1699. План храма с шурфами 1, 2 (1984 г.) и 1–14 (2013–2015 гг.). Чертеж Д.Д. Ёлшина. Условные обозначения: *а* – участки, на которых обнаружены рвы от выборки фундаментов; *б* – участки, на которых обнаружены кладки фундаментов и стен. Пунктиром показан план храма 1335 г.

Fig. 2. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery, 1698–1699. The plan view of the church with test pits 1, 2 of 1984 and 1–14 of 2013–2015

Археологические работы показали, что при строительстве собора 1695–1697 гг. не только стены, но и фундаменты основного объема храма XIV в. оказались полностью разобраны. Однако трассы стен и местоположение столбов первоначальной церкви четко фиксируются благодаря сохранившимся ямам и траншеям от выборки фундаментов, а также наличию погребальных конструкций, расположенных у внешних поверхностей стен первоначальной постройки. Кроме того, оказалось, что в конце XVII в. не были разобраны нижние части стен и фундаменты западного притвора храма XIV в.

Таким образом, в результате наших работ удалось получить материалы для реконструкции плана фундаментов храма 1335 г. (к сожалению, детали плана памятника – наличие/отсутствие лопаток; форму столбов и т.п. – восстановить невозможно), а также его западного

притвора. Итогом этих усилий стало создание графической реконструкции схемы плана храма (рис. 3). Появились также некоторые данные о позднейшей строительной истории церкви XIV в., о храме 1695–1697 гг. и о фундаментах существующего собора.

Описание храма 1335 г. В ходе археологических исследований были выявлены траншеи от выборки южной и западной стен церкви, апсиды, полностью раскрыта яма от выборки юго-западного столба, частично – ямы от выборки восточных столбов, прослежен значительный участок кладки южной стены западного притвора, фрагменты кладок его северной и западной стен[5]. Таким образом, по результатам трех лет раскопок удается реконструировать план храма – четырехстолпной одноапсидной постройки размерами около 10.4 (З–В) × 9.8 (С–Ю) м, с притвором с западной стороны размером около 5.0 (З–В) × × 7.1 (С–Ю) м и достаточно сильно выступающей на восток (ок. 4.2 м) апсидой. Размеры сторон подкупольного пространства, предположительно, около 2.8 (З–В) × 3.0 (С–Ю) м. Храм ориентирован на восток, с некоторым отклонением к югу.

До начала строительства храма на этой территории отложился культурный слой (черный гумус, мощность прослойки 5–46 см). Культурный слой и материковый песок были прорезаны при откопке фундаментных рвов церкви 1335 г. – слой песка и черного гумуса (выброс фундаментного рва) зафиксирован в различных частях храма. Над этим слоем находится прослойка известково-песчаного раствора, крошки ракушечника, плиты – слой, маркирующий закладку фундаментов первоначального храма. Выше зафиксирован слой светло-желтого песка, супеси – подсыпка верхней части фундамента и цоколя, над которой в ряде шурфов обнаружена прослойка известково-песчаного раствора, крошки ракушечника, плиты – слой строительства церкви 1335 г. Располагающаяся выше подсыпка (песок, гумус) является основанием под первоначальный пол храма XIV в.

В ямах и траншеях от выборки стен и столбов обнаружено всего несколько валунов и их осколков, однако полученной информации

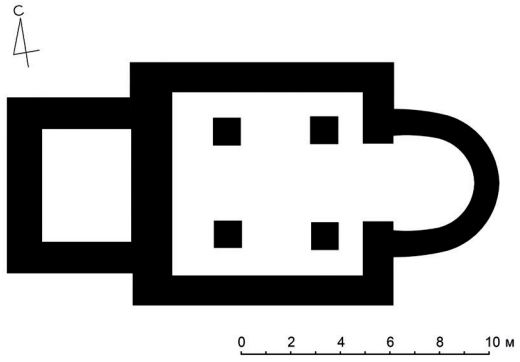

Рис. 3. Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря, 1335 г. Реконструкция схемы плана. Чертеж И.В. Антипова, Д.Д. Ёлшина.

Fig. 3. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery. 1335. A reconstruction of the plan

достаточно для создания общей характеристики фундаментов: они вполне традиционны для новгородской архитектуры этого времени, сложены из валунов и, видимо, плиты насухо, просыпаны грунтом, вынутым при откопке траншей, – материковым песком и черным гумусом (культурным слоем, образовавшимся до начала строительства храма 1335 г.). Для стен использованы ленточные фундаменты, для столбов – столбчатые, никаких соединительных лент не обнаружено. Фундамент был врезан в материковый песок, но очень неглубоко (видимо, на 5–20 см). Субструкции в основании фундаментов отсутствовали. Стенки траншей фундаментов почти вертикальны, подкос, характерный для новгородских фундаментов, тут не прослежен (это и неудивительно, так как они устроены в гумусе и песке, а не в плотной глине, как в большинстве построек в Новгороде).

Траншеи для устройства фундаментов были выкопаны весьма неглубокие, не более 80 см, выше фундамент подсыпался грунтом, вынутым при откопке рвов, еще одна подсыпка была осуществлена, вероятно, после строительства стен храма и перед устройством пола. В целом, мощность фундаментов и цоколей стен составляла, видимо, 130–140 см, столбов – 120–130 см (расстояние от уровня подошвы фундаментов до отметки уровня пола XIV в.). Вполне вероятно, что реальная мощность фундаментов была еще меньше, так как участки, на заключительном этапе закрытые подсыпкой под пол, должны были выполняться в технике стеновой кладки.

[5] Обнаружение верхнего края траншеи от выборки северной стены основного объема первоначальной церкви доказывает, что северная стена храма 1335 г. находилась на месте северной стены ныне существующего собора.

Рис. 4. Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря, 1335 г. Яма от выборки юго-западного столба. Вид с севера. Фото И.В. Антипова.

Fig. 4. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery, 1335. Pit A from pulling out the southwest pillar. A view from the north

Судя по параметрам траншеи от выборки фундамента южной стены, его ширина составляла 140–145 см, ширина фундамента западной стены – 150–180 см, ширина фундамента апсиды – не более 120 см. Соответственно, толщина южной и, вероятно, северной и восточной стен составляла около 120–125 см, а западной – 130–160 см, что позволяет предполагать, что в толще западной стены находилась лестница на хоры (как в ближайших по времени памятниках – церквях Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг., Благовещения на Городище 1342–1343 гг., Спаса на Ковалеве 1345 г.). На хорах храма мог находиться придел. Стена апсиды была значительно меньшей толщины – около 100 см, у апсиды были заплечики.

Мы можем достоверно судить о параметрах фундамента юго-западного столба (рис. 4). Размеры ямы от его разборки в нижней части 115–120 (С–Ю) × 115–125 (З–В) см, в верхней части 135–150 (С–Ю) × 180–190 см. Вероятнее всего, столб имел в плане форму квадратную или круглую, но не прямоугольную, его размеры в стеновой кладке не превышали 110×110 см. Удалось выявить местоположение восточных столбов, установлена примерная длина по оси север-юг ямы от разборки фундамента северо-восточного столба – около 150 см, размеры юго-восточного столба не определены.

Значительно расширяют наши сведения об утраченном храме результаты раскопок западного притвора (рис. 5). В отличие от основного объема, притвор был разобран не полностью, сохранился не только фундамент, но и стеновая кладка этой части церкви. Нижний ряд фундамента южной стены притвора сложен из крупных валунов, над ним зафиксирована просыпка песком с гумусом. Второй ряд фундамента сложен из валунов, осколков плиты, обломков ракушечника, также засыпан песком с гумусом, сверху пролит известковым раствором с крупным песком. Фундамент мощностью около 70 см снаружи примерно на 12 см выступает от плоскости стены, уступ с внутренней стороны равен 13–14 см. В стратиграфии отчетливо читается фундаментный ров, который впущен в культурный слой, – черный гумус, на некоторых участках фундамент сложен с подкосом. Подошва фундамента притвора лежит на один ряд валунов выше подошвы фундамента основного объема. В подбое под фундаментом деревянных субструкций не обнаружено.

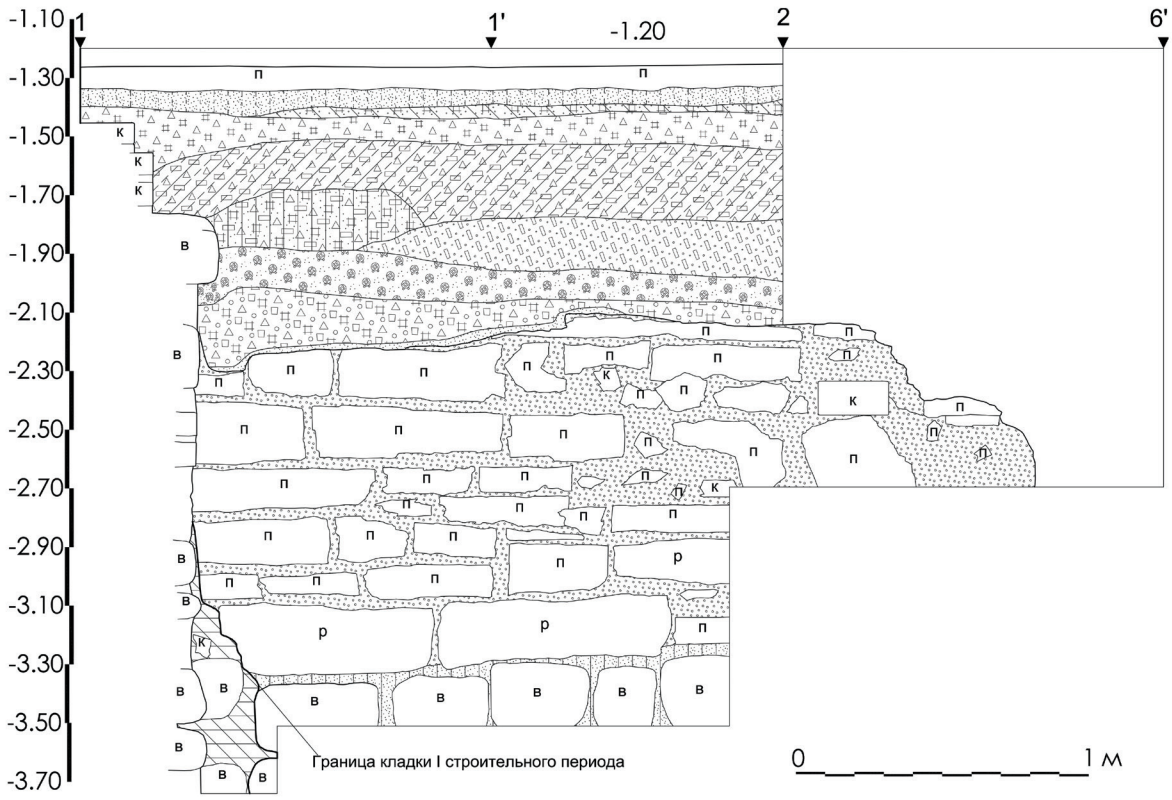

Рис. 5. Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря, 1335 г. Южная плоскость южной стены западного притвора. Чертеж Т.В. Силаевой, И.В. Антипова, Д.Д. Ёлшина.

Fig. 5. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery, 1335. The southern plane of the south wall of the western narthex

Над вторым рядом валунов фундамента кладка приобретает стеновой характер, она выложена из красного ракушечника и плиты и затерта раствором, камни в этом ряду грубо отесаны и выступают из плоскости стены, вероятнее всего, этот ряд является либо верхней частью фундамента, либо своего рода цоколем здания. С учетом этого ряда (высотой до 30 см) максимальная высота сохранившейся стеновой кладки 115 см. Сохранилось до 8 рядов кладки из плитняка, в нижних частях помимо плитняка встречаются блоки красного ракушечника, кладка сложена на крепком известково-песчаном растворе с достаточно крупным песком. Плиты и блоки ракушечника в кладке очень разные, но, как правило, небольшие 28 × 13; 32 × 18 и т.п. Толщина южной стены притвора – 130 см. Толщина швов в стеновой кладке очень разная: вертикальных – 2–4 см, горизонтальных – 1.5–4.5 см, они имеют нерегулярный характер, так как основной стеновой материал кладки – плита. На одной из плит обнаружен фрагмент фасадной штукатурки. Лопатки на стенах притвора не зафиксированы.

Стратиграфические наблюдения показывают, что притвор был построен одновременно с основным объемом храма, соответственно информация о его строительных особенностях может дополнить сведения о характере фундамента и стеновой кладки Воскресенской церкви.

В строительном мусоре, образовавшемся после разрушения храма, встречается много осколков плиты и красного ракушечника, а также фрагменты брусковых кирпичей. Тесто большемерных кирпичей первоначального храма имеет однородный замес, без комьев, с большим количеством отощителя (крупный песок, шамот). Цвет обжига ровный красно-коричневый, однако есть и кирпичи с пережогом. У большинства фрагментов в середине отмечено серое пятно. Все поверхности обсыпаны крупным песком, за исключением верхней

Рис. 6. Воскресенский собор Деревяницкого монастыря, 1690-е годы. Фрагменты фресок 1348 г. из раскопок 2013–2015 гг. Фото Т.Ю. Царевской.

Fig. 6. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery, 1690s. Fragments of frescoes of 1348 from the excavations of 2013–2015

постели. Нижняя постель бугристая, мятая (в редких случаях ровная). На верхней постели есть следы обработки правилом (продольные линии). На некоторых экземплярах видны следы нижней губы (закраины), что говорит о формовке в неразъемной рамке. Иногда закраины срезаны, торцы ровные. Верх некоторых торцов приподнят, что также свидетельствует о формовке в неразъемной рамке. Основной формат: 28.5–31 × 13–14.5 × 7–8.5 см, дополнительный формат XIV в.: ? × 10 × 8 см.

Храм ремонтировали во второй половине XIV – первой трети XV в. К этому времени

относятся кирпичи формата ? × 15 × 6.5 см, близкие по тесту и типу формовки к кирпичам первоначального храма, но имеющие принципиально иную толщину.

Из вторично использованных блоков известняка и ракушечника построены цокольные ряды северной и восточной стен обнаруженного нами "храма 2", вероятно, разрушившейся церкви 1695–1697 гг. На одном из блоков ракушечника, находящихся в этой кладке, зафиксирован фрагмент штукатурки с фресковой живописью. При выкладке восточной стены "храма 2" были вторично использованы кирпичи от разобранного храма XIV в., вероятнее всего, от сводчатых или арочных конструкций, так как именно там чаще всего применялась цельнокирпичная кладка, которую легко можно было аккуратно разобрать. Таким образом, видимо, стены храма 1335 г. были сложены в основном из красного ракушечника и плиты, кирпич был использован, прежде всего, в кладке арок и сводов, возможно, барабана, а также, вероятно, для выкладки лопаток, порталов, оконных проемов.

Некоторое представление о профилировке архитектурных элементов можно составить благодаря находке лекального кирпича с выкружкой и узкой полочкой на одном из торцов (НВД-2015/К5). Лекальная форма была получена путем вырезки в кирпиче обычного типа и размера (правда, несколько более тонкого, чем обычный, – вместо стандартных 7–8 см его толщина составляет 6 см)[6]. Кирпич был срезан после формовки, но еще до обжига. Вероятно, он был использован для оформления откоса окна или дверного проема.

В нескольких шурфах обнаружена лежащая на одинаковом уровне ровная проливка известково-песчаным раствором толщиной 2–5 см. Стратиграфия показывает, что она была сделана на завершающей стадии строительства храма 1335 г., после выполнения подсыпки, закрывшей слой строительства храма. Непосредственно на поверхности проливки зафиксирован тонкий серый гумусированный слой, вполне возможно, что такая прослойка могла появиться в ходе эксплуатации этого покрытия в течение какого-то времени. При этом прямо поверх данного слоя лежит слой выравнивающей подсыпки строительства конца XVII столетия, поэтому очевидно, что эта проливка функционировала в качестве пола еще в конце XVII в. Конечно, сложно представить, что в храме с XIV до конца XVII в. существовал наливной растворный пол, однако никаких следов других настилов найдено не было. Обнаружение в церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. первоначального пола из поливных керамических плиток, казалось бы, позволяет высказать предположение, что и в Деревяницком храме существовало подобное покрытие. В то же время никаких отпечатков от плиток на проливке нет, а в храме Входа Господня в Иерусалим плитки пола лежали поверх положенной на каменные плиты растворной подготовки. Нельзя полностью исключать возможности существования дощатого пола, положенного на растворную подготовку. В процессе работ не найдено каких-либо следов пола притвора, правда, надо отметить, что пространство внутри притвора почти не было затронуто исследованиями. К западу от юго-западного столба храма обнаружена столбовая яма диаметром 22 см, судя по стратиграфии – яма от стойки строительных лесов.

Видимо, западный притвор церкви 1335 г. был уничтожен еще в первой половине – середине XVII в. Вместо первоначального притвора, вероятно, были построены широкие паперти с трех сторон, в которых были совершены захоронения в кирпичных саркофагах (найдено два саркофага, поставленных прямо на остатки северной и южной стен первоначального притвора)[7]. Строители конца XVII в. уже не видели стен первоначального притвора, именно по этой причине его кладки сохранились, при том, что стены и столбы основного объема храма были полностью выбраны в 1695 г., а строительные материалы использованы для возведения нового храма. Северные стены соборов конца XVII в. были поставлены точно на место северной стены церкви XIV в., что позволило сохранить преемственность храмов в ориентации по сторонам света.

Находки. Основной категорией находок в ходе раскопок 2013–2015 гг. были фрагменты настенной росписи 1348 г. (атрибуция живописи проведена по итогам работ 2013 г. Т.А. Ромашкевич и В.Д. Сарабьяновым). Всего за три сезона работы на памятнике собрано около 60 000 фрагментов фресок (рис. 6). Больше всего фрагментов происходит из слоя

[6] Не исключено, что кирпич может быть датирован второй половиной XIV – первой третью XV в. и связан с одной из перестроек храма.

[7] К сожалению, пока не удалось выявить остатки фундаментов этих пристроек.

известково-песчаного раствора, кирпичного боя, щебня с фрагментами фресок – слоя подсыпки, сделанной при строительстве храма конца XVII в. Подсыпка осуществлялась строительным мусором, образовавшимся после разрушения первоначального храма. Вероятно, для вторичного использования в кладке были отобраны целые камни и кирпичи, остальные строительные материалы и фрески были собраны в кучи где-то около стройплощадки и затем использованы для устройства подсыпки при строительстве нового храма. Там, где слоя строительного мусора не хватило, подсыпка была дополнена песком. Таким образом, к сожалению, место находки фрагментов фресок не может помочь соотнести их с конкретной частью храмового пространства, так как они были перемещены еще в конце XVII в.

Обнаружено значительное число фрагментов с деталями одежд (в том числе крестчатых риз святителей), орнаментами, фоновыми покрасками, живописными надписями и надписями-граффити. Найдено совсем немного фрагментов личного, среди которых выделяется миниатюрный лик, представленный в трехчетвертном повороте влево. По мнению Т.Ю. Царевской, часть обнаруженных фрагментов относится к алтарной росписи – традиционной для алтаря “Службе святых отцов” (Смирнова, Царевская, в печати. С. 456–458).

Среди индивидуальных находок наибольший интерес представляет свинцовая печать с изображением св. Троицы на лицевой стороне (НВД-2015/И3). Оборот печати сохранился очень плохо, и, несмотря на проведенные реставрационные работы, надпись здесь прочитать не удалось. По мнению П.Г. Гайдукова, находка может быть атрибутирована как очень редкая печать новгородского архиепископа Макария (1526–1542)[8].

Другие значимые находки – шумящая подвеска финно-угорского типа, с тремя цепочками с утиными лапками на концах (вероятно, вторая половина XII–XIII в.); три фрагмента позолоченной серебряной басмы, в том числе мельчайших (последняя четверть XVI – первая четверть XVII в.[9]); фрагменты слюды из оконного переплета, с отверстиями от гвоздей. Многочисленные находки оконных стекол в слое разрушения храма 1335 г. свидетельствуют о том, что наряду со слюдой для заполнения оконных проемов в этой постройке применялось и стекло.

Среди находок, вошедших в керамическую коллекцию, особый интерес представляют части сосудов из красножгущейся глины, на поверхностях которых зафиксирован раствор, – фрагменты верхних частей и стенок голосников. Большая часть фрагментов не орнаментирована. Удалось реконструировать форму сосуда: это был горшок с достаточно невысоким горлом и прямым венчиком, диаметр венчика 14 см. Фрагменты керамики из культурного слоя, отложившегося до начала строительства храма 1335 г., весьма немногочисленны и могут быть датированы в основном XIV в.

Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря 1335 г. и новгородская архитектура 1330–1350-х годов. Несмотря на плохую сохранность памятника, полученные данные позволяют поставить Воскресенскую церковь 1335 г. в контекст развития новгородской архитектуры конца XIII – первой половины XIV в. Еще в первой трети XIII в. в Новгороде появляется тип небольшого одноглавого одноапсидного храма (церковь Рождества Богородицы в Перыни). Для архитектуры рубежа XIII–XIV вв. характерно редкое типологическое разнообразие, мы видим постройки, очень разные по типам: трехапсидный храм “на старой основе” (церковь Феодора Стратилата на Щиркове, 1292–1294 гг.), вытянутый по оси запад–восток одноапсидный храм (Михаила Архангела на Михайлове, 1300–1302 гг.). Однако наиболее продуктивным для дальнейшего развития новгородской архитектуры оказался еще один тип, продолжающий схему Перынской церкви, – одноапсидный одноглавый храм с подквадратным планом основного объема (церкви Николы на Липне 1292 г., Покрова Шилова монастыря 1310 г., Николы Белого 1312–1313 гг.). Перечисленные храмы, при наличии многих ярких индивидуальных черт, оказываются близкими по решению структуры плана. Именно эта архитектурная типология послужила основой для возрождения церковного строительства в 1330-е гг. К этой группе построек можно отнести церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг., Благовещения на Городище 1342–1343 гг., Спаса на Ковалеве 1345 г. К данному типу относилась и Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря

[8] Благодарим П.Г. Гайдукова за многолетнюю помощь в работе с сфрагистическими находками.

[9] Благодарим А.Н. Трифонову за помощь в атрибуции басмы.

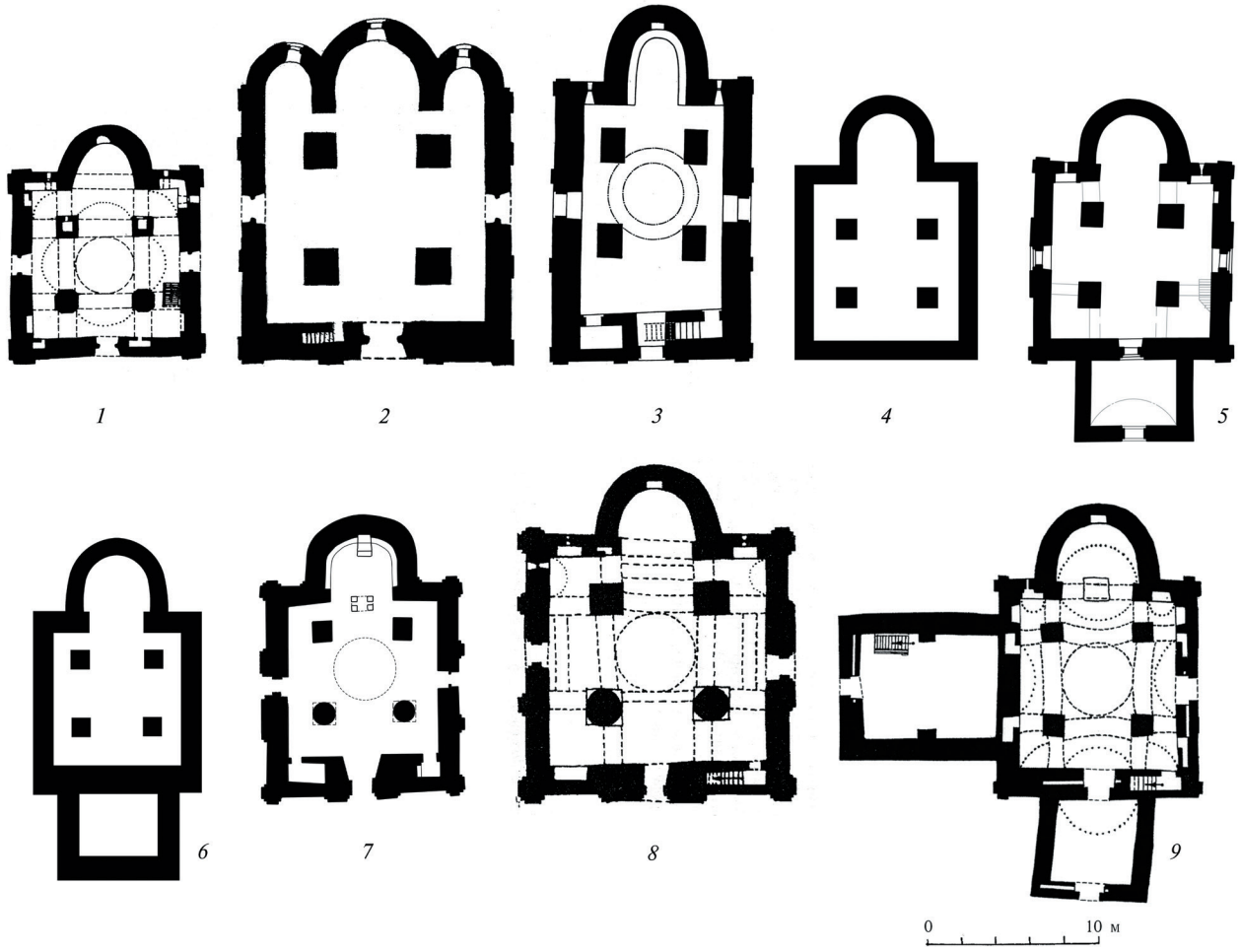

Рис. 7. Планы новгородских храмов 1290–1340-х годов.: *1* – церковь Николы на Липне (1292); *2* – церковь Федора Стратилата на Щирковой ул. (1292–1294); *3* – церковь Михаила Архангела на Михайловой ул. (1300–1302); *4* – церковь Покрова Шилова монастыря (1310); *5* – церковь Николы Белого (1312–1313); *6* – Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря (1335); *7* – церковь Входа Господня в Иерусалим (1336–1337); *8* – церковь Благовещения на Городище (1342–1343); *9* – церковь Спаса на Ковалеве (1345).

Fig. 7. Plan views of Novgorod churches of 1290–1340

1335 г. – первый по хронологии памятник в этом ряду (рис. 7).

План Воскресенской церкви не демонстрирует нам каких-то новых черт, одна из наиболее характерных его особенностей – наличие заплечиков у апсиды – также не является уникальной: впервые в истории новгородской архитектуры они появляются в церкви Николы Белого. Внутристенная лестница встречалась в памятниках рубежа XIII–XIV вв. (церкви св. Феодора Стратилата на Щиркове и Михаила Архангела на Михайловой ул.), однако чаще использовались деревянные лестницы, располагавшиеся в юго-западном углу постройки (церкви Николы на Липне, Покрова Шилова монастыря, Николы Белого) (Антипов, 2018. С. 11, 16, 17). У большинства новгородских храмов конца XIII – начала XIV в. не было западных притворов (исключение – церковь Николы Белого), среди новых храмов 1330–1340-х годов. притвор имела церковь Спаса на Ковалеве[10]. Очевидно, наличие притвора не было обязательно для новгородских церковных построек этого времени, отметим, что все три храма с притворами – монастырские. Относительно притвора деревяницкого храма мы точно знаем, что он имел погребальную функцию, вероятно, подобное назначение было и у притворов других построек.

[10] Северная пристройка к церкви Спаса не соединялась с основным объемом храма и не являлась его притвором, притвор с юга появился позже, видимо, в 1370-е годы.

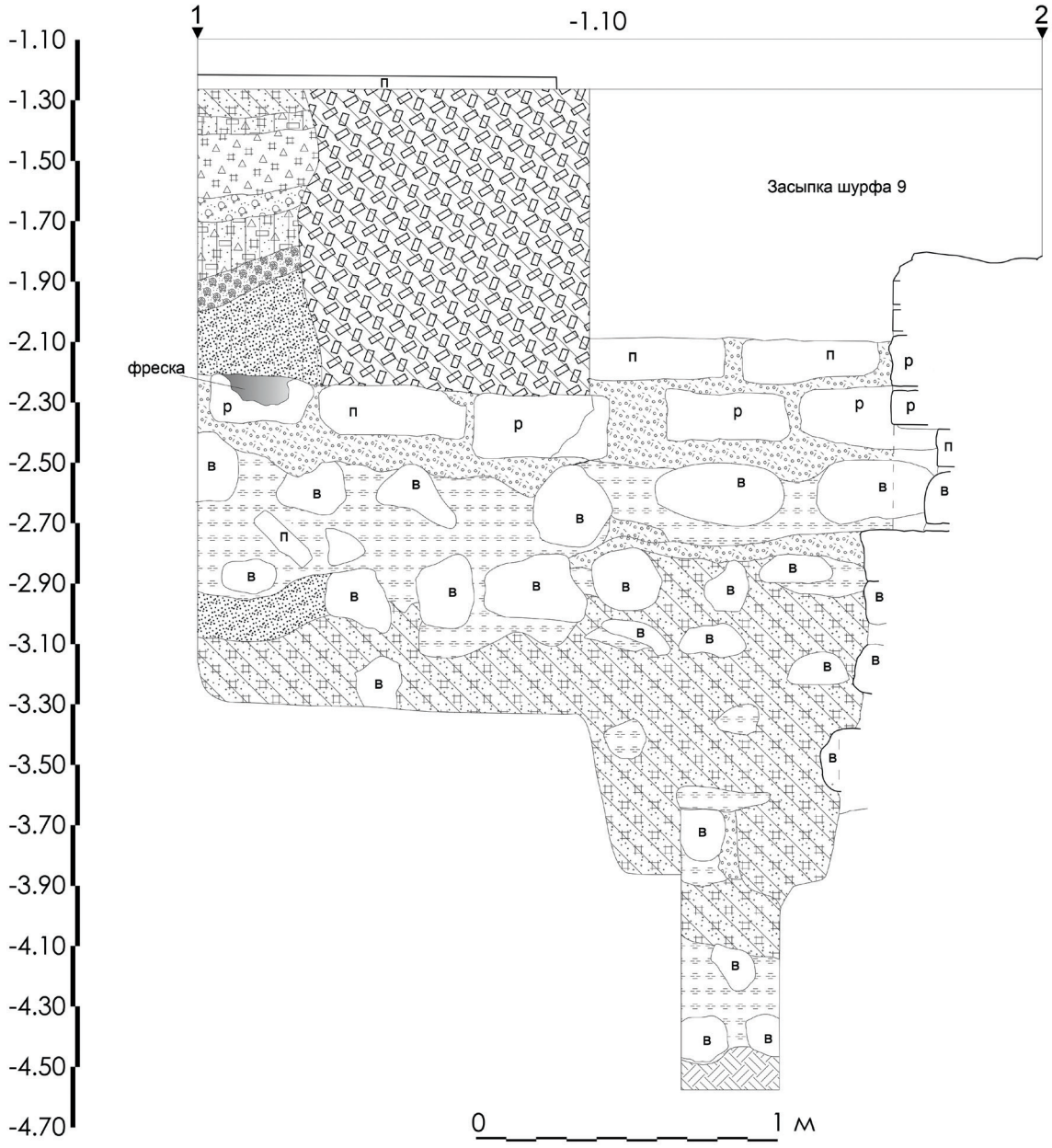

Рис. 8. Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря. Южный фасад кладки северной стены и фундамента “храма 2” (собора 1695–1697 гг.). Чертеж К.Б. Образцовой, Д.С. Тугановой.

Fig. 8. The Resurrection church of the Derevyanitsky Monastery. The southern facade of the northern wall masonry and the foundation of “temple 2” (the cathedral of 1695–1697)

Вполне вероятно, что именно в Воскресенской церкви сформировалось художественное решение фасадов и интерьера, которое потом будет повторено в двух наиболее ярких постройках 1330–1340-х годов – церквях Входа Господня в Иерусалим и Благовещения на Городище. К сожалению, утрачена возможность узнать, были ли в деревяницком храме западные круглые столбы, двухуступчатые лопатки и другие особенности, характерные для этих памятников.

С точки зрения строительной техники Воскресенская церковь не демонстрирует каких-либо новаций – тип и формат кирпича постройки сходен с параметрами кирпичей других храмов этого времени (Antipov, Gervais 2015. P. 71, 72), близки материал, тип и иные характеристики фундаментов.

Таким образом, Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря – небольшой монастырский храм, в архитектуре которого после многолетнего перерыва продолжаются как художественные, так и строительные традиции зодчества конца XIII – начала XIV в. Однако, вероятно, именно в этом памятнике впервые появляются особенности, ставшие характерными для новгородских построек второй половины 30–40-х годов XIV в. Пока у нас существуют весьма ограниченные сведения о построенных во второй половине 20 – начале 30-х годов XIV в. храмах Московского кремля, нет изученных датированных памятников тверской и западнорусской архитектуры первой половины XIV столетия. В этом контексте данные, полученные в результате раскопок Воскресенской церкви Деревяницкого монастыря, позволяют дополнить картину развития древнерусской архитектуры в первой половине XIV в.

Воскресенские храмы XVII в. В ходе раскопок удалось получить информацию и о двух Воскресенских соборах конца XVII в. – храме 1695–1697 гг., развалившемся после завершения постройки, и ныне существующем здании. *С собором 1695–1697 гг.,* наиболее вероятно, должны быть сопоставлены кладки “храма 2”; к сожалению, план постройки не может быть реконструирован. Ее северная стена поставлена практически по трассе северной стены стоящего сейчас храма и почти полностью в восточной части совпадает с местом северной стены храма 1335 г. (западная часть северной стены не обнаружена). Восточная стена церкви 1695–1697 гг. находилась в уровне современной солеи. Не вполне понятно, где проходила западная стена, никаких ее следов не найдено. В этой связи остается неясным, насколько облик здания, реконструированный Н.Н. Кузьминой по данным порядной на его строительство, в действительности соответствовал намеченному замыслу. То, что постройка может быть датирована 1695–1697 гг., показывает как относительная хронология строительства, так и следы разрушения стен этого здания – в кирпичной кладке восточной стены зафиксированы три вертикальные трещины, которые разорвали не только швы, но и сами кирпичи.

От кладки северной стены сохранился цоколь, сложенный из блоков ракушечника и плитняка, от восточной – помимо цоколя 5–7 рядов кирпичей, выложенных в технике верстовой кладки (вторично использованы кирпичи XIV в.). Изучен до подошвы фундамент северной стены (мощность около 200 см), сложенный из валунов на глине, верхний ряд валунов пролит известково-песчаным раствором (рис. 8). Деревянных субструкций под фундаментом не обнаружено. Стратиграфия показывает, что мелкий строительный мусор, появившийся в ходе разборки храма 1335 г., не был применен при возведении храма 1695–1697 гг., его использовали строители ныне стоящего собора для поднятия уровня пола в новой постройке.

Двухуступчатый цоколь западной стены храма сложен из кирпича на известково-песчаном растворе с мелким песком и по технике аналогичен кладке западной стены, сложенной из светло-красных кирпичей без песчаной обсыпки форматом 28.5–29.5×13.5–14 × 7–8 см[11]. Ниже прослежено до 8 рядов фундаментной кладки на высоту 197–200 см, однако подошва ее не обнаружена. Кладка врезана в материковый песок.

Работы на Воскресенской церкви Деревяницкого монастыря на данном этапе завершены. Предполагаем, что, если когда-то этот бесхозный ныне храм станет объектом реставрационных работ, можно будет выполнить еще ряд шурфов, которые, возможно, позволят уточнить реконструкцию плана памятника и, безусловно, приведут к расширению наших знаний об ансамбле монументальной живописи храма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский М.Х. Новгородский детинец 1044–1430 гг. // Архитектурное наследство. Вып. 14. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1962. С. 3–26.

Антипов И.В. Лестницы в новгородской архитектуре конца XIII–XV вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 29. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 9–26.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жервэ А.В. Архитектурно-археологические исследования в Великом Новгороде и Новгородском районе // Новгород и Новгородская земля. История и археология.

[11] В кладке нижних частей апсиды ныне существующего храма использовано небольшое количество вторично примененного кирпича XIV в.

Вып. 28. Великий Новгород: НГОМЗ, 2014. С. 121–128.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жервэ А.В. Исследования новгородских монастырских храмов XIV в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород: НГОМЗ, 2015. С. 150–155.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жервэ А.В. Раскопки Воскресенской церкви Деревяницкого монастыря (1335 г.) и разведки в Новгородском районе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Великий Новгород: НГОМЗ, 2016. С. 81–89.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жервэ А.В. Гражданская постройка XIV в. в Новгородском детинце // Seminarium Bulkinianum. IV. СПб.: Каламос, 2017. С. 59–71.

Антипов И.В., Булкин Вал.А., Жервэ А.В., Родионова М.А. Исследования церкви Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце в 2012 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. С. 53–59.

Арциховский А.В. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА; № 11). С. 132–136.

Бобров А.Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 3–123.

Вихров А.В. Новгородский Деревяницкий Воскресенский женский монастырь и Епархиальное при нем училище. Новгород: Типо-лит. Новгор. губ. правл., 1892. 21 с.

Кадыкин П.Ф., Шляпкин И.А. Летопись и акты новгородского мужского Деревяницкого монастыря (1335–1839) // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским археологическим институтом. Вып. XXI. Санкт-Петербург: Синод. тип., 1911. Отд. II. С. 1–162.

Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 275 с.

Кирпичников А.Н. Архитектурно-археологическое изучение новгородского Кремля // Новгородский исторический сборник. 5 (15). СПб.: Наука, 1995. С. 76–88.

Кузьмина Н.Н., Секретарь Л.А. Деревяницкий Воскресенский монастырь (история строительства, архитектуры, реставрации) // Новгородский исторический сборник. 7 (17). СПб.: Наука, 1999. С. 226–244.

Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т. 1. М.: Тип. В. Готье, 1860. VI, 654 с.

Новгородская первая – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Новгородская вторая – ПСРЛ. Т. 30: Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 240 с.

Новгородская четвертая – ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

Овсянников О.В. Каменная крепость XIV в. в низовьях Северной Двины // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 114–117.

Опись 1617 г. – Опись Новгорода 1617 года. Ч. 1 / Ред. В.Л. Янин. М.: Ин-т истории СССР, 1984. 173 с.

Повесть о Моисее, архиепископе новгородском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. С. 10–15.

Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 578 с.

Смирнова Э.С., Царевская Т.Ю. О монументальной живописи Новгорода 1330-х – начала 1350-х гг. // История русского искусства. Т. 4 / Отв. ред. Э.С. Смирнова. М. С. 453–463. (В печати.)

Степанов А.М. Исследования 1996 г. на Славне // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород: НГОМЗ, 1997. С. 19–25.

Сычев Н.П. Новгород. София. Нередица. Никола на Липне. Карта владений Великого Новгорода. Заметки о Новгороде, Пскове. Изборске и Печорском монастыре // НА ИИМК РАН. Ф. 51. Д. 70.

Antipov I., Gervais A. The bricks from St. Nicholas church at Lipno near Novgorod (1292) and the origins of the new Novgorodian building tradition // Estonian Journal of Archaeology. 2015. № 1 (19). P. 58–79.

THE RESURRECTION CHURCH OF THE DEREVYANITSKY MONASTERY OF 1335

Ilya V. Antipov[1,*], Valentin A. Bulkin[1,], Aleksey V. Zherve[2,***]**

[1]Saint Petersburg State University, Russia
[2]The State Museum of the History of Religion, St. Petersburg, Russia

[*]E-mail: i.antipov@spbu.ru
[**]E-mail: n/a
[***]E-mail: azherve@mail.ru

During the excavations of 2013–2015 a new site of medieval Novgorod architecture, the Resurrection Church of the Derevyanitsky Monastery of 1335, was uncovered and partially studied. The temple was a one-apse structure with four piers and a wide narthex in the western side. Its apse protruded rather far to the east. Probably, in the 17th century, the narthex was dismantled and, obviously, instead of it wide porches from three sides were constructed. Then, in 1695, the walls and foundations of the temple of 1335 were completely dismantled, and the building materials were used to erect a new longline temple, which collapsed in 1697 immediately after the construction was completed. Upon dismantling the longline church in 1698, construction works began on the Resurrection Cathedral, which has survived to this day. Archaeological research established that the Resurrection Church of the Derevyanitsky Monastery is a small monastery church, whose architecture continues the traditions of the late 13th – early 14th century. However, it is probably in this site where the features had appeared for the first time that became characteristic of the Novgorod buildings of the second half of the 1330s – 1340s.

Keywords: medieval Novgorod architecture, architectural archaeology, construction equipment and technology.

REFERENCES

The story of Moses, Archbishop of Novgorod. *Pamyatniki starinnoy russkoy literatury, izdavayemyye grafom G. Kushelevym-Bezborodko [Monuments of ancient Russian literature published by Count G. Kushelev-Bezborodko]*, 4. St.Petersburg: Tipografiya Kulisha, 1862, pp. 10–15. (In Russ.)

Aleshkovskiy M.Kh., 1962. Novgorod Detinets in 1044–1430. *Arkhitekturnoye nasledstvo [Architectural heritage]*, 14. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, pp. 3–26. (In Russ.)

Antipov I., Gervais A., 2015. The bricks from St. Nicholas church at Lipno near Novgorod (1292) and the origins of the new Novgorodian building tradition. *Estonian Journal of Archaeology*, 1(19), pp. 58–79.

Antipov I.V., 2018. Staircases in Novgorod architecture of the late 13th–15th century. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva [St. Tikhon's Orthodox University Review. Series V: Christian Art]*, 29. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, pp. 9–26. (In Russ.)

Antipov I.V., Bulkin Val.A., Zherve A.V., 2014. Architectural and archaeological research in Veliky Novgorod and Novgorod district. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 28. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 121–128. (In Russ.)

Antipov I.V., Bulkin Val.A., Zherve A.V., 2015. Studies of Novgorod monastery churches of the 14th century. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 29. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 150–155. (In Russ.)

Antipov I.V., Bulkin Val.A., Zherve A.V., 2016. Excavations of the Resurrection Church of the Derevyanitsky Monastery (1335) and reconnaissance in Novgorod district. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 30. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 81–89. (In Russ.)

Antipov I.V., Bulkin Val.A., Zherve A.V., 2017. A civil building of the 14th century in Novgorod Detinets. *Seminarium Bulkinianum*, IV. St.Petersburg: Kalamos, pp. 59–71. (In Russ.)

Antipov I.V., Bulkin Val.A., Zherve A.V., Rodionova M.A., 2013. Studies of the Church of the Entry of Our Lord into Jerusalem in Novgorod Detinets in 2012. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 27. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 53–59. (In Russ.)

Artsikhovskiy A.V., 1949. Excavations on Slavna site in Novgorod. *Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov [Materials and research on the archaeology of Rus towns]*, 1. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 132–136. (MIA, 11). (In Russ.)

Bobrov A.G., 2001. Monastic centres of book production in Novgorod Republic. *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi. Severnorusskiye monastyri [Book production centres of Rus. Monasteries of Northern Rus]*. St.Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 3–123. (In Russ.)

Kadykin P.F., Shlyapkin I.A., 1911. The chronicle and records of the Novgorod Derevyanitsky Monastery (1335–1839). *Vestnik arkheologii i istorii, izdavayemyy Imperatorskim arkheologicheskim institutom [The Bulletin of archaeology and history published by the Imperial Archaeological Institute]*, XXI. St.Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, pp. 1–162 (II). (In Russ.)

Kirpichnikov A.N., 1984. Kamennyye kreposti Novgorodskoy zemli [Stone fortresses of Novgorod land]. Leningrad: Nauka. 275 p.

Kirpichnikov A.N., 1995. Architectural and archaeological study of the Novgorod Kremlin. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical articles]*, 5(15). St.Petersburg: Nauka, pp. 76–88. (In Russ.)

Kuz'mina N.N., Sekretar' L.A., 1999. The Derevnyanitsky Resurrection Monastery (the history of construction, architecture, and restoration). *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik [Novgorod historical articles]*, 7(17). St. Petersburg: Nauka, pp. 226–244. (In Russ.)

Makariy (Mirolyubov), 1860. Arkheologicheskoye opisaniye tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh [Archaeological description of church antiquities in Novgorod and its vicinity], 1. Moscow: Tipografiya V. Got'ye. VI, 654 p.

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The Novgorod first chronicle in the earlier and later versions]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 642 p.

Opis' Novgoroda 1617 goda [Novgorod Inventory of 1617], 1. V.L. Yanin, ed. Moscow: Institut istorii SSSR, 1984. 173 p.

Ovsyannikov O.V., 1974. A stone fortress of the 14th century in the lower reaches of the Northern Dvina. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 139, pp. 114–117. (In Russ.)

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], 30. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivskaya) letopis' [The Novgorod second (archival) chronicle]. Moscow: Nauka, 1965. 240 p.

Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 4, part 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [The Novgorod fourth chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 728 p.

Sekretar' L.A., 2011. Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostey [Monasteries of Veliky Novgorod and its vicinity]. Moscow: Severnyy palomnik. 578 p.

Smirnova E.S., Tsarevskaya T.Yu. On the Novgorod mural painting of the 1330s – early 1350s. *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*, 4. E.S. Smirnova, ed. Moscow, pp. 453–463. (In print.) (In Russ.)

Stepanov A.M., 1997. Research in Slavna in 1996. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]*, 11. Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy ob"yedinennyy muzey-zapovednik, pp. 19–25. (In Russ.)

Sychev N.P. Novgorod. Sofiya. Nereditsa. Nikola na Lipne. Karta vladeniy Velikogo Novgoroda. Zametki o Novgorode, Pskove, Izborske i Pechorskom monastyre [Novgorod. St. Sophia. Nereditsa. St. Nicholas at Lipna. A map of lands under Veliky Novgorod. Notes about Novgorod, Pskov, Izborsk and the Pechora Monastery]. *Nauchnyy arkhiv IIMK RAN [Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture of the RAS]*, F. 51, D. 70.

Vikhrov A.V., 1892. Novgorodskiy Derevyanitskiy Voskresenskiy zhenskiy monastyr' i Eparkhial'noye pri nem uchilishche [The Novgorod Derevnyanitsky Resurrection Convent and its Diocesan School]. Novgorod: Tipo-litografiya Novgorodskogo gubernskogo pravleniya. 21 p.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 181–182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ АВТОРЫ XV–XVII вв. О РОССИИ: материалы к библиографическому словарю / Сост. П.Д. Малыгин; отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2018. 192 с.

Разнообразные записки и свидетельства иностранцев о нашем отечестве всегда будут привлекать внимание исследователей. В этом смысле подготовленный доцентом кафедры социально-культурного сервиса исторического факультета Тверского государственного университета П.Д. Малыгиным компактный справочник можно считать нужным и важным шагом в процессе освоения этого наследия. Подобный обзор может быть полезен как студентам, так и их старшим коллегам – в том числе и занимающимся эпохой позднего средневековья и раннего нового времени археологам, а также всем тем, кого интересует история повседневности.

Идея данной работы родилась в процессе подготовки и чтения автором курса лекций "Западноевропейские дипломаты и путешественники XV–XVII вв. о России", а ее воплощением стал ряд работ, касавшихся свидетельств иноземцев о Твери и первый опыт подготовки словаря, вышедшего в свет в Твери в 2015 г.[1]

Отталкиваясь от монументальных трудов предшественников (Ф. Аделунга, коллектива под руководством П.А. Зайончковского, Маршалла По[2]), П.Д. Малыгин собрал в своем справочнике наиболее важные с его точки зрения иностранные описания Руси "эпохи становления и создания Русского централизованного государства" XV–XVII вв. В итоге туда вошли сочинения 178 авторов (из них 16 остались безымянными) – как обстоятельные записки и трактаты, так и относительно краткие путевые заметки, письма, официальные донесения, дневники – в том числе и тех авторов, которые, как, например, П де Лавилль (с. 53) или Э. Зани (с. 59), не вошли в указатель П.А. Зайончковского.

Составитель справедливо оценил свою работу как "материалы к словарю", так как не претендовал на полный охват работ западноевропейских авторов XV–XVII вв. и их сочинений о России. Критериями отбора стали хронологические рамки и ряд других показателей, которые, признаться, не всегда убедительно выглядят; например, не учитывались сочинения, не имеющие русских переводов, и источники "недостаточно исследованные" (с. 9). На наш взгляд, критерии стоило бы уточнить: если хронологический отрезок по крайней мере понятен, то такое условие невключения того или иного источника, как "недостаточность исследования", все же нуждается в пояснении. В некоторых случаях читателю непонятно, где, собственно, находится публикация источника – поскольку составитель указывает только "литературу" о деятельности Д. Мерика (с. 99, 100) или латиноязычное издание труда П. Одерборна без указания русских переводов его сочинений (с. 110)[3].

Вызывают вопросы и географические рамки. Составитель подчеркивает, что отбирал материалы, относящиеся к "России". Однако в число источников помещены записки францисканского монаха И. Коморовского о деятельности орденских "братьев" в Полоцке, Вильно и Киеве в начале XVI в. (с. 75, 76), тексты о Хотинском походе польских войск и казаков в 1621 г. (с. 58, 135), рассказы о казацких восстаниях на Украине в 1637, 1638 гг. (с. 110, 111), о визите польской иезуитской миссии в Киев в 1645 г. (с. 157), о переговорах поляков с Б. Хмельницким в 1649 г. (с. 106), еврейская хроника времен восстания на Украине в 1648 г. (с. 36; составитель не указал новейшее издание 1997 г.[4]) или описание Крыма польским посланником к хану М. Броневским в 1578 г. (с. 24) – в то время, когда эти земли тогдашней России, или Московскому государству не принадлежали, а описываемые персонажи не являлись царскими подданными.

Не всегда ясен и отбор персоналий. Лопе де Вега, безусловно, был великим драматургом и создал пьесу о Лжедмитрии I (с. 30, 31), а Т. Кампанелла – выдающимся мыслителем, который написал послание к московскому государю и духовенству (с. 63), но стоит ли рассматривать эти сочинения в числе важнейших источников по истории допетровской России?

Зато несомненным достоинством указателя можно считать включение в него изданий конца XX – начала XXI в. (вплоть до 2012–2014 гг.), дополняющих выпущенный сорок лет назад фундаментальный указатель П.А. Зайончковского "История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах". В справочнике П.Д. Малыгина можно отметить ссылки на изданные впервые в русском переводе сочинения Н. Витсена (с. 34) и М. Груневега (с. 49) или

[1] См.: Малыгин П.Д. Материалы к биобиблиографическому словарю западноевропейцев XV–XVII вв., писавших о России. Учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015.

2 См.: Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга, увенчанное большою Демидовскою наградою: В 2-х ч. [в одном переплете] / пер. с нем. Александра Клеванова. М.: Универ. тип., 1864. Ч. 1–2. (Репринт: СПб.: Альфарет, 2008); История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Научное руководство, ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. М.: Книга, 1976. Т. 1; 1989. Т. 5. Ч. 2 (дополнения к Т. 1–5). Foreign descriptions of Muscovy: An analytic bibliography of primary and secondary sources / By Marshall Poe. Columbus (Ohio): Slavica publ., 1995 (последнее издание 2008 г. см.: https://ir.uiowa.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=history_pubs).

[3] Пересказ с выдержками из текста см.: Полосин И.И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И.И. Социально-экономическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 121–217; Тиран и заступник [Текст]: два взгляда иностранцев на Россию 1585 года / пер. К.А. Морозовой, А.Л. Хорошкевич; публ. А.Л. Хорошкевич // Родина. 2004. № 12. С. 17–21. Его же сочинение "Правдивый и обстоятельный рассказ о вере русов" см.: Сагановіч Г.М. Паўночная Беларусь у апісанні Паўля Одэрборна // Беларускі гістарычны агляд. Т. 12. Сш. 1–2 (22, 23). 2005. С. 162–167.

[4] См.: Еврейские хроники XVII столетия. Эпоха "хмельничины" / Публ. С.Я. Боровой. М.: Гешарим, 1997.

на новые академические публикации записок С. Герберштейна (с. 41), А. Гваньини (с. 37), П. Гордона (с. 44, 45), Ж. Маржерета (с. 91), де ла Невилля (с. 107), Э. Пальмквиста (с. 115), Г. Штадена (с. 162).

По сравнению с работой М. По (“Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources”) заметно, что П.Д. Малыгин предложил свой вариант описания иностранных сочинений: имя автора (работы не установленного авторства вынесены отдельно), краткая биография автора, ссылки на основные оригинальные и переводные издания, литература об авторе и его сочинении (что весьма полезно начинающим исследователям) и аннотация содержания источника. Кажется, что в этом плане работа М. По составлена несколько удобнее, поскольку для неискушенного пользователя проще искать информацию по тематически-хронологическому принципу, тогда как представление работ по алфавиту вызывает трудности поиска нужного документа среди малоизвестных имен.

При этом, однако, в справочнике М. По отсутствуют аннотации. В рецензируемом справочнике они есть, хотя и сделаны неровно. Подробная информация о венецианском путешественнике А. Контарини, польском историке М. Меховском, голштинском ученом А. Олеарии, папском посланнике в Россию в 1581–1582 гг. А. Поссевино или о датском дипломате Я. Ульфельдте со столь же обстоятельными аннотациями (с. 76–78, 100–102, 111–113, 123–125, 146–148) соседствуют с малоинформативными статьями: например, о сочинениях Н. Мархоцкого (с. 92, 93), П. Одерборна (с. 110) или Ю. Крижанича (с. 79, 80).

В Приложении к основному содержанию справочника (с. 173–176) автор приводит список основных научных трудов, посвященных источниковедческому изучению данных источников. Можно отметить отсутствие среди них известных сочинений о записках иностранцев В.Р. Мединского, чья докторская диссертация на эту тему вызвала оживленную полемику. С другой стороны, это объяснимо: степени и звания автора не могут восполнить отсутствия полноты охвата материала, обоснованности выводов и полноценного анализа столь сложных источников. Появление же нового справочника можно только приветствовать и дежурно сожалеть о малом тираже издания, которое должно быть доступно любому студенту-историку.

Историко-архивный институт РГГУ, Москва *И.В. Курукин*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 183–185

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

2019 г. стал годом 100-летия российской академической археологии. Отсчет ее истории ведется с 18 апреля 1919 г., когда Декретом Совета Народных Комиссаров была учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), позднее вошедшая в состав Академии наук СССР. Через этот организационный и символический акт российская академическая археология обрела свой сегодняшний статус, причем решение о ее поддержке было принято на самом высоком государственном уровне. Преемниками РАИМК сегодня являются Институт археологии РАН (ИА РАН) в Москве и Институт истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге (ИИМК РАН). РАИМК была создана на основе упраздненной Императорской археологической комиссии – центральной археологической организации дореволюционной России. Таким образом, возраст российской археологии более ста лет – ее корни уходят в середину XIX в., однако современная научно-организационная структура академической археологии была создана в 1919 г., в год учреждения РАИМК.

Академия истории материальной культуры и два организованных на ее основе института стали базовыми научными центрами, родоначальниками многочисленных научных учреждений исторического и археологического профилей. Аспиранты, обучавшиеся в столичных институтах, и прошедшие их научную школу докторанты основали археологические школы советских республик, позже преобразовавшиеся в археологические институты государств постсоветского пространства.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2017 г. был образован организационный комитет по празднованию юбилея. Главою оргкомитета стал председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин, в качестве заместителей председателя в него вошли вице-президент РАН, директор Института археологии РАН Н.А. Макаров, заместитель министра науки и высшего образования РФ А.М. Медведев, заместитель министра культуры РФ С.Г. Обрывалин. В составе оргкомитета работали также советник Президента РФ В.И. Толстой, руководители крупнейших академических институтов археологического профиля – В.А. Лапшин (Институт истории материальной культуры РАН), А.П. Деревянко (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН); директора российских музеев, обладающих значительными археологическими коллекциями, – А.К. Левыкин (Государственный исторический музей), М.Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); председатель совета Российского фонда фундаментальных исследований В.Я. Панченко и исполнительный директор фонда “История Отечества” К.И. Могилевский.

В феврале 2018 г. в Президиуме Российской академии наук состоялось заседание оргкомитета, на котором был утвержден план по подготовке и празднованию археологического юбилея. В обширную программу историко-просветительских мероприятий, раскрывающих и популяризирующих археологию, были включены научные форумы, конференции и круглые столы, научные конкурсы, издательские, общественно-просветительские и экспозиционные проекты – всего более 60 событий. В реализации программы принимали участие организации археологического профиля из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока, Екатеринбурга, Ханты-Мансийска, Керчи, Симферополя, Севастополя, Новгорода, Пскова, Уфы, Казани, Челябинска, Омска, Черкесска. Наравне с академическими институтами в проведении юбилейных мероприятий активно принимала участие музейная и вузовская археология.

Начало проведению юбилейных конференций и выставок было положено весной 2018 г. В марте 2018 г. в Институте археологии в Москве прошла международная научная конференция “Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации”, собравшая более 130 участников – докладчиков и слушателей из академических научных институтов, университетов и музеев России, Великобритании и Германии. На конференции были представлены результаты новейших археологических исследований, проведенных на территории России и за рубежом с применением новых подходов и современных методов изучения древностей. В рамках международного мероприятия состоялось заседание круглого стола “Новые направления в археологических исследованиях”. Организованный Институтом археологии совместно с Германским археологическим институтом, он был призван осветить методические подходы и результаты применения междисциплинарных методов в исследованиях российских и немецких ученых, выделить близкие по своим подходам направления и обсудить особенности работы археологических школ Германии и России.

В начале июля 2018 г. на Алтае Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН был проведен международный симпозиум “Становление верхнего палеолита в Евразии и развитие рода Homo”, который затронул фундаментальные проблемы периодизации палеолита, ранней преистории, перехода от среднего к верхнему палеолиту, развития культурных традиций в начале верхнего палеолита, палеогенетической истории первобытного человека, антропологический облик палеолитического населения Евразии.

Первые экспозиционные проекты, посвященные 100-летию, состоялись летом 2018 г. – это открытие выставки: “Каменная летопись Алтая: образы Каракола” в Горно-Алтайске и выставки “Археология: годы, события, люди... К 100-летию российской академической археологии” в Москве в Российском историческом обществе. Горноалтайская выставка, организованная Институтом археологии РАН в Национальном музее имени А.В. Анохина, представляет результаты нового технологичного документирования плит Каракола, Озерного, Беш-Озека – раскопанных археологами известных погребальных комплексов эпохи бронзы. Возвращение к этим материалам на новом уровне стало возможно в результате использования современных высокотехнологичных методов, дополняющих известные образы новыми деталями, не различимыми невооруженным глазом.

Московская выставка в Российском историческом обществе в интерьере зала под средневековыми сводами представила редкие археологические находки, в основном происходящие из последних раскопок Института археологии РАН на территории Крыма и Краснодарского края. В их числе уникальный бронзовый шлем коринфского типа V в. до н.э. – свидетель времени греко-персидских войн, а также золотые украшения из нетронутого

грабителями могильника римского времени Фронтовое. Декорациями к находкам служили информационные щиты, рассказывающие об истории российской археологии и ее основных действующих лиц.

Центральными научными событиями 2019 г. стали две международные конференции, проведенные в юбилейном апреле: “Век археологии: открытия – задачи – перспективы”, организованная Институтом археологии РАН и прошедшая 10–12 апреля 2019 г. в Москве в здании Выставочного комплекса Государственного исторического музея при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и фонда “История отечества”, и “ИИМК на рубеже тысячелетий”, проведенная Институтом истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге 18–19 апреля в Белом зале Мраморного дворца – месте размещения РАИМК–ГАИМК в 1920–1930-е годы, и в залах института. В Белом зале была развернута организованная сотрудниками архива ИИМК РАН выставка “Жемчужина Наркомпроса. К 100-летию Академии истории материальной культуры”. Конференции собрали ведущих археологов из России, Германии, Великобритании, Италии, США, Испании, Израиля, Нидерландов, Китая и Казахстана, они были призваны содержательно отразить ключевые, итоговые и перспективные достижения 100-летнего развития российской академической археологии и осветить ее место среди мировых археологических школ.

Выставка “Век археологии”, устроенная в рамках московской юбилейной конференции, представила археологические предметы из фондов Государственного исторического музея (ГИМ), предметы из фондов Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Государственного историко-археологического музея-заповедника “Фанагория”, а также из раскопок Института археологии самых последних лет, 2017–2018 гг. Экспозиция демонстрировала археологические предметы различных эпох и культур, происхождение которых связано с экспедиционной деятельностью Института археологии РАН.

В июне 2019 г. в Москве в здании Президиума Академии наук прошла еще одна масштабная международная конференция, организованная Институтом археологии РАН совместно с Германским археологическим институтом при поддержке фонда “История отечества” – “Археология в XXI веке”. Организаторы конференции в качестве основных вопросов, стоящих перед современной наукой, обозначили следующие: Что стоит на повестке дня современного археологического исследования? Могут ли археологические данные способствовать решению главных современных вызовов, таких как социальное неравенство, несовершенство политического устройства общества, военные конфликты, климатические изменения и опасности технологического прогресса? Обсуждение на конференции этих вопросов вылилось в живейшую актуальную дискуссию.

В программу 100-летия были включены и в течение 2018–2019 гг. успешно реализованы и другие международные проекты Института археологии РАН. В работе российско-германского семинара по изучению искусства и археологического текстиля “Искусство древнего текстиля (методы изучения, сохранность, реконструкция)” приняли участие ведущие специалисты в области археологии, истории, искусствоведения, химии и реставрации из различных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Волгограда, Челябинска, Барнаула, Кемерово, Новгорода, а также специалисты из Германского археологического института и Свободного университета Берлина. Специалисты двух стран обменялись мнениями и поделились последними разработками в области методики изучения древних тканей. Состоялись демонстрация и научное обсуждение подготовленного Отделением Германского археологического института в Китае фильма “Путь штанов” о древнейших штанах, обнаруженных в Турфане (Китай).

В Суздале прошел российско-британский научный семинар по проблемам исследования культурного взаимодействия, посвященный исторической ретроспективе исследования культурного взаимодействия в Евразии, собравший исследователей из Великобритании и России. Организаторами семинара стали Институт археологии и Археологическая школа Университета Оксфорда. На встрече обсуждались современные методы и подходы к анализу данных археологии, позволяющих извлечь принципиально новую информацию о материальной и духовной культуре древних обществ и их месте в системе евразийских культурных связей. В Суздаль, в один из древнейших культурных центров Древней Руси, съехались ученые из Оксфорда, Лондонского университета королевы Марии, Университета Линкольна и московских академических институтов. Семинар показал, что у российских и британских археологов много общих направлений исследований, а обмен опытом и совместное обсуждение методических проблем представляет взаимный интерес. Прошедшая встреча открыла новые перспективы для дальнейшего развития российско-британского сотрудничества в области археологии.

В Москве и в Будапеште в течение двух лет несколько раз с успехом работал российско-венгерский семинар “Средневековая археология Дунайского бассейна и Русской равнины: новые подходы к изучению расселения, культуры и социальной стратификации”. В центре внимания его участников была тема сложения средневековой карты восточной Европы на основании археологических материалов. Задачами встреч стало обсуждение учеными обеих стран круга актуальных научных проблем, объединенных этой темой, – проблем изучения средневекового города, поселенческой археологии, погребальных комплексов, реконструкции социальных аспектов развития средневековых обществ.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Германский археологический институт летом 2019 г. на базе научно-исследовательского стационара “Денисова пещера” (Алтай) при финансовой поддержке РФФИ провели Международный симпозиум “Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты”, в работе которого приняли участие ученые из девяти стран. В рамках мероприятия был организован круглый стол, посвященный 100-летию российской академической археологии. Участники обсудили проблемы международного сотрудничества, дальнейшие перспективы междисциплинарных проектов, вклад отечественных ученых в мировую науку.

Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского совместно с Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Омским филиалом Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Сибирским филиалом Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева организована и проведена LVIII Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (РАЭСК–58) “Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты”. Такие молодежные конференции проводятся ежегодно с 1960 г., имея фактически статус всероссийского мероприятия. Их организация в разных городах и университетах региона

способствует росту профессиональной подготовки археологов и этнографов российской Азии и популяризации науки.

XVIII сессия археологов Дальнего Востока “Проблемы археологии Дальнего Востока” была организована Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и посвящена 100-летию академической археологии. В сессии приняли участие исследователи из Владивостока, Хабаровска, Новосибирска, Красноярска, Якутска, Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Пекина. Доклады были представлены археологами и специалистами в области естественных и точных наук, в них были рассмотрены актуальные проблемы дальневосточной и сибирской археологии.

В рамках юбилея в Улан-Удэ на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН состоялся IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей “Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований”. В числе организаторов – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. В конгрессе участвовали ученые из двадцати стран – от Франции до Японии – и российские ученые, съехавшиеся из различных городов европейской и азиатской частей страны. В рамках программы конгресса была открыта выставка “Гунны. Империя степей”.

Завершающими событиями года академической археологии стали конференция “Знаки и образы в искусстве каменного века”, прошедшая в Москве в самом конце ноября 2019 г., и приуроченная к ней выставка “Сквозь века и пространства: наскальное искусство России”, посвященная памяти Екатерины Георгиевны Дэвлет (1965–2018), известного специалиста по изучению наскального искусства России. Конференция завершает цикл мероприятий, целью которых было привлечь к обсуждению актуальных проблем изучения искусства каменного века как специалистов в области наскальных изображений, так и тех, кто занимается искусством малых форм. В экспозиции выставки были представлены материалы изучения памятников каменного века, вошедших в предварительный Список всемирного наследия ЮНЕСКО, – Капова пещера (Башкортостан), Оглахты (Хакасия), Онежские и Беломорские петроглифы (Карелия), Сикачи-Алян на Дальнем Востоке.

В рамках юбилейной программы были проведены молодежные полевые археологические школы – в Болгаре (Татарстан), Суздале и Твери. В Болгаре в школе приняли участие более ста человека. Среди них были учащиеся из шестнадцати стран мира – США, Великобритании, Египта, Индии, Турции, Беларуси, Алжира, Филиппин, Польши, Эстонии, Пакистана, Хорватии, Германии, Швеции, Румынии, России, а также преподаватели из США, Канады, Испании, Филиппин, Болгарии, Румынии и России. Главной целью школы являлась консолидация отечественных и зарубежных научных и образовательных ресурсов для внедрения новейших достижений мировой науки в практику изучения и сохранения историко-культурного наследия народов Евразии. Школа была ориентирована на потребности молодых ученых в знакомстве с новыми методами, представлении актуальных данных и коллаборации. На площадке школы участники имели возможность представить свои уникальные творческие проекты, обсудить их, получить экспертную оценку.

Событиями, венчающими экспедиционную деятельность археологов, являются выходы в свет научных публикаций – книг и статей. Среди изданных в юбилейный год публикаций многие носят обобщающий, итоговый характер. Книги посвящены истории институтов, исследований отдельных памятников и истории археологии в лицах. В качестве основных отметим вышедшую в Москве книгу “Институт археологии РАН. 100 лет” (М., 2019), посвященную истории московского института, и вышедшее в Санкт-Петербурге издание “Академия истории материальной культуры. 1919–2019. Материалы Научного архива ИИМК РАН” (СПб., 2019).

100-летию посвящены сборники Института археологии РАН, изданные по материалам проведенных раскопок в Московском Кремле (“Археология Московского Кремля”. М., 2019), на крымской федеральной трассе (“Крым – Таврида”. М., 2019), и сборник, в который вошли статьи по экспедиционным проектам института за период 2015–2018 гг. Институт истории материальной культуры РАН выпустил сборник “Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии)” (СПб., 2019). Санкт-Петербургский филиал Архива РАН подготовил книгу двух авторов, – Д.В. Серых, С.В. Кузьминых “Несостоявшийся Всесоюзный археологический съезд: преемственность организационных традиций отечественной археологии после 1917 года (документы и материалы)” (СПб., 2019). В Новосибирске увидела свет коллективная монография “История Сибири. Т. 2. Сибирь в древности и средневековье”, посвященная периоду от раннего железного века (I тыс. до н.э.) до прихода в Сибирь русского населения (XVI в.).

Таковы основные мероприятия, проведенные в рамках празднования 100-летия российской академической археологии.

Институт археологии РАН, Москва, Россия *М.В. Вдовиченко*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 186–191

XXI УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ. Самара. 8–12 октября 2018 г.

Всероссийская (с международным участием) конференция состоялась на базе Самарских государственного социально-педагогического университета, областного историко-краеведческого музея, национального исследовательского университета и археологического общества. В работе конференции приняли участие 130 ученых из 32 российских и зарубежных научных, образовательных и музейных учреждений. Совещание было приурочено к 85-летию Г.И. Матвеевой и 70-летию И.Б. Васильева, основателей современной археологической науки Самарской области, видных исследователей Волго-Уралья, учителей многочисленной группы археологов Поволжья и Урала. На пленарном заседании прозвучали доклады о творческом пути Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева, а также об исследовании уникального энеолитического могильника Екатериновский мыс (*А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков,* Самара) и всей совокупности антропологических данных по каменному веку Волго-Уралья (*А.А. Хохлов*, Самара).

На секции каменного века заслушано 37 докладов. Их диапазон от палеолита (*А.Н. Бессуднов*, Липецк; *М.Ш. Галимова* и др., Казань) до позднего энеолита, территориальные рамки – Волго-Уралье с прилегающими территориями. Традиционным на Уральских археологических совещаниях (УАС) становится обсуждение результатов трасологического, технико-технологического, радиоуглеродного и других анализов. Среди докладов – реконструкция палеогеографического фона в неолите Верхнего Прикамья (*Е.Л. Лычагина,* Пермь); особенности хозяйства в мезолите Предуралья и Зауралья (*Е.Н. Митрошина,* Пермь; *С.Н. Савченко,* Екатеринбург); разнообразие функций скребков в неолите Нижнего Прикамья (*Е.Н. Голубева,* Казань); спорные вопросы радиоуглеродной хронологии неолита лесостепи и леса (*В.С. Мосин,* Челябинск; *В.В. Ставицкий,* Пенза; *К. Нордквист,* Хельсинки; *А. Мацане,* Гётеборг; *Е.Л. Костылева*, Иваново); особенности технологии изготовления разнокультурных групп керамики (*И.Н. Васильева, О.В. Андреева,* Самара; *Н.С. Батуева,* Пермь); специфика развития культур в контактных географических зонах (*В.В. Бобров, А.Г. Марочкин*, Кемерово). Археологическим источникам к проблеме происхождения финнов был посвящен доклад *В.В. Сидорова* (Москва). Новая информация получена при анализе уже известных материалов неолита и энеолита – керамика Поволжья и Урала (*К.М. Андреев, А.В. Сомов, А.И. Королев, А.С. Кудашев,* Самара; *В.В. Морозов,* Москва; *А.В. Шипилов,* Казань; *Е.С. Яковлева,* Челябинск), могильники (*А.А. Чижевский, А.В. Шипилов,* Казань), “утюжки” (*И.В. Усачева,* Тюмень), мелкая пластика (*Н.Ю. Сучилин,* Тюмень). С новыми источниками по мезолиту Европейского Северо-Востока познакомили *Н.А.* и *А.В. Волокитины,* Сыктывкар), по неолиту Прикамья (*А.Ф. Мельничук, О.В. Жукова* и *Э.В. Чурилов,* Пермь; *В.Н. Карманов*, Сыктывкар), по неолиту и энеолиту Поволжья (*А.В. Барацков, А.А. Выборнов, Н.С. Дога, Ф.Ф. Гилязов, А.С. Попов,* Самара; *Т.Ю. Гречкина, Ю.С. Лебедев, Д.С. Соловьев*, Астрахань; *А.И. Юдин,* Саратов), по Дону (*Р.В. Смольянинов, А.А. Куличков* и *Е.С. Юркина*, Липецк). О признаках взаимодействия культур различных регионов сообщили *М.В. Иванищева* (Вологда) и *И.Н. Езепенко* (Минск).

На секции бронзового века заслушано 33 доклада. К проблематике ямной культуры обратились *Н.Л. Моргунова* (Оренбург) с коллегами; *А.А. Хохлов* и *А.П. Григорьев* (Самара). Различные аспекты бытования древнего общества в эпоху раннего металла затронули *А.В. Букалова* (Киев); *Н.П. Салугина* (Самара). Тематика среднего и начала позднего бронзового веков традиционно связана с синташтинской культурой и представлена в докладах *К.В. Солодовникова* (Тюмень) и *А.В. Колбиной* (Костанай); *А.В. Логвина* и *И.В. Шевниной* (Костанай); *И.В. Семьяна* (Челябинск) и *И.В. Горащука* (Самара); *С.В. Сотниковой* (Надым)*; Г.Г. Пятых* (Москва). Наряду с презентацией новых материалов обсуждалась культовая практика синташтинского населения с учетом антропологических и иных данных. Особый интерес вызвали доклады *Р.А. Мимохода* (Москва) о посткатакомбном культурном контексте в Волго-Уралье; *А.Н. Усачука* (Донецк) и *П.Ф. Кузнецова* (Самара); *С.Е. Пантелеевой* (Екатеринбург) по материалам покровской и петровской культур. Активно обсуждалась проблематика срубной культурно-исторической общности в ее восточном ареале (*Н.Б. Щербаков* и *И.А. Шутелева,* Уфа; *А.В. Лыганов,* Казань; *Н.М. Малов,* Саратов) и срубно-алакульского взаимодействия (*Л.В. Купцова,* Оренбург; *Е.А. Булакова,* Екатеринбург; *И.И. Бахшиев,* Уфа; *Я.В. Рафикова,* Уфа). Отдельные категории вещевого материала представили *Е.В. Куприянова* и *С.В. Таскаев* (Челябинск); *П.С. Медведева* (Челябинск); *О.Н. Загородняя* (Киев). О новых междисциплинарных исследованиях памятников эпохи бронзы в Южном Зауралье рассказали *Л.Н. Корякова* (Екатеринбург) с коллегами, а также *С.В. Шарапова* (Екатеринбург) и *М.К. Карапетян* (Москва). В ряде сообщений рассмотрены проблемы взаимодействия федоровской и других культур андроновского мира с культурами лесостепного Поволжья, Южного Зауралья и Притоболья (*А.В. Лыганов,* Казань; *И.П. Алаева,* Челябинск; *Н.А. Берсенева,* Челябинск; *Э.Р. Усманова*, Караганда; *С.А. Григорьев*, Челябинск). Привлекли внимание доклады *О.Н. Корочковой* (Екатеринбург) о зауральских кладах эпохи бронзы, *Л.Н. Коряковой* и *С.Е. Пантелеевой* (Екатеринбург); *Т.С. Малютиной* и *Л.Ю. Петровой* (Челябинск) о колодцах с поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья.

Одной из самых дискуссионных площадок стала секция раннего железного века (22 доклада). Доклады традиционно разделились на два блока в соответствии с образом жизни древнего населения – кочевого и оседлого. Проблемам взаимодействия иткульского и раннесакского населения был посвящен доклад *А.Д. Таирова* (Челябинск). *С.В. Кузьминых* (Москва) и *А.Д. Дегтярева* (Тюмень) обсудили разные модели цветной металлообработки в системе жизнеобеспечения населения горнолесных районов Урала и их степных соседей. Интересную трактовку по прочтению, переводу и датировке арамейской надписи на костяном псалии из Самарской области представил *А.С. Балахванцев* (Москва). *В.С. Патрушев* (Йошкар-Ола) и *Mika T. Lavento* (Хельсинки) представили свои взгляды на этнокультурные связи населения с текстильной керамикой. Ананьинскую проблематику продолжили доклады о формировании культурного слоя городищ Прикамья (*Е.М. Черных,* Ижевск), новых позднеананьинских могильников Пермского Прикамья (*С.Н. Коренюк,* Пермь), памятниках эпохи раннего железа Северного Прикамья (*С.Н. Коренюк, Д.А. Майстренко,* Пермь), характеристике керамики вятских городищ (*Э.И. Оруджов,* Казань). Предварительные итоги изучения поселенческого материала гляденовской культуры были вынесены на обсуждение *А.Ю. Емельяновой* и *Г.А. Степановой* (Ижевск). *М.С. Макарова* (Пермь) представила опыт описания и классификации предметов и образов гляденовского звериного стиля, который лег в основу пермского звериного стиля. При обсуждении доклада прозвучали критические замечания о правомерности наименования гляденовского стиля в металлопластике звериным или необходимости вычленения из него антропоморфных изделий. О времени смены бронзовых наконечников стрел на железные по материалам могильников пьяноборской культуры шла речь в докладе *С.Э. Зубова* и *Р.Р. Саттарова* (Самара).

Проблематика скифо-сарматского мира, в частности конского снаряжения, началась с дискуссии о западных импульсах в раннепрохоровских уздечных наборах (*С.В. Сиротин,* Москва; *В.Н. Мышкин,* Самара). Интерпретация ряда находок в двух женских погребениях могильника Филипповка I с точки зрения развития ювелирного ремесла у кочевников Южного Приуралья в IV в. до н.э. содержалась в докладе *О.В. Аникеевой* (Москва). *А.В. Денисов* и *Е.В. Волкова* (Самара) рассказали о серии каменных алтарей, характерных для Самаро-Уральского региона, но обнаруженных за его пределами – в Ульяновском Поволжье. Ряд докладов был сопряжен с естественнонаучным направлением в археологии. *Е.П. Китов* (Москва) и *Ю.О. Капинус* (Самара) обсудили итоги изучения краниологических материалов из раннесарматских могильников Южного Приуралья, а *Е.В. Волкова* (Казань) – материалов могильника Старый Чекмак пьяноборской культуры. *Г.Ш. Асылгараева* и *Д.Г. Бугров* (Казань) представили результаты определения видового состава и возраста животных в погребальной практике Гулюковского могильника позднесарматского времени в Нижнем Прикамье. *Н.С. Савельев, Р.Г. Курмаев, Р.Р. Сулейманов* (Уфа) познакомили с итогами комплексного исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья. *В.И. Завьялов* и *Н.Н. Терехова* (Москва) представили доклад о различиях в способах металлообработки при изготовлении савроматских и раннесарматских мечей и кинжалов.

На секции средневековья и нового времени заслушан 21 доклад. *В.А. Иванов* (Уфа) сравнил процессуалистскую и постмодернистскую концепции изучения этнокультурных процессов в Волго-Уралье в эпоху средневековья. Доклады, посвященные анализу археологических материалов, можно разделить на несколько хронологических и тематических блоков. События, происходившие на рубеже эпох раннего железа и средневековья, обсудили *А.В. Богачев* (Самара) и *В.В. Ставицкий* (Пенза), вопросы раннесредневековой археологии – *А.Л. Белицкая* (Сыктывкар); *Д.А. Сташенков* и *Н.А. Лифанов* (Самара). Особенностям городской планировки одного из крупнейших городов Волжской Болгарии домонгольского времени Муромского городка посвящен доклад *А.Ф. Кочкиной* (Самара). *А.Ф. Шорин* и *А.А. Шорина* (Екатеринбург) детально проанализировали погребальный инвентарь и морфологические особенности костей двух мужских погребений и соотнесли их со всадничеством. Технологии изготовления и анализу отдельных категорий предметов посвящены выступления *О.С. Белявской* (Крапачевой) (Уфа); *Ю.А. Подосёновой* (Пермь); *А.Ф. Мельничука* и *А.А. Ракшина* (Пермь). В докладе *Ю.А. Семыкина* (Ульяновск) дана характеристика древнего и средневекового центра металлургии железа в Ундоровской курортной зоне, где в последнее десятилетие выявлены и археологически исследуются месторождения железных руд сидеритового типа. *А.Н. Сарапулов* (Пермь) представил реконструкции различных способов рыбной ловли в Пермском Предуралье на основе археологических и этнографических данных. *А.С. Зеленков* и *Е.А. Третьяков* (Тюмень) ознакомили с опытом типологии шнуровой керамики юдинской культуры

лесостепного Зауралья, основанным на методах индуктивной статистики (кластерный, факторный и дискриминантный анализы). Вопросам археологии и истории погребальных памятников нового времени посвящены доклады *С.А. Перевозчиковой* (Ижевск); *В.Я. Темплинга* и *И.В. Усачевой* (Тюмень). Отдельный тематический блок составили антропологические доклады. *И.Р. Газимзянов* (Казань) и *А.А. Хохлов* (Самара) дали характеристику средневекового населения Самарского Поволжья по материалам Малорязанского некрополя второй половины XIII–XIV в. *Н.Г. Брюхова* (Пермь) проанализировала материалы Плотниковского могильника XIII–XV вв. *А.Ю. Мефодьева* (Самара) рассмотрела отдельные аспекты здоровья населения Самары по антропологическим материалам Всесвятского некрополя.

На секции истории и теории археологии было заслушано пять докладов. Общетеоретический характер носило выступление *О.М. Мельниковой* (Ижевск). В нем рассматривались механизмы сохранения в обществе памяти об археологических памятниках и участии профессионального научного сообщества в конструировании образов исторической памяти. Истории археологического исследования памятников бассейна Дона в первой половине XX в. посвящены доклады А.*Н. Бессуднова* (Липецк) и *Е.Ю. Захаровой* (Воронеж). Об истории уральских археологических школьных конференций (1988–2018 гг.) рассказали *А.В.* и *О.В. Непомнящие* (Полевской) и *С.В. Марков* (Челябинск). Авторы призвали участников УАС к активной работе со школьниками. В выступлении *Ф.Н. Петрова* (Челябинск) рассматривались четыре стратегии популяризации археологического наследия на примере Челябинской области.

После окончания работы секций был организован круглый стол “Проблемы сохранения археологического наследия Волго-Уралья в свете новых изменений в законодательстве”. Тон обсуждению задало выступление *Г.А. Степановой* (Ижевск), поделившейся своим опытом проведения историко-культурной экспертизы и ее реализации в производственной и законодательной практике. Особое внимание в выступлениях было уделено изменениям в законодательной базе, связанным с проведением историко-культурной экспертизы. Участники круглого стола единодушно поддержали мнение о необходимости сохранения обязательной историко-культурной экспертизы при проведении работ, связанных с масштабным освоением земельных участков.

Участники заседаний отметили ряд тенденций, проявившихся при проведении XXI УАС: увеличение количества докладов на секции каменного века и заметное сокращение – по средневековью (в связи с финансовыми причинами, отсутствием координации в организации крупных региональных и всероссийских конференций по средневековой тематике). При обсуждении докладов на секциях раннего железного века и средневековья отмечена малая доля исследовательских археологических работ на поселениях. Позитивная черта – почти половину выступавших на секции каменного века составили молодые ученые, аспиранты и магистранты.

Участники конференции познакомились с основной экспозицией СОИКМ им. П.В. Алабина, в том числе с новой экспозицией по археологии, а также с археологическими материалами из фондов музея и археологической лаборатории СГСПУ. Работа УАС широко освещалась в средствах массовой информации региона.

Самарский государственный социально-педагогический университет — *А.А. Выборнов, В.Н. Мышкин, М.А. Турецкий*

Самарский национальный исследовательский университет — *С.Э. Зубов*

Самарский областной историко-краеведческий музей — *А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков*

Институт археологии РАН, Москва — *С.В. Кузьминых*

РАСПАД ИМПЕРИЙ И СУДЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИИ В ГОСЛАРЕ

19–22 марта 2019 г. в Германии в городе Гослар состоялась Международная научная конференция “Europäische Archäologie am Wendepunkt der Epochen (1918 – Ende der 1920er Jahre): Von der nationalen Idee zur nationalen Wissenschaft”. Инициатором ее проведения выступали Германский археологический институт и Институт археологии РАН. Тема научной встречи была выбрана не случайно. С одной стороны, она продолжает начатые ранее исследования в сфере международных археологических контактов[1] и влияния политики европейских государств на археологическое знание, с другой – фокусирует внимание на вопросах, имеющих острую общественную значимость и интеллектуальную злободневность.

Организаторы конференции выбрали отправной точкой для обсуждения 1918 год. Первая мировая война ознаменовалась не только глубокими политическими потрясениями и перекройкой границ в Европе и на Ближнем Востоке. Она резко изменила интеллектуальную инфраструктуру, статус ученого и научного знания. Распад Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской империй предопределил создание национальных научных школ, которые оказались включенными в процессы образования новых государств и конструирования их идентичностей. Пожалуй, как никогда прежде, археология оказалась вплетена в общественно-политический контекст. Разумеется, чтобы разобраться в этих

[1] Конференции “Геро фон Мергарт. Немецкий археолог в Сибири в 1914–1921 гг.”, Марбург-на-Ланне, Германия, 2009 г.; “Немецкие имена в российской науке: археология и этнография”, Екатеринбург, Россия, 2014 г.; “Геро фон Мергарт. Археологи в Первую мировую войну”, Инсбрук, Австрия, 2016 г.

сложных процессах, требуется обратиться к предшествующим периодам, а потому прозвучавшие доклады не были строго привязаны к вынесенной в название конференции эпохе.

Участниками научной встречи стали ученые из Германии, России, Австрии, Венгрии, Латвии, Украины и Румынии. Это позволило дать широкий географический срез, показать особенности развития национальных археологических школ, сравнить их специфику. Тем самым стало возможным взглянуть на развитие археологического знания в транснациональной ретроспективе.

Город Гослар за пределами Германии известен не всякому, между тем он в числе главных исторических городов страны. Именно здесь располагалась одна из ставок императора Священной Римской империи. Об эпохе средневекового величия сегодня напоминает прекрасно сохранившийся императорский дворец – "кайзерпфальц". Местом проведения заседаний был избран уникальный исторический объект – музей рудника Раммельсберг, вместе с историческим центром Гослара включенный в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Здесь на протяжении тысячи лет велась добыча полиметаллических руд, а в истории рудника нашли отражение сложные взаимодействия человека и природы, власти и общества, экономики и технологий.

Этим вопросам был посвящен доклад директора музея Раммельсберг *Г. Ленца* (*Gerhard Lenz*), открывшего заседание. Он отметил, что в начале XX в. технические новации позволили рационализировать добычу за счет внедрения электрификации. Но процесс обогащения руды оставался технически несовершенным. Потому во время мирового экономического кризиса 1920-х годов был поставлен вопрос о закрытии рудника из-за его неэффективности. Пришедшие к власти нацисты попытались реализовать здесь свои идеологические цели, добившись кредитов на модернизацию (120 млн евро в современном исчислении). Их стремления трудно признать экономически эффективными, но они полностью вписывались в идеологию самообеспечения. Примечательно, что производственные корпуса были перестроены в духе национал-социалистической эстетики. Лишь после Второй мировой войны было принято решение о музеефикации объекта.

Доклад *Б. Говедарицы* (*Blagoje Govedarica*) (Берлин) обрисовывал развитие археологических знаний в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Автор подчеркнул утопизм идеи югославизма, стремившейся сшить из лоскутного одеяла балканских славян единое государство. Археологии в этом процессе отводилась особая роль, поскольку она служила одним из обоснований новой идентичности. На западе и северо-западе страны уровень развития интеллектуальной инфраструктуры был довольно высок. Его поддерживала сеть музеев, среди которых особо выделялся музей в Сплите, неразрывно связанный с Фране Буличем. В Хорватии и Далмации была отлажена работа служб по охране памятников (Йосип Бруншмидт). В Сербии и Черногории едва ли не единственным центром археологической науки был Белград. Говедарица подробно остановился на деятельности Милое Васича (вел систематические исследования поселения Винча – Бело брдо), отметил введение им в полевую практику новых методов раскопок, указал и на его ошибки. Васич считал Винчу ионической колонией, тогда как в действительности памятник являлся неолитическим поселением. Отмечена также деятельность Николы Вулича и Миодрага Грбича. Последний был учеником Любора Нидерле и прославился раскопками в Старчево.

А.О. Наглер (*Anatoli Nagler*) (Берлин) и *Е.В. Детлова* (Красноярск) привлекли внимание к истории возникновения и развития научной школы Геро фон Мергарта. Они отметили, что ее становление проходило в условиях глубоких исторических трансформаций. Нахождение Мергарта в Красноярске, в русском плену в годы Первой мировой войны, определило сибирский вектор его исследований – именно там сформировались его научные интересы. Австрийский ученый убедился, что преистория не изолирована, не может быть замкнута в национальных рамках, а потому для ее осмысления нужны совместные усилия ученых разных стран. Так было положено начало единственной в Европе того времени интернациональной научной школе в университете Марбурга. При этом авторы показали, что Мергарту пришлось пожертвовать статусом ученого в пользу статуса педагога, но это позволило закрепить интеллектуальное влияние школы в разных частях Европы и сформировать особую сетевую структуру.

С.В. Палиенко (Киев) рассказал об институциональном развитии археологии в Советской Украине в 1920-е годы, показал особенности этого процесса в центре и на местах (Киев, Харьков, Одесса) и отметил сильное воздействие политического контекста на научную жизнь. Еще в годы Гражданской войны нестабильность власти прямо влияла на охрану памятников. Большевики создали Всеукраинский комитет охраны памятников искусства и старины, который был закрыт перед наступлением А.И. Деникина, но затем создан снова. Среди негативных факторов, тормозивших развитие археологической науки, Палиенко назвал частые реорганизации и бюрократизацию. Достижения тех лет были в значительной мере стерты репрессиями 1930-х годов.

И. Фодор (*István Fodor*) (Будапешт) показал, что научное поле Габсбургской империи было многомерным, а потому не существовало единой австро-венгерской археологии. В Венгрии центром археологии был Национальный музей, основанный в 1802 г., именно туда попадали лучшие находки. В 1834 г. в районе Кечкемета был найден первый памятник древних венгров – захоронение с конем. В 1895 г. Гёза Надь указал, что в этом могильнике захоронены не только древние венгры. Это усилило интерес к эпохе Великого переселения народов в ее многомерности и сложности. Но археология долгое время оставалась исключительно любительским делом. К концу XIX в. в каждом из 48 округов (комитатов) существовали общества любителей истории и археологии. Гимназические учителя знали латынь и греческий, а потому могли читать источники и эпиграфические памятники. Почти все эти общества прекратили существование после падения империи и перекройки границ. Показательна печальная история Музея археологии при университете в Колошваре. Он был создан в 1859 г., стал одним из важнейших центров по изучению древностей. Но в 1918 г., когда город был отдан Румынии и переименован в Клуж, университет был закрыт. Археолог Бела Пошта умер от инфаркта в тот момент, когда в университет пришли румынские солдаты. Среди важных фигур венгерской археологии были названы имена Андраша Альфёльди (идентифицировал гуннские находки, прежде приписываемые аварам) и Нандора Феттиха (создал надежную хронологию эпохи Великого переселения народов). Их судьбы также отражали драматические перипетии исторических процессов XX в.

К. Тойне-Фогт (*Claudia Theune-Vogt*) (Вена) остановилась на развитии археологии в межвоенной Австрии, уделив особое внимание воздействию на нее политики и идеологии. Главным центром археологической науки являлась

Вена, но заметны были также Инсбрук и Грац. Она отметила, что одним из отягчающих факторов интеллектуальной жизни той поры был антисемитизм. После смерти Морица Гёрнеса центральной фигурой в археологии стал Освальд Менгин, который поддерживал идеи национал-социализма. При его участии 2200 студентов-евреев были отчислены из университета. Еще до аншлюса Менгин не скрывал германофильских убеждений, что отражалось в названиях его работ (сборник "Дух и кровь"). Ему вторил Эдуард Бенингер – один из организаторов выставки "Восточная марка – германская территория". Рудольф Мух своими работами пытался доказать превосходство арийской расы. Националистически настроенные археологи группировались вокруг объединения "Медвежья берлога".

А. Васкс (*Andreis Vasks*) (Рига) отметил, что становление археологии в межвоенной Латвии происходило не на пустом месте. Еще с царских времен существовали разные общества любителей истории и археологии, в 1896 г. в Риге прошел X Всероссийский археологический съезд. В археологию втягивались представители нарождающейся латышской интеллигенции. Но только с 1920 г. в стране началось создание археологической инфраструктуры, в Этнографическом музее был создан отдел археологии. Первой кафедрой археологии заведовал М. Эберт из Кёнигсберга, затем его сменил приехавший из России Ф.В. Баллод (Балодис). В 1923 г. принят закон об охране памятников и упорядочен регламент раскопок. С этого времени латвийская археология была направлена в современное русло. Поначалу раскопки имели эпизодический характер, к ним привлекались школьные учителя и ученики, поскольку не хватало профессиональных кадров. Создавались школьные музеи. Главным образом изучались могильники железного века. Среди поселенческих памятников наиболее значительные исследования проведены на городище Танискалнс в 1927 г. Важную роль играли контакты с исследователями соседних стран (А.М. Тальгрен, Б. Нерман, А.А. Спицын, В.А. Городцов и др.). С конца 1920-х годов начались стажировки латвийских археологов за границей. В 1930 г. в Риге состоялся II Конгресс балтийских археологов. В 1929 г. начал издаваться журнал "Senatne", но из-за разразившегося экономического кризиса вышло только два номера. В докладе отмечено, что основная проблематика латышских археологов была связана с культурно-исторической антропологией и этнической историей (балтийские племена в древности и средневековье).

Х. Хассманн (*Henning Hassmann*) (Ганновер) коснулся развития доисторической археологии в Германии в конце XIX – начале XX в. В это время обостряется вопрос о немецкой идентичности – она выходит на первый план в научных исследованиях. Именно на этой почве вырастают идеи Густава Коссинны. Археология должна была доказать территориальные притязания Германии, наука пассивно или активно закрепляла идеологию крови и почвы. Вместе с тем германская археология не была единой ни идейно, ни структурно. Показательно, что не существовало единого законодательства об охране памятников. Вместе с тем особую роль в деле их сохранения играли большие музеи.

Два доклада были посвящены развитию археологии в столицах России. *С.В. Кузьминых* и *И.В. Белозёрова* (Москва) обрисовали научную инфраструктуру московской археологии перед революцией и в 1920-е годы. Сама по себе смена власти в октябре 1917 г. не была катастрофой. Главнейшим лейтмотивом деятельности ученых тех лет являлось сбережение традиций русской науки и культуры. Основные силы археологов Москвы были сосредоточены в Историческом музее, Институте археологии и искусствознания РАНИОН, Московской секции РАИМК–ГАИМК, Институте и Музее антропологии 1-го МГУ. Важнейшую роль в текущей деятельности московских археологов в 1920-е годы играло сотрудничество с Археологическим подотделом Музейного отдела НКП РСФСР. Связующим звеном во взаимодействии данных учреждений был В.А. Городцов. Его пост руководителя Археологического подотдела фактически был сродни должности "государственного" археолога страны. Административная, педагогическая и музейная деятельность Городцова в те годы сыграла ключевую роль в судьбах не только московской, но и советской археологии в целом. Ему удалось влить свежую кровь в плохо структурированную и разношерстную среду археологов Москвы. В 1-м МГУ он выпестовал несколько выпусков талантливой и работящей молодежи. Они пришли на работу в ГИМ, Институт и Музей антропологии МГУ, другие музеи страны. Многие из них стали аспирантами и сотрудниками ИАИ РАНИОН, а в дальнейшем составили костяк МО ГАИМК–ИИМК.

И.Л. Тихонов (Санкт-Петербург) рассказал о положении археологии в Петрограде, отметив заметные кадровые потери среди ученых в послереволюционные годы. В Петрограде, в отличие от Москвы, не было единого центра археологии и единого лидера – археология была полицентрична. Особую роль в ее развитии играл личностный фактор. Так, один из руководителей ГАИМК Б.В. Фармаковский был с детства знаком с В.И. Лениным, что обеспечивало РАИМК–ГАИМК определенный патронаж. В составе Академии был создан Институт археологической технологии, привлекший к работе ученых-естественников. В 1927 г. прошла эллино-скифская выставка в Эрмитаже, одним из создателей которой стал Г.И. Боровка. Это была первая комплексная выставка, построенная на принципах историзма. Достижения в науке в тот период были связаны исключительно с инициативами самих археологов. Национализм мог проявляться в национальных образованиях СССР, а среди русских археологов он скорее подавлялся под флагом борьбы с "великодержавным шовинизмом".

М.В. Ковалев (Москва) обратился к сообществу русских археологов, оказавшихся в эмиграции. Он показал специфику развития разных научных центров, остановился на деятельности Археологического института имени Н.П. Кондакова, Русского археологического общества в Югославии, Общества по изучению Маньчжурского края и др., а также ряда персон. Отмечено, что главной особенностью русской археологии за границей была практически полная невозможность организации раскопок, оторванность от прежнего изучаемого материала, что предопределило для многих ученых уход из активной научной работы. Вместе с тем в эмиграции продолжался международный интеллектуальный диалог – свидетельством тому контакты русских эмигрантов с Э. Миннзом, А.М. Тальгреном, Н. Феттихом и др.

К.А. Руденко (Казань) остановился на особенностях развития провинциальной археологии в России. На примере Казани он обрисовал исторические предпосылки археологических исследований в этом городе, особо коснулся роли университета и двух его научных обществ – естествоиспытателей и археологии, истории, этнографии. Важным стимулирующим мотивом развития местной археологии стало начало раскопок Болгара. В 1890 г. была составлена первая археологическая карта Казанской губернии. В 1920-е годы главное внимание было обращено на изучение памятников булгаро-татарской культуры.

В докладе *Д.В. Серых* (Санкт-Петербург) и *С.П. Щавелёва* (Курск) продолжился разговор об археологических

организациях в российской провинции. Было показано, что серьезные раскопки чаще всего проводились столичными учеными, так как на местах не хватало профессионалов. Научные выводы часто делались по случайным находкам. Централизация науки в 1920-е годы дала возможность объединить усилия столичных и провинциальных ученых. Происходило перемещение в регионы московской и петроградской интеллигенции, на местах возникали университеты. Реформы советского времени авторы, тем не менее, признают негативными. В науку приходит "отряд дилетантов". Развитие краеведческого движения во многом происходило вопреки политике государства. Для его судеб крайне негативные последствия сыграли репрессии против краеведов.

С. Хансен (*Svend Hansen*) (Берлин) осветил борьбу за власть и авторитет в археологии между крупнейшими фигурами германской археологии начала XX в. Г. Коссинной и К. Шухардтом. История эта часто понималась превратно, как борьба "хорошего" и "плохого" праисториков. Личность Шухардта пока недостаточно изучена. Основным источником является его автобиография, написанная в возрасте 80 лет. Он начинал раскопки на Трояновом вале в Молдавии, затем работал в Пергаме. Хансен показал, что идейное противостояние было довольно сложным и прямолинейным: оно отражало состояние германской археологии того времени, демонстрировало конкуренцию и различные течения внутри научного сообщества.

В продолжение данной темы *С. Бурмейстер* (*Stefan Burmeister*) (Брамше-Калькризе) показал, что уже современники критиковали Коссинну, тем не менее его учение прочно утвердилось. Хорошо известно, что концепция Коссинны увязывала конкретную территорию с конкретным народом. Автор доклада поставил целью изучить духовные корни этой археологии и пришел к выводу, что уже для своего времени она не была оригинальной. Истоки ее видятся в глубинах истории, в разобщенности немецкого народа и попытках интеллектуалов собрать его воедино. Отсюда рецепции "Германии" Тацита, влияние идей просветителей, общественное движение 1830–1840-х годов, национальная унификация 1870-х годов. Потому "национальная наука" Коссинны вырастала на подготовленной почве.

И. Оприс (*Ioan Opris*) (Бухарест) коснулся вопросов развития археологии в Румынии на рубеже XIX–XX вв. Его внимание привлекла деятельность Александра Одонеску – первого профессионального археолога в Университете Бухареста. Другой важной фигурой стал Григорий Тучелеску, проводивший раскопки в Добрудже. Он пропагандировал латинское происхождение румын. Таким образом, в развитии румынской археологии тесно увязывались проблемы конструирования национальной и исторической идентичности и научные поиски.

В ходе обсуждений поднимались вопросы, важные не только для осмысления истории археологии, но и дня сегодняшнего. Б. Говедарица подчеркнул, что в 1920-е годы археология стала национальным проектом, и задался вопросом: можно ли было этого избежать? Понятно, что развал империй и обретение самостоятельности народами Восточной Европы предопределили национальный характер археологий. Но даже в современном мире археология часто "национализируется", причем велика в этом процессе негативная роль средств массовой информации. Вторя коллеге, С.В. Палиенко отметил, что на Украине, по сути, происходит воскрешение идей Коссинны, общественная и политическая среда продолжает влиять на археологию. А. Наглер заметил, что 1918 год можно считать важной датой в истории археологической науки. Это было время рождения современной археологии, но одновременно она стала служанкой национализма. Ученое сообщество в ту пору отнеслось к этому некритически. Потому и сегодня возрождаются националистические мифы, например на Кавказе. Процессы эти страшны тем, что в итоге ведут к крови. Современная археология прикладывает мало усилий для борьбы с этими опасными явлениями. Археологи должны ответственнее относиться к тому, что они делают. Поддержав эти высказывания, Палиенко заметил, что особенно пугает то, что современные националистически мыслящие археологи искренне верят в правильность своих идей и поступков. К. Тойне-Фогт с оптимизмом заметила, что у археологии не бывает простых интерпретаций, но современное общество способно понимать сложные проблемы. И. Фодор выразил мысль, что сегодня происходит возврат к старым националистическим моделям археологии, которые даже в пору господства коммунистической власти обычно пресекались. Он считает, что остановить националистическую пропаганду – не в силах ученого сообщества, но помогать, потакать этой пропаганде нельзя. Нужна популяризация настоящей науки, что крайне непросто в силу разрушения или переформатирования научной инфраструктуры. В сегодняшней Венгрии идет процесс лишения реальных прав Академии наук. Гуманитарные науки способны противостоять авторитаризму, а потому их отодвигают на второй план. Вместо этого торжествует псевдонаука или идеология, часто поддерживаемая властью. В качестве примера он привел принятие венгерского премьер-министра Виктора Орбана в Тюркскую академию. Х. Хассманн заметил, что все же не журналисты, а археологи создают мифы. Мифотворчество межвоенного времени он объяснил относительно слабым развитием археологии. И.Л. Тихонов отметил, что 1920-е годы стали временем резкого обострения националистических тенденций в археологии. У политиков всегда был, есть и будет социальный заказ, они всегда будут апеллировать к археологии. Однако и сами ученые нередко готовы включаться в эту игру. Трудно, наверное, найти бóльших антиподов, чем Г. Коссинна и Б.А. Рыбаков. Но советский академик в своих построениях руководствовался тем же самым ретроспективным методом. И глядя в прошлое, нужно признать, что сегодня как никогда важны научная честность и ответственность.

Подводя итог, участники конференции выразили признательность и благодарность Германскому археологическому институту, Институту археологии РАН и музею Раммельсберга за организацию встречи, отметили важность обсуждаемых проблем для современной археологии и высказали пожелание продолжить диалог о судьбах европейской археологии в предвоенное десятилетие. Евроазиатский отдел поддержал предложение по изданию материалов конференции в одном из ближайших выпусков альманаха "Eurasia Antiqua".

Красноярский краевой краеведческий музей *Е.В. Детлова*

Институт всеобщей истории РАН, Архив РАН, Москва *М.В. Ковалев*

Институт археологии РАН, Москва *С.В. Кузьминых*

Германский археологический институт, Евроазиатский отдел *А.О. Наглер*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 192–193

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ATTILA’S EUROPE? STRUCTURAL TRANSFORMATION AND STRATEGIES OF SUCCESS IN THE EUROPEAN HUN PERIOD” (Будапешт, 2019 г.)

6–8 июня 2019 г. в Будапеште проходила международная конференция, посвященная археологии Европы гуннского периода. Организаторами данного мероприятия выступили Венгерский национальный музей (Magyar Nemzeti Múzeum) и Будапештский университет им. Лоранда Этвёша (Eötvös Loránd Tudományegyetem). Заседания проходили попеременно в залах этих двух учреждений. В них приняли участие 74 специалиста из 13 европейских государств – Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Ирландии, Польши, Португалии, России, Румынии, Сербии, Словении, Хорватии, Чехии – и США.

6 июня работу конференции открыло выступление генерального директора Венгерского национального музея *Б. Варги*, который поприветствовал собравшихся и подчеркнул важность археологических материалов эпохи Великого переселения народов в изучении прошлого всех европейских стран. Далее открылась работа секции “Встреча цивилизаций” (“Encounter of Civilizations”) под председательством *В. Кульчар* (Сегед). С докладом, посвященным направлениям и хронологии культурных влияний на восточной окраине Барбарикума в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов, выступила *Н. Биркина* (Москва) в соавторстве с *И. Ахмедовым* (Санкт-Петербург). Продолжил тему восточных древностей в рассматриваемый период *А. Строков* (Москва), представивший богатые материалы из двухкамерных земляных склепов гуннской эпохи, обнаруженных на территории Боспорского царства. *А. Зеленков*, в соавторстве с *Н. Матвеевой* (Тюмень), познакомил аудиторию с влиянием кочевнических культур на население Западной Сибири в гуннское время. Завершил заседание секции полемический доклад *К. фон Карнапа-Борнхайма* (Шлезвиг), посвященный критике гипотезы Л. Хедеагер о гуннском влиянии на культуру скандинавского населения в эпоху Аттилы.

Секция “Региональные траектории” (“Regional Trajectories”), проходившая под председательством К. фон Карнапа-Борнхайма, открылась докладом *Д. Коробова* (Москва) о системе обитания северокавказских алан в гуннскую эпоху. *Ж. Машек* (Будапешт) представила хронологический анализ керамических материалов с сарматских поселений V в. н.э., расположенных в центре державы гуннов. Сообщение о погребениях позднеантичного могильника в Цибале (Cibalae) на территории современной Хорватии, подготовленное *Х. Вулич* и *А. Рапан Папеша* (Винковци), было зачитано *Ж. Хайнал* (Будапешт). *М. Гаджиев* (Махачкала) сделал обзор письменных источников и археологических данных о Царстве маскутов в Приморском Дагестане.

Т. Милавец (Любляна) познакомила присутствующих с данными об изменениях поселенческой структуры, связанной с укрепленными поселениями, расположенными вдоль дороги между Петовио в Словении и Аквилеей в Италии в гуннское время. *Э. Шош* (Печ) поставила вопрос о смене населения на германских территориях в верховьях Тисы в IV–V вв. н.э. В докладе *Ж. Мрава* (Будапешт) были проанализированы фрагменты позолоченных серебряных седельных накладок и находки черепа коня из рва недостроенной позднеримской крепости, найденных в Барбарикуме недалеко от лимеса и датированных гуннским временем. Завершил заседание секции доклад *О. Ланг* (Будапешт), посвященный вопросу об отсутствии следов проживания гуннов на территории римского города Аквинкум во времена Аттилы.

Далее участники конференции смогли ознакомиться с постерами, подготовленными к заседанию, и обсудить в свободной форме представленные материалы. Постерные доклады в основном касались новых археологических комплексов гуннского времени, обнаруженных в последние годы на территории Венгрии в окрестностях оз. Балатон, в междуречье Дуная и Тисы и в других местах, в том числе в Дебрецене, где в ровике, окружавшем сарматское погребение, были обнаружены остатки деревянной чаши с классическими элементами конской сбруи и предметами вооружения гуннского времени. Были представлены новые находки эпохи Аттилы с территории Сербии и Чехии. Серия постеров была посвящена результатам мультидисциплинарных исследований предметов, найденных в 2016 г. недалеко от Будапешта возле д. Телки (Telki), включавших исключительно богатый конский и портупейный набор с орнаментом в стиле перегородчатой инкрустации (“*cloisonné*”) середины V в. н.э.

Работа конференции продолжилась 7 июня и открылась лекцией “Паннония и гунны”, прочитанной *Т. Видой* (Будапешт), который представил широкий обзор археологических материалов из варварских захоронений гуннского времени с территории римской провинции Паннония.

После этого выступления начала работу секция “Жизнь людей” (“People’s Lives”), председателем которой выступил *В. Иванишевич* (Белград). Два первых доклада данного заседания были посвящены рассмотрению обряда деформации черепов. Генетические аспекты погребенных с деформированными черепами из могильника Осиек (Osijek) в Восточной Хорватии рассматривались в коллективном докладе археологов, антропологов и палеогенетиков из Ирландии, Португалии, США и Хорватии, который представил *М. Новак* (Вена, Загреб). Доклад *А. Михаци-Палфи* (Будапешт) был посвящен более общим вопросам поиска истоков данного обычая, которые автор видит в семейных традициях некоторых варварских кланов гуннской эпохи.

Широкий критический обзор древностей гуннской эпохи с территории предполагаемой ставки Аттилы, расположенной

на юге Великой Венгерской равнины, был сделан В. Кульчар совместно с *Э. Иштванович* (Ньиредьхаза). В следующем обзорном коллективном докладе, представленном *Ж. Рац* (Будапешт), были рассмотрены антропологические материалы раннего этапа эпохи Великого переселения народов с территории Венгрии. Завершило работу данной секции сообщение *А. Добоша*, подготовленное совместно с *С. Галом* (Тыргу Муреш), посвященное археологическому и антропологическому анализу материала погребения V в. н.э. с территории области Муреш в Трансильвании.

Заседание секции “Власть и общество” (“Power and Communication”) прошло под председательством *А.Б. Тот* (Сегед). Его открыл доклад *И. Бугарского* (Белград) с обзором немногочисленных погребений второй половины V в. н.э. с территории римского лимеса на Центральных Балканах, прежде всего городов Виминациума и Сингидунума. “Княжеское” захоронение из Якушовиц (Jakuszowice) в Западной Польше, обнаруженное в 1911 г., было детально проанализировано с точки зрения погребального обряда и инвентаря в сообщении *Ю. Роджиньской-Новак* (Краков). Оригинальную и весьма дискуссионную теорию о широком распространении культурных инноваций по обширной территории Центральной Евразии в раннем средневековье за счет кочевников, контролировавших главные торговые пути, предложил *Б. Гуйяш* (Будапешт). В. Иванишевич представил подробный статистический и пространственный анализ динамики циркуляции римских золотых солидов на территории провинции Мёзия Прима и в Барбарикуме в течение V в.

В докладе коллектива из Будапешта, прочитанном *Э. Хорват* (Будапешт), были показаны преимущества современного мультидисциплинарного анализа состава цветных металлов и гранатов двупластинчатых фибул и пряжек из богатого захоронения в Регёй-Пензешдомб (Regöly-Pénzesdomb) в Венгрии. Богатые женские погребения V в. с территории Среднего Дуная всесторонне проанализированы в докладе Ж. Рац. В заключение *Г. Сенте* (Будапешт) познакомил аудиторию с материалами из вышеупомянутого богатого комплекса предметов, обнаруженных близ д. Телки у Будапешта.

Заключительный день заседаний 8 июня открылся в Венгерском национальном музее лекцией “Гуннское время в бассейне Нижнего Дуная”, подготовленной *Р. Хархою* (Бухарест) и прочитанной Т. Видой. Секция “Биография предметов” (“Object Biographies”), посвященная детальному анализу объектов материальной культуры гуннского времени, проходила под председательством Д. Коробова. Первый доклад содержал подробную характеристику четырех брошей из клада Петроасы (Pietroasa), предложенную *Р. Оанца-Маргиту* (Бухарест). *П. Шомоди* (Саттайнс) высказал критический взгляд на так называемые монеты Аттилы, представляющие собой разновременные имитации римских солидов. В совместном докладе Ж. Хайнал с *Я.Г. Одором* (Сексард) был представлен новый комплекс гуннской эпохи, найденный в 2008–2009 гг. возле Диошйенё (Diósjenő) в Северной Венгрии и включавший ряд уникальных золотых предметов. Дискуссии вокруг подлинности так называемых фибул кавказской серии из коллекции университета в Дебрецене был посвящен доклад А.Б. Тот.

Доклад, представленный *В.-А. Лазареску* (Клуж-Напока) в соавторстве с *А.Д. Софикару* (Саутгемптон), был посвящен сложной проблеме этнической интерпретации археологических данных эпохи Великого переселения народов на материалах многочисленных захоронений черняховской культуры (Sântana de Mureș) с территории Нижнего Дуная. Этим единственным докладом, прозвучавшим в рамках секции “Вне этничности” (“Beyond Ethnicity”), завершилась работа конференции.

Итоги этой трехдневной работы, объединившей 33 устных и 11 постерных докладов, были подведены В. Кульчар. Слушателям была представлена внушительная панорама событий, происходивших на широких евразийских просторах от Западной Сибири до Центральной Европы. Аудитория смогла познакомиться с разнообразными поселенческими и погребальными древностями, проанализированными на современном уровне с помощью самых разных методов и подходов, включая комплексный анализ антропологии, ДНК, материалов изготовления украшений. Особое внимание уделялось глубоким изменениям в системе расселения на территории римских провинций и Барбарикума, этническим интерпретациям и элитарной культуре гуннской эпохи, хронологии и нумизматике. Большой интерес вызвал ввод в научный оборот новейших находок гуннского периода, потрясающих своим богатством и имеющих широкие евразийские аналогии, таких как комплекс из Телки. В завершение присутствующие поблагодарили аплодисментами организаторов конференции Ж. Рац и Г. Сенте, которые выразили надежду на продолжение дальнейшего плодотворного общения ученых – специалистов по эпохе Великого переселения народов – в области изучения эпохи Аттилы.

Институт археологии РАН, Москва, Россия *Коробов Д.С.*

Сегедский университет, Венгрия *Кульчар В.*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2020, № 1, с. 194–195

ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ БАРАН (9.08.1927–5.11.2019)

5 ноября 2019 г. умер Владимир Данилович Баран – замечательный украинский ученый, археолог-славист, имеющий мировую известность, автор раскопок ряда памятников, остающихся в "золотом фонде" славянской археологии, создатель теории о формировании одного из важнейших очагов раннеславянской культуры в Верхнем и Среднем Поднестровье и других концепций, получивших признание среди широкого круга специалистов.

В.Д. Баран родился 9 августа 1927 г. в с. Демьянов (ныне в составе Галичского района Ивано-Франковской области Украины), в 1950 г. закончил исторический факультет Львовского педагогического института. Затем работал в ряде научных учреждений во Львове, в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию "Поселение первой половины I тыс. н.э. у с. Черепин Львовской области", вскоре опубликованную в виде книги (Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961). С 1969 г. работал в Киеве: до 1974 г. – заместителем директора Института археологии АН УССР (с 2001 г. – НАН Украины), в 1974–2002 гг. – заведующим отделом археологии ранних славян и в 2002–2010 гг. – главным научным сотрудником этого института. Кроме того, в 1994–2003 гг. он был заведующим отделом этнологии, а с 2004 г. – ведущим научным сотрудником НИИ украиноведения Министерства просвещения и науки Украины. В 1973 г. В.Д. Баран защитил докторскую диссертацию "Древние славяне между Днестром и Припятью" и получил звание профессора. В 1995 г. избран членом-корреспондентом Национальной Академии наук Украины. Неоднократно читал курсы лекций в Львовском и Киевском университетах.

Владимир Данилович принадлежит поколению специалистов по раннеславянской археологии, ставшему для молодых ученых уже "эпическим". В Москве яркие представители этого "страта" – Валентин Васильевич Седов и Ирина Петровна Русанова. Первая крупная монография В.Д. Барана (Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972) перекликалась с аналогичной работой И.П. Русановой (Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М., 1973), они удачно источниковедчески дополняли друг друга. Вместе с книгой В.В. Седова "Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья" (М., 1970) именно эти исследования, опубликованные в начале 1970-х годов, вскоре дополненные специальными концептуальными и обобщающими трудами, во многом определили новый этап в развитии раннеславянской археологии, на десятилетия обозначив ряд важнейших направлений исследований в этой отрасли славистики.

В.Д. Баран во многом был не согласен и спорил с москвичами (тоже существенно расходившимися во взглядах между собой), но оставался с коллегами в теплых дружеских отношениях. Позволим себе лишь один пример, характеризующий Владимира Даниловича. В конце 1980-х годов И.О. Гавритухин, аспирант И.П. Русановой, поехал для работы с коллекциями с памятников пражской культуры на территории Украины. В Киеве с запиской от научного руководителя он, конечно, направился в В.Д. Барану. Тот, прочитав письмо, спросил, какие коллекции интересуют молодого человека. Выслушав, сказал, что следует посмотреть еще то и то, а также еще неопубликованные те и те коллекции. Тут же стал писать рекомендательные письма и звонить. Через некоторое время, будучи в Киеве, И.О. Гавритухин снова пришел к В.Д. Барану, показал рисунки, рассказал о своих наблюдениях. Тот с чем-то согласился, но в основном – нет (хотя делал себе пометки на листочек), говоря, что надо посмотреть еще такой и такой комплекс, и тогда точно станет понятно, что прав-то он. Опять звонил, писал записки, обеспечивая доступ к материалам. И так несколько раз. Таков был стиль отношения Владимира Даниловича к оппонентам.

Львиная доля упомянутых коллекций, хранящихся в Киеве и Львове, получена в ходе раскопок самого В.Д. Барана. Его полевые исследования, продолжавшиеся практически полвека, были сосредоточены в Верхнем и Среднем Поднестровье, на земле, где он родился, которую очень хорошо знал и любил. Его работы в Рашкове 1–3 (в том числе на поселении 2, крупнейшем полностью раскопанном памятнике пражской культуры в Восточной Европе), Рипневе 2, Демьянове, Бовшеве 1 и 2, Теремцах, Зеленом Гае, Куропатниках и др. стали основой для изучения культур I тыс. н.э. не только в этом регионе, но дали материал, востребованный широким кругом специалистов по римскому времени и раннему Средневековью значительной части Восточной и Центральной Европы. Очень важно, что практически все эти материалы опубликованы. Кроме

упомянутых выше отметим монографии: “Черняхівська культура: (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу)”. К., 1981; “Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у села Рашков)”. Київ, 1988; “Черняхівські поселення басейну Гнилої Липи”. Київ, 2006 (в соавторстве с О.В. Гопкало); “Слов’янське поселення середини I тисячоліття нашої ери біля села Теремці на Дністрі”. Київ, 2008. Материалы поселения Рашков 1 опубликованы сыном Владимира Даниловича – Ярославом (Слов’янська община: (за материалами поселення Рашків I). Київ; Чернівці, 2004).

Детищем Владимира Даниловича, которым он по праву гордился, является отдел археологии ранних славян, организованный им в 1974 г. в киевском Институте археологии и возглавляемый более четверти века. Костяк отдела составили воспитанники разных археологических школ,: как сложившиеся ученые, так и те, кто получил широкое признание специалистов, уже работая в отделе: А.Т. Смиленко, Е.В. Максимов, О.М. Приходнюк, Л.В. Вакуленко, С.П. Пачкова, Б.В. Магомедов, Р.В. Терпиловский, А.Н. Некрасова, Д.Н. Козак. Вскоре в отдел пришли С.П. Юренко и Н.С. Абашина, затем Е.Л. Гороховский и О.В. Гопкало (Бобровская). С 1990-х годов пополнение отдела шло уже за счет учеников его сотрудников.

В отделе царила теплая, даже семейная обстановка. Там охотно принимали с докладами и без них коллег из других городов и стран. Этот сплоченный коллектив стал лидирующим в изучении памятников археологии I–VIII вв. на Украине. Таким образом, в Киеве оформился один из мировых центров исследования культур юга Восточной Европы этого времени. Отметим подготовленные отделом и остающиеся широко востребованными обзоры-обобщения “Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.” (Киев, 1985), “Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период” (Киев, 1990)[1]; более 10 тематических сборников, в которых с удовольствием принимали участие специалисты других научных центров; монографии, статьи, главы в многотомниках по археологии и истории Украины. Плодотворная деятельность этого научного подразделения, долго не имевшего аналогов в Восточной Европе, стала одним из важных аргументов за создание в ИА РАН специальной структуры, занимающейся изучением эпохи Великого переселения народов, – с 2002 г. как группы в рамках отдела славяно-русской археологии, затем в качестве самостоятельного отдела.

Перемены в общественной и политической жизни, нарастающие со второй половины 1980-х годов, не оставили Владимира Даниловича в стороне. Накопленный потенциал крупного археолога-слависта вкупе со стремлением помочь становлению и самоопределению украинского государства воплотились в книгах-обобщениях, ориентированных на широкий круг специалистов и общественности: “Походження слов’ян” (Київ, 1991, в соавторстве с Д.Н. Козаком и Р.В. Терпиловским), “Давні слов’яни” (Київ, 1998), ряде изданий, подготовленных вместе с сыном.

Конечно мы, как и многие археологи и историки, занимающиеся культурами Восточной и Центральной Европы римского времени и раннего Средневековья, будем долго опираться на результаты раскопок и наблюдения В.Д. Барана, соглашаться или спорить с его выводами и концепциями. Эта “научная” память о Владимире Даниловиче для нас неотделима от воспоминаний о нем как о замечательном человеке, нашем старшем коллеге и товарище.

[1] В 1991 г. эта книга получила Государственную премию Украины по науке и технике.

Институт археологии РАН, Москва

И.О. Гавритухин, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова